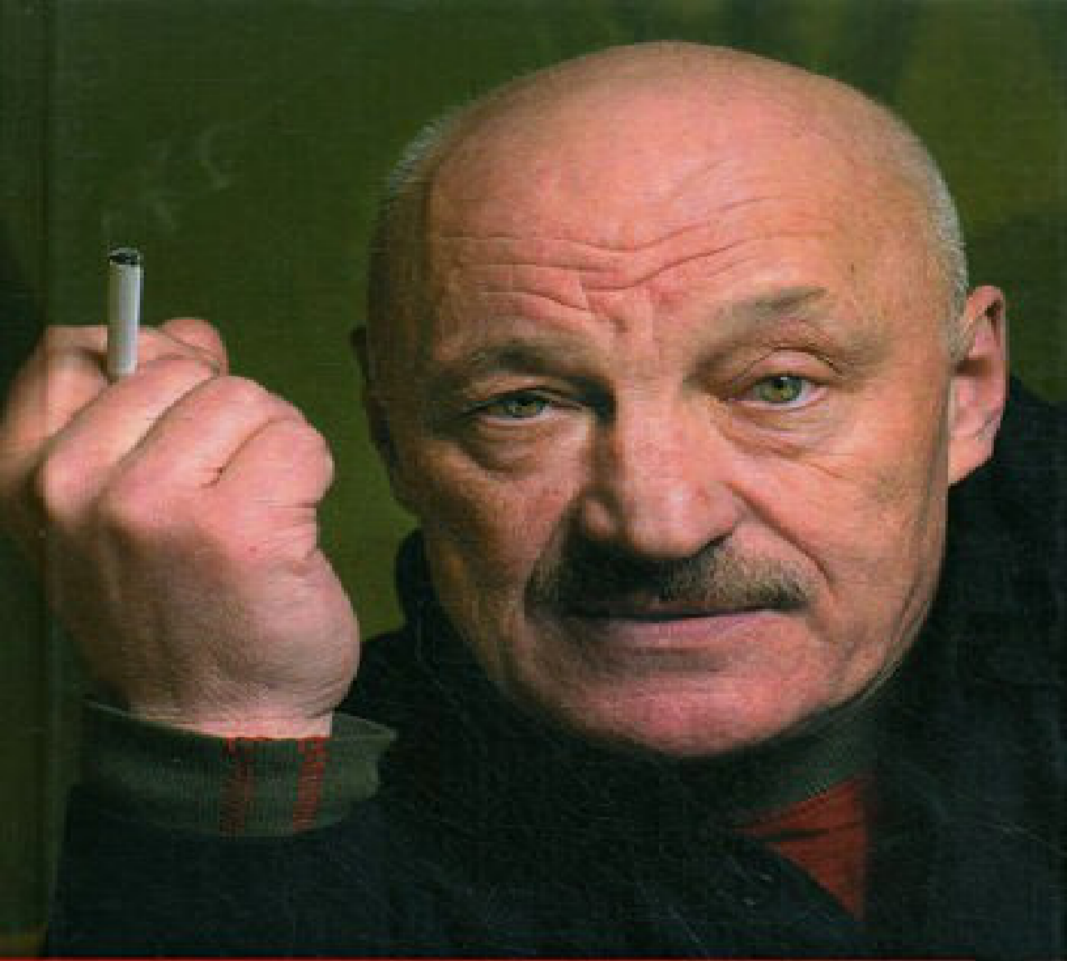


НЕ УЙМУСЬ, НЕ СВИХНУСЬ, НЕ ОГЛОХНУ

Николай ЧИНДЯЙКИН

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Дневник — это особый способ разговаривать: говоришь — и тебя не перебивают, не переспрашивают. Необходимость такого разговора возникает при появлении редкостного счастливого сочетания внешних обстоятельств и внутренних возможностей человека. Когда жизнь дарит окружение талантливых личностей и человек, чувствуя удачу судьбы, воспринимает это не как возможность интересной жизни, а ищет свою роль в данной композиции, осмысливает свое положение. У Николая Чиндяйкина хватило внутреннего такта и благородства *вовремя* понять значение мощных личностей, с которыми довелось ему жить и работать.

Дневник Николая Чиндяйкина — иногда просто хроника, с повседневными наблюдениями, мемуарными вкраплениями, разного рода созерцаниями и зарисовками, но чаще всего «течение ежедневного воображения».

Обрывистые, короткие записи — это состояния, запечатленные на бумаге, важные и случайные, подчас не совсем отчетливые. Но сквозь эти состояния ощущаешь жизнь времени, его ритм.

- ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ
- КНИГА ПЕРВАЯ
  - 1972–1978
    - ОТЕЦ
    - 1972
    - 1973
    - 1974
    - 1975
    - 1976
    - 1977
    - 1978
  - 1979–1989
    - 1979
    - 1980
    - 1981
    - 1982
    - 1983
    - 1984
    - 1985
    - 1986
    - 1987

- 1988
- 1989

- КНИГА ВТОРАЯ
  - 1990
  - 1991
  - 1992
  - 1993
  - 1994
  - 1995–1997
  - 1998–2004
  - СТИХИ
  - КРАТКАЯ БИОГРАФИЯ

Я встал сегодня очень рано
Умылся и открыл окно
И вдруг божественная прана
Как благодатное вино
Собой окутала полмира
Всё небо всю мою квартиру
Внезапной радостью пьяня
Укрыла грешного меня
Как будто Он собственноручно
Наполнил кубок золотой
Я прошептал почти беззвучно
За что мне это Боже мой
И тут из глубины туманной
Услышал шелест райских крыл
Ты встал сегодня очень рано
Умылся и окно открыл

Июнь 2010

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Читая эти записи, которые автор вел на протяжении десятилетий, вспомнилось чье-то тонкое наблюдение, что «любой, даже самый благополучный дневник — хроника борьбы с *несуществованием*». Странно, но чтение такой хроники почему-то придает силы.

Дневник — это особый способ разговаривать: говоришь — и тебя не перебивают, не переспрашивают.

Когда возникает необходимость такого разговора?

Думаю, при появлении редкостного счастливого сочетания обстоятельств и внутренних возможностей человека. Когда жизнь дарит окружение талантливых личностей и человек, чувствуя удачу судьбы, воспринимает это не как возможность интересной жизни, а ищет свою роль в данной композиции, осмысливает свое положение: почему я рядом с ними, для чего и зачем я здесь?

У Николая Чиндяйкина хватило внутреннего такта и благородства *вовремя* понять значение мощных личностей, с которыми довелось ему жить и работать.

Как актер он состоялся в прекрасном коллективе — Омском академическом театре драмы. Его легендарный директор Мигдат Нуртдинович Ханжаров собрал уникальную труппу, аналогов которой я сегодня не вижу. Человек жесткий, подчас суровый, не ведающий компромиссов ради интересов театра, он имел редкий дар: чутье, вкус, уважение к таланту, умел найденный талант развить и оберечь. В созвездии тогдашней труппы особое место занимала жена автора этого дневника — Татьяна Ожигова, актриса трагической судьбы и дарования. Ей было все дано — красота, уникальный талант, любовь. Не дано было одного — жизни. А она хотела жить. Только трагическая актриса может увести за собой зрителя. Потому трагедии сегодня не существует. Нет актеров. Амплуа вымерло. Подлинного ожога со сцены нет. Впрочем, это всколыхнулась и заговорила моя память, задетая прочитанными страницами.

Страницы записей о той поре — не запоздалое признание в любви и благодарности, когда воспоминания перемешаны в голове и автор делает над собой невероятные усилия, чтобы привести повествование в некий порядок. Дневник Николая Чиндяйкина тех лет — иногда просто хроника, с повседневными наблюдениями, мемуарными вкраплениями, разного рода созерцаниями и зарисовками, но чаще всего «течение ежедневного воображения».

Обрывистые, короткие записи — это состояния,

запечатленные на бумаге, важные и случайные, подчас не совсем отчетливые. Так или иначе, но сквозь эти состояния ощущаешь жизнь времени, его ритм.

О дальнейшем вираже судьбы Николая Чиндяйкина многие говорят — *везение, удача.* Хочется возразить — *не только.* Удача редко кого обходит стороной, а вот суметь удачу удержать, сделать своей судьбой — удел немногих.

Дневник учебы у прекрасного педагога Михаила Буткевича, времени служения в театре Анатолия Васильева получился плотным, насыщенным отношениями и человеческими драмами. Что говорить — яркие люди, яркие страсти, сложное время. Чуткий талант всегда включен в болезненные процессы времени, и трудно требовать от человека в этих обстоятельствах сохранения спокойствия и объективности. И здесь была глубинная драма искусства, а не склока. Как заметил один из наших современников, «наше нездоровое время может породить только больные таланты». Сложно и, наверное, не нужно выяснять, какая запись здесь важнее, чья прямая речь звучит убедительнее и отчетливее. Мне данные записи стали интересны тем, что предлагают один из ответов на вопрос, почему слава театра Васильева оказалась столь яркой и краткой.

О зарубежных гастролях театра Анатолия Васильева до сих пор помнят в Европе, и сегодня директора фестивалей интересуются, а что сейчас в театре Васильева. Думаю, описываемый период жизни коллектива знают лучше за рубежом, чем у нас в России.

Я ощутила из повествования автора дневника, что ему посчастливилось сотрудничать с человеком, бросившим почти донкихотский вызов массовой культуре конца XX века с ее принципом серийности, ставкой на стереотипы. Ощутила и силу напряжения человеческих возможностей, когда приходится жить в атмосфере максимализма, требования создания уникальных раритетов. Интересно ли это? Конечно! Всем ли по силам? Конечно — нет!

Но думаю, что не только автор записей сегодня осознает, что всем, кто оказался рядом с Мастером, работал в этом суровом градусе проживания, была подарена возможность понять и раскрыть себя по максимуму.

Когда рухнул «железный занавес», театр Анатолия Васильева стал одним из первых, востребованных за границей. Участники спектаклей открывали для себя мир, еще недавно недосягаемые и неведомые для советского человека города и веси. Заметки Николая Чиндяйкина о гастролях театра отличают наблюдательность и здоровый, сильный интерес к жизни. Вообще

мне подумалось, что автор записей больше дорожит не накопленным мастерством и знаниями, а своими отношениями с жизнью, со временем, в котором живет. Это и делает прочитанный дневник одним из честных документов о театральной жизни в нашей стране.

Записи заканчиваются 2003 годом. Думаю, что автор продолжает вести дневник и сегодня, но это уже совсем другая история.

ЛИДИЯ БОГОВА, лауреат Государственной премии России

КНИГА ПЕРВАЯ

1972–1978

ОТЕЦ

Отец носил «москвичку» темного-темного, глубоко синего цвета. Ультрамариновую, сказал бы я теперь, но тогда я не мог знать такого слова. Коричневый широкий воротник можно было поднять в самые морозные дни так, что он прикрывал уши, доходил до самой шапки.

Такое, как у отца, теплое короткое пальто с четырьмя карманами, ровными, с клапанами-закрылками и косыми ближе к груди, называлось почему то «москвичка». Когда вечером в воскресенье они с мамой собирались в клуб смотреть кино, мама всегда говорила:

— Мить, надень «москвичку».

Без даты

С родителями и сестрой Леной

1972

В Новороссийске с 25 марта. Живем в гостинице «Черноморская» на четвертом этаже. В окно видно кусочек бухты с теплоходами, портовые краны.

Городок окружен невысокими горами со всех сторон. Улицы поразительно чистенькие, аккуратные. Погода временами бывает просто сказочная. И надо же было здесь заболеть! Наверное, простудился на выездном в Анапе. Пришлось срочно вызывать другого артиста из Ростова играть «Старшего сына». Но 29 и 30-го я все-таки играл, хотя еле на ногах стоял. В глазах все плыло, хрипел. Теперь главное, чтоб не было обострения. 3-го едем в Ростов, поездом.

2.04.72. Новороссийск

Подходят к концу гастроли в Полтаве, те самые летние гастроли, которых всегда ждешь как избавления от монотонности сезона…

Дни перед отъездом всегда интересны, заполнены какими-то делами, и все равно живешь тем, что скоро все это закончится, что-то изменится: образ, условия, ритм жизни…

В Полтаве впервые. Здесь, конечно, свой конек: Петр I, битва, шведы и т. д. Действительно интересный музей Полтавской битвы, и рядом много странного. Уродуется церковь, перестраивается, в старинном монастыре устроили институт свиноводства. Удивительно! Только мы, русские, можем так легкомысленно обращаться с тем, что создали наши предки.

То прекрасное, великое, что свершалось нашим же народом *до* революции, потеряло патриотический смысл, утратило святость, что ли… Тот же Петр воспринимается как исторический персонаж из *темного* прошлого, никакого отношения к нам не имеющий, вроде и не по той же земле ходил, что мы, и не о нас думал, думая о грядущем дне России.

«А о Петре ведайте, что жизнь ему не дорога, жила бы только Россия в блаженстве и славе…»

Бережная память к своему прошлому, во всем — в ратных ли подвигах (и поражениях), в зодчестве, культуре, в быту — делает народ, говорящий на одном языке, нацией.

Нелепо делить историю на «плохую» и «хорошую» и, оберегая «хорошую», предавать забвению «плохую». Родину не выбирают, так же как не выбирают историю своей Родины. История — объективность, мы получаем ее в наследство такой, какая она есть, будущее зависит от нас.

27 мая 1972. Полтава

Вчера утром прилетел в Донецк. Живу в гостинице «Украина» на восьмом этаже. Панорама просто величественная, край города теряется в дымке… Кубики современных зданий, неуютные широкие улицы.

1 июня

Утром был тракт «Старшего сына» на Донецком телевидении. Операторы работают прилично. Что интересно, даже во время тракта все работники телевидения, ассистенты и прочие, даже операторы, ржали по ходу спектакля, вслух, громко, такое бывает редко. Очень понравился спектакль, поэтому работали с охотой. Сегодня же эфир в 21.30. Мама с отцом будут смотреть, они хорошо принимают Донецк.

Рано утром завтра уезжаем в Таганрог. Не понравился мне Донецк, неуютно здесь, одиноко… И все далеко. Улицы широкие — идешь, идешь. И от солнца никуда не спрячешься, хотя зелени много.

Донецк. 2 июня 1972 г.

Таганрог. Жара невыносимая, одежда липнет к телу, воздух раскаленный… Дневных спектаклей у меня нет, поэтому мог ходить на пляж, немного загорал, даже купался; хоть Азовское, а все-таки море.

Вечером не легче, духота. Играть тяжко, особенно «Собаку на сене», грим сплывает с лица, рубашки можно выкручивать. Первый раз за все мои гастроли много свободного времени, это потому, что не занят в детских спектаклях. Выпадают даже свободные дни. Один раз съездил в Ростов, хотел пробыть там два свободных дня, но не вытерпел, вечером неожиданно для себя вскочил в электричку (вернее, в проходящий поезд) и в первом часу ночи опять в Таганроге.

Тоскливо стало в Ростове, одиноко… В поезде писал стихи. Боже мой, я еще пишу стихи, совсем как мальчик!

Кажется, в первом классе я переписал в тетрадку несколько стихотворений Маяковского, а на обложке написал свою фамилию печатными буквами. Я считал, что это книга *моих* стихов, мне было приятно так считать. Правда, никому ее не показывал. Не помню, куда потом она девалась, наверное, потерялась при переездах, а может быть, и сам ее уничтожил уже потом, позже, когда узнал, что такое плагиат и что это — плохо.

Отец прислал письмо. Очень трогательно описывает, как они смотрели по телевизору «Старшего сына». Конечно, они с мамой были бесконечно счастливы.

19 июня 1972 г. Таганрог

Когда смотрю на Ай-Петри, невольно вспоминаю, что надо идти к зубному врачу, ощупываю языком обломок своего зуба… Три дня штормило, очень сильно. Не мог удержаться, полез все-

таки в воду, ощущение незабываемое. Первый раз купался в шторм. Остальное время погода была тихая, вода удивительно прозрачна… Внутренний покой и приятное ничегонеделание. К сожалению, в такие дни особенно остро ощущаешь, что всему бывает конец. Кончится и это море, лето, солнце… Прекрасные слова: Мисхор, Кореиз, Гаспра, Русалка. Море присаливает грустью…

Гаспра. 1972, июль. Крым

«Судьба играет мною». Вновь я в Средней Азии, опять в санатории и в том же корпусе, в той же палате и даже на той же самой койке, где был раньше, а раньше — это семь (!) лет назад. Дорога была утомительной. Пришлось ночевать в аэропорту Ашхабада, в гостинице, естественно, не было мест. Утром поехал в город, бродил по душным улицам Ашхабада — сидел в скверике театра им. Пушкина. Ох, как грустно же мне было. А еще все впереди, целых полтора месяца, да если бы только это…

Из Ашхабада вылетел в 12–50 по московскому времени, т. е. уже в 14–50 по местному. Пока добирался из Мары… Так что прибыл только к вечеру 15 сентября. Уже встретил некоторых знакомых по прошлым моим приездам. Очень приятно было увидеть Колю Леонова (*москвич, радиоинженер, товарищ мой по диагнозу*). Славный парень. Опять мы держимся вместе. А некоторых наших друзей уже недосчитываемся…

Сегодня у меня не лучшее настроение. Писать не хочется.

16 сент. 1972. Байрам-Али (*Байрам-Али — климатологический санаторий в Туркмении на краю Каракумов, для страдающих нефритом, хроническим заболеванием почек.)*

«Молод, свеж и влюблен…» 1965 г. Байрам-Али

Раджеп ехал в отпуск, на побывку, мы оказались попутчиками. Военная форма ему не шла, а главное, не спасала от беспомощности. В самолете он летел в первый раз, суетился, совал стюардессе сразу все свои документы и вдобавок совсем плохо говорил по-русски. От меня он не отходил, в дороге быстро сближаются (впрочем, так же быстро забывают, расставшись на вокзале). В самолете я учился туркменскому языку, Раджеп отчаянно радовался, когда я правильно произносил какое-нибудь слово: «Карашо!» Потом был ужин; он внимательно следил, как я управлялся вилкой и ножом и старательно повторял то же самое.

— У нас вилка нет.

— Где у вас?

— В армия. Только ложка есть.

Закурили. Он посмотрел на часы.

— У нас ат-бой. Спать ложатся.

— Давно служишь?

— Девять месяц.

— Дома знают, что ты едешь? Ждут?

Он засмеялся:

— Нет. Не писал, приеду — радоваться будут. Мама, отец. Жена ждет, дочка.

— Сколько же твоей дочке?

— Девять месяц, девочка.

— Так ты ее не видел еще?

— Зачем не видеть? Видел! Карточка видел, хароший девочка!

Он достал из маленького чемодана книжонку и стал читать. Это были туркменские стихи, книжонка была изрядно потрепана, некоторые стихи помечены.

— Это самый хароший, — говорил Раджеп, — везде с собой вожу. — Смуглое восточное лицо его светилось изумлением. Я взял книгу, прочел: «Магтымгулы». Он пробовал перевести мне стихотворение о любви и мучился, что я не понимаю.

— Гозел сен, гозел сен, — твердил Раджеп, — цветок ты, цветок.

— А вот это о чем? Переведи.

— Это о жизнь. Как жить. Жизнь дорога, длинный…

Я начал читать вслух, конечно, не понимая содержания, но звуки были очень красивы, упруго рифмовались, размер равномерно набегал, как волна…

— Еще, — просил Раджеп, — еще читай. — Глаза его светились; кажется, он был рад очень.

— В Ашхабаде я куплю тебе такую книжку. В Ашхабаде есть такой книжка. Ты будешь читать «Магтымгулы».

Поздно ночью регистрировали билеты в Ашхабаде на утро следующего дня. Спали в креслах. Тут я рассмотрел фотографии всех его родственников и жены, молоденькой туркменки в национальных одеждах.

— Красивая у тебя жена, — сказал я.

— Очень красивая.

Утром, до самолета, отправились в город. Многоликий Ашхабад залит солнцем. Помогаю выбрать подарки жене и родителям. Раджеп, по-видимому, относится к этому серьезно, волнуется, подолгу вертит в руках брошки, косынки. Кидается к каждому книжному магазину, ларьку. «Магтымгулы» нет. Это его расстраивает.

— Сколько книжек никуда не годных. Плохих книжек. Хорошей нет. Зачем так?

— Успокойся, Раджеп, у нас тоже не всегда купишь Пушкина.

Мне хочется сходить к русскому театру. Он терпеливо сидит со мной на скамейке в сквере. Курим.

На фасаде театра бездарный барельеф великого поэта. Здание маленькое, наверное, уютное внутри. Выходят артисты, я их сразу узнаю по манере держаться. Опять слоняемся по городу. Пытаюсь сфотографировать туркменок в национальном платье, они бегают стайками, отворачиваются. Еще полтора часа сидим в аэропорту.

Рядом с нами две молоденьких туркменки. Раджеп заговорил с ними по-своему. Я жалуюсь.

— Так и не смог снять. Пугливые они какие-то у вас. Ну чего боятся?

Вдруг одна девушка протягивает мне бумажку, на которой написан адрес: Тувакова Нурбиби. Раджеп радуется.

— Вот видишь, не все туркменки боятся. Она хочет, чтоб ты ей написал письмо, как брат.

Девушка улыбается.

— Я учусь в университете, уже на третьем курсе, — говорит по-русски и почти чисто.

Я поднимаю аппарат и щелкаю. Она улыбается. Я снимаю еще. Мне кажется, она просто терпит.

— Я пришлю вам снимки.

— Обязательно пришлите и письмо напишите. — И она уходит на самолет, следующий в Ташаус.

— Она провожает свою сестру в Ташаус. Ведь ты ей напишешь письмо? — спрашивает Раджеп.

— Обязательно.

Летим в Мары. Под нами Каракумы. Жарко нестерпимо. Первое, что вижу, спускаясь по трапу, — верблюды.

— Ты ведь приедешь ко мне в гости, да?

— Конечно.

Тут какие-то знакомые встречаются Раджепу, и они кричат весело на своем родном туркменском. И он на минуту забывает обо мне. А меня уже ждет автобус, чтобы ехать дальше. Он вырывается из толпы, подбегает.

— А как по-вашему — моя любимая?

— Менин сойгулим! — почти кричит Раджеп и улыбается. Он счастлив.

— Ну, пока…

Сентябрь 1972 г. Ростов-на-Дону — Байрам-Али

Страшно подумать, что я мог не увидеть Мавзолей Исмаила, дворец Мохи-Хоса, минарет, медресе, мог не увидеть Бухару! Целый день бродили по городу, не чувствуя усталости, ели огромные арбузы на знаменитом Бухарском базаре и опять бродили.

Уже совсем стемнело, а мы плутали по узеньким улочкам, темным, запутанным; маленькие спрятанные двери, окна почти отсутствуют. Мужчины возвращались с вечерней молитвы.

Загадочный, жуткий в своей вечной тайне Восток. Наверное, надо здесь родиться, чтобы понять этих людей, эти города. Древнейшая культура и невежество — рядом, переплетаются и

живут как одно целое… Я видел чудеса архитектуры, великолепные ансамбли, где солнце, казалось, было элементом композиции, переставал дышать и думать, только смотрел. Я разговаривал с мусульманином, который читает слушателям медресе арабскую литературу, и я видел темных, со столетним испугом в глазах женщин.

Это был один из тех дней, которые помнишь всю жизнь, помнишь какой-то особенной памятью чувств.

22 октября 1972. Бухара

Был на концерте Ростроповича. Исполнялись Шостакович, Бриттен, Мессиан. Всегда надо слушать музыку, особенно прекрасную музыку. Из всех искусств самое философское — музыка. На великой музыке можно выверять жизнь.

В антракте В.И. познакомил меня с этим великим музыкантом. В жизни он оказался очень простым и общительным. После концерта вместе ехали домой в машине В.И. Было много интересного рассказано, а я смотрел на виолончель, вернее на футляр, который он ласково обнимал рукой, как женщину.

Кисловодск. 8 ноября 1972

1973

Еще одна нелепость моей жизни. Оказался в Волгограде. Еще бы немного, и я бы там работал. Театр, правда (за исключением прекрасного здания), ужасный. И город меня напугал. Я не знал, что буду делать там, все такое большое и жирное. Это только Волге хорошо быть широкой.

25–28 марта. Волгоград

Первую запись в этом очаровательном блокноте делаю на борту самолета Мин. Воды — Ростов. Что-то много летаю последнее время. Несколько дней назад вернулся из Волгограда. Посмотрел там несколько спектаклей в ТЮЗе. Говорил с глав. режиссером, директором. Меня там ждут с 15 апреля. А мне все не верится, что это всерьез, хотя уже подал заявление об уходе (3 апреля); имел длительную беседу со своим теперешним директором и реж. Долго и бесполезно. Говорили о том, как я нужен театру и как театр этот нужен мне. О перспективе, о планах на меня лично. Умом я их, кажется, понимаю и со многим даже согласен. Ну, вот заработали винты, сейчас взлет. Милую Настеньку оставил в Кисловодске у бабушки. Как здорово мы с ней путешествовали, теперь не скоро увидимся, а я уже скучаю. Как-то все сложится, интересно. Очень не хочется терять Ростов.

Привык к этому городу и людям. Но жить в ТЮЗе больше не могу. Волгоградский — это, конечно, временно, только чтобы уйти из этого.

С 29 апреля десятидневная командировка в Москву. Мало, очень мало десяти дней для Москвы. Серый замучил меня, мы целый день бродили по городу, и он почти убедил наглядно, что город этот не так уж хорош, а уж с Ростовом в сравнение не идет! (*Серый — Сережа Горбенко, талантливейший композитор, певец. Замечательный друг и товарищ. Заведующий музыкальной частью Ростовского, а затем Московского, ТЮЗа.)*

Мне и самому показалось, что нет в столице нашей цельности, стиля, что ли, своего, эклектика случайности на каждом шагу, а праздничное оформление и вовсе бездарно и все еще больше портит своей аляповатостью.

Но надо здесь родиться или долго жить, и, наверное, тогда почувствуешь то, что меня лишь легонько задело, что-то щемяще-русское, родное и в тихих переулках, в спокойных Патриарших прудах, и в тесных булочных на Бронной…

Вечером пропадал в театрах. Особенно запомнились «Традиционный сбор» в «Современнике», «Десять дней» на Таганке, «Ситуация», «Человек со стороны» на Малой Бронной в постановке Эфроса.

Все время вспоминал Чехова: «в Москву, в Москву…»

8 мая 1973 г. Москва

Любопытно сразу после Москвы оказаться не где-нибудь, а в Виннице. Дождь и холодно… Гастроли начались с того, что все простудились, и я в том числе. Это ужасно: жить в гостинице и болеть.

Забавный город Винница, здесь бывал даже Гитлер. Я посетил развалины его подземной резиденции, даже тропка протоптана к огромным железобетонным глыбам, замшелым, молчаливым и удивительно инородным среди тихих сосен…

Как-то трудно представить себе, что вот здесь листались совсем еще свежие, трагические страницы истории моей Родины. Каким-то нелепым, больным вымыслом кажется и весь этот Гитлер, и весь его шершавый железобетон.

Гастроли идут нормально, впрочем, как всегда. Играем в основном «Старшего сына», а после спектакля в гостинице преферанс. Я устал от ТЮЗа, устал от работы этой, ни уму ни сердцу. Может быть, просто пора в отпуск, но может быть, это и серьезно! Что тогда!

11–30 мая 73. Винница

Первая роль в Ростовском драматическом театре. А. Светлов «20 лет спустя»

Гастроли в Краснодаре. Мои последние гастроли с Ростовским театром юного зрителя, моим первым театром, которому отдано так много, и все это многое в сравнение не идет с теми пятью годами, которые остаются здесь. Лучшие годы артиста, мне было 21, когда я пришел в ТЮЗ 12 марта 1968 года, теперь мне 26, 17 сентября 1973 года последний спектакль. Немного жутко сознавать это. Что-то ждет впереди, как все будет, а здесь было неплохо. Было хорошее начало, была работа с Хайкиным, пока лучшим режиссером, с которым приходилось встречаться. *(Хайкин Артур Юзефович — в ту пору режиссер Ростовского театра юного зрителя им. Ленинского комсомола, потом режиссер и главный режиссер Омского театра драмы.)*

Был «Город на заре». Белоус. Незабываемый спектакль. Это счастье — начинать себя в такой работе. Потом «Два товарища», «Эй, ты — здравствуй». Потом был Володя Ульянов…

А Теодоро в «Собаке на сене»! С каким упоением я делал не свое дело… Незабываемые «А зори здесь тихие». Сколько пота, нервов, отчаяния… Кажется, я никогда так не выкладывался.

«Старший сын» Вампилова. Как влюбился я в эту драматургию! Боже мой, чего только не было! И любимые и нелюбимые роли, и маленькие и большие, больше двадцати ролей за пять сезонов — это немало. И все, все это уже было. Было и прошло. Театр будет жить, как и прежде, болеть своими детскими

болезнями, бушевать своими кофейными бурями, ездить по городам и весям России-матушки, а меня не будет.

Я буду, но не с ним.

Итак, через несколько дней последний спектакль. Я сяду в поезд и поеду в Ростов, один. У них гастроли до конца месяца. Сейчас делают вводы на мои роли. Я приеду в пустую квартиру на улице Горького, разложу вокруг себя афиши, фотографии и буду думать… Что дальше?

Никакого точного приглашения у меня пока нет. Жду письмо из Риги, но ведь оно может прийти и с отрицательным ответом.

Очень нужны деньги, нужно куда-то ехать, показываться и т. д.

11 сентября 1973 г. Краснодар

Круг замкнулся, я опять в Новороссийске. Только что сыгран последний спектакль. Театр открывал свои гастроли, а я играл *последний* спектакль… Даже странно, как я все-таки прирос к месту. Завтра еду в Ростов, получу полный расчет, трудовую книжку, и… Грустно, как будто шел-шел, а там никого нет. Ну что ж, пойдем дальше.

16 сентября 1973 г. Новороссийск

Прилетел 20 сентября. Нет города прекраснее Риги. Здесь уже холодно, хорошо, что взял теплую куртку. Прекрасно устроился у ребят (Валеры и Лиды).

Немного жалко, что не придется поработать в этом городе, но не очень. Впрочем, я знал, что будет так, но тем не менее провел прекрасную неделю в прекрасном городе. Отсюда заеду на недельку в Москву, навещу своих любимых друзей.

При расчете не получил ни копейки денег, еще остался должен, залез в долги. Аркадий Фридрихович Кац, чтоб не забыть, предложил работу со следующего сезона (!). (*Кац Аркадий Фридрихович — известный театральный режиссер. Возглавлял один из лучших театров станы того времени — Рижский театр русской драмы.)* Посмотрим.

Сент. 73. Рига

Потом была Москва. Ночевал то у Сережки Горбенко, то у Коли Леонова. Самое незабываемое — поездка с Николаем на его «Жигулях» по Подмосковью. От Звенигорода можно сойти с ума, а Коломенское… Боже правый, бывают все-таки счастливые минуты даже у несчастливого человека. Гениально у Мартынова:

И в Коломенском осень.

Подобны бесплодным колосьям
Завитушки барокко, стремясь перейти в рококо…

Во время этой поездки я отдохнул душой. Забылся… А судьба моя была со мной неотлучно. И только ждала, когда выберусь из машины и предстану перед ней беззащитный.

Сент. 73. Москва

Какая глупость! Еще два дня — и у меня бы прервался стаж (больше месяца без работы). Надо было оформляться куда угодно, и я оформился, уф! Новочеркасский драмтеатр им. Комиссаржевской. Работать мне там, конечно, не пришлось, но посмотреть было полезно. Думаю, всех актеров надо пропускать через *это.* Если я когда-нибудь дойду до уровня этих театров, вообще брошу театр, даю себе слово. Главное, сами люди понимают свою никчемность, никто не хочет их смотреть, да и нечего смотреть-то, а изменить ничего не в силах. Живут за счет умопомрачительного количества выездных спектаклей, собирая по 100–200 (и то не всегда) рублей за спектакль. Об искусстве говорить не приходится, все упирается в рубль. Итак, прочислился 10 дней актером Новочеркасского театра. Ко мне, правда, относились чрезвычайно любезно.

15–25 окт. 1973. Новочеркасск

Пожалуй, это самый крупный поворот в моей жизни за последние годы. Решилось как-то все сразу, как всегда у меня, и, как всегда, почти в шутку — не до конца ясно и конкретно. Неожиданно телеграмма от Калинина: «Срочно сообщи желание работать Омской драме». (*Калинин Николай — мой тезка, однокашник-однокурсник по Ростовскому училищу, дружище на долгие годы).*

Я ничего не писал в Омск, но театральный мир тесен. Еще не зная, чего делаю, отбил телеграмму с согласием и тут же получил подтверждение работы, уже от директора театра. Поворачивать назад было поздно, в Новочеркасске я уже рассчитался, собирался в Ростовскую драму. Итак, жизнь берет меня за ворот, думать некогда, все как в тумане. И потом, Омск — это же в Сибири. У меня даже нет теплого пальто. И соблазнительно, черт возьми! Театр серьезный, с прекрасной труппой, с солидным положением в Союзе (а главное, в Омске Хайкин). Не могу сказать, что я решился, но и нерешительности не было. Я собирал вещи, документы, съездил к маме попрощаться, правда, застал только папу, мама была в Днепропетровске У сестры. В долгах как в

шелках, с туманными представлениями о Сибири, с одним чемоданом и зачехленной гитарой в ночь с 4 на 5 ноября я сел в самолет Краснодар-Ростов-Омск-Новосибирск и четыре с половиной часа читал стихи Мартынова. Книг я взять, естественно, почти не мог и захватил только штук 10 сборников, любимых: Блок, Багрицкий, Лорка, Вознесенский и т. д. И вот она — Сибирь!

Ермак тоже из Новочеркасска начал покорение Сибири! Теперь каждый год 5 ноября можно праздновать начало покорения Сибири Чиндяйкиным.

Пока еще не так холодно, на что я настраивался, но…

Город Омск. Ну что ж, это — город. С сибирским размахом и характером сибирским. Европейского уюта нет, но здесь он был бы неорганичен — это не Рига. Здание театра — чудо. Люблю старину в театральных зданиях, даже ложный классицизм бывает уместен. А зал… Боже мой! Сейчас так не строят, к сожалению, ведь тут все для актера, говорить можно шепотом.

Приняли меня очень тепло. Бесконечно был рад встрече с Калиной, Эмкой Адамовской, Тюбиком. Все-таки хорошо, что есть свои ребята.

Ну, как говорится, «В добрый час!» Очень хочу, чтобы здесь у меня получилось. Время идет неумолимо. Все меньше и меньше и шансов, и времени…

Начнем, пожалуй.

Гостиница «Сибирь». 9 ноября 1973 г. Омск

1974

Сегодня моей Настюшке исполнилось пять лет. Сегодня. Боль моя, которая никогда меня не покинет, доченька моя, не дотянуться мне до тебя отсюда… А как бы хотелось быть сейчас рядом с тобой, взять тебя на руки, родной мой комочек, единственная моя ниточка к этому миру.

Дочка Настя родилась в Кисловодске в очень счастливое время

Хочется вспомнить каждый день, каждый час, когда мы были вместе, а этих дней было много, и они складывались в недели, месяцы, годы… В желтом одеяльце я вез тебя из роддома. На черном «ЗИМе», и зима была такая же снежная, но не такая лютая, как здесь в Сибири, а теплая и добрая кисловодская зима, было солнечно и прозрачно все, и мама твоя улыбалась, и мы еще не знали, как тебя зовут, ты была просто наша девочка, наша дочка…

Наташа Трояновская, однокурсница, жена

Ты заплакала только вечером и потом ночью, я носил тебя на руках по комнате и читал по памяти «Сказку о рыбаке и рыбке». Ты, конечно, еще ничего не понимала, но замолкала и слушала, и

мне казалось, ты понимаешь меня.

А потом мы жили в Ростове, в общежитии актерском, в одной комнатке, и мне опять казалось, что ты нас понимаешь, потому что ты давала нам отдохнуть, когда мы уставали, тебя не нужно было качать перед сном, ты засыпала сама, ты не признавала соску и была очень самостоятельна. Потом ты сделала первые четыре шага, от манежа, который я тебе смастерил, ко мне.

Мы получили квартиру. Тебе был годик. Помню первую елку в твоей жизни, для детей актеров в фойе театра, ты танцевала, с интересом смотрела на Деда Мороза. Когда мы уезжали на гастроли, тебя приходилось оставлять у бабушки в Кисловодске. И каждый раз, возвращаясь, не узнавали тебя, ты росла, менялась…

Однажды зимой мы гуляли в твоем любимом парке санатория «Москва». Ладка всегда ходила с нами, я усаживал тебя на плечи, и так мы бежали по снегу, в гору, тебе это очень нравилось, ты смеялась, а Ладка проваливалась в сугроб, не успевала за нами бежать и лаяла.

А в Ростове твоим любимым местом был Пионерский скверик; и еще карусель рядом с нашим домом, сколько раз мы кружились на ней! И еще бассейн детский, ты всегда не хотела уходить домой, и мы опаздывали к обеду, а потом бежали бегом, чтобы мама не сердилась. И еще много-много всего прекрасного и незабываемого.

Почти четыре месяца я не видел тебя, ты была в Кисловодске, когда мы уехали на гастроли в Краснодар и Новороссийск, а оттуда я уехал в Ригу, потом в Москву, Новочеркасск на несколько дней, и вот теперь Омск, это очень далеко от тебя, и я не могу сейчас приехать к тебе, но я очень скучаю без тебя, доченька, и скоро мы непременно будем вместе, непременно. Будь здоровой и умной девочкой, не всегда твоя жизнь будет светлой и уютной, как зима в Кисловодске, будут и ветры и морозы сибирские, но ты не робей. Не падай духом никогда. С днем рождения!

13.01.74 г.

Вот и позади первая моя лютая сибирская зима; порой, когда столбик термометра опускался ниже 40 градусов, приходилось туго больному южному человеку, с трудом добегал до театра, закрыв лицо руками, трудно было дышать. Болел не раз, простужался, но расклеиваться себе не позволял, только раз слег на 3 дня с температурой.

Я привык много работать, много играть, ТЮЗ не баловал легкой жизнью, но эта зима особенная в смысле театра. Так войти

в репертуар в первом же сезоне, как посчастливилось мне, — это сорвать крупный куш. И то, должно же мне было хоть в чем-то повезти…

Дебютировал 19 декабря (нет, вру, на пятый день после приезда сыграл Менаса в «Антонии», а уж потом 19 декабря сыграл Мичмана Бессмертного в «Ночи без звезд» Штейна, спектакль был на выпуске, когда я в него вошел).

25 декабря уже играл Андрея в «Моей любви на третьем курсе» Шатрова. Главная роль, большая по объему, выложился как мог, очень помогли ребята, которых я сразу полюбил, после спектакля меня качали на руках (!), а на следующий день, 26-го, опять премьера — Алексей в пьесе Анкилова «Всего три дня».

Плохо спал ночами, текст снился, когда засыпал… Незабываемая круговерть дней…

Получил Заметова в «Преступлении и наказании», ставил Киржнер (*Киржнер Яков Маркович — главный режиссер Омского театра драмы в 70-е годы*), сыграл премьеру. Спектакль, по-моему, слабый. А главное ждало меня впереди. Такое главное, о котором я не мог даже мечтать… Артур решил ставить Т. Уильямса «Орфей спускается в ад». Лейди, естественно, Таня (*Татьяна Анатольевна Ожигова, ведущая артистка театра, одна из лучших актрис страны, на мой-то взгляд лучшая; чем дальше — тем более ясно и отчетливо это понимаю),* а мне поручил *Вэла!* 5 февраля приступили к работе, и два месяца мук, каторжной работы, ничего кроме работы. Пожалуй, так я никогда не работал еще…

Т. А. Ожигова

Теперь об этом легко пишется, когда все позади, сомнения, истерики, почти болезненное ощущение беспомощности и просто физическая выхолощенность, когда уже ничего не хочется… И премьера, нервы до отказа, как струна…

Ощущение удачи и какая-то горечь, как всегда, когда завершается что-то важное для тебя.

Трудно сразу переключиться на другую работу, трудно покинуть мир теней и намеков Уильямса, мир недосказанности и жестокости, полутонов и пугающей материальности…

Хотя новая драматургия, в которую нужно сейчас погружаться, тоже сложна и многослойна. В пьесе Ибрагимбекова «Похожий на льва» получил Рамиза. Репетиции только-только начались, но все обещает быть интересным.

Правда, трудно сейчас работать. Солнышко долгожданное печет, леность весенняя. Душно в моем гостиничном номере, хочется на волю, к Иртышу, побродить.

Театр готовится отпраздновать 27 мая свое *столетие!* Репетируем юбилейную программу, предполагаются большие торжества.

Иногда вдруг остановлюсь на мосту через Омку и думаю: «Почему я здесь?» Странно на душе. Одиноко и тревожно…

А в общем, нельзя распускаться. Надо думать о работе, надо исступленно думать о работе.

Апрель 74 Омск

Впечатления от Иркутска самые теплые. Люблю такие города, со своим лицом, характером, в меру большие и уютные. Играли на телевидении два спектакля. Жил опять же в гостинице «Сибирь». Был в гостях у Миши и Риты Ройзенов. Выпили водки, поболтали. Потом ночью они провожали меня в гостиницу.

Разница с Москвой по времени пять часов. Далеко я забрался. На доме, где жил Вампилов, мемориальная доска: «выдающийся советский драматург». Чтобы стать «выдающимся», ему нужно было всего-навсего погибнуть.

14–16 апреля 74 Иркутск

Два года уместились в этих нескольких страничках, два сумасшедших года… Что-то находил, что-то терял. Потерял, думаю, больше. Приобрел «опыт». У Сартра: «человек обречен на свободу». Мне не кажется это парадоксом.

Перечитываю все, что написал раньше. Почти все — скелет. Поверхность. Остальное у меня за плечами, неотступно. Во мне. Некоторые оценки по отношению к прошлому меняются. Только некоторые. В основном стабильность. Хорошо это или плохо? Жалею, что писал мало, не часто. А надо ли больше? Все подвергать сомнению — единственный выход приблизиться к истине.

10 апреля 74

От Омска три с половиной часа на «Ракете» по Иртышу — Черлак. Маленький сибирский городишко на высоком берегу. Буду завтра играть с местным народным театром «Всего три дня». Ночую в крохотной гостинице, поздно уже, спать не хочется. Еще не репетировал с ними, совсем как Михаил Чехов. Уже не рад, что согласился. Здесь-то уж совсем невозможно быть одному. Может, Иртыш подарит мне что-нибудь завтра. Закат был нежный, холодный.

Поглотила жадная река
Славного донского казака.
На лице холодного заката
Кровяная чудится заплата…

25 мая 74. Черлак

Надо бы написать что-нибудь о юбилее театра. Очень уж это было пышно, с размахом, много гостей из разных городов, вручение ордена театру, банкет, каких я еще не видел, — да лень.

Жарко. 32 градуса в Омске. Но все уже кончилось. Сегодня вечером отбываем в Уфу.

Последние дни были суматошными. Много пил, то у Хайкина, то у Лобанова, то бог знает где… Сделал несколько передач на телевидении. Вещи упакованы. Что еще? Читал Мариенгофа «Роман без вранья» — грустно. Все, все — прощай, моя келья, спасибо за приют. Пойду искать по свету.

I июля 74

Хорошо, что из Омска ехали поездом… Хотя и из окна вагона, но все-таки увидел Урал. Работаем в помещении Башкирского академического театра. Сборы полные, рецензии хвалебные. Открывались «Смертью Ивана Грозного», и мне пришлось с ходу играть Сицкого. Славный эпизод.

Времени свободного много (по сравнению с моими прошлыми гастролями бывают целиком свободные дни).

«Любовь» уже сыграли 4 раза, принимают на «ура». Завтра «Орфей». Надо выспаться как следует. Плоховато чувствую себя. На «Любви» закружилась голова, чуть не упал с бочки. С деньгами туго, как давно не бывало, ел один раз в день. Пока было солнышко, сходил раза три на реку, позагорал, купался в Белой речке. Письма получаю, да все не те… А *тех* уже и не жду. Осточертели гостиницы… с телефонами и телевизорами, репродукторами на стенах и пылесосами в коридорах, осточертели кафе и рестораны с бесконечной картошкой «фри» и бифштексами из свинины(!). Осточертело мелькание лиц. Нервы, что ли, обожжены. Устал улыбаться… Впереди Москва. Через полмесяца. Надо держаться. А что потом? *Неизвестность, полная…*

Вот еще интересно, Таня Ожигова рассказала по секрету — Киржнер собирается в следующем сезоне ставить «Царя Федора Иоаныча», на вопрос Артура, кто же Федор, ответил — Чиндяйкин. Забавно. Мне ничего не говорил.

В следующем сезоне — уф! Я-то на день вперед не загадываю. А лестно. Спать, спать.

Гостиница «Агидель». Уфа. 16 июля 74

Чем хороша Москва — всегда можно заправить на Кузнецком любимую шариковую ручку. Второй корпус гостиницы «Армения» в Столешниковом переулке — бойкое место. Работаем в театре им. Моссовета. Добиваем Москву сибирским искусством — аншлаги, спрашивают лишний билетик, принимают на «ура!». «Орфей» идет первым номером.

Говорил с Наташей по телефону, сразу как прилетел, кажется,

1 августа. Сообщила, что собирается замуж (!) Боже, сколько комизма в этом серьезном мире, телефонную трубку глотать не стал, смеяться тоже как-то не хотелось… Говорили 20 мин., потом нас прервали. Интересное кино всегда прерывается на самом интересном месте.

Москва. Август 74

Мелькнул московский месяц остро и нежно, с болью и радостью, как довесок ко всему этому году. 200 рублей отпускных! Невероятно большие деньги. Подумаю обо всем в самолете, если не усну.

Домой прилетел 26 августа. Все по-прежнему. Жарко. Пыльно. Дворовые мальчишки настолько выросли и возмужали, что мне пришлось пить с ними самогон по вечерам за сараем и ходить на танцы. Рядом с ними я совсем старик, начинающий лысеть. Попал в драку, остался цел, а крови было много. Впечатлений масса… В свои 20 я тоже был немного бандитом, но умеренным — эти бодрее.

Перевальск. Авг. 74

Ростов — величина постоянная. Если еще есть что-то стабильное в этой неразберихе — то это он и мое отношение к нему… Тысячу раз прав Горбенко! Но платит ли он мне такой же любовью?.. Хотел бы быть поместным дворянином — понял это в гостях у Милованыча. С утра ходил в плавках по саду и лениво думал о жизни, к вечеру нагружались домашним вином (!), зело доброе вино, и философствовали, лежа где придется: в кустах помидор, на полу летней кухни, у колонки, чтобы было слышно, как журчит вода… Поговорить! Что еще нужно русскому человеку, хотя бы раз в год — поговорить! *Пьяные образы:*

Фридман — залез в бутылку и не может выбраться… Я — проглотил кусочек тротила, бикфордов шнур торчит изо рта, прикуриваю, как сигарету…

Бред:

На зеленой [щеке] Кисловодска
Умерло мое сердце.
И не надо быть фантазером,
Чтобы поверить в это.

Ростов. Змеевка, частные владения М.

Настя взрослая. Писать о ней невозможно, легче написать роман с продолжением. Да и зачем? Я помню все и ничего не забуду. Мы бродим по горам, «ходим за облаками». Вот с кем можно говорить серьезно! Она спрашивает, что такое — митинг,

вернее — кто это. Потом утверждает, что перепутала его с Никсоном, который приезжал в гости к Брежневу; она останавливается у афиш, читает и рассказывает мне, где кто; она рифмует — Ленинград с виноградом, дорогу с берлогой, она говорит о чертовом колесе: «Я его боюсь, потому что его назвали „чертовым“, вот если бы его назвали обозрением, я бы не боялась». Она говорит: «Да полно, Коляша!» — и добавляет: «Я шучу». Она взрослая. Ей пять с половиной.

Кисловодск. Авг. 74

Вечером играли в преферанс — Василий Игнатьевич (*Ешенко Василий Игнатьевич — директор Кисловодской филармонии),* Зина (*Трояновская Зинаида Леонидовна, его супруга, актриса — родители моей жены Наташи Трояновской)*, Флиер *(Флиер Я. В. — народный артист СССР, пианист)* и я. Дилетанты. Конечно, обыграл. Под утро воскликнул: «Я играю лучше Флиера!» — «Слава богу, что не на рояле», — заметил Яков Владимирович. Сразу по приезде получил два письма от Т. И все.

Д. Д. Зиомиру

Дима, Дима!
Как все скоротечно
Не успели сыграть в шахматы,
А пора играть в ящик…

Зиомир Дмитрий Дмитриевич — скромный ростовский рентгенолог, замечательный неизвестный поэт, многие строчки его до сих пор ношу в себе. Он был намного старше меня, и я гордился этой дружбой. Дмитрий Дмитриевич открыл мне другую литературу (самиздат), Александра Вертинского и мир больших шахмат.

Кисловодск. 23 авг.

Русская литература осиротела — умер Вас. Шукшин. Надежда Аполлинарьевна Казанцева (*музыковед, друг семьи Ешенко)* прилетела из Москвы 3-го и рассказала, не хотел верить (редко ли «хороним» известных людей?). Ждал следующего дня, ждал газет, и вот в «Правде» — некролог, скончался 2-го октября. Давно так не горевал, как будто по себе плачу.

4 окт. Кисловодск

Хочется сделать последнюю запись в этом году, а он

беспощадно убегает, через полтора часа будет 75-й. А этот был славный, несмотря ни на что, славный. Я получил от него все и даже больше — и боль, и радость — все! Теперь буду платить… Ладно, все нормально. Плывем дальше.

31 дек. 74 г.

1975

Это называется приплыли… Когда, бишь, была последняя запись — семь месяцев назад. Давнехонько… Помнится, встречали Новый год. Нет, не вспоминать же все, что было в эти семь месяцев… Не все очевидно. Многое забудется, переиначится, потеряет смысл, сменит логику и причинность.

Останется что-то главное, чего не сформулировать и не записать. В мире все по-прежнему. Как прекрасны точные науки, например, «закон сохранения веса веществ». «Ничто не возникает из ничего…» и т. д. Это настолько понятно, что просто успокаивает. Или вот: «параллельные прямые никогда…» и т. д. Четко, ясно, не-по-ко-ле-бимо.

Вот шахматы — совсем другое, там может быть и так, а может и иначе, не так, там и взлеты и падения. Шахматы — это искусство. Стало быть, маленькая модель жизни, модель со всеми атрибутами, эмоциональная, живая, тут тебе и находки, и потери, и накопленный опыт, и просто интуиция, и выдержка, выдержка, и бесчисленное количество вариантов, и сомнение в каждом из них, и отчаянная надежда на чудо, когда уже все разбито, и судорожный рывок в самом конце этой страшной истории, безнадежный, жалкий рывок, и неотвратимость судьбы в заключительном, трагическом аккорде, и последнее, что остается, — попытка отмахнуться от боли (ну, проиграл, ну и что?), и неотступность этой боли, и желание начать все сначала, отыграться.

Какая жуткая, фантасмагорическая пародия! Собственно, почему пародия? Образ, кардиограмма, перфокарточная лента жизни!

Вот зеркало раскручивается, и уже непонятно, кто кого пародирует: шахматы, т. е. искусство, — жизнь или наоборот…

Гроссмейстеры, мастера, перворазрядники, дилетанты, совсем новички и сеанс одновременной игры. Судьи тоже есть, но только в крайних случаях. И вот лезет какой-то дилетант на мастера, прет на него пешками, а мастеру и так житья нет, гроссмейстеры заели:

— Согласен на ничью? — это мастер дилетанту подмигивает. Куда там, прет своими пешками почем зря. Ну, тут мастер

размахнулся… Некрасивая получилась картина, как писали в газетах.

А вот еще слухи: где-то у кого-то пешка — в ферзи вышла, теперь королева! А королевам, им что? Ходят как хотят. Один конь без проблем, скачет себе буквой «Г», как будто сказать хочет: все вы — «Г».

А на этой вот доске король один остался, всех потерял. Мат ему не ставят из жалости и еще потому, что он матерных слов терпеть не может. Корону он снял — тяжело, подошел к краешку и… бултых.

Калинин спит. Пора и мне. Завтра хотим еще раз махнуть на взморье. Купаться, загорать — и никаких шахмат.

I августа 75 — Рига

Это уже переходит в дурную привычку — отмечаться накануне Нового года. Вот и сейчас осталось несколько часов уходящего. Вспомнил про эту тетрадку, хотя давно понял бесполезность затеи. Все, конечно, врут или, в лучшем случае, недоговаривают; но недоговаривать себе — это уж я придумал вместе вот с этой книжонкой.

Сегодня был спокойный день. Никуда не ходил, ничего не делал, отмокал в ванне полдня — этим он и запомнится. Грехи мои стекли в городскую канализацию, и я теперь как младенец — готов пятнать *себя новыми.*

Сейчас сходил в магазин, купил себе подарок, пришел, поставил подарок на стол и сказал (!): «С Новым годом, дорогой Николя, желаю тебе всего *доброго».* Поглажу рубашку, пойду к друзьям *пить водку.*

31 декабря 1975 г. Омск

1976

Задерживают вылет. Кто-то не явился на посадку. Поет Брегвадзе. Сейчас 7–30 местного времени. Ясный, прозрачный вечер. В небе одинокое облачко, вытянувшееся, бледное. Омск там, вдали… Какой-то незнакомый. Где-то там Танюша. Сейчас начинается спектакль. Малышка моя, родная… Сколько себя помню — все сижу в самолетах и переживаю. Моторы взревели. Поехали. Только два часа назад расстались с тобой. Два часа. Самолет развернулся. Заходящее солнце бьет в глаза. 5 ноября 1973 года. Боже, как давно.

Первый, кого увидел в Омске, была — ты. Взлет. Летим над городом. Вот театр. Слышишь? А ведь было время, когда мы не знали друг друга! Вот ужас! На крыле солнечный блик. Внизу

степь.

18 апр. 76. Омск-Москва

Сейчас еду до «Лермонтовской». Застаю дома сразу всех: и С., и Т., и Севку. Его я вижу первый раз. 10 месяцев мальчишке. Трудно представить, что это она его родила. Говорим допоздна, ходим курить на балкон. На тихую громкость ставим пленочку с последними песнями. Поет он сам. Здорово. Утром Серый играет на рояле какую-то полечку, Сева пляшет в кроватке. Через полтора часа буду в Таллине.

19 апр.

Метро «Парк культуры».

Тогда был страшный дождь, редкостный дождь. Стоял транспорт. Потоки грохотали по асфальту. Мы добрались до станции метро. Стоим на эскалаторе. Тесно. Все вокруг промокшие. У тебя капельки на волосах. Был июль (какое число, теперь мы уже не вспомним).

Июль 1976-го

Еду в Ульяновск. Вернее, лечу сегодня ночью через Москву. Книжечку эту оставляю здесь, вот интересно будет через год! Как-то все обернется. Еще немного!

6 сент. 76. Перевальск

Липси устала и замерзла. Сейчас 3ч. 20 мин. ночи. Ехали в такси до аэропорта в Ворошиловграде, потом самолет до Внукова, потом полтора часа в автобусе… Сидим в Быкове. Достал из чемодана свой плащ, завернул ее, уложил. Покормил колбаской. Вздрагивает. Действительно холодно. Даже мне. В Москве +7 гр.

Самолет на Ульяновск в 7–40 утра. Еще один рывок, и все начнем с начала.

7 сент. 76. Москва.

Счастливых дней на все года и сладостного, Кира, Вам! Глотни и вспомни иногда про Шамиля Закирова.

Без даты

1977

Год прошел. Ничего интересного. Все случается не так, как представляешь заранее… Проще. Ульяновск — симпатичен. Был там дня 2, кажется. Сейчас опять лечу. В Омск. Через год, буду жив, отмечусь здесь. Через год… Это как «письма в никуда».

15 сент. 1977 г. Перевальск

1978

Год прошел, *ровно год!* Не хуже, не лучше других; рискую постареть в однообразной тоске. Парус мой накренился, воды касается…

Завтра еду в Ростов, оттуда сразу в Омск. Опять Омск, еще раз — наверное, последний. Силы еще есть, еще вполне-вполне достаточно, но *желания* бороться все меньше с каждым годом, а годы сыпятся, как горох из дырявого мешка.

В пьесах, вообще в литературе, развязка всегда короткая, ясная, на то она и «развязка», в жизни — наоборот, самое длинное, самое тягостное — развязка, наверное потому, что в жизни это всегда еще и *начало новой* истории, нового сюжета, и так до… Так будьте счастливы, друзья мои.

13 сентября 1978. Перевальск

1979–1989

1979

Еще один год! Только перелистывая эту книжицу, понимаю, что время утекает совсем не незаметно, а уходит прочными, твердыми, хорошо ощутимыми шагами. Мне тридцать два года. Сегодня улетаю в Омск. С остановкой в Москве.

Перевальск

1979, Хабаровск

Таня разбудила утром: «Нужно ехать к Юре, у него умер папа». С папой мы сидели позавчера до поздней ночи и говорили, говорили. Полненький, добрый, несколько даже щеголеватый, бывший режиссер музыкальной комедии с большой-большой биографией. На этот раз он рассказывал о своих встречах с Акимовым, удивительных своею фатальностью…

Юрка подтрунивал над ним весь вечер, пел под Вертинского, сам себе аккомпанируя на фортепиано, временами специально страшно фальшивя.

Расходились очень поздно. Леонид Николаевич проводил нас сердечно и искренне — и все… И вот сегодня меня будит Таня и говорит, что надо ехать, что звонил Юра…

Было десять утра. Он еще лежал на полу в прихожей… Нас 6–7 лбов беспомощных и не знающих ничего, что нужно знать взрослому человеку. Юру трясет…

Телефонные звонки, милиция, скорая помощь. Жуткое состояние беспомощности. Нужно сообщить матери в Тюмень, она там на гастролях.

Нужно сделать все необходимое. Увезли тело в морг. Сидим целый день в той же самой комнате. На столе трубки, книга, раскрытая на том месте, где он читал только что, несколько часов назад.

27.8.79

Подлетаем к Южно-Сахалинску. Погода прозрачная, виден внизу Татарский пролив. С Хабаровском расстались безболезненно, скорее с радостью и облегчением.

Владивосток — самое приятное воспоминание. Ах, какой город! Может быть, лежи он в другой точке планеты, и не был бы таким щемяще не похожим ни на что… Туманы, туманы Владивостока, Русский остров, Амурский залив, океан — как бы

сохранить все это, как бы не потерять эту вибрацию души…

Пошли на посадку. Танюша спит.

Через несколько минут Южно-Сахалинск.

Видим Сахалин!!!

30.08.79

Корсаков.

Ехали по узкоколейке в двух маленьких вагончиках. Городок неуютный, безликий.

С киногруппой студии им. Довженко провели удивительный день на берегу океана в устье какой-то речки *(.зелеными чернилами позже добавлено: р. Найба)*. Дух захватывает от безбрежности и свободы!!

Ныряющие нерпы нас покорили.

Господи! Как мало таких дней!

Я буду закрывать глаза и все это видеть — всегда…

5.09.79

В Корсакове видел блатного парня, у которого на обоих веках было тонко выколото: «уйди».

«Во многой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь».

Мыс Свободный. Нерест. Ручеек по щиколотку. Горбуша бьется о ноги, скачет по камням. Берега истоптаны медведем…

Уха у костра. Назад едем на такси по кромке (!) Охотского моря, по самой кромке, по омываемому песку. Туман растаял, сопки голубые до бесконечности. Такси заказала студия. Едем полтора часа. Я засыпаю… Наглотался свежего воздуха.

20.09.79

В два ночи местного времени вылетели из Южно-Сахалинска в Хабаровск, пересели на другой рейс. Была посадка в Улан-Удэ. Голова как стеклянный шар.

Последними играли «Качели». На большой сцене это совсем другой спектакль. Я бы сказал — «обычный».

У артистов процесс творчества прерывистый. Нельзя быть художником урывками, только на какое-то время, творчество — это состояние души, и только артисты умудряются становиться художниками на 2–3 часа, т. е. на время спектакля, а потом они опять — «просто люди», с массой забот, дел, порою не менее важных, чем те 2–3 часа.

Подлетаем к Кемерову. Выпускаем шасси. Пойдем посмотрим, что это такое.

2 октября 79

Подлетаем к Омску!

Таня говорит: грустно, что нас никто не встречает. А я думаю, что это лучше, меньше разочарований.

Ну, вот и все, конец гастролям. У меня уже такое ощущение, что действительно прилетел «домой».

Пошли на посадку, солнечно, тепло, красиво.

Омск. 2 октября

В Перевальске сухо, солнечно, тепло — можно ходить в рубашке; кажется, это и есть «бабье лето».

На два дня приезжала к нам Таня со своей мамой (10,11 окт.). Потом мы со своими ездили в Ворошиловград в гости… Так дни отпуска уходят один за одним — праздные и ленивые.

Здесь случайно купил книжку о Максимилиане Волошине. Интересно. Сейчас сижу в переговорном, жду Ростов.

15 октября 79

«…Не для житейского волненья,
Не для корысти, не для битв,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв».

А. С. Пушкин

За прощальным завтраком сегодня утром отец совершенно серьезно и искренне говорил: «Как все-таки нам везет! А, Коля, смотри, как нам все время везет!»

Ворошиловград. Аэропорт. Почти целый день сижу здесь в ожидании самолета на Москву.

Вспоминаю, как три года назад вот так же сидел здесь с собачкой Липси на коленях… Куда-то летел… Куда! Господи, даже жутко. В каждом возрасте — свои глупости, и где гарантия, что я не делаю их теперь?

Конечно, делаю, ну, может быть, не так судорожно и не *так* много.

Прошло ведь все, прошло, а вспоминать нестерпимо.

16 октября 79

Сейчас смотрел по ТВ передачу о фестивале молодежи в ГДР летом этого года в Берлине, вот куда надо тыкать носом тех, кто берется писать, ставить и играть о сегодняшнем молодежном международном движении. Какое «Третье поколение»! Жалкая пародия даже на тот кусочек *события,* который пришлось увидеть на экране…

Нужна куча талантливых нелениых людей. Для этого жанра не нужно учиться *петь правильно,* какая ерунда. Нужно научиться *хотеть петь,* бесконечно *хотеть* петь, толпой, в одиночку, под гитару, без гитары. Нужны сумасшедшие люди, мо-ло-дые люди!

Без даты

Смоктуновский, Евстигнеев, Попов.

Не судил бы так поспешно. Конечно, холодновато все, в открытых эмоциональных кусках Смоктуновский плох, ненастоящ, немножко даже стыдновато в зале…

И все-таки, и все-таки… выдержано в стиле, все играют в *одну* игру, скромно как-то. Евстигнеев, черт, ярок, точен до граммульки! Весь деталька к детальке.

МХАТ, «Иванов». 17 октября

Первая пьеса молодого драматурга из Свердловска. Ажиотаж. Пьеса пока слабовата, схемы и т. д. Много общих мест, подражание Вампилову несомненно («Утиная охота»). (Если сегодня писать — то в противовес этой драматургии.) Неелова играет больше, чем написано. Мужики слабее намного. Московская манера — тихо, не спеша, *якобы* значительно, у нас на этом далеко не уйдешь.

Театр «Современник».18 октября — «Н.Л.О.».

Вечер «Избранные миниатюры». Карцев, Ильченко.

Хохотали до боли в животе.

Жванецкий.

19 октября. Театр миниатюр

На Малой Бронной. «Занавески», Варфоломеев, постановка Дурова.??? ТЮЗ, «Когда пойдет снег».

20 октября

21 октября, МХАТ.

«Мы, нижеподписавшиеся».

Хороший, чистый спектакль.

Калягин!!!

Главное здесь — ритм и четкое слежение за развитием интриги. Почти детективное внимание.

23 октября. Театр им. Станиславского. «Взрослая дочь молодого человека». Не рядовой спектакль. Интересная режиссура, слабые артисты.

24 октября. Театр миниатюр.

25 октября. Театр им. Вахтангова. «Великая магия».

26 октября.…«Верстка и правка». Дом жур.

27 октября. Театр им. Ленкомсомола. «Звезда и смерть

Хоакина Мурьеты». Современная опера.

1980

Сегодня лег в больницу. Областная клиника на улице Березовой. Палата на четверых, пятый этаж, общая терапия…

Давненько не бывал в подобном заведении, последний раз томился еще в Ростове, долго тогда лежал.

Сейчас пока полная неизвестность. Сколько придется здесь проваляться? А заботы тянутся и сюда, надо закончить сценарий творческого вечера Надеждиной. Хочу потратить это время с пользой и подготовить наконец-то программу «Поэты Испании». Чувствую, что и здесь суеты хоть отбавляй. Вот самая малость из этой суеты:

«Я, когда киномехаником работал, курил…»

«А женщина молодая… понатрет м… в штанах, и все».

«А я, как в больницу идти, три бутылки водки выпил, как начал в 9 утра, так в 9 вечера кончил, а — все равно лечиться».

«У мужа ботинки сорок шестого размера, дедушка надел ботинки, пошел в уборную, зашел, вышел, развернулся, вошел задом…»

«Было у нас это ралли… б… Я первое место занял… б… дали фотоаппарат… б…»

«А мы офицеров и казахов никогда не возим» (таксист).

Врачу: «Домой надо… Да у вас тут работы никакой нету, 20 дней лежу, одно стекло вставил. Дома, пока навоз из сарая повыкидаешь, чувствуешь себя человеком».

«Рискнул бы трояком, на…»

28 января 1980 г.

Четвертый день колют, пьют кровь и т. д. Хожу по коридору, бормочу: «Я могу написать этой ночью…» Танюша прибегала сегодня. По ночам очень холодно. Дни длинные.

31 января 1980

Фрейд считал творчество сублимацией. Замещением глубинных инстинктов человека — смерти, агрессивности и любви, которые контролем разума и общества загнаны в подсознание.

Девятнадцатый день в больнице. Временами совсем грустно и одиноко, потом проходит, работаю, хотя это дается через себя. Сложность еще в том, что редко есть возможность читать вслух, а «про себя» работать почти невозможно.

В клинике 1200 мест, обслуживающий персонал — 1500

человек.

Совершенно замечательно выписался 18 февраля с еще одним диагнозом: поясничный остеохондроз.

Для Лорки народное миросозерцание исполнено величия. Рождение, смерть, любовь, материнство не опошлены еще… не превращены в заурядные происшествия, а остаются великими космическими событиями. Тайна, в которой нет ничего религиозно-мистического, — это тайна мирового закона — нераздельности жизни и смерти.

Народное миросозерцание не признает мелких чувств, маленьких побед.

Любовь чревата смертью, граничит со смертью, она не любовь, если не достигает такого накала.

Свобода покупается только самоотречением.

Отношения людей между собой и с космосом подняты над социальным, они мистериальны, но место действия конкретно.

Андалусия — на протяжении веков средоточие многих культурных влияний: античного, арабского, еврейского, цыганского. Все сплавилось в народном сознании.

Крестовый миг жизни — миг любви или смерти — прозрение судьбы.

Неполнота искусства, созданного только талантом и мастерством и не одушевленного безудержной страстью.

Через народную песню — к тайне искусства.

Фольклор — их духовная родина, но они не растворяются в этой стихии, не теряют ни грана индивидуальности, а находят именно в нем путь к самоосуществлению и выявлению неповторимого склада личности.

Одно из чудес поэзии XX века!

Свести все в композицию, создать хоть какую-то драматургию оказалось самым, может быть, сложным. Сидел сейчас целый вечер тупо и глупо… ни черта! Об этом нужно было думать с самого начала… Может быть, утром прояснится? Злость ужасная.

27.02.80

Отпраздновал свои тридцать три года… Хорошо отпраздновал, с друзьями, с близкими… тридцать три! Уф!

Равнодушных нет — есть форма выражения…
Равнодушие дробится на молчание.

Проза учит благоразумию. Поэзия — верит в чудо! Она, как религия, каждый день общается со сверхъестественным, сама нисколько не поражаясь этому, принимая это за норму.

(Без даты, вероятно, март)

«Зеленый тихий свет» (литературный вечер в двух отделениях).

Премьера состоялась в Доме актера 28-го апреля. Волновался, потел и т. д. Принимали хорошо. 19 мая — в пединституте, прекрасно! Слушали студенты прекрасно, читал с радостью, желанием. Ах, если бы так-то, Господи, ничего бы больше не хотелось. Филармония дает мало концертов, а читать хочется.

Апрель 80

> «Чем крупнее человек, тем больше противоречий в человеке и в задачах, которые ставит перед ним жизнь; диапазон таких противоречий — мера человеческой ценности».
>
> Петр Леонидович Капица

Пермь нам понравилась. Особенно Кама. Провели чудесный день в Усть-Качке. Катались на лодке, ходили по лесу…

Играем на двух площадках. В номере у нас уютно, хорошо (гостиница «Прикамье»). Сегодня у меня свободный вечер, лежу, смотрю телик. Второй день Олимпиада. Неожиданно поменялись все летние планы. Кажется, я поеду с нашей группой в Польшу. Собирались с Танюшей не спеша провести отпуск вдвоем у наших родных, а вот поди ж ты.

Гастроли очень разбалтывают, леность какая-то, праздность, хотя и тяжелые спектакли по вечерам…

Собраться, заставить себя работать помимо спектаклей тяжело.

21 июля 1980

Поездка в Польшу, конечно, сорвалась, поляки не вовремя забастовали, и нас не пустили. Из Омска улетел в Сочи. Это сказка, несмотря на толпы и пр. Очень хорошие это были дни.

Жили у Светы и Эдика. На одиннадцатом этаже с великим видом на море. Даже дорога на автобусе до нашего актерского пляжа не выбивала из сладкого благодушия.

28 августа самолетом добрались до Ворошиловграда.

Мама, мама, мама…

С 3 сентября гостили в Ростове. Хорошо в Ростове, хорошо… Сыто, вкусно, богато…

Были на Дону, на Зеленом острове. Солнечно, тепло… Дон теплый…

В Омск прилетели в ночь на 12 сентября.

Сегодня вечером открытие сезона. Играю Мещерякова, с четырех репетиций.

16 сентября 1980

На дворе хорошая, теплая, солнечная осень. Перебирал стол и наткнулся опять на эту книжечку. Сегодня у меня свободный день — сижу дома, затая дыхание… Так редко бывают эти «свободные» дни. Все беготня, беготня… Сезон в этом году начали как никогда рано. Работы много и в театре, и вне театра. Таня преподает студентам театрального училища мастерство актера, а я пишу, ставлю, читаю и т. д. А еще мы играем. До сих пор идет наш «Орфей», хотя я уже лысый и пузатый… Правда, это уже совсем другой «Орфей»… И мы совсем другие, и все совсем другое.

Омск. 11 октября 1980 г.

Едем с Сашей В. в Челябинск. Отдельное купе. На этот раз тепло. Настроение хорошее. Говорим о «массовой» музыке.

С 10.30 утра работаем здесь на ТВ. Пишем нашу программу на цвет. Результатом я не совсем доволен. Скучно, однообразно.

Живем в гостинице «Малахит», опять повезло — номер удивительно теплый. Программа сейчас в очень хорошем состоянии. 15-го читаю в Челябинском доме работников искусств. Много молодежи, прием очень хороший. Слушают, понимают. В такой аудитории появляется азарт, желание… Если бы так всегда, бросил бы театр не задумываясь. Ночью летим в Омск.

12 декабря 1980

1981

2 февраля папе исполняется шестьдесят лет! Лечу к нему на

юбилей. Выпало всего пять свободных дней. Сегодня отыграл первый акт «Свечи», на такси и в аэропорт, в 18.40 (или в 21.40 местного) уже взлетели. Сейчас летим на Москву (там пересадка). Танюша осталась дома, у нее спектакли. Нам все труднее с ней расставаться, даже на несколько дней… Вот ведь как. А мне ее оставлять одну даже страшно как-то, такой она кажется «бедненькой» и беззащитной.

Да, вот надо зафиксировать великое событие — «поженились» мы с нею наконец-то, т. е. зарегистрировали наш брак! Случилось это 20 января в 5 часов дня в омском доме бракосочетания, о чем в книге записей актов гражд. состояния все записано! Выдали нам и свидетельство о браке. Уже дома я вдруг увидел, что номер свидетельства — *«счастливый».* Это нас несказанно обрадовало. А вечером (после спектакля) была «свадьба». Впрочем, можно писать и без кавычек — свадьба, потому что был даже *гость* — дорогой наш Эдик Цеховал. Так втроем мы сидели, выпивали и вспоминали минувшие дни…

На свадьбу я «привез кое-что из Индии»…

И еще — мы меняем свои квартиры на одну — трехкомнатную. Это очень занятно — менять квартиры, целый день говорим по телефону и выбираем, выбираем…

Подлетаем к Москве. У нас сейчас дома час ночи, Танюша, наверное, читает.

29–30 января 1981. Омск-Москва

Ворошиловград. Аэропорт. Тепло, удивительно тепло. Самолеты приучили к обыденности, все просто, все быстро: 3000 км — не расстояние, а если подумать, что радиус Земли каких-то примерно 6000 км, то сказка, конечно, близко. В Омске сугробы, метель, мороз, — миг один — и все неузнаваемо… Снега нет совсем, какой там снег — зеленая трава, мягкий туман, степь… Еду домой…

Вон там, справа от здания аэропорта, футбольное поле, тополя, заросший пруд, совсем недавно мы бродили там с Таней, я показывал ей мои «больные» места. Через какой-то час-два буду дома у мамы…

Сначала заеду в агентство, куплю билет назад, и домой.

Странно пишу — «домой», так естественно, так просто. Домой…

30 января 81

С 15 апреля по 27 мая Таня в больнице, и переезд в новую квартиру состоялся без нее. Это произошло 30 апреля. Теперь у нас необъятная хата.

В день, когда она легла в больницу, приехали (!) мама и папа и пробыли у нас до 4 мая. Они-то и помогли мне переселяться.

1 июня приехали в уже знакомую хорошо нам Усть-Качку. Время пролетело как один день. Утро-вечер, — утро-вечер, и — пора ехать домой. Пожалуй, это самые спокойные дни за всю жизнь. Гуляли, читали, загорали…

Катались по Каме. Все красиво, тихо, вечно…

Сегодня едем в Пермь на автобусе и оттуда — домой.

23 июня 1981. Усть-Качка

Очень хорошо путешествовать в вагоне СВ: чувствуешь себя заокеанским миллионером на бескрайних российских просторах. Никто не мешает, не пристает с разговорами; как будто это наш домик на колесах.

Только что проехали Тюмень. Идет дождь, и город, несмотря на новый, современный вокзал, выглядит уныло, серо, как и тогда, в 1976 году, когда мы были здесь на гастролях.

Очень мило сидим в своем уютном купе и очень мило разгадываем кроссворды.

Поезд опаздывает на три часа, но нам это нравится — так бы ехать и ехать до… Владивостока!

24.06.81

В Свердловск приехали днем 30 июня. В связи с нашим теперешним здоровьем, вернее нездоровьем, решили жить на квартире, каковую нам и нашли рядом с театром.

Работать будем на двух площадках: в театре музыкальной комедии и на малой сцене в театре кукол, там и будем играть «Качели».

Вчера открылись «Законом вечности» (мы начинаем сразу после Малого театра).

По первому впечатлению публика как и везде — не очень желающая думать, ленивая эмоционально. Правда, мне показалось, что и спектакль вчерашний не страдал излишней эмоциональностью; посмотрим, что и как будет дальше.

Город хороший, красивый… Хотя видели мы пока мало, центр только, но все это серьезно, с историей, со своим лицом.

Свердловск. 1.07.81

Гастроли идут «ни ходко, ни валко». Супержиотажа (какового ожидали идейные вожди) не наблюдается, хотя внешне, в смысле плана и выручки, — все в хорошем порядке. Наибольшим успехом пользуются «Качели». Аншлаги полные, спрашивают «лишний билетик», в конце спектакля просто овации.

Было несколько рецензий, кои показывают, что уровень театрального мышления местной прессы школярский, это, мягко говоря, убожество, рабский конформизм в каждом слове. Даже когда хвалят (а в основном хвалят), мурашки по коже бегут от гнусного невежества.

Один раз сыграли «Соленую падь» — кассы спектакль не сделал. Жалко зряшную работу. Роман, на мой взгляд, сильный, живописный… На этой основе можно было бы сделать что-нибудь посолиднее. Главная беда в беспомощной инсценировке, да и режиссура на уровне инсценировки. В дух, в мощь романа не сумели докопаться. Вот и бегаю один с саблей, как Котовский. Времени жалко… и красок.

Свердловск запомнится тем, что сумели посмотреть фильмы (некоторые) Московского кинофестиваля. Всего восемь фильмов. Первым среди них нам с Таней показался американский с Альпачино «Правосудие для всех». Прекрасен итальянский «Неразбериха». Смотрели в день по два фильма. Это просто праздник! Целыми днями только об этом и говорим, вспоминаем то одно, то другое. Кому-то что-то нравится, что-то — нет, а мы могли бы ходить на эту «работу» целый месяц, лишь бы она не кончалась.

Еще запомнится Свердловск полным отсутствием мяса, молока, кефира, творога и т. д. Тане все это необходимо. Творог и сметану еще можно купить на базаре за бешеные деньги, а вот за говядиной и там надо стоять, и тоже за бешеные деньги.

Спасают нас мороженые куры, которые, слава богу, появились.

Жить на квартире Тане понравилось больше, чем в гостиницах. Может быть, потому, что квартира у нас чудесная и обедать ни разу не пришлось в ресторане.

Прочитал книгу А. Полторака о Нюрнбергском процессе, мемуары маршала Гречко… С удовольствием читал воспоминания графа А. А. Игнатьева «Пятьдесят лет в строю». Удивительная судьба! Написано подробно, детально, местами длинно, но в мемуарах мне это нравится, жизнь кажется длинной, почти бесконечной, невероятно, что на долю одного человека может выпасть так много.

Сегодня закончил читать М. К. Касвинова «Двадцать три ступени вниз». Читать эту книгу в этом городе как-то особенно тревожно. Отправляясь в кинотеатр «Космос», мы каждый раз проходили по тому самому месту, где стоял известный дом *(дом Ипатьева, где по приказу Свердлова была расстреляна царская семья)*. Теперь там огромная яма, разрытая экскаваторами, остался маленький кусочек стенной кладки у самого тротуара.

Написано плохо — нервозно, хотя использовано много разных источников, выставлено и соединено вместе множество фактов, и это лучшее, что есть в этой работе. Местами на одной и той же странице автор противоречит сам себе, делает выводы обратно противоположные событиям и т. д.

Поздно. Пора спать. Сегодня играли «Качели» и начался ливень, было слышно на сцене.

28 июля 1981. Свердловск

Вчера играли последние «Качели» в Свердловске. На спектакле была И. Д. Сегеди (*известный театровед и критик)*.

Сегодня закрывались «Царской охотой». Много цветов, много слов и т. д.

Завтра в 10.30 на автобусах едем в Челябинск. Кажется, там хотят прибавить «Орфеев» — это ужасно.

На ходу дочитываю роман Стаднюка «Война». Писатель слабый, хотя местами, там, где за прозой — документ, это интересно.

Дома масса цветов, чудные розы, гвоздики, гладиолусы… Жалко бросать их здесь в пустой квартире. Укладываем вещи.

2 августа 1981. Свердловск

Вчера играли 126-й, и последний, спектакль «Орфей». Такое чувство, будто расстались навсегда с дорогим человеком. Восемь лет мы его играли, да дело даже не в этом…

Это была основа, атмосфера, воздух, которым мы дышали, даже играя другое. И это — кусок жизни, огромный, может быть больший.

Гастроли подходят к концу. Душно, жарко, скучно… Живем в уже знакомой гостинице «Малахит», даже рядом с тем номером, где мы останавливались с Сашей В. зимой.

Пожалуй, впервые за все эти годы полупустые залы (на обеих площадках), и причина только одна — хреновая организация. Спектакли идут на хорошем уровне, принимаются прекрасно. Артисты ташкентского театра (академического) обалдели от нашего театра, также и челябинские актеры. В Польшу, кажется, все-таки едем.

27 августа 81. Челябинск

Закончились бесславные челябинские гастроли. Парадоксально, но в этом городе на высоте оказалась пресса: и в количественном, и в качественном отношении. Несколько статей было просто хороших, умных. Что приятно особенно — была очень *точная* рецензия на «Правду хорошо…», толковая обзорная

статья и др.

В плановом отношении эти гастроли — памятник бесхозяйственности и административному разгильдяйству!

Последний подарок сделал «Аэрофлот» — из-за отсутствия керосина рейсы откладываются на сутки-двое. Таня улетела в Ростов с опозданием на сутки — и то случайно и на большом везении (с чужим рейсом). Наша группа улетела без опоздания, поскольку московские рейсы стараются не задерживать.

И получилось, что мы вылетели почти в одно время: она в Ростов, а я в Москву. Какое-то время наши самолеты стояли рядом. Они пошли на взлет первыми.

Как только сели во Внукове, пока ждали багаж, тут же набрал по автомату Ростов — она подняла трубку… все в порядке.

Большинство нашей группы поселили в гостиницу «Бухарест», а я удостоился проживать в «России». Сказалась разница во времени, и я проснулся для Москвы рано — в 7 утра. Лежу — моргаю.

Никак не верится до сих пор, что мы едем в Польшу, но это так.

В Москве будем только три дня, 3-го вечером поезд.

После челябинской жары — прекрасно, холодно, пасмурно.

1 сентября 1981. Москва

Был на Малой Грузинской у Виталия. Раннее утро. Виталик предложил подняться на восьмой этаж к квартире № 30, где жил Высоцкий. Поднялись. Подъезд необычный, просторный, как в новых кооперативах. Перед квартирой большая квадратная комната с большим окном. На стенах картины. Серия «Родом из детства». Володя с военного детства, по этапам, старше, в костюме Гамлета, и в завершение крупный картон: он с гитарой в руках… На столике опавшие цветы.

Постояли, помолчали… Он здесь просто жил, как живут все люди… Тяжко. Виталий рассказывал о годовщине смерти. Молодежь со всех концов страны. Во дворе, в подъезде. Горят свечи. Много свечей. Стихи. Поехали в мастерскую. Пили чай, смотрели плакаты. Потом на выставку «Париж-Москва» в Пушкинский музей.

Это не передать и не рассказать. Но, конечно, галопом. Это жутко, это пытка — мчаться по залам, в которых надо бродить месяц, два, год! Кандинский, Малевич, *Бурлюк*\ Пикассо, Матисс, Ренуар, Дега, Шагал!!!

Потом галопом по городу в поисках уже земной пищи — гнусной земной пищи!

А вечером на Малой Бронной «Женитьба». Прекрасно. Эфрос

— Эфрос — Эфрос! Неужели он единственный?!

2 сентября 81. Москва

Поезд Москва-Вюнсдорф.

3 сентября в 21.30 уехали с Белорусского вокзала.

Долго стояли на платформе, ожидали вагоны. Провожать пришла Елена Дмитриевна — дочь генерала Карбышева, пионеры с цветами.

Прибежали за несколько минут Наташка и Боря Бич, принесли мне свитер, я плохо экипировался, а в Москве уже холодно. Алик Павловецкий принес сухой колбасы нам в дорогу… О чем-то говорим, прощаемся, настроение у всех вздрюченное, поезд трогается, лица, руки, цветы, хождение по вагону, водка, ужин. Утром в 11.00 подходим к Бресту. Город, в котором не был 18 лет!!! А столько всего связано с этим городом. Стоянка до 19.00. Забирают паспорта. Идем в город с Валерой А. Узнаю и не узнаю когда-то знакомые улицы. Идем на Энгельса. Там, где когда-то давно стоял домик нашей тети Сони, огромное современное здание горисполкома, газоны, каштаны, груши. Груши, кажется, наши, раньше они были в нашем дворе.

Ищем тетю Соню по новому адресу. Она ждет. Получила телеграмму, прийти не смогла на вокзал. Братьев дома нет. Вова на работе, Валик не знает о моем «проезде».

Господи, об этом писать не буду, тетя Соня старенькая женщина, полуслепая, седенькая… Угощает нас жареной уткой, рябиной на коньяке и говорит только о Валике. Она его любит. Время от времени вдруг повторяет: «Коля, это не ты. Разве это ты?» Я все помню, я ничего не забыл, но это было, господи, когда это было — и было ли…

Она провожает нас до остановки и не плачет, а говорит, чтобы писал, и вспоминает моего папу, и говорит, что я — в него. Но когда улыбаюсь — я похож на маму, и еще что-то говорит, и все это ужасно грустно, невыносимо грустно, и мы идем по улочкам Бреста, моего любимого Бреста, моего детского Бреста, где был когда-то я, а может, это был и не я, а просто мальчик, которого я знал и о котором теперь смутно помню.

Я не хотел идти в крепость, слишком все это памятно, наши с Вовкой похождения, среди тогда еще свежих и заброшенных развалин, собирание гильз и осколков, какие-то дикие игры в каменных лабиринтах. Но время еще было, и ради Валерки я поехал туда.

Опять удар ниже пояса. Кто и где это сказал: «Нельзя возвращаться в те места, где был когда-то счастлив»? Это правда.

Таможенный досмотр. Пересекаем границу. Выпиваем по

этому случаю водки.

В 8 часов по местному времени прибыли в г. Легницу. (В Варшаве стояли ночью, вышли на перрон — они смотрели на нас, а мы на них.) Поселили в гостинице при нашей комендатуре. Городок чистенький, зелененький, островерхий, вымерший — суббота, на улицах пусто.

Отдохнули. Потом беседа, и очень интересная, в Доме офицеров. Прогулка по городу. Вечером работали. «Черешню» пришлось играть без репетиции. Принимали нас хорошо. Здесь много соображений. Ужин. Автобус. Гостиница.

5 сентября

Утром проснулся рано, не выключили радио. Хотел пойти в город, но по одному ходить не рекомендуют, а друзья еще спали. Позавтракали, а в 10.00 подали автобус и повезли нас на экскурсию, сначала в костел в местечко Легницке Поле, затем в замок Ксиж, или Ксеж, не знаю, как правильно. Замок средневековый, все как и положено, недоступный, прекрасный и какой-то нереальный. Удивительно то, что после войны он был заброшенным до 1976 года, а теперь его взял на баланс какой-то колхоз, колхоз в нашем смысле, конечно, здесь это называется как-то иначе. По мере возможности реставрируют и теперь уже показывают туристам. Входная плата 2,4 злотых, это немало, 1 руб. 40 коп. на наши деньги. Так что выгодное это занятие и полезное, конечно. Особенно понравился приемный зал. Замок огромный, осмотреть можно только малую часть его да еще зверинец, который красиво вписался тут же у стен замка.

В автобусе спал.

Сварили супчик из пакетика, кипятильничком в номере, пообедали и опять в автобус. Сейчас вечер. Идет «Легенда». Летная часть. Принимают плохо. Не слушают. Представляю, каково дяде Саше. Вот пытка-то.

6 сентября

Еще один день.

С утра ходили по магазинам. Впечатление на первый взгляд удручающее и даже более того. Витрины наполовину пустые, обуви приличной нет совсем, цены высокие до смешного. Те, кто бывал за границей, ужасаются еще больше — цены выросли в три-четыре раза.

Деньги разменяли нам приличные — 6300 злотых плюс суточных 5040 злотых, а купить пока нечего.

В частных магазинчиках много всяких красивых безделушек, и только…

Выехали рано — в 2.30. Останавливались на часик в городке под названием Шпратава. Симпатичный старинный городок. Потом еще ехали с полчаса по прекрасной автостраде.

Работали в авиаполку. Вера потеряла голос, поэтому вместо «Черешни» играли из «Последнего срока» сцену бани.

Покормили перед спектаклем в офицерской столовой, скромно. Ехали долго, прокололось колесо. Пили чай. Все расстроены, нервны.

7 сентября

С утра ждали автобус, чтобы ехать во Вроцлав, однако что-то случилось, и он надолго запоздал, тогда решили ехать в соседний городок Любин на «прическу» магазинов. Городок, опять же, симпатичный, с приятной стариной в центре и современными кварталами вокруг. Много магазинов… да мало в магазинах! Что заметно, они не очень-то скрывают отсутствие товаров. В магазинах пустуют полки и целые отделы. У нас в таких случаях полки заполняются каким-нибудь дерьмом, которое никто не берет.

Странно ощущаешь себя здесь, среди еще недавно «своих». На прямую грубость мы пока не нарывались, не считая свиста вслед нашему автобусу, а вот нелюбезность или настороженность сквозит во всем. В одном магазине просто сказали, что «этого нет», хотя «это» лежало на виду.

Вот и говори, что национальные черты — вымысел. Ведь у нас в России любой иностранец встречается как подарок. Любая продавщица расплывается от счастья и забывает всех и вся при виде иностранных гостей, кто бы они ни были. Нас, русских, даже выгоняют из наших же ресторанов, гостиниц, магазинов, если требуется освободить место гостям.

Работали в 12 км от Легницы. Ужинали. Скромно. Выехали в 12.00. Часа два гуляли по Зеленой Гуре. Город прекрасный. Толчок (по-нашему) в центре. Молодежь, музыка, продают все, что можно. Цены невероятно высокие, купить ничего невозможно. Долго смеялся в магазине, увидев «свою» дубленку ценою в 20 ООО злотых!

От Легницы 200 км. Работали в польском (Войска польского) клубе. (Гас свет и т. д.) Местечко Киншица. Ночевали здесь же.

9 сентября

Утром съездили на наше кладбище — советских солдат возле городка Мезджече, потом гуляли по этому городку, чистенькому и аккуратненькому, как все остальные, где мы были.

Поляки спрашивают советские деньги. Охотно меняют свои

злотые 1:3 и очень рады.

У меня есть тридцатка, но менять пока не стал: купить-то нечего.

Обедали в офицерской столовой части связистов. Обед хороший. Щи какие-то.

После обеда рыбалка на озере.

Подземная железная дорога от школы абвера «Осиное гнездо» (Киншица) до Вюнсдорфа более *ста* км и далее — до Берлина.

До сих пор неизвестна, вернее не составлена, точная карта. Сотни ответвлений, можно заблудиться, что и сделали, как рассказывают, четверо наших полковников на «уазике», искали их две недели, нашли полуживых, без пищи и горючего — заблудились.

Входим с фонарями, мимо разрушенного вокзала идем в бесконечную глубину, луч света бьет в темную бесконечность… Железобетонные овальные стены, под ногами узкоколейка без шпал, вправленная прямо в бетон. Сыро, холодно… Выходим наружу, как с того света, пасмурный, серый день кажется теперь ясным и светлым. Фотографируемся на память у входа.

Отъезжаем несколько километров на автобусе до укрепрайона. Исчерченные снарядами стальные головы ДОТов, их, кажется, три, желающие — их немного — опускаются вниз. Я с фонарем ушел вперед, вернее, спустился на глубину примерно восьмиэтажного дома, здесь складские помещения, казармы и т. д. Сплошной бетон. Тоннель ведет к главной железной дороге, с которой укрепрайон, оказывается, сообщается. Тишина неестественная. Если выключить фонарь, становится просто невыносимо, и всякие мысли — вдруг перегорит лампочка или еще что-то, невольно ощупываешь в кармане спички. На стенах, конечно, имеются «автографы» разных «путешественников». Попадается и свастика. Поднимаемся с трудом по крутым лесенкам, видим дневной свет.

Работали в хорошем зале. Солдат не было, только офицеры и их семьи. Принимали очень тепло, просто трогательно. Ужинали. Налили по 25 гр. спирта. Сказывается сухой закон в СГВ.

Всю ночь ехали. Только в 3 ночи были в гостинице. И сон уже прошел. Пили чай.

10 сентября

Утром повели в давно обещаемый «квадрат» на обещанную распродажу. Долго смеялись.

В 12.00 выехали во Вроцлав. Удивительный город. Три часа, конечно, недостаточный срок, чтобы увидеть что-то, но общее впечатление все же есть.

В самом центре машина вроде нашего «рафика», оклеенная плакатами, в проеме задней дверцы огромные динамики с надписью «радио „Солидарность“». Передают речь Леха Валенсы. Толпы народа. Слушают по-разному. Разобрать всего, к сожалению, не могу, но общий смысл ясен. Снимать не рискнул, уж больно вокруг воинственное настроение.

В магазинах картина та же, что и везде. Купил курточку Насте. Работали рядом, в авиачасти. Ужинали с пивом.

11 сентября

Суббота. Все вымирает, все закрыто. Тишина. Сидим на бульваре у городского драматического театра, он находится рядом с костелом. Впрочем, костел здесь не один. Курим. Много собак. Разных. С балкона лает пуделек, смешной, мягонький…

Готовим обед в номере. Работаем здесь же в Легнице, у летчиков. Ужинаем за круглым столом.

Сухой закон в чистом виде.

Едем к нашему шоферу Вите в гости, нас пятеро, и он с женой. У него дома клад — ведерная бутыль с брагой. Вот тебе и Европа — пьем кружками брагу и закусываем жареными грибами с картошкой.

Ночью возвращаемся в гостиницу, куда проникаем за несколько сигарет, подаренных часовому.

12 сентября

Утром побывали в нашем, т. е. русском, книжном магазине, пустили нас в святая святых — за кулисы; жаль, но все не унести, что хотелось бы. Много хороших книг. Парадокс, но книги — это, видно, единственное, что я привезу из Польши путевого.

Поел сублимированного мяса и чувствую себя плохо. Играем в Легнице, в летнем театре, присутствуют поляки. Принимают хорошо. Парк прекрасный. И опять — собачки, разные-разные…

Играли в летнем театре утром и вечером. После вечернего спектакля показали нам музей СГВ. Ужинали в приемном зале музея. Хозяева жаловались на сухой закон.

13 сентября

Проехали еще четыре маленьких городка.

Ночью в Доме офицеров показывали американский фильм «Рокки-2». Это продолжение «Рокки и его братьев». Хороший фильм в нормальном американском духе.

Понемногу тратятся деньги. Купил Танюше пару платьев, которые мне понравились.

За неимением ничего лучшего приобрел и себе теплую

куртку, может быть, смогу носить ее зимой, хотя, конечно, для нашей сибирской зимы нужно бы что-нибудь получше. Но в Польше теперь нет «получше».

Во всех городках, где мы бываем, поражают очереди в продовольственные магазины. Продукты очень дороги, и их нет. Нам не рекомендуют даже заходить в продовольственные магазины. Хлеб дорогой, сахар. Все это по карточкам. Консервы — роскошь для поляков. Курево — невиданная роскошь.

Последний спектакль в Легнице.

Поезд до Варшавы.

Приехали поздно, ужинали в части правительственной связи. Ночевали в гостинице.

По Варшаве. Впечатления не пишу, все слишком молниеносно. Играли в переполненном зале.

19-го выехали из Варшавы. Ночью таможенный досмотр, проверка документов.

Спать почти не пришлось.

Сейчас 7 утра.

Стоим в Бресте. Идет дождь. Холодно. Все перемерзли. Целый день будем в Бресте, только в 18.00 отправляемся на Москву.

20 сентября 81. Брест

И был день, и было утро… И была Москва, и был Омск. И все с начала.

С 23 сентября до 10 октября — счастливейшее время. Работали утром, и вечером, и ночью, и все время работали. Иногда ели, иногда спали немного, но и во сне думалось об одном и том же. Временами казалось, что просто не успеем выучить текст, временами просто паника врывалась в душу, а дни как камушки в воду падали — один за одним. Засыпали и просыпались, держа за руку любимую работу.

Сдачу и премьеру играли в один день, чтобы не дать время опомниться вышестоящим товарищам и во что бы то ни стало сыграть премьеру. *Лит'а* ведь пьеса не имела, и мы выбивали так называемый «местный лит».

Прошло все же неожиданно в нашу пользу. Худсовет длился меньше часа и был единодушным в высокой оценке, включая вышестоящих товарищей.

Спектакли прошли прекрасно.

В редакции «Омской правды» провели «круглый стол» по нашему спектаклю с участием людей разных профессий, в том числе и строителей. Нам принесли стенограмму — это потрясающе интересно. (Пьеса А. Гельмана «Наедине со всеми». Мы с Таней первые исполнители.)

Теперь много времени свободного и не хочется браться ни за что. Зиму обещают холодную, но пока она никак не наступает. Мягкий снег, солнышко, тепло. Дома хорошо и уютно.

20 октября 81

1982

31 мая поезд «Иртыш», Омск-Москва. Сели вечером, ночь, день. В 2 часа ночи 2-го прибыли в Казань. Холод дикий, слава богу, взяли плащи. Не помню такого холода в июне. Нашли нам квартиру на улице Красина, в этом смысле все нормально.

Работаем на двух площадках, в опере им. Мусы Джалиля и в татарской драме им. Камаля. Открывались «Нашествием», народу ползала…

На следующий день (3-го) играли «Наедине», тоже ползала, хотя принимали очень хорошо. Там же будем играть и «Качели». А вообще надоело все, надоело работать с дураками и бездельниками. Пока что театр не выигрывает у своего прошлого.

Первые спектакли были полупустыми — администрация совсем мышей не ловит. Но, как всегда, актеры «раскачали» город, и пошли казанцы понемногу. Сейчас много разговоров и слухов и т. д.

Выдали в эфир «Двое на качелях», по-моему, очень плохо.

Появилась рецензия на нас с Таней, неплохо написанная, правда, с «ошибками». Последние спектакли шли уже просто «на ура». На последних «Качелях» просто засыпали цветами. Закрылись вчера «Королем Лиром».

Здесь, в Казани, встретил племянника, которого никогда не видел (сын моей двоюродной сестры Марии). Очень славный парень — Андрей, студент третьего курса Казанского авиационного института. Смотрел наши спектакли, понравилось. Таня в него просто влюбилась — на удивление не похожий на свое поколение мальчик, сдержанный, мыслящий, умеющий говорить, интеллигентный.

(И неприятность с нами тут произошла, но нет, как говорится, худа без добра, и уже все позади.)

Были на кладбище, искали могилу Фешина *(Н. И. Фешин — академик живописи, уроженец Казани),* но, к сожалению, не нашли, хотя это где-то у входа, но в конце концов великому таланту можно поклониться и так, до Бога это дойдет, а людям все равно…

Постояли у могилы Вас. Джугашвили (Сталина), у семейной могилы Лобачевских. Сегодня последний раз прошлись по Казани. Сделали покупки (Тане купили серебряные серьги).

Вечером в Москву.

28.06.82. Казань

Поезд «Татарстан», фирменный, вечером выехали — утром в Москве. Провожал нас Андрюша, грустно было с ним расставаться.

Ехали без приключений, полночи толковали с Гуриком в тамбуре, многим от нас «досталось» в ту ночь.

(Гуркин Владимир — артист нашего театра, драматург, автор культовой пьесы «Любовь и голуби». А подружились мы с Володей гораздо раньше, когда он был еще артистом Иркутского ТЮЗа. Он был прекрасным артистом, весь летящий, пружинистый, эмоции через край! И золотые кудри! Очень выразительный артист! А потом оказалось, такой глубины и пронзительности — писатель. Совсем недавно Володи не стало… Там же на иркутской земле. Поверить невозможно… Для меня он навсегда — летящий желтоволосый ангел.)

Поселили в «России» на 3-м этаже, прекрасно, прямо в окне — церквушки…

День приезда был свободным, пошли в театр Станиславского на премьеру Дударева «Порог». Пьеса, на мой взгляд, недурна, если убрать дидактику и рецепты, как жить. Режиссер Портнов. Спектакль более чем средний. Местами просто грустно было смотреть на откровенно плохих артистов; если бы не приглашенный недавно в театр Стеклов (из Петропавловска), вечер был бы просто потерянным.

Господи, эта наша провинциальная надежда на столицу, а здесь столько провинциального!

Открылись сегодня в Малом театре «Нашествием». Цвет критики присутствовал. В конце даже что-то вроде оваций, но только вроде…

Нет, нет, все это мура! И пьеса дохлая, отжившая, и спектакль дохлый, и никакие кислородные подушки тут не помогут.

Мы с Гуркиным сидим в гримерке Соломиных.

«Качели» будем играть аж 12-го числа в Ленкоме *(пьеса У. Гибсона «Двое на качелях»)*. Мы с Таней одиннадцать лет играли этот спектакль. Да, собственно, уже и не играли… Тот случай, когда текст неразличимо начинает принадлежать нам самим. Мы живем, меняемся, и вместе с нами, растворенная в нас, живет какой-то своей жизнью вся эта история. Настолько своей, что иногда застываешь на сцене, поражённый спектаклем, будто ребенком своим! И в глазах партнёра тоже читаешь изумленное — «Ого! Что это он сегодня?! Куда это он?!» И такая эйфория накатывает, так подстегивает! Нет уже никаких зрителей, никакой четвертой стены! Свобода! Счастье! Полет! В общем-то… «обыкновенный» театральный «наркотик». Ради него и топчешь годами просоленную актерским потом сцену, прощаешь театру все оплеухи, унижения… Потому что веришь — однажды выйдешь с любимым партнером на сцену, и случится «ЭТО».

Гады, не дали сыграть здесь «Наедине со всеми», пошлые перестраховщики. Ну да Бог им судья! *(пьеса А. Гельмана «Наедине со всеми». Мы были первыми исполнителями этой пьесы. У МХАТа тогда еще не было «лита» (разрешения цензуры), мы же, стараниями М. Н. Ханжарова, получили так называемый «местный лит». Но увы…)*

Уже первый час ночи. Завтра свободный день, впрочем, как и все остальные.

30 июня 82. Москва

Гастроли пролетели как один день. Много было встреч, много праздников…

Спектаклей много не посмотрели, но из виденного запомнится «Тартюф» во МХАТе в постановке Эфроса с Любшиным и Калягиным. Это фейерверк! Театр — в самом высоком смысле этого слова. Мы с Татьяной будто под весенним дождиком постояли. Еще одним праздником в душе останется экспозиция импрессионистов в музее Пушкина, не мечтал даже, что когда-нибудь увижу все это живьем и сразу, конечно, хилых моих эмоций не хватило, чтобы объять сердцем хоть часть увиденного, в большинстве случаев приходилось довольствоваться самим фактом личной встречи с великим мастером, и все же!..

Успех у театра необычайный, в чем-то и неожиданный, а в чем-то запрограммированный. Так или нет, но Москва выстроилась в очередь за «билетиками». Прием спектаклей потрясающий, овациям нет конца. Так же прошли и наши «Качели» в Ленкоме, при переаншлаге — в первом акте мы не блеснули, но во втором взяли все и выиграли. Потом было много цветов и аплодисментов.

После спектакля в гримерку приходило много людей. Посетил нас и Гельман. Познакомились наконец-то, говорил, что много слышал о нашем «Наедине», собирается все-таки приехать посмотреть осенью. Впечатление от него приятное, хотя встреча, конечно, была скоротечной, трудно делать выводы.

Вечер после спектакля провели у Светы Овчинниковой за приятным вечерним столом, в приятной компании.

Были встречи с начальством на разных уровнях: в Министерстве культуры СССР, ЦК профсоюзов культуры, Мин. культуры РСФСР.

Обсуждали спектакли ведущие критики, среди них Рыбаков, Смелянский, Куманьков (главный художник Малого), который произвел на нас большое впечатление. Общая оценка театра — чрезвычайно высокая.

Вот самолет тронулся, и невозможно стало писать. Летим в Днепр. Танюша уснула, идем на взлет.

15 июля. Москва (Внуково)

Гостили в Днепре неделю. Город Тане очень понравился. Повидались всей семьей, и мама, и папа приехали сюда — папа, правда, всего на два дня.

Не без приключений прилетели в Ростов. И здесь «отпускная жизнь» — для себя. С удовольствием работал в саду, рыбачил на

Дону, гуляли с Таней там, и пролетели 10 дней.

С билетами летние сложности, поэтому ехали пассажирским Москва-Баку до Минвод и дальше электричкой.

Таня в Ессентуках в санатории «Анджиевском».

Я в «Нарзане». Мог ли когда предположить, что буду одним из «отдыхающих» в любимом некогда мною Кисловодске. Города, как и все на свете, стареют…

Настя встает на каблучки и выше меня. 13 лет, а выглядит совсем взрослой девушкой, с трудом понимаю, что это моя дочь. Сегодня идем с ней на кладбище к Зине…

Впереди еще 22 дня. Если бы не Настя, заскучал бы здесь, конечно. Плохой из меня курортник.

6 августа 82. Кисловодск

На этой самой скамейке когда-то сидел и писал стихи.

Дни пролетели. Попрощались вчера с Настей и сели в поезд на Ростов. Они с Таней очень подружились, и время мы провели замечательно, особенно на Ессентукском озере, в лодке…

В Ростове жара, духота, фрукты.

В ночь перед вылетом у Тани был криз. Жуткая головная боль и т. д. Всю ночь не спала, а «скорую» вызвали только утром, сделали укол дибазола с чем-то. В таком состоянии она и летела. Летели целый день, с залетом в Уфу, сидели там 2 часа и в Ростове еще сидели, в общем, умотались все — и мы, и Моська.

Сегодня целый день все приводили в порядок, я мотался по магазинам и базарам. Цены, конечно, не южные. Ну ничего — дом есть дом.

Зато здесь холодно.

В Кисловодске каждый вечер что-нибудь смотрел или слушал в филармонии. В основном муть собачья, особенно так называемая эстрада, а вот одна встреча меня потрясла. Это встреча с Камерным еврейским музыкальным театром. Художественный руководитель Ю. Шерлинг. (Мы встречались с этим, тогда еще только рождающимся, коллективом в Хабаровске в 1979 году.)

Посмотрел два спектакля: «Уздечку» и «Давайте все вместе». Прекрасно, талантливо, национально, человечно, особенно второй спектакль, хотя его трудно назвать привычно — спектакль, а впрочем, какая разница, как назвать, хочется еще раз послушать и посмотреть этих ребят.

30 августа 82. Омск

1983

Сижу в самолете, писать немного неудобно. Сезон на излете. Сложный, тяжелый сезон, тяжелый в смысле здоровья. Пять недель пролежала Танюша в нашей больнице, а положительных результатов не было.

20 марта проводил ее в Москву в институт гастроэнтерологии к профессору Блоку.

А теперь вот лечу к ней, образовалось окно в восемь дней. Даст Бог, домой полетим уже вместе, может быть, ее выпишут за это время, как бы хотелось на это надеяться.

И мама моя тоже болеет, пролежала всю зиму, сейчас потихоньку ходит.

Сыграл в начале сезона Алекси в пьесе И. Гаручавы и П. Хотяновского «Варлаам — сын Захарии». Пьеса достаточно интересная, даже острая в чем-то… где-то… Но настолько в «допустимых» размерах, что все это привычно и нудновато. И у меня роль как роль, не больше.

А вот после Нового года удостоился встречи с классикой, да какой! «Бесприданница», и я — Паратов, хо-хо! Причем один на роли, при том, что *все* остальные в очередь.

Работали как всегда — в Артуровых режимах, сначала он болел, и пудрил мозги Гена Т., где-то с месяц. Потом еще с месяц он — раскачивался, и потом с месяц нормальной Работы. С большим спуртом на финише.

А Тане опять же здоровье не дает работать в полную силу. Сыграла необычную для себя роль старухи в «Варлааме». И на полдороге прекратились репетиции Олби «Вирджиния Вульф».

Вообще вся наша жизнь подчинена одному символу, как-то так сузился круг внимания, так мало что стало нужно…

И утром, и днем, и ночью думы об одном: как Таня? что с

Таней?

Да, болезнь освобождает от многих забот и многим вещам дает их действительную цену.

6 апреля 83. Омск-Москва, рейс 228

Лечу домой. Танюша остается в институте еще на месяц, в лучшем случае недели на три.

Как повезло, что у меня были свободные дни и смог к ней выбраться. Все эти дни были вместе, бродили по Измайловскому парку, где находится этот самый ЦНИИГ. А в пятницу ее отпустили до вечера воскресенья, и мы жили у Инки Михайловой. Это были счастливейшие дни. Вместе посмотрели два спектакля: «Жизель» во Дворце съездов (Большого театра) и «Последний пылко влюбленный» в ЦТСА, спектакль Бурдонского, с которым в этот раз мы поближе познакомились. Интересно в нем не только то, что он внук И. В. Сталина, человек непростой, наверное, — но удивительно тактичный, мягкий, с насыщенной духовной жизнью, живущий театром и мало что получающий от этой бескорыстной любви. Его родословная, кажется, сыграла с ним злую шутку, и, наверное, драматизма в его судьбе больше, чем чего-либо другого. Наверное, он неплохой режиссер. Но, глядя на спектакль с известными актерами, другие мысли бередили. Господи, как много в нашем деле определяет «знак». По актерской линии настолько все приблизительно, настолько «вообще». Мы не можем себе позволить существовать на сцене *с такой* температурой, с таким *актерским* внутренним покоем. Мы боремся за право внимания, мы живем на *пределе каждый раз, каждый спектакль.* Ладно — *я*, но *любая* Танина работа — это на 10 голов выше этого столичного успеха. Как мало понимает публика! Ни черта не понимает! Им играют «общим ходом» — они смотрят «общим ходом»!

С Сашей Б. много об этом говорили. Его это мучает, он это видит и чувствует как профессионал, но сделать что-либо, по его словам, уже невозможно, люди «сыты и спокойны».

Нет, нет, нет — в искусстве не может быть признания, понимания и оценки в объективном плане, редкие исключения только подтверждают правило. Сам себе судья — только так. Все эти внешние признаки успеха — деньги, престиж и т. д. — чаще всего чистая случайность, или, что еще хуже, игра холодного рассудка и положения вещей, не имеющего *никакого* отношения к искусству.

«Неси свой крест и веруй» — раз выбрал *этот* путь поиска истины, этот, и никакой другой, раз в этом твой каждодневный смысл, — ведь должен же он быть — каждодневный смысл, — и

не жди ничего в оплату душевной боли. Как только начинаешь ждать «платы», да еще достойной, ты, сам того не ведая, уподобляешься *большинству* и перестаешь быть художником. Ведь художники — это всегда и везде *меньшинство,* — это единицы, во всяком случае, это *путь* из толпы в *собственное сосредоточение.*

«Сирано де Бержерак» в театре Станиславского с Шакуровым, режиссер Морозов. Богатое впечатление. Шакуров — грандиозен и необычен, убери его из спектакля, и все лопнет, как пузырь.

Без даты

Утром прилетел в Москву. Неожиданно пришла идея поучиться, на старости лет. Сижу на улице Щусева, напротив ГИТИСа (заочного отделения), жду консультации, которая имеет быть в 15.00, курс набирает М. М. Буткевич, я его, конечно, не знаю.

Как-то все шуточно делалось, а вот теперь сижу здесь и *захотелось…* Не поступить будет уже обидно, а еще вчера было все равно.

Опять мы с Танюшей врозь. Она полетит в Ростов 9-го, а я отсюда — пока не знаю, когда.

Гастроли в Ростове неожиданно короткие, открываемся 12-го и работаем до конца месяца.

4.06.1983

Михаил Михайлович *(Буткевич Михаил Михайлович (1926–1995) — режиссер, педагог. Автор театрального бестселлера «К игровому театру», изданного уже после его смерти)* по первому впечатлению приятнейший человек, встретил меня доброй седой улыбкой. Говорили минут 20–30, сказал, что очень хочет, чтобы я поступил. В сложностях со временем теперь заключается все. Если не повезет и экзамены растянут, то из Ростова вырваться будет почти невозможно.

Целый день бродил по Москве. Странное, странное чувство, мне теперь все труднее и труднее оставаться одному, без Тани.

Пишу в электричке, едем с Колей на дачу к Саше Бурдонскому *(Бурдонский Александр Васильевич — режиссер ЦАТСА.)*

5.06.83.

Сегодня льет дождь, просто ливень. Уже 12 дня, и не могу выйти из дома. От Саши вернулись вечером.

Подходим к даче, в открытое окно веранды вижу седую старушечью головку, просто одуванчик, входим, здороваемся с

Сашиной мамой, Галиной Александровной, она приглашает на веранду, знакомит с одуванчиком…

— Мария Осиповна… — Целую руку и сразу даже не понимаю, только через минуту-две доходит: это — Кнебель! Малюсенькая, кажется, прилипшая к стулу, нога на ногу… В тяжелой вязаной кофте, вельветовых брючках. Четкий, с горбинкой носа, профиль и удивительно острый, прямой взгляд. *(Кнебель Мария Осиповна — великий педагог, режиссер. Человек-легенда в театральном мире.)*

Пришел Саша, он был по соседству у сестры Нади, принес рассаду.

Пьем на веранде чай. Жаль, что не могу вспомнить дословно весь разговор, а приблизительно писать не хочется. Потрясает в ее возрасте четкость, ясность и краткость. Бесконечная доброжелательность и в то же время категоричность Мэтра. Мелькание великих имен в ее воспоминаниях естественно и просто, как о ком-то только что сидевшем за нашим столом. «Владимир Иванович», «Алексей Дмитриевич» и т. д. С радостью называет меня внуком, имея в виду, что я ученик ее ученика. Говорю: «М.О., вы даже не догадываетесь, как много у вас „внуков“». Глаза радостно светятся. Так и хочется написать — «молодо светятся».

Любопытная история о Карагодском и Товстоногове (в больнице). Саша говорит: «Хейфец собирается ставить „На дне“ в Малом». Характерное покашливание — и четко, но без всякой злости: «Ну и дурак!»

Расспрашивает о нашем театре. Очень поддержала мою идею учиться заочно. С любовью, иначе не скажешь, говорила о своем ученике Буткевиче. «Прекрасный педагог, человек. Вам очень повезло». — «Да не повезло еще, — говорю, — только хочу, чтобы повезло».

Потом Саша читал чешскую пьесу «Поздняя малина», которую ему предложили ставить в Малом. Пьеса чудесная, тонкая, грустная, с хорошим юмором. На стариков. Долго говорили, прикидывали распределение.

6.06.83

Подлетаем к Ростову. Первый раз лечу на ИЛ-86. Событий вагон. Сдал все три экзамена по специальности, все на 5. Теперь еще сочинение, русский язык и литературу устно и историю СССР. Через два дня опять придется лететь в Москву. Вчера опоздал на самолет, наконец-то чудом улетаю сегодня, дал «на лапу». Сейчас сразу в театр, на репетицию.

13.06.83

«Аэрофлот» — дом родной! Летал в Москву 16-го, писал сочинение и сдал историю. По истории — 5, сочинение 4. Прилетел и улетел в один день, без особых происшествий, не считая пары часов нелетной погоды, сидел во Внукове.

И вот опять лечу. Только что набрали высоту. Сдавал последний (!) экзамен — русский язык и литературу (устно) — 4! Даже не верится, что я поступил на режиссуру! Вот тебе и шуточки.

Ушло, правда, мое время: на другое ушло… 36 лет. Утешает только то, что на курсе я не самый старый, а потом — я ведь никуда не спешу. В конце концов важен *процесс,* а не результат. Буду учиться, посмотрим! Учиться мне хочется, захотелось, — вдруг. Нет, наверное, все закономерно, просто все эти годы копилось что-то во мне, какое-то неудовлетворение… Внешне все, казалось бы, благополучно: играю хорошие роли, в хорошем театре… Но нет, нет! Каждая роль — отдельный эпизод, иногда удачный, счастливый — иногда не очень и т. д. Ощущения целого, ощущения пути, движения — нет. Никуда не денешься: цепочку автор-режиссер-актер не обойдешь…

Артур — хороший режиссер, профессионально крепкий, эмоциональный, умеющий работать с актером — всего этого не отнять, но… Все это «в себе» и «про себя». Это какая-то «частная» режиссура, актер часто и ни при чем, может быть другой, третий… Даже лучше (ему), если бы был другой. Пьеса — повод, актер — средство, а я художник — вот его кредо, даже если сам он так и не говорит: суть в этом.

И вообще, не встречал режиссера, который бы сказал, что он не любит актера. Все любят! Но, боже, когда же действительно встретится такой и встретится ли? — который действительно любит. Любит актера! Думает о нем не только в связи со своими личными замыслами, а замыслы свои сопрягает с актером, с группой актеров, с труппой…

Может быть, мне не везло? Может быть. Да и мало я чего видел. Но опыт *мой* — и другого у меня нет.

Гастроли начались глупо. Впрочем, уже не в первый раз. Главный администратор — просто преступник. Завалил все начало: рекламы — ноль, организации никакой. Опять вылезаем на актерах, на труппе, на качестве…

Через несколько дней народ пошел.

Послезавтра будем играть сотые «Качели». Господи, уже сотые!

Москва-Ростов. 23.06.83, рейс 1177 (18.15)

Ростов взяли — собранностью, организованностью (труппы), желанием и — в результате — качеством спектаклей.

Мы с Таней играли наши спектакли в концертном зале филармонии, как мы говорим, в «нашем придворном театре».

Залы, к сожалению, были неполные, да это и не мудрено, даже афиши не было у здания! Почти полный партер — это уже хорошо. Но зато прием был прекрасный. Много было друзей, знакомых и просто людей, которые помнили нас еще по Ростову, много слов, цветов и проч. Все эти дни квартира утопала в розах.

Как раз в эти дни обсуждались итоги июньского пленума ЦК. Было и у нас открытое партийное собрание, где, наверное впервые за все эти десять лет, высказал все, что думал, и все назвал своими именами. Сам прекрасно понимаю: мало что изменится от моих слов, если вообще что-нибудь изменится… Но хватит, пусть хотя бы знают, что думают рядовые.

В Саратове жили в гостинице «Арена». Очень удобно, хотя и старенькая, грязненькая; но… кухня, и базар напротив!

Работали на одной площадке — театр имени К. Маркса. Как ни странно, на первое место вышли «Качели»!

Публика, конечно, совсем другая! Просто разительно, кажется, ведь разные — разные люди собираются в зале, у нас ведь не было «проданных», «целевых» спектаклей, все продавалось только «на кассу»…

Саратовцы, бесспорно, тоньше, душевнее; оценки не такие громкие, зато точные, именно *в тех* местах. Чувствуют структуру спектакля — грамотнее, что ли, «театрально», я имею в виду. И в чем тут дело? Ведь Ростов — Европа! Столица почти, а может быть, именно это *почти* и решает… Желание *казаться* — убивает естественность?..

Одна женщина (Мукосеева Татьяна Леонидовна) ходила буквально каждый день на *все* наши спектакли и каждый раз дарила нам с Таней открытки со своими стихами — впечатлениями. Тоже примечательно — в Ростове такой «чудачки» не могло бы быть (если только не по отношению к Дину Риду или Яку Йоле). А ведь на таких «чудачках» и держится культура города.

(Да, вот это понятие у нас совсем исчезает — «культура города», все унифицируется, это тоже печальный результат — тиража, масскультуры.)

Самые прекрасные дни провел на Волге, на базе отдыха ВТО. Лет 10 уже так не рыбачил. Выезжали на лодке через протоки на основное русло, вставали на якорь и брали судаков! Ох, каких судаков!

Июль 1983

В Ростов (к Оксане Ивановне) летели самолетом ЯК-40. Я на следующий же день улетел к своим, а Таня осталась со своей мамой.

Перевальск. Папа, мама, дом.

Мамочка, бедная, как она болела эту зиму! Ничего, ничего — повеселела. Дай-то Бог. Дай Бог.

На даче у Виктора. Дача — просто «домяра». Много выпивали. Тяжело. Братишек не видел, оба на практике. Впрочем, Толик в этом году заканчивает, а Сережа на втором курсе медицинского института.

Вернулся в Ростов 14 августа. Здесь на гастролях ленинградский Малый драматический театр. Однокурсничек мой, Валера, теперь Валерий Васильевич Калашников, зам. директора этого театра. Ну, а Лида Горяйнова так и осталась Лидой, правда, член партии и даже *парторг театра!*

Разговор с Романом Савельевичем. Додин только что его назначил главным.

Р.С. категорически — *за!* Все это, конечно, «вилами на воде», ну, хоть поговорить приятно.

Спектакли Додина — «Дом» (видела Таня), «Живи и помни» — здорово. Это то, чего хотелось бы попробовать.

Железноводск, улица Калинина, 22, санаторий «Русь» (№ 529). Итак, с 17 августа по 12 сентября — тихий праздник. Вид на Бештау. Ночь. Звезды. Бег. Бассейн. Теннис.

Встреча с Таганкой.

4 октября

Самолет. Лечу на первую сессию. На первую. Лечу! Хорошая музыка. Грустно. Получил Нила в «Мещанах». У Т. на выпуске «Вирджиния» *(пьеса Э. Олби «Кто боится Вирджинии Вульф?», постановка А. Вилькина.)*

Много работы. Много-много дел.

Сделать зрителя соучастником.

Рассказчик отличается от актера тем же, чем режиссер отличается от актера.

Рассказчик подобен режиссеру.

Мышление рассказчика — режиссерское.

> «Долго жил. Много видел. Был богат. Потом обеднел. Видел свет. Имел хорошую семью, детей. Жизнь разметала всех по миру. Искал славы. Нашел. Видел почести. Был молод. Состарился. Скоро надо умирать. Теперь спросите меня: в чем счастье на земле? В

познании. В искусстве и в работе, в постигновении его. Познавая искусство в себе, познаешь природу, жизнь мира, смысл жизни, познаешь душу — талант! Выше этого счастья нет. А успех? Бренность. Какая скука принимать поздравления, отвечать на приветствия, писать благодарственные письма, диктовать интервью. Нет, лучше сидеть дома и следить, как внутри создается новый художественный образ».

«70 лет жизни Станиславского»

Только что сдали зачет по мастерству и режиссуре.

Дом-музей Станиславского. Сидим в Онегинском зале, с нами беседует М. О. Кнебель. Восхищена показом, импровизация ее покорила.

«К. С. был гением, а Вл. Ив. величайшим педагогом и мудрецом».

«Художественного театра вообще не было бы, если бы не Немирович».

Прилетел в Москву 4 октября.

I курс. Импровизация. Этюды. Картины.

II курс. Точность анализа. Инсценировки.

III курс. Образность. Осмысление жизни и театра на материале драматургии. (Шарль Дюллен, Ежи Гротовский, Питер Брук, Михаил Чехов, Дикий, Вахтангов).

IV курс — пьесы. Спектакли. Эмоциональность. Акт.

V курс. Дипломный спектакль. (*Идейность!)*

24 октября 1983 г.

Вчера: исторический музей. По словам Мих. Мих'а, «окунуться в атмосферу эпохи». Конкретные детали. Живые люди. Русская культура до н. э. Надо посмотреть другими глазами. Самобытность — приевшееся слово, очиститься от стереотипа…

В тот же день — музей имени Рублева. Великая живопись — без аналогий. Не только сюжет — в цвете, в колорите все — весна, осень и т. д. Мир, мое понимание мира, человек, его место…

Сегодня: Новый Иерусалим. Петр I — не на пустом месте. Эпоха Алексея Михайловича, расцвет, реформы, место Церкви и монарха, Никон. Отношение к иконе, к изображению вообще, к игре как к реальности. Все святые места — большая икона.

Русский монастырь — очаг, хранитель национальной культуры.

Весь курс. Осеннее солнце. Бутерброды, Мих. Мих.,

электричка. Единение. Прикосновение. Вера. Импровизация — основа. «Импровизационная архитектура».

30 октября 1983 г., Москва

К огромному сожалению, работа этого московского месяца была столь напряженной, что записывать просто не было никакого времени, хотя необходимо, конечно, выработать в себе обязательство — писать в любых условиях, невзирая на отсутствие времени и «общежитскую» сутолоку.

Много, как много упустил за этот месяц, не записал.

Самое главное слово нашей первой сессии — «повезло». Это повторяли все без исключения студенты нашего курса. И впрямь, ведь большинство из них практические режиссеры, работающие в разных театрах России, чего греха таить, приехали «за дипломом». Я тоже не задумывался, к кому поступаю, просто хотелось учиться… И вот первое и главное — повезло: Мих. Мих. Буткевич!

Теперь мне трудно, да и невозможно, пожалуй, дать его точный и полный портрет, для этого надо заниматься писательством профессионально. Нет, надо было записывать ежедневно, дневниково… Остается только зафиксировать запоздалое восхищение его уникальными педагогически-режиссерскими качествами, без примеров (а они были каждую секунду), без деталей и штрихов (а в них все главное), остается положиться на память чувств и т. д.

Уже на второй, третий день занятий с ним все наши программы минимум («получить диплом») были прочно (и не насильственно) похоронены, раздавлены азартом и интересом творчества, истинного сценического творчества — игры, в которую мы кинулись вслед за ним с радостью, детским желанием и с какой-то сластью…

Я за свою уже немалую жизнь в театре такой способности увлечь, заразить, объединить группу совсем чужих, еле-еле знакомых между собой людей встречаю впервые! Причем все это без какой-либо натуги, без пионерских криков и залихватского оптимизма. Внешне спокойный, почти медлительный человек, часто отвлекающийся (или это только кажется, что отвлекающийся) от основной, им же предложенной, темы.

«Не спешите, только не спешите, нам некуда спешить, у нас очень много времени». Начинает казаться, что мы и не заочники, что не какой-то месяц отпущен нам на первый семестр. Хотя об этом надо отдельно, о его отношении к заочникам. Дело в том (и это, пожалуй, определяет многое), что Мих. Мих. считает, что *только* такое обучение является серьезным и естественным.

Никаких полумер, никакой снисходительности — наоборот! Скорее к зеленым «дневникам» он отнесется с пониманием, со сноской на отсутствие и житейского и практико-театрального опыта… Это не педагогический ход, нет; это — убеждение, которое он перелил в нас, здесь не обманешь, не подначишь, здесь как деньги — есть или нет! Об этом можно многое еще написать, но ограничусь этим.

Столь же много и необходимо, говоря о Мих. Михе, надо писать о его отношении к русскому искусству, вообще к России, к Руси, к ее Истории, к ее культуре. Это необъятная тема. Мне кажется, все, что мы делали с ним в течение месяца, все упражнения, тренажи, все теоретические выкладки, импровизации, бесконечные игры, этюды со словами и без слов: одиночные, парные, массовые и т. д., живые картины и пр. и пр. — все это можно вместить в два слова: мы *влюблялись в Россию.*

Не квасной патриотизм, не великорусский шовинизм, столь милый людям обделенным, а годами выношенное, укрепленное прочными и глубокими знаниями убеждение. Я не говорю уже о походах в музеи и галереи — это как бы самый близкий и очевидный путь, хотя и по этому пути многие проходят, так и не увидев своими глазами ничего, кроме общих мест, кроме привычных шаблонов и оценок, нет, каждая минута общения с ним была наполнена этим убеждением, этой скромной, но непреклонной правотой русского художника перед миром, перед временем.

Да, трудно теперь опять перелить ощущения в слова и отдать их бумаге, но и отнять у меня или просто поколебать эти ощущения уже никто не сможет. Никто. Никогда. Вот и первый поклон Учителю.

Не буду писать конкретно о методике, ведении занятия и проч., так как это врезается прочно, навсегда и письменной фиксации уже не требует, да и сам М. М. часто повторяет: «Этого можете не записывать, это просто надо знать всегда». Основа основ — импровизация! Если допустима такая аналогия: Бог — К. С. Станиславский, Христос — М. А. Чехов, или проще: «система» Станиславского во взгляде, в развитии, в трактовке М. А. Чехова. Непосредственные учителя М. М. — А. Д. Попов и М. О. Кнебель, это важно.

Пару слов об экзамене, который прошел, можно сказать, блистательно.

М. М. придумал и пробил устроить его в Доме-музее Станиславского, в том самом Онегинском зале, где К. С. репетировал в последние свои годы с оперно-драматической

студией. Дала согласие приехать М. О. Кнебель (как потом оказалось, долго колебалась). Встреча гостей на «фамусовской» лестнице, атмосфера «дома», кресло «самого», охваченное шнурком, и его же портрет над креслом, кафедра, маленькая М.О. в центре — этого не описать.

В первом отделении приготовленные этюды, все второе — импровизации. Кроме кафедры, было много студентов-дневников, смеялись, аплодировали, — к концу настроение было уже общим.

После заседания М.О. захотела с нами поговорить. Об этом, кажется, уже черкнул в записной книжке, повторяться не буду. Говорила минут 45, потом беседовали, фотографировались (вот если б еще фотографии получились).

«А я вас помню, — говорит с улыбкой. — Я же говорила вам, что Мих. Мих. прекраснейший педагог, теперь сами убедились».

Вечером все, кто еще не уехал, сидели на квартире у Розы Тольской (водка, капуста, бутерброды). М. М. Буткевич и В. И. Скорик были с нами, хотя и недолго. Галдели, пели и были свободны. А утром рано мне уже надо было садиться в самолет и лететь в родной Омск, чтобы из первокурсника студента сразу стать мастером сибирской сцены.

Очень скучал по Тане и поэтому только спешил, спешил домой.

Омск, 10 ноября 1983 г.

Сегодня Танюша улетает в Москву вечерним рейсом. Надеемся, что она там долго не задержится, дней десять. Но лететь необходимо — надо показаться опять в ЦНИИГе своим профессорам от медицины.

Вчера сыграли с ней «Наедине», был прекрасный спектакль, даже зритель, кажется, поумнел — точные оценки, реакция и т. д. Мы были счастливы. Эти последние дни перед ее отъездом и вообще были чудесными: читали вслух Виктора Конецкого «За „Доброй надеждой“», роман-странствие, и хорошее настроение нас не покидало, я даже немного поостыл к своей студенческой писанине, которой на мне висит море. Надо написать шесть контрольных работ.

Начал репетировать Нила, пока все вчерне, прогнозов не строю. Дважды посмотрел «Не боюсь Вирджинии». Татьяна работает грандиозно, нет партнера такого же уровня.

2! ноября 1983 г.

Таня улетела только ночью, откладывали рейс, улетела с тяжелой головной болью, кажется, лучше было бы плюнуть и никуда не летать…

Сегодня утром репетиции у меня нет, можно было поспать, однако проснулся рано, хорошо побегал (7 км), погода прекрасная — снег, морозец легкий, бежать хорошо.

Стал готовить завтрак — звонок из Москвы, слава богу, все хрошо, долетела, устроилась в «Центральной» (ВТО забронировало номер), голова еще болит, но говорит, терпимо, может быть, успокаивает меня.

Попил чай, покурил, сел к письменному столу, а работать не хочется. Солнце бьет в окно, в комнате ярко-прозрачно, Иртыш за окном, уже схваченный первым неровным льдом, только посередине неширокая ленточка чистой воды. Ладно… надо сосредоточиться, надо работать.

Сегодня выездной «Последний срок».

22 ноября 1983 г.

Театру присвоено наименование «Академический». 29 ноября Мигдат вошел во время репетиции в зал, держа в руках правительственную телеграмму.

Все остановилось, читали вслух, кричали «ура!». Через полчаса репетиция пошла дальше.

2 декабря был митинг по этому поводу, впрочем митинг — громко сказано: собрались в зрительном зале, пришли руководители от управления культуры, райкома, горкома, обкома и проч. Говорили хорошие слова.

Событие, конечно, огромное. Больше всего рад за М.Н. — это его победа!

12-го — банкет в Доме актера.

Репетируем «Мещан», утром и вечером, не продохнуть. Ничего не успеваю делать.

16 декабря 1983 г.

Последние репетиции «Мещан», А.Ю., как всегда, отчаянный и судорожный рывок на финише.

Четкая спланированность репетиционного процесса — это культура творчества, у нас яркий пример обратного. Три месяца было дано на постановку, месяц занимались неизвестно чем (я был на сессии, но приехал к пустому месту), второй раскачивались — не спеша и без четкого представления: что же все-таки мы ставим и зачем, в начале третьего месяца всполошились — мол, времени мало, не хватает, караул! (Режиссер просит прийти в выходной — «хоть ненамного».) Наконец-то «засучили рукава», а премьера 30-го уже. Может быть, он так себя вздрючивает?

Но если работаешь в одиночестве, шут с тобой, делай, как

тебе удобно; *в театре так нельзя.*

Загруженность должна быть полной, с первых репетиций, всякое расслабление, раскачка, «примерочка в полножки» расхолаживает артистов, и, что самое главное, потом, на финише, многое от этих «примерочек» невозможно вытравить.

Мне работается равнодушно. Многое раздражает — особенно эти вот рывки — толчки — накачка — накрутка и проч.

Таня чувствует себя неважно, целый день держится за бочок, еле ходит. Белый свет не мил. И на душе очень паршиво, очень.

Читаю книгу И. Н. Соловьевой «Немирович-Данченко» — потрясающе написано, читаю — перечитываю, млею от счастья…

26 декабря 1983 г.

1984

Итак, новый год. Занимался, однако много времени потеряно по собственной слабости… А восстанавливаться очень трудно, ощущение потерянной формы непереносимое.

«Мещане» получили хороший резонанс, я играл премьеру (Таня тоже), тот состав потом еще репетировал недели две. Смотрели уже московские критики (фамилий не помню), впечатления высокие, любопытные…

Крупным событием, пожалуй, явился для театра приезд министра культуры РСФСР Мелентьева Юр. Сер. 17 января в торжественной обстановке перед началом спектакля он вручил Диплом о звании «Академический». Присутствовал и сам Манякин С. И. За эти десять лет второй раз видел его в театре — первый на столетии театра в 1974 году. Беспрецедентным был спектакль, который шел в этот день и не был заменен (!) — «Не боюсь Вирджинии Вульф» Олби.

Однако все закончилось прекрасно, победой, триумфом и проч., несмотря на…

Отношение к театру высочайшее, самое лучшее, самое-самое и, наверно, это действительно так. Много обещаний, посул и проч.

21 января 1984 г.

В голове уже какая-то путаница — целыми днями читаю по 3–4 пьесы в день и проч. и проч. Кажется, охватил весь материал, необходимый для сессии, все контрольные отослал, кроме одной — по истории КПСС. Слава богу, свободного времени много, репетиций нет, спектакли редко, вот так бы все время…

Настроение неплохое, хотя допекает нездоровье, временами нападает хандра — ничего не хочется и кажется — все, приехали, но потом отпускает и вновь берешься за дело.

Наши были в Иркутске на фестивале «Героическое освоение Сибири и Дальнего Востока» с «Поверю и пойду», произвели там буквально потрясение на вся и всех. Такое ощущение, что театр опять на взлете. Труппа в хорошем боевом настроении.

Взял билет на 13 февраля.

4 февраля 1984 г.

Милая книжечка, пора с тобой прощаться.

Привыкаю к вещам, от этого — сентиментальность, а эта книжечка поездила со мной несколько лет.

Конечно, здесь только осколочки, жалкие осколочки, но все

равно, перелистывая, многое вспоминается хорошее и плохое…

Через два дня, нет, через три — лечу в Москву на сессию, ощущение двоякое: и хочется, и манит Москва, институт, интересные занятия, и очень грустно уезжать из дома. И Таня прибаливает. Одним словом, не рвусь.

А надо.

9 февраля 84

Получил из ростовского ТЮЗа письмо с просьбой прислать какие-то поздравления как бывшему артисту театра — 23 февраля у них юбилей, 20 лет театру! Вчера сидел вечером, сочинял письмо. Господи, даже расчувствовался, 20 лет, я ведь помню, как вчера, день, когда мы бежали на открытие ТЮЗа, шла «Молодая гвардия», а мы были первокурсниками училища искусств… Тогда я первый раз вошел в это маленькое, уютное, удивительно *театральное* здание. Потом бегали смотреть «модные» спектакли Никитина, Соколова, позднее Хайкина. На фоне заскорузлого, мертвого ростовского драматического — ТЮЗ был живым, дышащим, озорным, почти дерзким. В те-то годы (60-е) дерзость, в известных рамках, позволялась, даже в героях можно было походить без особого ущерба. Грустно и смешно… Мы казались себе чуть ли не «попирателями основ», разрушителями старого театра, если уж не строителями нового; и шум, шум вокруг нас… Как это завораживало, будоражило воображение. Мы носили свитера крупной вязки, говорили о Мейерхольде, о котором стало можно говорить, снисходительно посмеивались над МХАТом (да и было над чем посмеиваться в те годы), мы все играли на гитарах и пели Окуджаву, еще плохо различая его с каким-нибудь Клячкиным и проч.

А общежитие? О, эти ночные посиделки, этот дым коромыслом и «вечный бой, покой нам только снится»… Правда, удивительное время — эти шестидесятые годы!

Ладно, размечтался. Получил роль Левады в «Смотрите, кто пришел» Арро. Очень интересное оформление И. В. Попова. Репетировать буду уже после сессии.

Читать уже не могу, болят глаза.

9 февраля 1984 г.

Прилетел в Москву 13-го. Москву не узнать. Пустынно, настороженно… Через каждые сто метров военные патрули, милиция… метро работает (в центре) на пересадку… проверяют документы.

Меня выпустили на станции «Библиотека имени Ленина» после предъявления студенческого билета и вызова института и

объяснения, что мне иначе никак не добраться.

Попал сразу на лекцию по ИЗО.

В день похорон, т. е. 14-го, тоже были лекции.

Я опоздал на сессию на два дня; ребята наши ходили прощаться с Юр. Владимировичам (общим порядком), стояли 5 часов на морозе.

Трудно, почти невозможно описать атмосферу, кажется, великан на секунду открывает глаза, чтобы снова погрузиться в глубокий сон.

16 февраля 1984 г.

Подходит к концу сессия.

Пока все сдал на «пять», впереди последний экзамен — режиссура.

Делаю этюд по картине Петрова-Водкина «Селедка. 1918». Натюрморт для этюда — довольно оригинальный выбор. Но реализовать остроумно, кажется, не удалось.

Опять встретились с Вл. П. Смирновым, тема встречи — Платонов. По возможности конспектировал, хотя конспектировать трудно, надо слушать и ловить *общее*.

Кое-что удалось здесь прочитать.

Вчера был у Бурдонского, присутствовал, так сказать, в «московской богеме», впечатление ужасное. Господи, как легко погибнуть в мелочах!

Жил сначала в «общаге», теперь удалось перейти в гостиницу, это накладно, но покой стоит дорого — приходится платить…

6 марта 1984 г.

8 часов утра. Только что позвонила Таня, поздравила с днем рождения, просила подождать ее в Москве до 12 марта. Спать уже не хочется, встал. Репетиция сегодня с Ю. Через два дня — экзамен. Мой этюд (Петров-Водкин) прошел на экзамен (в числе других восьми).

8 марта 1984 г.

Все позади. Сданы все экзамены, сессия закончилась.

Два дня жил у Горбенко, ждал Таню, а она прилетела только поздно вечером 12-го. Встретились в гостинице «Ленинградской», где меня с трудом поселили. Наконец-то мы вместе в маленьком номере на 19-м этаже.

13-го с 10.00 сидели на заседании в Министерстве культуры, слушали ерунду, но очень показательную ерунду, речь шла о классике и ее воплощении на советской сцене.

Докладчиком была И. Вишневская (доктор искусствоведения).

Полный маразм по поводу возможности «интерпретации» классики на сцене, даже само слово это вызывает, мол, в ней раздражение.

В прениях тонко и толково ответила на это Шах-Азизова, черт-те что говорил Монастырский, бредил Е. Г. Симонов.

Как четко читаются поколения, как будто говорят на разных языках, и даже перевести с одного на другой невозможно: Фокин, Б. Любимов — этих понимаешь, чувствуешь какую-то определенность, ясность желаний и стремлений, взглядов.

А вообще очень полезно было — послушать все эти разговоры, очень полезно.

Сейчас летим домой. Татьяна дремлет, я долго рассказывал ей о том, что удалось прочитать в Москве и проч.

Впечатления и впечатления. Импрессио. Надо бы написать о сессии.

14 марта 1984 г.

Сыграли 2 раза «Наедине», один на стационаре и один в ДК имени Дзержинского. Интересно после перерыва играть, при общем уже въевшемся рисунке возникает живое, непосредственное. В «Дзержинского» играли *пятидесятый* спектакль!

Интересная трансформация произошла со зрителями за это, не такое уж долгое, время, — на этом спектакле ощутимо, как ни на каком другом… Просто осязаемо меняется восприятие некоторых вещей, то, что еще вчера было пугающим («как можно?»), сегодня — «нормально» и т. д.

Слушали концерт Е. Камбуровой у нас в Доме актера; работала без антракта два часа, и как! Прекрасная актриса! Безукоризненный вкус, органичность и смысл, смысл *во всем. А* газеты все дискутируют — почему примитивная эстрада у нас? Сложной они сами не хотят замечать. Она размышлять заставляет…

А вчера сыграли «Качели». С каким удовольствием сыграли! Публика чудесная, или мы ее сделали чудесной, не знаю, но принимали прекрасно, ах, как хорошо было играть! Вот уже и стареем мы с этим спектаклем, меняемся, и он с нами естественно меняется, внешняя сторона: декорация, костюмы и проч. — вообще вчерашний день, тем не менее доброта, что ли, какая-то в нем, в спектакле, внутри, вера или — черт знает, что еще, что-то дает ему дыхание.

Потом шли пешком домой и всю дорогу говорили, говорили о спектакле, где — «туда», где — «не туда», с ума сойти, сколько лет его играем, а все — как о маленьком…

«Качели» поедут летом в Ленинград, а вот «Наедине», кажется, опять не пускают, очень жалко.

24 марта 1984 г.

Вчера был в гостях у нас Иосиф Райхельгауз, он ставит «Госпожу министершу» вместо сбежавшего Мокина.

Сидели почти до трех часов ночи. Интереснейший человек, режиссер и, по-моему, естественный, «как есть», что редко сейчас. «Талант — это мера искренности» — у Чехова М. А., кажется.

Много говорили о профессии, о сегодняшнем ее дне. Прекрасно знает и чувствует «новую волну» в драматургии, особенно Злотникова, Петрушевскую; интересно анализировал манеру игры, необходимую для исполнения *этой* драматургии (четыре пласта: чувственный, действенный, логический, текстовый), смещение, алогичное «плавание» этих пластов, вот где он видит коренную разницу с привычной драматургией шестидесятых — скажем, Розов, Арбузов и проч., даже Гельман.

О судьбах, о случае и проч…

(История Толи Васильева, Ростов — оперетта, Попов получает театр и т. д.).

Долго рассказывал о последних событиях Таганки. Он летал неделю назад в Москву специально на представление Анатолия Вас. Эфроса в качестве главного режиссера. Подробно рассказывал, как все это происходило — грандиозно, жутко, страшно…

Репзал с зеркалами, шведская стенка, вся труппа (Демидовой не было), репетиция утром «Пугачева»: голые тела, острые топоры… восемь стульев… начальник управления культуры: «Представляю вам главного режиссера Театра драмы и комедии на Таганке… Анатолия Васильевича Эфроса… это крупнейший режиссер… с мировым именем… Тоже… (пауза)»…

Речь Эфроса: «… есть миг — я думаю о жизни… Мы с Любимовым определяли…» и т. д.

Мим Михайлов (20 лет молчал): «…вы рано пришли, Анатолий Васильевич…

…В нашем доме трагедия… дайте нам…

…Он живой… живой… выплакаться… подписываемся под каждым словом… изгнание…

…слезы… слезы…»

Самоубийство, саморастерзание. Страшный спектакль, поставленный жизнью.

23 апреля театру 20 лет.

Спектакль Тростянецкого «Лекарь поневоле» — очень хорошо.

Алексеев — виртуозно!

27 марта 1984 г.

Опять просидели с Райхельгаузом до 3-х ночи. Съели вдвоем Танину «мазурку», выпили ведро чая… Рассказывал любимовского «Бориса Годунова», здорово рассказывал, подробно и зримо. Считает гениальным спектаклем Ю.П., даже пересказ потрясает. Жалко, но записать это невозможно: он и пел, и двигался, и танцевал и проч.

Не забыть последнюю мизансцену Губенко-Годунова (с цветами, в джинсовом костюме — обращение в зал: «славьте» — «народ безмолвствует»). Костюмы… (от тельняшки до фрака). Песни… (ансамбль Покровского). Декорация (два кресла из зала, доска от планшета сцены).

Четыре дня обсуждение.

Возможность совместной работы: о «Марате», Злотников. «Пришел мужчина к женщине». Наша неконфликтность (с Таней).

30 марта 1984 г.

Посмотрел дату прошлой записи и ужаснулся — полмесяца прошло! Это чудовищно — мне казалось, несколько дней.

Ездили в Горький на фестиваль, возили «Мещан», жили в гостинице «Россия», на той самой, памятной, набережной Жданова, где я помню себя мальчиком. Сколько грустного в жизни, и все связано со временем, вернее, с его неотвратимостью.

Рано утром проснулся, Таня еще спала, и пошел тихонько туда, к трамплину… Сидел, смотрел на Волгу, и все такие глубокие-глубокие мысли бороздили подкорку, сложившаяся такая философия, что, вот, мол, тридцать лет назад (Господи! Тридцать!!!) я сидел, может быть, на этой же самой скамейке, мама с тетей Марусей говорили о каких-то своих заботах, а я смотрел туда, за Волгу, в даль, как сейчас… И ничего, кажется, не изменилось с тех пор, те же самые дома за моей спиной, даже выражение лиц несчастных кариатид и усталых старцев, держащих балконы нынешнего музея, то же самое, что и тридцать лет назад, — страдающее и равнодушное… Ну, немного испорчен горизонт пошлыми какими-то корпусами и индустриальными сооружениями, но это не в счет, в общем — все по-прежнему… И вместе с тем глубоко копал я… все другое… как и сам я — чужой, взрослый дяденька, на чужой скамейке.

Вдруг поймал себя на том, что забыл, в какую сторону течет река! Это даже смешно! Нет, помнил, конечно, ощущал как-то, что вот туда… вправо… Но не был в этом уверен, покоя не было.

Стал смотреть за льдинками, прилепившимися там, внизу откоса, к берегу. Они почти не двигались, присосались, как телята к малине. (А погода чудесная — весна, весна.) Глаза даже заболели смотреть. Через много-много минут ощутил все-таки движение и даже вздохнул, успокоился: правильно! В ту же сторону текла Волга, как и раньше, как тогда…

Только не *текла* она, нет — движения не видно, оно скрыто, движение. Это в маленькой речке все сразу видно, и куда она, и какой у нее характер, и проч. и проч.

Потом, естественно, я выстроил целую концепцию о Движении применительно к режиссуре. Чтобы изложить подробно, потребуется много времени, поэтому (пока) запишу только формулу: ухватить (ощутить) бесконечную неотвратимость Движения — значит ощутить суть Мира. Воспринимаем жизнь как схему, мертвый график (географическая карта). Движение неотвратимо… *Движение в глубине* — бесконечно. Суть не *в скорости* движения, в его бесконечности. Это любопытно по отношению к характеру (опять схема, даже если в развитии — схема, потом другая — график!!). *Текучесть* характера — неотвратима, как неотвратимо движение.

Играли «Мещан» 11 апреля в Академическом театре. Триумфа не было, хотя убедить себя можно в чем угодно, было бы желание.

Позавчера Иосиф читал нам Злотникова «Пришел мужчина к женщине», которую мы с Таней давно уже читали и думали, но хохотали, будто в первый раз слушали, был еще Юра Ицков. Удивительно читал.

17 апреля 1984 г.

Редко пишу. Это плохо — многое проходит мимо.

Месяц тяжелый и беспокойный. Танюша лежит в больнице, мало нам своих болячек, пристала к ней какая-то инфекция в первые же дни в больнице. Кашляла ужасно две недели, только этим и занимались. Скоро уже месяц, как она там. Настроение, конечно, соответствующее… Да еще выпускаем «Смотрите, кто пришел». До сих пор мурыжим вот уже с третьим режиссером; заканчивает, как уже повелось в нашем театре, Тростянецкий (А.Ю. тоже слег по своим делам). Премьера должна состояться 19-го, т. е. через несколько дней. Убита масса времени, можно было уже два спектакля поставить за эти три с лишком месяца. Сейчас форсируем в ущерб смыслу ритмом и темпом. До пьесы, конечно, не добрались. Пьеса хорошая, глубокая, с четкой художественной позицией. По своим институтским делам ничего не успеваю делать. Провозился с капустником на закрытии сезона Дома актера, который благополучно состоялся 30 апреля.

Выпустили с Сашей Винницким новую программу «Шесть струн в тишине…». Получилось любопытно. Показали в Доме актера и в музее Достоевского, хотели еще покрутить через «Знание», но, опять же, со временем завал, а теперь он улетел в Одессу к Камбуровой и встретимся только в Пензе.

1 мая работал на площади, как всегда, 9-го на мотодроме озвучивал военно-спортивный праздник. С деньгами полный крах. Когда уже кончится эта нищета? Глас вопиющего — никогда.

Гнусная погода, впервые такая весна у нас. Сугробы чуть ли не до 1 мая, пара теплых дней, а сейчас опять холод собачий: +10.

14 мая 1984 г.

19-го утром сдача и вечером премьера «Смотрите, кто пришел». Много мудрили с этим спектаклем, как палочка-выручалочка подключился Гена Тр., начал все с начала, хотя оставалось до премьеры дней 15. Молодец. Работал отчаянно, по-своему, без оглядки, смело. Этому стоит поучиться. Спектакль, при всех «переборах», «недоборах» — получился, это объективно. На мой взгляд, в самом начале была сделана ошибка при распределении, ошибка непоправимая теперь уже, и Гена мало что мог с этим поделать — по двум линиям, так сказать, противостояния мы явно проигрываем.

Моя роль получилась, что называется, «пулевой». Играю этакого ростовчанина, Толика Леваду, — свой парень, добряк и ханурик с «бабками», душа нараспашку — так же и «схавает» человека: добродушно, с улыбкой и обаянием простака.

Принимается зрителем спектакль хорошо, чутко. Вообще, мне кажется, современная пьеса такого плана имеет фору процентов 60–70 перед другими.

Художественный совет, естественно, был не простым. Пьеса имеет *явные* возражения некоторых товарищей, так что шли на сдачу некоторые товарищи с уже определенным настроением. Еще в период репетиций настоятельно рекомендовали вариант театра Маяковского (оскопленный); как могли, мы упирались, финал, однако, все-таки пришлось ломать. В «Маяковке» финал вообще ужасный, кукольный, ходульный до смеха, да они еще и играют с внутренней издевкой этот сочиненный вариант с «хорошим концом». Господи, даже рассуждать на эту тему не хочется.

Сегодня была вторая премьера. Потею над Дж. Г. Лоусоном. Прекрасная книга, на все времена, ну что же я в свое-то время не читал ее? А может, и читал, да забыл? Все может быть. Лучше поздно, чем никогда, придется жить под этим лозунгом.

Судорожное предгастрольное состояние — чисто актерско-цыганское ощущение близости *движения*…

Еще прохладно у нас. Сегодня была гроза, когда уже пришел со спектакля. Таня была дома, копалась на кухне. Очень вкусно. Весь вечер звонил телефон. Ужинали, по окну лупил дождь, и вспыхивали молнии. Дома тепло и хорошо. Пили чай и говорили по телефону с друзьями, потом я «грыз» Лоусона, а она мерила свои летние наряды, то, что будет носить во время гастролей: голубой сарафанчик, беленькое платьице, розовую кофточку, белые джинсы и проч. и проч.

21 мая 1984 г.

Искусство — форма общественного самосознания, вернее, одна из форм (наука, религия, философия и проч.), это общеизвестно. Но в чем же взаимосвязь искусства и жизни? Где следствие, где причина? Искусство ли воздействует на жизнь, видоизменяя, корректируя ее развитие, либо наоборот: искусство лишь мембрана, реагирующая чутко на происходящие процессы внутри общества? Или, может быть, связь здесь двухстороння, так сказать, фифти-фифти. Апологеты социального реализма здесь совершенно определенно принимают лишь первый вариант. Дать путь, наставить, указать, чуть ли не выписать рецепт на дальнейшее строительство жизни.

Отсюда масса недоразумений и конфузов.

Если жизнь — океан, волнующийся, неспокойный, то искусство — корабли на его поверхности, и мачты этих кораблей чертят в небе четкую кардиограмму движения океана, они не вольны и бесстрастно правдивы до гибели своей. Нам же часто твердят: поставьте мачты в строго вертикальное положение, и флаги пусть развеваются в такую-то сторону…

Что же, некоторые «художники» каким-то «чудом» приподнимаются над волнами и держат нужное вертикальное положение, и флаги у них правильно реют, но ведь океан-то от этого не успокоится… А кто-то гибнет в это время, тонет, и нет ему спасенья, не хочет схватиться за что-то там в небе или не может, не умеет иначе.

Может, надуманный образ? Но почему-то не дает покоя. Ведь, по сути, с 20-х годов (начиная с монументальной пропаганды) наше искусство честно выполняло миссию «вертикальности», каким-то чудом или чем другим, но висело высоко над волнами (как «Кавалер Золотой Звезды»), и ясный путь был начертан и кинематографом, и театром, и живописью, и музыкой даже (о литературе уже не приходится говорить), целый мир создан был там где-то… в небесах: смотри, подражай, учись! И так, почитай,

до конца 50-х годов. Целый мир, со своими законами, узнаваемыми характерами, поступками, судьбами и т. д. и т. д. А результат? Теперь, в середине 80-х, хотелось бы видеть *результат*.

Искусство. Пропаганда. Одно ли это и то же? Надо крепко об этом подумать. Где граница? В чем несовместимость, если она есть?

О позиции художественной и позиции пропагандистской, газетной, т. е. сиюминутной, без оттенков.

Шолохов — «Тихий Дон» — Григорий Мелехов? Чего ждали от последней книги Аретино (1492–1556)? Современник Макиавелли, Ариосто. «Я показываю людей такими, какие они есть, а не такими, какими им следует быть» *(Дж. Лоусон)*.

Четкий путь к театру Ибсена и драматургии наших дней.

22 мая 1984 г.

Страшновато как-то оставлять здесь слова… Перед гастролями перебирал бумаги и пр. — наткнулся на этот блокнотик. Чудо, что за игру придумал!

Прошло еще *четыре* года. Боли отболели, удачи прилетали и улетали, да и что теперь я считаю удачами? Ушли одни проблемы, пришли другие. Нет, мне и теперь не кажется смешным и наивным то, что было, и теперь приостанавливается сердце при таком вот воспоминании, и все-таки… Мне 37 лет. Поселился ли покой в моем сердце? И да, и нет. Болеет Таня, и все прочее отступает перед этим, и задыхаешься от бессилия и невозможности помочь родному человеку.

А какие бывают дни? Вот как сегодня — счастливые, хорошие дни…

Истины пока никакой не открыл, но понял, кажется, важное: человек рождается, не зная ничему цены, настоящей цены, подлинной… путается, переплачивает, теряет… Вот так методом «проб и ошибок» строит он свою «систему цен»… Свою!

25 мая 1984 г. Омск

Последние часы дома. Танюша все моет и чистит, чтобы оставить квартиру в блеске. Собираем вещи, как всегда, в последние дни суета и беготня, чтобы не забыть.

Вчера закрыли сезон и отметили 110-летие родного театра. После спектакля говорили хорошие слова, публика рукоплескала, все было приподнято-торжественно, нежно и грустно.

Набирается с собой куча книг, конспектов и проч. Двое суток (без 4-х часов) болтаться в вагоне.

28 мая 1984 г.

Вчера в 17.00 прибыли в Пензу. С погодой повезло, в поезде было не жарко. Ехали без опозданий, что почти чудо по нашим временам. Поселили в гостинице «Пенза» (№ 426), номер приличный (полулюкс), единственное разочарование — отсутствует письменный стол, работать можно только на тумбочке, это неудобно и раздражает.

Проснулся рано (в 6.00), сказывается разница во времени. Побегал по берегу Суры, место хорошее. Позавтракали гречневой кашей с молоком, сейчас на телевидение.

Будет жарко. Температура +24–26. Как бы так собраться с мыслями, сосредоточиться и работать не распыляясь, нужно многое сделать за этот месяц, как минимум две работы по режиссуре, диамат и проч. Надо составить расписание и жестко придерживаться.

31 мая 1984 г.

Документальный фильм «Государственное отношение». Текст — Мих. Ульянов. Спасенная от пожара газовая скважина, цена победы трудящихся.

Межведомственные неувязки.

Бюрократизм многолик, но мы привыкли видеть только верхний, не самый опасный, срез его — бумажная волокита, справкомания и т. д.

6-го с «группой товарищей» ездил по историческим местам края. Побывал в Чембаре, на родине Виссариона Григорьевича (ныне Белинское), осмотрел бывшее уездное училище, где он начинал учиться (кстати, ни одного заведения так и не окончил неистовый Виссарион — училище оставил, гимназию бросил, из университета — выгнали). Мемориальный дом-музей.

Тарханы рядом. Километров 40, и вот уже родина другого великого. Фамильный склеп. Спускаешься по крутым ступенькам вниз (горят свечи), большой металлический гроб — наверное, слишком большой для Михаила Юрьевича. Рядом церковь в лесах, «реставрируют»; «да вот ломать не надо бы было». Идиоты.

Имение красивое. Несколько подлинных вещей, кресла (2 на 2), зеркало (это жутко), рисунки и проч.

Дуб у пруда, посаженный якобы Мишей. Лягушка. Пруды. Жарко. Пахнет травой.

Губернатор Пензы Селиверстов оставил городу 500 тысяч рублей: на постройку рисовальной школы, библиотеку, более 250 картин, которые стали основой галереи. Этот жуткий классовый враг, и зачем ему нужно-то было?

Картинная галерея им. Савицкого.

11 июня 1984 г.

Музей театра в доме Вс. Э. Мейерхольда. Хорошо, заботливо все сделано, даже волнует…

Вчера, т. е. 15-го, играли «Качели» в Кузнецке, был «проданный» спектакль медикам. Играли без антракта (!).

Продуло в машине на обратном пути, болит шея. Настроение гнусноватое, раздражаюсь и т. д. Работать не хочется, сходил в баню, но и это не помогло.

Сначала закончу о Пензе. Последние дни были богаты на интересные знакомства. В творческом отношении театр прошел превосходно, потянулись к нам люди, местная интеллигенция. Люди хорошие. Семья Слицан, Роман Григорьевич и Наталья Александровна, собиратели «Пушкинианы»; удивительная коллекция произвела на нас потрясающее впечатление; обладают они и удивительной коллекцией глиняной игрушки (подарили нам две глинки *Зоткина* чудные). Несколько раз собирались в мастерской у Люды Маневич (прекрасный график — запомнился пушкинский цикл и др.). Познакомились там же и долго общались с чудным человеком и художником Иодынисом Эдуардом Станиславовичем (и его женой Лидой Сухоруковой), автором картины «Город дураков». Долго сидели у него в мастерской. Ничего не получается: сидели, смотрели, познакомились! А рассказать толком, что это за люди, что за прекрасные часы провели мы вместе, сколько говорили об искусстве, театре, о жизни нашей… не могу, не умею. А ведь это были счастливые дни, живое, естественное общение, которого так не хватает и им, и нам, так не хватает. И мы искренне были счастливы (правда, в жизни редко бывают такие цельные дни). Саша Винницкий играл свою программу, я читал из испанцев, смотрели картины, спорили о наших спектаклях, о театре вообще, расходились ночью и не хотелось расставаться, а на следующий день все с начала.

Рита Сидоренко устраивала специально для нас выставки детских работ (она директор детской художественной школы), Таня читала вслух пьесу Виктора Сидоренко, прекрасную одноактовку о фронтовой подруге. Потом все они пришли на вокзал, и расставаться было очень грустно.

Мы, наверное, долго будем вспоминать Пензу — и как момент хорошего тонуса нашего театра, и как время *прекрасного общения,* насыщенной духовной жизни.

В Москве провели целый день с 9 утра до 1 часа ночи. Таню оставили у Инны Михайловой отдохнуть, а мы с Ициком

побежали в «Современник», чтобы день не пропал, посмотрели старый спектакль «А поутру они проснулись». Спектакль действительно старый и уже мертвый. Нам так играть, конечно же, нельзя, у нас просто зрители уйдут, если *так* будем играть, спокойно, без затрат особых, не надрывая сердце.

Гуляли по Москве, зашли в мой институт. Потом забрали Танюшу, поужинали в ВТО, встретили здесь Игоря Попова.

А теперь Ленинград.

Живем в гостинице «Октябрьская» (№ 201). Работаем в ДК им. Горького. Здание ужасное. По-моему, оно загубит нам гастроли. Играть здесь просто противопоказано, во всяком случае, нашему театру. Мигдат сошел сума, или ему уже все равно. Последствия могут быть самые нехорошие. Настроение, естественно, подавленное. Со страхом ждем «Качелей». Просто ужас! А сегодня Таня играет Вирджинию, что будет?

Посмотрели у Гоги *(Г. А. Товстоногова) «*Смерть Тарелкина» — впечатлений писать не буду. Это — да! Это называется — человеку 70 лет! Мыслит как юноша. Это высший класс!

6 июля 1984 г.

Заканчиваются белые ночи. Мы с Ициком *(Ицков Юрий Леонидович — один из лучших артистов нашего театра и всех других театров, один из лучших друзей. Короче — один из лучших!)* успели погулять по светлому ночному Ленинграду дважды. Сердце ноет от близости Пушкина. Дом-музей на капитальном ремонте, но можно стоять рядом на набережной и смотреть на *эти* окна.

Вчера Таня сыграла первый спектакль «Вирджинии». Очень трудно настраивалась, и у меня душа болела. Кроме всего прочего, на сцене нет каких-то ближних штанкетов, и декорацию пришлось ставить на четыре метра глубже. Я на спектакль не пошел — побоялся. Однако кончилось все хорошо. Пришла почти довольная. Обходится это, правда, не дешево, где только она берет силы.

Институтские дела забросил совсем — как приехали в Ленинград, ничего не делаю и совсем не хочется что-нибудь делать. Читаю историю философии.

7 июля 1984 г.

Вилькин *(Вилькин Александр Михайлович — актер Таганки, известный режиссер и педагог)* давал «ужин» в своем номере. Впрочем, ужин можно писать и без кавычек; было много всего, вплоть до черной и красной икры. Познакомились с Татьяной Михайловной Родиной, автором нескольких интереснейших

книжек, в том числе о Достоевском. Присутствовал еще живой американец, хорошо говорящий по-русски, Harlov Robinson. Говорили в основном о потрясшем их спектакле «Вирджиния Вульф». Т.М. прекрасно «прочитала» намерение театра, тонко и изящно разобралась в концепции, что, к сожалению, редко случается с сегодняшними критиками, и вообще, кажется, сердцем прочувствовала те неимоверные человеческие *затраты,* которыми живет спектакль.

Американец (человек, занимающийся театром, пишущий о театре) просто сказал, что в Америке нет такой актрисы и сегодня нет такого спектакля на Бродвее. Говоря нашим языком, он просто *обалдел,* не мог предположить, что в Сибири может быть что-то подобное.

Сегодня в ВТО было обсуждение прошедших спектаклей. Выступали доктора искусствоведения: Гительман, Смирнов-Несвицкий (Ленинград), Родина (Москва) и кандидат Калмаковский (Ленинград).

В целом все говорилось по самому высокому уровню. О театре говорят как о коллективе, участвующем в общем театральном процессе Москвы и Ленинграда, были и дежурные глупости критического цеха, и желание блеснуть собственным остроумием (Калмаковский), однако в допустимых размерах. Те справедливые претензии, что были произнесены, мы и сами, конечно, знаем. Знаем даже лучше и больнее. И проблемы, стоящие перед нами, остаются только *нашими* проблемами.

Сейчас идем играть «Качели». Идем на бой. В этом зале играть невозможно.

10 июля 1984 г.

Дни летят. Как всегда, к последним дням гастролей время уплотняется невероятно. Столько встреч, впечатлений, что не успеваешь все переваривать.

Прежде всего о спектакле. Опять победа, как ни смешно об этом писать. Начали очень напряженно и совсем необычно для себя. Может быть, это лихое «будь что будет» и придало сил. И потом какая-то необыкновенная свобода. Радисты поставили по краю сцены три микрофона, но это, конечно, для самоуспокоения. Все равно на этой сцене и перед этим залом (2400 мест по последним данным) ощущение такое, будто играешь на берегу моря. Однако уже во второй картине почувствовали ту самую *тишину,* ради которой все и делается. Мы воспряли, естественно, своими переболевшими душами и, что называется, «погнали». Прошел спектакль прекрасно. И на второй (18 июля) мы уже шли спокойно, уверенно. Ленинград раскачали, шум вокруг театра

приятный, сборы хорошие. Теперь совершенно ясно: не сотвори Мигдат этой глупости со зданием, работай мы в любом *театре* — и был бы полный *триумф*. Отлично проходят «Вирджиния», «Качели», «Лекарь поневоле», «Лестница». «Нашествие» записали на телевидении.

У Танюши силы на исходе. Так «пахать» ей, конечно, нельзя. Такие нагрузки и для здорового человека непосильны, а тут еще сложности с диетическим питанием, режимом и т. д. Иногда трудно представить, как она соберется на спектакль, а зайдешь в гримерку перед началом той же «Вирджинии», смотришь, уже готова, глаза горят… Администратор, даже самый хороший, все равно насильник, артиста «берегут» только на словах, и в корыстных целях. В Ленинграде интересно не только работать, конечно. Описывать все наши путешествия и поездки по «памятным местам» не стану. Лучший из лучших, прекраснейший город — город-музыка, город-музей, город-произведение искусства.

Очень помогло, что приехали из Ростова на своих «Жигулях» Вета и Толик. Мы садились в машину и на самой маленькой скорости скользили вдоль каналов, по переулкам и улицам.

Долго писать не получается, что-то или кто-то перебивает… Ну вот, на реплику вошла Таня с распухшим правым глазом — перед самым началом «Вирджинии» (а сегодня уже 2б-е) вдруг открылся острый конъюнктивит или что-то такое, глаз распух, сильно гноится, болит… Так играла все три акта, смачивая в промежутках чаем, потом принесли из аптеки альбуцид.

Читаю о крещении Руси у Н. С. Гордиенко («Крещение Руси: факты против легенд и мифов», Лениздат, 1984 г.). Много тенденции и хилой аргументации. Любопытна мысль об «обрядоверии» в Русской церкви — обряд из средства превращается в самоцель, подменяя сущность веры, в этом есть, читается по крайней мере, некая изначальная «театральность» русских. Театр, по сути, тоже некая подмена реальности, в которую часто веришь больше, чем в реальность, и которая у таких «раскольников», как мы (артисты), часто становится второй реальностью или даже первой.

С утра ходили с Танюшей на Литейный в глазной травмпункт, так и есть — инфекционный конъюнктивит. Выписали кучу капель и проч. Доктор, оказалось, смотрела «Качели», и была очень внимательна. Получили расчет, т. е. отпускные и зарплату, что составило на двоих 579 рублей.

Наибольшие впечатления по спектаклям: «Дом» Абрамова и «Муму» по Тургеневу в Малом драматическом (смотрел 19-го). «Дом» — постановка Додина, спектакль новой формации, в русле

лучших открытий — «проза на сцене». Надо думать, сегодня это — особый род театра. Требует создания мощной *сценической атмосферы,* созвучной роману в целом, что режиссер прекрасно демонстрирует. *Актерский материал* театра, без всяких сомнений, значительный, ниже, скажем, значительно нашей труппы, встречаются откровенно слабые артисты, но вот парадокс: они почти бессильны разрушить изнутри, прорвать структуру спектакля.

Это не актерский, но и не режиссерский театр, это какая-то другая ступень, какая-то другая плоскость, что ли, *театра* вообще. Здесь тот *симбиоз* коллективного творчества с прицелом на лидера (режиссера), который сегодня мне, например, чрезвычайно интересен. И художник Э. Кочергин тоже вплавлен в этот единый (употребим технократический термин для пущей важности) конгломерат.

Что завораживает? Что заставляет сидеть четыре часа (а это даже просто физически трудно) и душевно работать? При полном использовании всей режиссерской палитры (цвет, звук, свет, мизансцена), при постоянно дышащей, меняющейся атмосфере, при бесконечной смене видимого образа (пусть аскетичного, но чрезвычайно точного и конкретного), будящего ассоциации — обостренно-пронзительное существование артистов (и в «громких» и «тихих» местах) на «краю», так сказать, психологических возможностей. Ну, это все мудрено пишу, проще, к сожалению, не получается, а искусство должно быть простым. И там все-таки *все просто.* И здорово.

«Муму» — постановка Фильштинского. (Калашников рассказывал, что большую руку приложил Додин на выпуске спектакля, в конце концов это неважно — одна задумка золотого стоит.) Писать об этом спектакле — все равно что рассказывать музыку.

Опять частенько прокалывались актеры, труппа все-таки в большинстве слабая. Но с другими артистами, со «звездами», так сказать, такого спектакля не поставишь.

Несколько дней ходил под впечатлением. Прекрасный спектакль.

«Качели» принимаются на «ура!». Хуже всего шел третий спектакль, по «закону бутерброда» его-то и смотрел Додин. Таня было расстроилась, а стоит ли? Все путем. Нужно дорожить *своей* судьбой, такой, какая она есть. А она у нас, ей-богу, не самая плохая.

23 июля 1984 г.

Все катится к концу. Сегодня «Царская», завтра последний

спектакль («Поверю и пойду»), и все. Билеты нам взяли на 30-е до Ворошиловграда.

Утром паковал ящик с книгами, который отправим с театром. Потом побродил по городу, может быть, сегодня еще погуляем ночью по набережной Невы.

Сказывается наше нестоличное происхождение — утомляет многолюдие, суета и т. д.

Каждый день звонит Боря К. (приехавший сюда из Москвы на эти дни), зовет на всякие туристические подвиги, но нам тяжеловато. Никто не может понять «расходы энергии» на гастролях, нетеатральные люди воспринимают это как отпуск. Объяснять трудно, да и надо ли?

Сережа улетел в Ростов 26-го.

В театре полные аншлаги. Опять же побеждаем во *второй* половине гастролей.

28 июля 1984 г.

Прилетели в Перевальск 30-го, вернее в Ворошиловград, а в Перевальск ехали на такси, к обеду уже были дома.

Милые мои «старички» так старались в эти дни для нас. Первого августа приехали еще и родственники: Танина мама, сестра и племянник Алеша, гостили неделю. С трудом, но разместились в нашей маленькой квартирке, и было хорошо. Перевальск в этот раз понравился даже Тане, тихий, зеленый, безлюдный и сытый. Папа выглядит хорошо, никак не тянет на свои 63 года, просто молодец, строен и бодр. Мама болеет, но в эти дни виду не подавала, вертелась, все готовила и, может быть, была немного счастлива.

А я как-то не могу, не умею дать ей больше тепла, ласки, а вот сейчас расстался с нею на автовокзале — и корю себя, и больно.

Без даты

Приехали в Ростов, а завтра летим в Вильнюс. В санаторий Бирштонас. Впереди целый месяц покоя, надеюсь, работы. Попробую провести с пользой это отпускное время. Размагнитился немного, успокоился — это плохо. Надо не забываться, и потом, внутри у меня зуд какой-то, хочется работать, заниматься делом.

Моросит дождичек. Ростов — хорош. Пролетел ровно год, как день! Невероятная скорость.

Гастроли уже как-то «отлегли» в душе. Не хочется ни анализировать, ни вспоминать.

Танюша складывает вещи. Брать или нет с собой эту

тетрадку? Нет, наверное, не возьму… Оставлю пока. Здесь, в Ростове. Сейчас звонил Кригмонт *(Кригмонт Анатолий Яковлевич — «наш Толик», как говорила Таня. Друг ростовской юности… и на все времена.),* вечером заедет к нам.

8 августа 1984 г.

Прилетели из Вильнюса 1 сентября. Месяц пролетел незаметно. Бирштонас запомнится надолго как прекрасный, чистый, милый городок, в который мы просто влюбились. Много читали, много гуляли по лесу и жили тихим счастьем. О театре старались не вспоминать, хотя, конечно, вспоминали… и говорили… говорили. Ее просто *укатали* на этих гастролях, и никакой успех не компенсирует тех кровавых затрат, сил, нервов…

Там писал в другую тетрадку немного.

1-го приехали в Вильнюс на автобусе, вечером встретились с Витасом Д. Сидели в ресторане (на вокзале), ужинали, потом он проводил нас в аэропорт.

Сегодня летим в Омск, родной, любимый Омск.

В Ростове, как всегда, прекрасно. Целый день провели на даче у Кригмонтов — шашлыки, благополучие, комфорт, авто и т. д. Ах, ах! Для артистов такая жизнь — профессионально опасна! Это почти всерьез. Думаю, конформизм — одна из сильнейших составляющих в структуре человека. Если не самая *сильная.* Смотря как рассматривать этот термин.

Но это, наверное, самые близкие наши друзья. Даже как бы и не друзья, как бы это сказать, не знаю, просто — *близкие,* пожалуй.

Собираем вещи. Едим груши — ярко-желтые, сочные груши из сада.

Вечером придут Толик с Ветой и Нинкой. Последний ужин в Ростове.

4 сентября 1984 г.

Итак! Итак, все с начала.

Прилетели сегодня в 9 утра домой в Омск. Дорога (полет) показалась очень быстрой и неутомительной.

Дома полный порядок. Вытерли пыль, вымыли пол, сбегали в магазин, приготовили обед и потом копались до самого вечера.

Позвонил Левицкий, завтра утром будут просматривать на ТВ пленку «Наедине», приглашал посмотреть, если интересно; наверное, пойду, хотя, уверен, долго не выдержу. Со стороны смотреть на свою работу просто мучительно, сколько раз уже испытывал это.

Наконец-то сел за свой любимый письменный стол! Господи, хорошо-то как, и пишется с каким-то легким настроением, и, кажется, сил и здоровья много, и многое, многое можно успеть.

Вот как успевать буду, не очень-то пока знаю. Времени остается крайне мало. Надо форсировать.

Очевидно, рискованно я поступил, так растянув работу над Платоновым. На будущее — наука! Материал не то что бы приедается и «разонравливается», а просто, еще не родившись толком, «задумка» (внутри, в себе) уже становится отыгранной. Теряется блеск и трепетность. Нет, такие штуки надо брать сразу. И вообще работать надо быстрее.

Наверное, все-таки сказывается мой возраст (37 лет все же!), для спорта, например, потерянный старик, а режиссура по затрате, *сосредоточию,* нагрузкам психологическим и физическим, бесспорно, спортивная профессия. А тут — то спина ноет, то голова, то… Бороться с собой все труднее. Вот в Бирштонасе упорствовал с бегом, но чем дело кончится, еще неизвестно.

Наконец-то нашел в «Искусстве кино» статью А. Васильева «Разомкнутое пространство действительности». Прелюбопытнейшее размышление на тему «театр и кино», хотя мне кажется, что это все только о театре (кино, вернее сравнение с кино, — условный повод еще острее задуматься о театре).

Буду еще читать и перечитывать, во всяком случае сегодня уже невозможно работать, всерьез не «прожевав» всего этого своими зубами.

Вот что досадно: многое из его размышлений, очень многое приходилось щупать своими руками, приходилось мучиться этим и искать выходы — но вот оформить так в слове, как это у него, очистить от сопутствующей шелухи — мало кому дано. У нас ведь *шелухи* много, вот беда.

Ого, посмотрел на часы: половина второго ночи, опять будет морока с разницей во времени… Спать, что ли? Танюша уже спит, выключила свет в своей комнате. Как хорошо, что отказались от затеи махнуть еще и к морю на пару дней; заманчиво, конечно, но надо себя сдерживать, ничего не поделаешь.

Завтра, завтра… Сделать то… не забыть это… и т. д. Начинается! Начну все-таки с писем, напишу большое письмо старикам, потом Леночке, Насте. Это лето неудачное в этом смысле: совсем не виделись с дочкой, даже не знаю, где она была, как провела каникулы. Не балует папу письмами. Ну, ладно. И в самом деле пора спать. Завтра…

5 сентября 1984 г.

Танюша пришла из больницы и сообщила, что завтра кладут, ну, может быть, в лучшем случае в понедельник.

Анализы плохие. Хуже, чем были летом в санатории. Очень мы расстроились, да что же это такое! Боже, что же это на нас? Никак, никак не можем вырваться из этого круга! Да и санаторий скорее всего этот пошел ей не на пользу, нужен был, конечно, Железноводск или Ессентуки, но путевки нам туда не дали.

Ну, ничего… главное — не расклеиваться и помогать ей. Ей-то во сколько раз тяжелее. Танюша, Танюша. Через два дня открытие сезона. Сезона, который неизвестно чем обернется для нашего знаменитого театра. Какое перекрестное время… Что нас ждет?

Все эти дни буквально не выходил из дома, с утра до поздней ночи сижу за столом. Написал работу по Платонову (уже в перепечатке), сейчас додумываю П. Васильева *(Павел Николаевич Васильев (1910–1937) — замечательный сибирский поэт.)*. Завтра, наверное, уже начну писать. Придумалось, кажется, неплохо. Тане рассказал задумку — ей очень понравилось. Долго мучился с Васильевым, одно время просто отчаялся… Жаль только, что все это так поздно, времени совсем не остается, сейчас бы просто почитать книжечки по философии и проч. Что-то плохо учусь на собственных ошибках… плохо.

Боже, опять оставаться дома одному. Помолился бы, если бы мог… Если бы мог…

Вспомнил, как мы в Вильнюсе заходили в православную церковь. Красиво и запах… Этот запах откуда-то из детства, я ведь помню, как меня крестили, я был уже большенький, как говорят, помню.

12 сентября 1984 г.

Вот такой грустный день. Был сбор труппы сегодня утром, а мне пришлось идти одному… Обычно это очень радостный день, все приходят красивые, нарядные и целуются… Я отсидел торжественную часть и побежал скорее домой, Танюше нужно было идти в больницу к часу. Она уже все приготовила и ждала меня. Посидели, погоревали немного, но вообще она умница.

Потом пошли пешком по набережной. Было очень красиво, солнечно, но уже прохладно. Говорили о том, что, очевидно, наступает с возрастом какой-то рубеж, когда меняется цвет жизни. Ведь все раньше было: и тяжелые стрессы, и болезни нелегкие, но все это как бы пролетало по касательной, а внутри, в душе где-то все-таки пела надежда. Может быть, это и была молодость? Черт возьми!

Потом целый день сидел, печатал. Закончил (наконец-то)

курсовые работы. Получилось неплохо, но только все бы это месяца на два пораньше.

Над Васильевым одно время уже отчаялся думать, потом вдруг наскочил на строки, которые сто раз читал, и почувствовал, что тут можно сделать что-то… Получилось очень недурно. Читал сегодня Ицику, ему понравилось.

Дома тихо-тихо. Очень тяжело оставаться без нее, теперь все труднее и труднее. В груди ком какой-то. Тишина звенит.

В театре завал; пока еще в начальной стадии, но угрожающий развитием.

14 сентября 1984 г.

Вчера «Нашествием» открыли сезон. Театр подмазали (внутри), постелили паласы в гримерках, повесили новые шторы и проч. — такие домашние потуги на Академию. Однако пустота какая-то чувствуется. Творческому организму невозможно долго существовать без лидера. Болезнь Артура сказывается уже серьезнее, чем раньше. Гена приступает к собственной инсценировке Алексиевич «У войны не женское лицо». Артур должен был начать «Рядовых» Дударева, но вот — пауза. Может быть, прилетит Саша Вилькин (он на любые варианты согласен), начнет вместо него…

В труппе — тишина. Опасная, мне кажется, тишина. Как это Григорий Орлов говорит: «Великой державе застой опасней поражения».

Сегодня утром прибегала Танюша из больницы, побыла немного дома. Танюша, моя родная. Если жизнь в полосочку, то, верно, сменилась светлая полосочка на темную, что же делать? Надо собраться, собраться, чтобы выстоять. Другого пути у нас нет. Об этом и говорили с нею все утро, и потом, пока шли по набережной до больницы. (Никто не заметил, как она удрала из больницы, благополучно вернулись.)

Потом зашел в магазин, купил яиц десяток и котлет. Крутился на кухне целый день, готовил обед. Потом обедал. Закрутил три банки помидор на зиму и т. д. Так вот и провертелся до шести вечера. Ладно, пусть будет выходной у меня сегодня, тем более что вчера отослал курсовые в институт.

Сейчас разыграл (по газете) вторую партию Карпова-Каспарова, интересная, но… и гроссмейстеры делают ошибки.

Книжечку в зубы и на диванчик. Почитаю. Завтра много дел. Последние дни нужно использовать, перед Москвой.

Дома хорошо… но одиноко. Как же мне уезжать? Так и писал бы одно слово: *Боже, Боже, Боже!* Только не ныть.

16 сентября 1984 г.

Какая ночь! Льет дождь… Тихо и пусто, нет — дождь и пусто…

Читаю пьесы. Много. Всю зарубежку. Очень грустно. Надо как-то пересилить себя, как-то победить пустоту… Одному не под силу. А мне надо помогать ей. Как, как? Чем? Сначала победить себя, найти силы в себе для жизни день за днем.

Не могу писать. Очень трудно. Неужели теперь всегда будет только трудно? Мне кажется, я бы смог сделать все что угодно: поднять любую тяжесть, пройти сколько угодно километров, построить небоскреб и проч. и проч. Но ничего этого не нужно, не требуется. Нужна такая «малость» — жить и помогать ей, чтобы ей было легче.

22 сентября 1984 г.

Человек создает себе в длинной монотонной жизни подобие Начал: Рождения, Любви, Смерти. Собственно, все крутится вокруг этого треугольника (или движется вдоль этой оси?). Жить трагично — больно, жить *не* трагично — скучно. Далеко не каждому дается прикоснуться к *подлинной* жизни, т. е. к одному из этих Начал в их высшем (чистом) виде, но человек хитер, он иллюзионирует жизнь, он строит нечто похожее (каждый день), но не *больное* (не трагичное — подлинно).

Смысл человека — *отдать* себя. В сущности, Любовь — это отдать! Но легче ведь построить «макет» (бесконечно веря в него, конечно) Любви, и *не* отдать себя подлинно (любовь — боль обязательно, а так можно без боли); так и с рождением, и со смертью даже.

Вот об этой иллюзорности, вернее, о ежедневной игре в подлинные «начала» стоит подумать. Тут где-то суть «игры» как таковой, как составляющей: хомо сапиенс, и т. д.

1. Человек — мыслящий (думающий).
2. Человек — созидающий (строящий).
3. Человек — играющий (ludense).

Драма лежит в фатальном перекрестии, когда очередное вымышленное (игровое) начало оборачивается *подлинным* (вдруг). Человек, как правило, не готов к этому (раздвоение от потрясения, человек страдает и видит себя страдающим) — он же игрался!

Тут и *природа* театра. Видеть, подставлять себя, страдать (подлинно, но коротко, на время) и опять оставлять жизнь (подлинную боль т. е.) в дураках! Очень заманчиво! И очень по-человечески! *Желание сна!* Да, это можно назвать «желанием сна».

24 сентября 1984 г.

Три дня назад Танюша играла «Вирджинию» (привозили из больницы). Кончилось это плохо. Во время спектакля носом пошла кровь, ей пришлось глотать, чтобы зритель ничего не заметил. Партнеры перепугались, но зритель, конечно, не заметил ничего. Сгустки крови сплевывала прямо на сцену (за креслом, прячась). Это страшно для новых партнеров, они и текст перезабыли сразу.

У нас это случалось на спектаклях не однажды (первый раз, помню, еще на «Любви под вязами»). Я подбежал сразу после закрытия занавеса, ее всю трясло и стало рвать.

Это тяжело перенести. Жутко. И ничего не можешь, только поддерживаешь руками и бормочешь: «Ничего, ничего… сейчас пройдет, потерпи, детка…» Домой привез ее в плохом состоянии, очень болела голова, и все тошнило. Она все твердила: «Хорошо, что не в больницу, а то врачи бы перепугались и больше не отпускали бы играть». Долго сидела в ванне, нашли таблетки, сильные. Часам к двум ночи все прошло, и даже повеселела. Но уже не спала до 7 утра. Утром в 8.30 уже шли с ней по набережной в больницу (она обещала не опаздывать). Вот какой грустный спектакль был. На следующий день я говорил с Мигдатом, и он, надо сказать, сразу со мною согласился, что *пока* ей нельзя играть «Вирджинию». Нужно законсервировать спектакль.

Когда сказал ей об этом разговоре, расстроилась, и мы даже чуть не поссорились, но, кажется, сумел ее убедить. Это непомерная нагрузка для нее, это для здорового мужика и то *тяжелая работа,* нет, *это-то* гораздо тяжелее, чем работа.

А сегодня будем играть «Царскую». Я волнуюсь очень.

Хотя она говорит, что для нее это совсем не тяжело.

Целыми днями читаю. Прочитал уйму пьес и проч. Сделал конспекты и т. д. и т. д. День пролетает с сумасшедшей скоростью. Все время кажется, что делаю мало и плохо. Вибрация какая-то внутри, все забываю, уже стал записывать на листочках, что надо сделать, и все равно спохватываюсь каждый раз: ах! забыл! Пугаюсь — сколько времени уходит на всякую суету, быт, мелочи. Просто паника охватывает. Черт возьми! А эти мелочи все растут и растут и обступают со всех сторон. Пакость! Туда надо пойти, то принести… это купить, это сдать, в очереди постоять, тьфу! На одну жратву полжизни тратишь! Полжизни! Нет, не преувеличиваю нисколько! Письмо маме написать — откладываешь все, ладно, ладно, завтра! Вот эту тетрадку возьмешь и тоже, как преступник, на часы посматриваешь, вроде время воруешь.

Полный завал с деньгами. Все лето не посылал Насте, нужно было сейчас срочно отослать (снял последние с книжки). Теперь занял (благо нашлось у кого) 200 рублей, купил билет до Москвы и 150 отложил с собой взять, но ведь и тут чего-то есть надо, придется туда залезать, в эти 150. Заработка никакого, совсем. Как приехал, прислали с телевидения 20 рублей и из ВАП 6 рублей. Все! Просто как у того мужика из песни Высоцкого. Спина болит по ночам, просыпаюсь от боли. Таня договорилась с массажисткой, прихожу к ней в 5, и сразу идем в кабинет, мне делают массаж, она сидит напротив, говорим. Может быть, хоть к сессии станет получше.

Сейчас помою пол, уберусь. Может быть, придет после «Царской» домой. Дай-то Бог, чтобы все было хорошо.

Артур, кажется, решился оставить пост главного. Говорит об этом вполне серьезно и, что самое главное, с оптимизмом, как о выходе для него. Приезжал Феликс Григорян, они говорили втроем (Мигдат, Артур, Феликс) в больнице у Артура, и тот сам предложил такой вариант! Феликс вроде напуган немного, да и ошалеешь вдруг от такого предложения, так в стадии «разговора» это пока и осталось. Вполне верю, что Артур увидел в этом выход. Конечно, при условии, что это будет именно Феликс (а не кто другой). Они друзья, и альянс вполне реальный, без, так сказать, ущемлений самолюбий и т. д. Он болеет уже с Пензы и приступить к работе пока не может. «Рядовых», очевидно, начнет Феликс. Я знаю его только мельком, виделись в Москве, ну и по слухам театральным. На взгляд, человек интеллигентный, по слухам — режиссер толковый.

Танюшу обещают отпустить днем из больницы, завтра. Побудем вместе перед отъездом. Тяжеловато — грустновато — гнусновато на душе, и ехать никуда не хочется. Не знаю, может быть, там, при звуке «боевой трубы», взбодрюсь.

29 октября 1984 г.

Прилетел из Москвы еще 2-го, вернее, в ночь с 1-го на 2-е. И сразу закрутился, завертелся, дня белого не вижу.

Месяц московский тянулся на этот раз необычайно. Очень скучал по дому, по Тане… и уставал невероятно. Сессия интересная, время, люди, информация — все так спрессовано в этот месяц, что, конечно, нужно какие-то дополнительные клапаны открывать для приема.

Работали, как всегда, с утра и до ночи. В первой половине еще была какая-то возможность перевести дыхание, зато во второй…

Спектаклей посмотреть много не пришлось на этот раз. Что-

то, кажется, уже писал в другой тетрадке о впечатлениях… не буду…

Потрясений нет. Пожалуй, «Три сестры» любимовские — наиболее интересное из того, что удалось посмотреть.

Жил в этот раз на квартире (метро «Бабушкинская») с одним парнем из Орла (Вал. Симоненко). С квартирой очень повезло, с соседом не очень, впрочем, нормальный парень, но слушать о жизни орловского театра просто невозможно.

3 ноября

Зачет по режиссуре был 1 ноября. Делали инсценировки по Платонову и Павлу Васильеву и, как всегда, импровизации. Для кафедры опять семейное событие. Жаль, что не законспектировал разговор с нами Буркова и Гончарова. Что-то, наверное, и так запомню. Гончаров становится для меня в последнее время понятнее, и уже не хочется разделять ходячее мнение о нем — крикун, горлопан, самодур, деспот и проч. Думается теперь, что все гораздо сложнее — судьба художника на совершенно конкретном отрезке времени, истории. И статья его в «Современной драматургии», № 3 за этот год, показательна в этом смысле, а с нами он был (мог быть) еще более откровенным.

Ну, ладно, как бы то ни было, еще одна сессия позади. Экзамены сдал на «5». Домой улетел сразу после зачета по режиссуре и утром 2-го уже дома. Танюша чувствует себя неплохо. Почти все время дома. Не репетирует сейчас, а играет редко, слава богу.

А меня Мигдат назначил ассистентом у Феликса Григоряна на «Рядовых». Я с радостью согласился, и вот теперь «денно и нощно» на репетиции.

Быть ассистентом тяжело. Надо принимать и соглашаться с чьим-то взглядом на пьесу, на театр и проч. Мне это почти не удается. Сижу на репетициях и утомляюсь до ужаса от сдерживания самого себя. Не думал, что это будет так непросто. Практически я не согласен ни с чем! Вот смех! Ну, почти ни с чем. Методология его меня просто убивает. Все, что накапливаю в себе годами, и особенно сейчас, с Мих. Михом, все в противоречии с подобной режиссурой. Очень глупое положение у меня. «Выступать», спорить бессмысленно, да и вредно для театра, для работы. Надо все учитывать, все просчитывать, надо не мешать. Вот придет твое время, и, пожалуйста, показывай.

19 ноября 1984 г.

Как приехал из Москвы, еще и не отдохнул. Дни пролетают с космической скоростью. Ежедневные репетиции до 3-х, потом

обедаю, это уже 4 где-то. Хочешь не хочешь, засыпаю после обеда, встал, отряхнулся и опять надо бежать — теперь уже на вечернюю. Спасибо Танюше, сняла с меня все остальные заботы, суетню по дому, ходит на базар, в магазины, кормит и т. д.

Самое ужасное, что радостей от репетиций нет. Вообще-то я сразу почувствовал нечто странное в его режиссуре, но честно пытался понять, принять… Может, мол, я чего не понимаю. Все-таки за ним опыт, и немалый, регалии… Поди ж ты!!

29 ноября 1984 г.

Все некогда и некогда писать. Сегодня первый раз дома, и столько дел.

Премьеру сыграли 5-го и 6-го одним составом. Много было всяких перипетий. В общем спектакль не получился, на мой взгляд. И в основном по актерской линии. Менее всего виноваты, конечно, артисты. Артисты хорошие, если не с ними, так с кем же еще и репетировать. Беда в режиссуре. Вот как странно. В опыте Григоряна тоже сомневаться не приходится. Да и говорят о нем столько хорошего, вот Изя Борисов на днях просто восхищался виденными ранее спектаклями. А тут не случилось. Я вообще не мог понять, как он работает с артистами. Мне показалось, просто не работал. Может, действительно торопился? Черт знает! Результат, как говорится, на лице!

Спектакль не выстроен никак. Темпоритмы случайны, спонтанны. Играют кто во что горазд — в смысле способа существования, отсюда и припадки безвкусицы наравне с пошлостью.

Думаю, он не понял пьесы и это было началом конца.

У меня еще будет несколько репетиций для второго состава, боюсь, что изменить что-то кардинально уже будет трудно. Попробую. Хоть немного что-то надо предпринять, хотя бы финал подтянуть.

Страшно, что труппа в большинстве своем почти ничего не понимает (производственное собрание, худсовет), диву даешься. Чего-то говорят, разбирают. Уберечь вкус, сохранять критерии внутри коллектива, хоть как-то уметь дифференцировать собственную работу — как это важно!

Тут я даже растерялся несколько молча. Ну, Таня, конечно, все сразу… Гена Тростянецкий, кажется, Мигдат… А старики наши какую чушь несли на худсовете! Ай-ай-ай!

Изя Борисов начинает разбор Солнцева, «Разговоры в темноте», хочет меня на главную роль (хотя ему по пьесе 52 года) и говорил об ассистуре. Вот об этом я сказал — подумаю. Если так, условно, не вникая по-настоящему в работу, то, конечно,

можно. А то… уж я хлебнул с «Рядовыми».

Сегодня у нас с Танюшей «Качели» во дворце «Звездном». Давно не играли, с Ленинграда.

Дома так хорошо. Сидел бы и читал книжки. И никуда. Готовиться к сессии не успеваю. Опять надо форсировать.

7 декабря 1984 г.

Идея. — *Самый искренний человек — Хле*стаков!! Потому что он предельно *верит* во все, что говорит. Предельно, искренне верит! И уж неважно, было ли это *в самом деле,* в какой-то там реальности (да и что это такое, какая-то реальность, в прошлом — реально по-настоящему только то, что *сейчас,* сиюминутно).

Человек не всегда способен разобраться в своих поступках, выявить подлинные мотивы, причинную связь (подсознание вносит коррективы не фиксируемые — часто — сознанием). И, выстраивая логическую схему происшедшего и своего места в этой схеме, человек дает *свое представление* (субъективное) об этом месте, мотивах, причинах и т. д. Оно может не совпадать и часто не совпадает с объективным (действительным) положением вещей. Степень веры (убежденности) в *свое представление* — есть мера искренности.

Не забыть: о «четвертой стене», разница в понимании. Или четвертая стена условна, т. е. «притвориться», что она есть, для того все-таки, чтобы убедить тех, кто за ней (зрителя) в подлинности происходящего на сцене.

Или: на сцене *действительно* происходит кусок *реальной* жизни во плоти и крови (четвертая стена как идея свободы, откровения, высокого безразличия к наблюдающим). Неважно, что началось это сценическое действие «нарочно», причина теперь уже неважна! Оно идет, совершается, и *это* факт! Этот факт только и важен, он убедителен потому, что материален. Это тоже четвертая стена — как понимать?

9 декабря 1984 г.

Кончается год.

Время у меня идет очень бестолково. Досадно и голова болит от этого. Просто бешусь иной раз тихой злобой, ведь вот уже сорок лет скоро, а все живешь не так, как хотел бы, делаешь в основном не то, что хотел бы, и т. д. Я так прикинул, ну, может быть, процентов 10 из всего, чем приходится заниматься, лежит в русле моей внутренней необходимости. Все остальное тягостная лямка. Дома сейчас бываю совсем редко, т. е. ухожу утром, потом прихожу на обед, отдыхаю час и опять еду в театр.

Выпустил второй состав «Рядовых». Это все, конечно, на том

же уровне. Исправить что-нибудь самостийно нет никакой возможности, а говорить на черное — белое и не нервировать артистов из воспитательных соображений — тоже противно.

Сегодня понедельник и у меня первый за долгое время выходной. С утра копаюсь в своих конспектах, пытаюсь что-то как-то выстроить во времени и пространстве. Сейчас пойду в библиотеку. Работы море — времени нет. И голова болит. И лень.

Пару репетиций с Изей было. Очень понимаю и язык, и энергию, и проч. Чтоб не сглазить, но… тут что-то, что не определить, вот чувствую что-то свое… интересно с ним будет работать… надеюсь.

Приезжали в театр Гульченко Виктор Владимирович и Гудкова Виолетта Вл., очень интересные и толковые ребята. Посмотрели 5 или 6 спектаклей. Хорошо пообщались. Отношение к нашему театру высочайшее, т. н. по самому большому счету. Наверное, на периферии сейчас нет равного (говорили о ростовской драме с ужасом). Было официальное обсуждение спектаклей с представителями обкома.

Особенно: «Вирджиния», «У войны…» и «Наедине со всеми».

«Мещан» тронули очень осторожно.

Ситуация складывается любопытно. Спектакли Тростянецкого уже не во многом, а можно сказать в основном, определяют лицо театра. Хватит ли у А.Ю. (да и еще при всех делах) духа понять, принять и т. д.? Сможет ли «красиво» прожить этот период? Нервничать немного уже начинает, кажется. Кто-то ему нашептал, будто я труппе заявил, что хочу учиться у Тростянецкого. И вот эта чушь для него показалась настолько серьезной, что позвонил «выяснить».

Трудно, все трудно.

17 декабря 1984 г.

1985

Событий много, писать некогда. Иногда дохожу просто до исступления. Ежедневно утро и вечер заняты. Отсутствие живого времени раздражает, приходится читать по ночам (до 3-х, 4-х), в результате не высыпаюсь.

На репетициях тоже пока не отрадно. Изя, по-моему, уже перепугался. Моисея В. снял с роли, стал просить, чтобы я не ехал на сессию (!) или хоть задержался на 15 дней до выпуска (!). Я, естественно, на корню, как говорится, отклонил эту мысль.

Долго думали, кого еще можно назначить на эту роль. Думали даже об Ицике. Ну вот. Теперь Кузнецов. Стараюсь «линять» с репетиций, чтобы хоть как-то почитать книжечки.

Вчера играли «Наедине», прошлым спектаклем Артур был недоволен, он и действительно шел как-то натужно, «через», вот ведь интересно, те же артисты, и такое же желание сыграть хорошо (а иначе и не бывает), и зал, и сцена, и все… Правда, зрители другие.

> «Усвоить психологию импровизирующего актера — значит найти себя как художника».
>
> «Все, что в мире актера принимает застывшую, неподвижную форму, уводит его от самой сущности его профессии — импровизации».
>
> *М. Чехов*

27 января 1985 г.

Прочитал 2 книги Гуковского: «Пушкин и поэты-романтики» и «Реализм Гоголя». Что-то вроде потрясения… Как-то не задумывался, что *наука,* пусть даже о литературе, может нести в себе такой эмоционально-информационный поток и содержать в себе столько *практически* приложимого методологического материала.

Это очень правильно, что поступил учиться, пусть даже «на старости лет». Ставить спектакли я, наверное, мог бы уже несколько лет назад, имея за спиной достаточный практический опыт (и театральный, и жизненный). Однако все более прихожу к убеждению (впрочем, достаточно хрестоматийному на сегодняшний день), что режиссура — совершенно особая профессия, требующая, несомненно, «регулярных» знаний, кроме таких «мелочей», как талант и опыт. Так называемая актерская режиссура — эмпирична, стихийна, и зыбкость ее рано или поздно выявляется. Несколько удачных, может быть, примеров не убеждают в обратном. В конце концов институт — это постоянная, регулярная работа в определенном направлении. Значит, и движение, и целенаправленность.

Кроме режиссуры как таковой, как предмета, ремесла и проч., на первом месте — философия. Особенно методологический аспект ее (диалектика). Тут море возможностей (практических!!!). Без этого работать сегодня в театре немыслимо (серьезно работать).

Потом аналогии из смежных видов искусств (литература, ИЗО и т. д.). Собственно театр есть синтез всех видов искусства плюс еще чего-то… И чтобы получить объем, услышать ноту сегодняшнего дня — аналогии точных наук. Математика, кибернетика, ядерная физика и проч. И проч. И проч. Взаимосвязи, линейный график, структурный анализ.

Танюша болела сильно — грипп. Температура была 39,4. Просто ужас, так мучилась. Теперь уже ничего, полегче, сейчас пошла в больницу закрывать бюллетень. Что-то долго ее нет.

Осталось несколько дней до отъезда в Москву. Опять расставаться. Уже заранее тяжело на душе. Ну, что делать, что делать? Раньше надо было учиться, когда гулял и пил водку, кого теперь винить. А правда, сколько времени потерял зря, это же… А может, не зря. Может, вот так длинно идти и есть мой путь. У каждого ведь своя дорога в жизни, в искусстве, тут ведь не срежешь угол, не пробежишь лесом напрямик. Это только кажется, что сэкономил где-то что-то. Иллюзия. Нет уж, как ни прискорбно, каждому свое.

28 января 1985 г.

Завтра улетаю в Москву на сессию.

Целый день кручусь, собираюсь.

Настроение какое-то неопределенное. Готовился так азартно, с таким детским интересом, особенно по литературе и философии, и вот, видно, перегорел… Вдруг как-то стало все смешно и все равно… Может, перегрузился просто. Однако… Во второй половине жизни, очевидно, важнее всего побеждать психику. Тут основной фронт.

Замкнулся как-то. От театра «отсоединился» напрочь. Автономен. Круг внимания сузился до собственных параметров — я и книги, я и мир и т. д. Этакий домашний наполеонизм.

Последние дни репетиции просто не мог смотреть. Ужасно. Зачем тогда все? Зачем так много всего… вокруг?

Перечел всего Пушкина и о нем много. Размышляю. (Убивает сопоставление Достоевский-Твардовский.) Что делает Время, даже с большими, очень большими художниками. А Твардовский именно такой. В чем же дело? Время… Мало родиться Христом, надо еще *вовремя* родиться.

Посмотрел «Мой друг Лапшин», фильм Германа, невероятно вытянулся, почувствовал и… детство так осязаемо по спине прошло… Просто и мощно. Если совсем не врать, можно добиться очень сильных моментов, очень сильных. Кое-где сползает, правда, на современные интеллигентские представления (переживания), ну, не без этого. Зато общий тон, весь закадр, объем — правда.

Смотреть, конечно, его не будут и показывать особенно тоже. Вот странно. Беда. От этого умереть можно.

Мы с Танюшей растем и стареем; становимся в ряды. Меня выдвинули кандидатом в депутаты райсовета. Как раз живой вопрос — выгляжу очень серьезно. А Таня теперь ко всем своим

«членствам» прибавила члена редколлегии журнала «Театральная жизнь», вчера Мирошниченко прислал официальную бумагу и т. д.

Господи, так и не заметишь, как все… Нет, нет… в Москву, в Москву…

Тетрадочку эту не беру из-за габаритов, возьму потоньше что-нибудь.

Ну, все. Скучно. Тяжело расставаться. И долго очень, очень долго. Фу… Ладно!

3 февраля 1985 г.

Прилетел утром 6-го. Столько событий. С чего начать?

Во-первых: дом! Танюша! Как мы устали друг без друга! Дома хорошо. Очень хорошо. Тепло, уютно, тихо.

Первые дни по прилете выдались тяжелые. Пришлось делать по 3 концерта в день (от филармонии). Не могли даже наговориться вволю. Потом день рождения. Были ребята — Ицик, Надя, Ленка, Эдик, Галя. Посидели, повспоминали. В основном рассказывал про Москву, про спектакли и проч.

К сожалению, рано разошлись, было заказано такси на 12 из-за ребенка Цеховалов, ну и разбежались все.

Сегодня в райисполкоме получил удостоверение и значок депутата… Да, вот так. Значит, определили в комиссию по культуре и спорту. Буду заниматься общественной деятельностью. Дел, кажется, много. Посмотрим.

С утра звонил Артур. Плохо дело. Опять заболел, и на это раз, кажется, все приобретает тяжелый вид. Очевидно, он уйдет на инвалидность на один год. Пока этого никто, кроме нас, не знает, но по его просьбе мы были вечером у Мигдата и обрисовали всю картину. Он, очевидно, ожидал чего-то подобного, во всяком случае, сам сказал, что еще дня два назад заметил, что дело неладно, что беспокойство Артура похоже на болезнь.

Завтра все будет решаться. Господи, завтра… И завтра же в 12.00 траурный митинг по К. У. Черненко (скончавшемуся вчера, 10 марта). Весь мир — театр, вот уж…

А что будет дальше с нашим театром? Артур уже больше года ничего не ставил, да и не влиял почти на жизнь театра, тем не менее — был. Возглавлял. Тому немало примеров в истории — это было какое-то подобие стабильности, постоянства. А что теперь — трудно представить! Ладно, не буду забегать вперед, время покажет.

Сегодня были на концерте (сольном) Плетнева. Плетнев играл Баха, Бетховена, Чайковского. Счастье. Праздник. Видеть

талантливого человека уже подарок, ну, а слушать…

Он слышит, или, наверное, чувствует музыку цельно, пропевает всю вещь душой, — пальцы бегают как-то вторично. Сами… А мы, артисты, часто просто запоминаем, какую клавишу после какой надо нажимать, очередность, так сказать, и посредством этой очередности (игнорируя порою даже ритм) пытаемся создать музыку.

Есть ведь музыка роли, из отдельных этих музык — ролей — рождается полифония спектакля. Тут очередностью не возьмешь.

Да, посмотрел «Мать и сын» — так теперь именуются «Разговоры в темноте». Ужас! Господи, возле какой пропасти мы стоим! Ведь эдак можно все растерять. С такими штуками. Все, что было в пьесе (а там было немного) живого, правдивого, за что можно было уцепиться и развивать — вытравлено, вымарано или замято, все гадости же, сопли, мура и проч. — раздуты и поданы как смысл. Сидел с трудом, все болело. А. — ужас, все жуткое, что есть в театре, в ней. К большому сожалению, в унисон с нею — и Н. Нет, это не стоит даже анализа — просто безобразие. Остальные кое-как карабкаются, что-то мямлят и проч. Какой театр?! Какая правда, какой ветер? Буря? Смысл? *Борьба?* Какие идеи? Вот беда — так беда! Вот! *Это* — упасть и отдать свою жизнь бессмыслице, глупости, позору. Боже упаси!

4 февраля 1985 г., Москва

Экзамен курса М. А. Захарова (1-й курс). Ощущение целостного *спектакля,* веселого, остроумного, даже изящного. Изобилие юмора скрашивает некоторую актерскую робость. Серьезен круг тем. «Дуэль» по Лермонтову (изобразительно!), «Нельзя» (это стул, это пол, это рука и т. д.), «Яблоко» — змей… волосы… доесть яблоко; «Раз в крещенский вечерок», «Сила любви», «Марафон», «Стрельба по цели», «Семья» (телевизор), звери (вообще *одушевление):* молоко, дихлофос, медведь, блоха-мазохист, осьминог.

Таганка, «На дне», играл первый состав (кроме Яковлевой). Странно напомнило артуровские спектакли. Много работы для рацио, много трактовочных моментов, чрезвычайно интересных, а все — холодно, нигде сердце не встрепенулось. Первым номером, пожалуй, Бортник Ваня — Сатин. Золотухин — Пепел — необычно. Смехов, кажется, просто балуется, а может, так и есть.

6 февраля 1985 г.

Театр имени Вахтангова. «И дольше века длится день…».

Ульянов все-таки хороший артист — вот все, что выносишь после спектакля.

Красивое оформление… и остроумное… а зачем?

Пашкова — смертный грех. Помню, как я ее любил когда-то!

Обидное явление — и сам роман вдруг, мне показалось, не так силен, как до спектакля. Спектакль убил ощущение от прозы.

7 февраля 1985 г.

Театр на Малой Бронной. Б. Васильев, «Вы чье, старичье?».

Новый главный театра. Художник Бархин.

Все чистенько, уютно. Осколки хорошей прозы… Скучно. Неправда… У Бархина хороши стеночки катающиеся. Ушел после 1-го акта.

Был у Райхельгауза. Ужинали. Смотрели фото. Много интересных. Например, с К. Симоновым, с А. А. Поповым. Интересно.

Сейчас приехал в номер — и вдруг один.

8 февраля 1985 г.

Лекции о конце театра Айхенвальда, кризис поисков Мейерхольда.

10 февраля 1985 г.

Вчера была лекция Банниковой по зарубежной литературе. Это не женщина, а… отбойный молоток по ритмам, энциклопедия по знаниям и проч. и проч. Впечатление неизгладимое. Общаться с таким педагогом год-два — счастье необыкновенное. Хотя сдавать ей, надо думать, большое несчастье.

Иду сдавать философию. Боже, помоги.

14 февраля 1985 г.

«Кто боится Вирджинии Вульф», «Современник». Оформление Бархина. — Хорошо. В отличие от нашего — локально, «комнатно» (по фактуре — дешевенько), архитектурное мышление, стилистическая история и проч. Спектакль — это Гафт. Блестяще. Боль «на просвет», а внешне — хлещет юмор, юмор, юмор. Характер — очень точно: он и юродивый, и смешной, и никчемный, и смятый, подмятый, проклятый, падший, и — Герой! Трагический — для тех, кто способен это увидеть.

Неелова — на своем хорошем уровне.

Парень — плох. Молод и плох.

14 февраля 1985 г.

Самое главное — не потерять *надежду!*

15 февраля 1985 г.

Иду сдавать русскую литературу. Все читал, все знаю, ощущение школьное.

Все, больше не буду стараться, чем больше «стараешься», тем хуже.

Выписал в Бахрушинском музее: «Театр — народная радость и народное дело… Театр — сила, организующая народную душу, выковывающая и выражающая народную мысль и волю народную». (*Из постановления Наркомпроса)*

18 февраля 1985 г.

Экзамены все сдал на «5». Остались еще пара зачетов и… режиссура.

Еще две недели, а тоска по дому уже невыносимая.

Ну, вот и все! Метро… трясет, писать невозможно. Танюша, моя хорошая! Все позади!

Без даты

Ленком, «Оптимистическая трагедия».

День потрясения. Я не мог себе такого представить. Спектакль «неразъемный», целостный — от «а» до «я». Читается даже неграмотным. Диалектика революции — вот она. Оформление Шейнциса — фойе, фото, импрессионистские картины, пол, стружка, люки… Пиротехника!!! Живопись. Начало. Скоробогатов — ветеран. Количество «массовки». Невозможность — «ставить» такие мизансцены и проч. Этюд!!! Явление комиссара (костюм). Фотография.

Песня (две группы).

Финал акта — пиротехника, 1 раз (вспышки — дым!!!).

Сцена Алексея — комиссара. — Ночь.

Манера говорить.

Сцена с фонариками (помигивание…).

Капитан.

Концепция — не произнести.

23 февраля 1985 г.

!!! Таганка, *«Серсо»* Славкина.

А. А. Васильев. *(Далее А. А. — прим. ред.)*

«Я вас пригласил только потому, что вы дети Мих. Миха., моего любимого педагога. Я думаю, что мы говорим на одном языке, хотя спектакль еще не готов и показывать его нельзя».

Малый зал. (Встретил Игоря Попова — он оформлял.) Славкин сидел в зале.

Филозов,

Гребенщиков,

Щербаков,

Полякова,
Андрейченко,
Петренко!!
Романов.

Это — не спектакль!! Это — что-то в другом, более объемном измерении. Как это делается, никому пока не понять. Васильев — грандиозный режиссер. Описать спектакль не могу, не в моих силах.

25 февраля 1985 г.

Театр имени Моссовета, «Вдовий пароход», режиссер Яновская.

«Высокий» пример мертвого театра. Просто ужас — это невозможно смотреть. Впечатление очень плохих артистов, а может, это так и есть. Вот провинция — так провинция. «Наигрывают», как… лошади.

Больно, тоскливо смотреть на реакцию зрителей. Боже, о каком там уровне может идти речь. «Кушают», просто едят эту гадость и получают свое удовольствие. Это мучительно, но… Огромный зал, красивые люди, оделись, пришли… Смотрят и… верят!

26 февраля 1985 г.

Театр «Сфера», Еланская.

«Комедиш Зощенко» — как понравился театр (здание)!! Чудо. Вот бы что-нибудь такое! Так интересно работать.

28 февраля 1985 г.

Репетиция М. А. Захарова. «Ревизор», 4-й курс Гончарова, в театре имени Маяковского, большой репзал. М.А. элегантен, вельвет в коричневых тонах. Репетиция спокойная. Легкие правки. Необычная интонация. Конечно, все сегодняшнее, от костюмов до идей и типов. Особенно типов.

28 февраля 1985 г.

14 часов 18 минут. Сдали экзамен по режиссуре. Играли своего «Лира». Зрелище получилось интересное. Кафедра приняла хорошо, говорили, что даже «праздник всего института».

5 марта 1985 г.

Чем больше читаешь, тем больше остается непрочитанного, этот парадокс пришел мне в голову и теперь не кажется парадоксом.

11 марта 1985 г.

Сейчас шел по улице. Повсюду флаги с черными лентами, портреты в траурных рамках, но атмосфера какая-то спокойная, даже деловая, я бы сказал. Вспомнил другой март, 1953 года. Я хорошо помню этот день (да и все предыдущие, бюллетени о здоровье по радио, теперь почему-то сообщают только постфактум). Тогда все были, кажется, подготовлены к неминуемому, и все-таки смерть его грянула как гром. Я, например, просто не верил, что он может умереть, такая простая, человеческая вещь, как смерть, никак не вязалась с этим богочеловеком.

Отец со своим другом Паушкиным молча сидели в большой комнате у стола. Стояла бутылка водки и два стакана. Мать что-то делала на кухне так тихо, что ее не было слышно. Я выглядывал из спальни в большую комнату, где на стене, всегда включенный, висел репродуктор (тогда так все называли радиоточку), и пытался уместить в маленьких мозгах своих невероятное! Умер Сталин!

В день похорон, в ту самую минуту, когда все должно было остановиться и гудеть, отец был в рейсе, в лесу, где-то в глуши, в кабине сидел капитан Медведев (видимо, из оцепления ехал в поселок). По часам они остановились и, глядя друг на друга, вылезли из машины и встали по стойке «смирно». Потом отец просунул руку в кабину и нажал сигнал. Он боялся посадить аккумулятор, машина была старенькая, но прогудел сколько положено. Выкурили по сигарете и молча поехали дальше. Мне все это рассказывал отец. Рассказывал без всяких вторых планов. Просто, как было.

Сейчас транслируют Красную площадь. Прощаются с К. У. Черненко.

13 марта 1985 г.

Поздно. Таня спит. Написал письма домой, Леночке, Иодынису в Пензу (они с Лидой прислали нам чудесные подарки — свои работы).

И вот сижу, задумался… Все глубокие мысли одолевают. Выбываю из репертуара, посмотрел сейчас — мне в Вильнюсе-то и играть нечего будет… вот тебе и ведущий артист. Тянул весь репертуар на себе и вот… А ставить — неизвестно когда буду. Конечно, тут есть отчасти объективная причина — отъезды на сессии, но ведь это только отчасти. Не думаю, что было бы намного лучше положение, сиди я тут, на месте. Нет, это такая штука ненормальная — театр.

Завтра репетиция «Рядовых» — буду вводить Галю

Российскую на Веру.

Артур звонил с предложением работать вместе над «Экспериментом» (т. е. вместе ставить), но, видно, у него это болезненное. Договорились, что придет ко мне на разговор, потом позвонил, сказал, плохо себя чувствует, потом как-нибудь… Честно говоря, мне это тоже не очень нужно, после «Рядовых» заклялся с кем-то ставить. Для меня это, видимо, тяжело.

13 марта 1985 г.

Театр живет тихо, спокойно, ровно как-то, и, пожалуй, никто не понимает, в какую полосу мы вступили. По крайней мере, такое впечатление… А события этих дней отзовутся на всех.

Итак, позвонив и предложив работать с ним над спектаклем, Артур на пару дней исчез, потом уже 16-го вечером стал звонить опять и уже настойчиво повел разговор об этом. Он решил, что только при этом условии, т. е. работая вместе со мною, сможет вернуться в театр. «Мигдату я все объясню, — говорит, — мне это необходимо, чтобы именно ты… *и т. д.* В противном случае посылаю все… и ухожу на инвалидность». Но сомнений у него никаких не было, ему и в голову не приходило, что Мигдат может не согласиться, или еще что-то. И мысль эта очень его подогрела, как мне показалось, говорил так бодро, с такой надеждой.

На следующий день с утра я поехал к нему, в новую его квартиру у вокзала, и мы просидели над пьесой 6 часов кряду. Он еще более, казалось, взбодрился, так как во многом мы сходились не договариваясь, хотя я, собственно, с налету начал фантазировать, что и как себе представляю. Он просил разбивать его, если в чем-то я не согласен, спорить, что я и делал. В общем разговор был интересным и обнадеживающим. Артур повеселел, начал строить уже планы репетиций — когда и чем мы займемся и проч. На следующий день он должен был с утра идти в театр к Мигдату, утвердить этот альянс и вызвать меня по телефону сразу, чтобы работать уже с макетом (это был понедельник — выход), а во вторник начать репетиции.

А Мигдат, прилетевший накануне из Москвы, утром же в понедельник неожиданно лег в больницу, к нему ехал Эдик Цеховал, и Артур передал через него Мигдату эту свою идею, ничего не подозревая. Но тут-то и была бомба. Эдик вернулся и сказал, что Мигдат *категорически против!* Артур звонил мне после этого и не мог связать двух слов. Это, конечно, удар ниже пояса. Слепому ясно, что Мигдату нужно убрать его из театра. Поскольку это было единственное условие, при котором он мог продолжать работу, Мигдат дал категорический отказ.

Разбираться в нравственной стороне этого поступка директора театра нет смысла. Выбить костыли у больного, чтоб не мешался… что тут скажешь?

Артур был просто потрясен. Как он вообще пережил это, трудно представить. 15 лет пахать, худо-бедно держать театр на таком уровне и получить за все за это «под дых» в самый критический момент жизни. Вот они, театрально-житейские прелести. И где теперь будут все, кого он кормил, толкал, делал для них все? Да нигде. Эти друзья-приятели — пока у власти, пока кормят. Страшно все это, особенно в нашем прославленном, товарищеском, дружном коллективе. Мигдатик-дружок! Сам лежит в больнице, сам по краю ходит… и другому подняться не дал.

Очень гнусно все это. Таня просто разбита. Ее это тоже потрясло. Думаю, такие трещины не залечиваются. Необратимо это, как бы ни повернулось потом.

А в мире… местком раздает масло, мясо и проч. Все очень заняты, берут, заворачивают, нагружают сумки… Труппа, труппа… что это такое — *труппа*? (Слово-то какое романтическое, хотя и пахнет трупом.) Что-то цирковое, веселое, молодое, дружное — труппа!

Артур оформляет документы на инвалидность.

Боже, боже! Какая там фантастика? Какой там абсурдизм и проч.? Вот *про это* сыграть — как оно есть… Впрочем, мясо наверное перебьет…

20 марта 1985 г.

Только что посмотрели наше «Нашествие» по ЦТ. Удивительно, но спектакль нам понравился. Вдруг все его странности, нестройность ритмов, перепады тональности — выстроились в нечто густое и серьезное.

Многие артисты выглядят превосходно. Юрка просто здорово работает, дядя Саша — колоритен, убедителен чрезвычайно. Много хороших сцен. Сам я киксанул сильно в последней сцене, все скомкано и невнятно. Видно, обманулся на «телевизионном варианте», а надо было играть на полную катушку. Жалко! А что теперь сделаешь? Кыно. Не переиграешь.

Общее впечатление все-таки сильное от спектакля.

Вечером сегодня «Мещане». Черт, как обидно, что плохо сыграл последнюю сцену!

23 марта 1985 г.

Выходной. Прекрасный день. Солнечно, тепло. Какое прекрасное было утро. Никуда не надо спешить, весь день

впереди, и принадлежишь сам себе, своим тихим радостям. Вот только в такое утро и бываешь по-настоящему счастлив… Какой-то покой на душе, и самочувствие нормальное, ничего не болит, голова не кружится, сделаешь зарядку, и совсем легко, бодро живется. Как хочется, чтобы не летело *это* время, помедлило, подлилось, ан смотришь, а на часах уже третий час!

Копался в своих бумажках. А потом устроился на диванчике и читал речи Цицерона. Ох, какое славное это занятие! Вот мысль, которая пришла мне сегодня в голову: чем больше читаешь, тем больше остается непрочитанного.

Вчера прилетел из Москвы Боря. Вдруг, на поклонах, увидел его среди зрителей. Естественно, пили чай, опять допоздна, и разговаривали обо всем.

24 марта 1985 г.

Приехал Южаков ставить «Эксперимент». Лет 12 назад он поставил у нас «Вкус черешни», так что небезызвестный в этих краях. Переменил кое-какие назначения на роли: например, меня с рабочего Зарудного перевел сразу в министры, и т. д. Впрочем, незначительные перемещения, в основном все то же. На репетициях буду не скоро, т. к. мой эпизод в самом конце 2-го акта.

Все эти дни запарен депутатскими делами. Оказалось очень много дел, намного больше, чем мог предположить. Сегодня вот буквально весь день потратил на обход ветеранов, которые живут на моем участке.

Очень много наблюдений. Интересных. Вообще походить, посмотреть, как живут люди, полезно, мне кажется. Хотя, наверное, не всем. Кому-то это, может быть, просто не нужно. А мне полезно, чувствую.

Вышел спектакль «Последняя женщина». Приезжал Жуховицкий и весь синклит. Успех! Опять! Спектакль средний, по-моему. Одна Таня поняла и делает этот материал — как надо. Вокруг много нелепицы. Но… всем нравится.

6 апреля 1985 г.

Мы (артисты, режиссеры) хотим все больше и больше убедиться в реальности, насладиться *реальностью* «нашего мира» — мира театра, поэтому и совершенствуем его постоянно, тут-то и лежит залог подлинности, залог постоянного роста правды, или того, что мы называем правдой театра.

9 апреля 1985 г.

Сейчас репетирую в народном театре Вершинина. Слезно просили сыграть с ними спектакль, согласился. Смотрю на этих

мальчиков и девочек и все думаю, думаю… И очень много вспоминаю свою, свою любительскую юность. Что меня тогда вело, давало силы работать — вот так же ежедневно, на износ прямо-таки, возвращаться ночами пешком через весь город домой, чтоб утром вскочить и бежать на работу? Теперь мне все это представляется каким-то сном, но ведь все это было, и было именно так. Мы репетировали даже ночами, и самые тяжелые минуты, помню, были — это минуты расходиться! На улице мы долго еще стояли на перекрестке и целовались. Да, да — все перецеловывались. И только тогда каждый шел в свою сторону. Мы так любили друг друга и, наверное, боялись, что когда-нибудь расстанемся навсегда. Нет, наверное, мы не думали об этом… Но вот так определить словами, что же это такое было, что нас так до боли связывало, что радовало и не разлучало, — просто невозможно. Хороший писатель, конечно, придумал бы такие слова, и они походили бы на правду, и *почти* были бы правдой, но, убежден, только почти… только почти… Правда тут какая-то невыразимая, не оформляемая в слове.

Танюша была три дня в Москве на пленуме творческих союзов. Вернулась очень веселой и хорошей. Наговорили ей там кучи комплиментов, а девушки так любят комплименты.

И вообще настроение у нее хорошее. А вчера играла «Вирджинию», и пришлось прервать спектакль: с балкона выводили человек восемь хулиганов, которые просто орали и… На удивление она спокойно перенесла этот ужас. Хотя, когда уходила со сцены, говорит, на миг все помутилось и способна была упасть.

Я помню, такой случай со мною был в Ростове, — это жутко.

12 апреля 1985 г.

Интересные всякие отношения у нас складываются с А.И. Тут как-то ночь целую просидели мы у нас (после банкета «Последней женщины»), выпили почти литр спирта (!) и проговорили обо… обо… всем. На следующий день только в 11 разошлись.

А вчера вот уже он утащил меня к себе и опять ночь просидели… Он — нормальный парень, и, конечно, положение начальника (а он мой ровесник) проводит какую-то черту между ним и людьми, которую ему, очевидно, хочется (по крайней мере с кем-то) переступить. Уверен, что тут, в дружбе с нами, ни с его, ни с нашей стороны никакой «стратегии» нет. Наоборот даже, определенную ответственность накладывает.

Поразил нас его многодетный дом.

Что еще? Ну, вот, кстати, это он еще в гостинице «Маяк» сказал при московских гостях, что вопрос с моим званием решен,

и предложил за это выпить. Может быть, уже в этом сезоне начнется оформление — меня, Ицика и Вал. Алекс. Со Светой Ставцевой тоже, как он сказал, вопрос решен.

Ну, что ж! Дай-то Бог, а то такое ощущение, что только посмертно можно надеяться.

Таня верно говорит, что это хитрый татарин почувствовал, что пахнет жареным, и решил немного «задобрить» ситуацию. Вполне могу с этим согласиться.

Домой приехали под утро. Долго спали. Потом копался по дому с удовольствием, готовил и вместе обедали и т. д. Хороший день. А завтра Пасха. Красил яйца в котле луковой шелухой и забыл про них, они даже стали лопаться, зато оставшиеся были красивые, бурые прямо.

Вот вспомнил случай в Москве… Нос к носу столкнулся с Жоркой, прямо на пороге театра Маяковского, он теперь артист этого театра. Импозантен и красив до невозможности, подъехал на своей новенькой тачке и т. д. Ахи, охи… Сколько не виделись!!! Это же надо, как жизнь, и т. д. Ну, нет, надо встретиться, выпить и поговорить от души. Тут же назначаем точное время встречи, и Жора (как всю предыдущую жизнь) клянется, что вот, мол, точно, обязательно.

Прождал его минут 20, даже больше. Конечно, Жора не пришел. Нельзя сказать, чтобы я сильно огорчился. Слава богу, сколько уж лет я его знаю, 20, что ли.

А вот теперь вдруг думаю: для чего притворяться, только время зря тратится на все эти «неотложки».

13 апреля 1985 г.

Сегодня моей сестричке исполняется 40 лет! Вчера вечером позвонили с Танюшей в Днепр. Грустно, — говорит, — не заметила, как жизнь пролетела. И мне невозможно никак поверить в это. Я-то ее помню только девочкой в малиновой шляпке с ленточкой, каком-то легком пальтишке с портфельчиком — отличницу, нашу Леночку, любимицу черновской школы. Когда я говорю «Леночка», только и представляю ее такой… Даже когда разговариваю с детьми ее, это не помеха. Они уже какие-то другие люди, из другого времени. А мы — там… мы — маленькие черновские дети.

Сегодня неожиданно — буря. Жуткий ветер, снег. Так не хочется выходить на улицу. Сидели вчера с Сашей В. у нас на кухне целый вечер. Слушали Утесова. Я почти плакал. Не могу сказать, что это такое, я люблю его болезненно и точно знаю, что он Великий Артист. Могу слушать его бесконечно, и все время

болит душа, даже когда невероятно смешно, все равно слезы близко. У нас в России он, пожалуй, один такой, во всяком случае, в том жанре, что у нас называют эстрадой.

Саша собирается в Москву. Перетаскивает его Лена Камбурова, окончательно. Нашли ему вариант ФБР — так называется фиктивный брак. Очень будет не хватать милого Саши и у нас дома, и в театре. Мы очень привыкли к нему, привыкли, что он есть, такой талантливый, тонкий, понимающий, интеллигентный…

Опять и опять возвращаюсь к этой мысли о неумении ценить людей, когда они рядом. Только потери ощутимы. Художник должен ощущать *возможную* потерю.

22 апреля 1985 г.

Ну вот опять сижу один в пустой квартире. Уже поздно. Тихо. Танюша легла вчера в больничку. Нина Михайловна очень настаивала на этом, последние анализы не радовали. Нужно, так нужно, что поделаешь, решили не оттягивать это «лежание», чтобы было хоть какое-то время на передых.

Провожаю ее до больницы, оставляю там, выхожу на улицу и сразу… пустота — пустота… И дел много всяких и суеты всякой, а такое ощущение, что ничего уже делать не надо, что все лишнее. И даже дома вот такое мое любимое сидение становится бессмысленным, заниматься чем-то… Очень трудно пережить это состояние, надо, чтоб прошло несколько дней. Но будет ли лучше? Сегодня дошло до того, что сидел весь вечер у телевизора и смотрел все, несколько раз принимался читать, хотя бы газеты, и опять бросал, не получалось. И еще кружится голова и много курю, и это ужасно.

Наши приехали из Москвы и Сталинграда. Глаза у всех горят, все счастливые до бесконечности, старухи совершенно серьезно говорят, что «такого не было за всю жизнь» (Надеждина, Псарева). Москву покорили, но особенный триумф, судя по рассказам, был в Сталинграде. Обрыдались, говорят, все. Хамаза, бедная, не могла говорить после спектакля (смотрела его уже второй раз) и т. д.

Большое счастье для театра такой успех. Большое. Вот цемент, вот арматура (и что там еще надо) для коллектива.

Большой державе застой опасней пораженья, а наш театр, можно сказать, большая держава, хотя и с местечковыми приметами. Интересно, как развернется ситуация, у Гены сейчас чрезвычайно высокий политический и творческий капитал, и это может сослужить хорошую службу и ему и театру. Как поведет себя Мигдат? Это решит многое, если не все. Он, бедный, уверен в

своей всемогущности, и действительно много причин и поводов ему так думать… Но время-то идет — все меняется…

Сейчас, может быть, самая пиковая ситуация. Хотя внешне, наверное, этого и не заметишь, какое-то благополучие и проч.

Юрка тут сорвался. Восемь дней пил. Возил его «туда», влупили укол. Два дня ночевал у нас. Было очень плохо. Даже жутковато. Било, колотило так, думал (он сам), что — все! Сейчас отошел. Сегодня видел в театре: как соколик. Говорит, «все». Дай-то Бог! Как это страшно.

Ромашевский Эдик делает концерт (областной) к 40-летию в Музыкальном театре. Попросил меня подключиться (сделать один блок), этакая документальная композиция из писем фронтовиков-земляков. Сегодня прогнали на сцене, вроде ничего.

Нравится мне Эдик. Он, как муравейчик, пашет, пашет потихоньку и — чего-то есть. Какой-то дар отключаться от всего. Кажется, иногда свет клином у него сошелся на какой-нибудь фитюльке. Но так, наверное, только и можно (и нужно) работать. А я вот… У меня что-то многовато «внутренней жизни». Все «мыслю» чего-то, глобальные все проблемы гнетут. А вот так, просто пахать, незатейливо, кирпичик на кирпичик, наверное, я не могу, не умею. Жалко.

26 апреля 1985 г.

Утро. Солнечно. Бегал только что по набережной. Иртыш многоводен, прошел лед, очень красиво. Даже наш Омск кажется красивым, необыкновенным городом.

Сейчас пойду к Тане, сегодня посещения с 12 до 2-х. Она умница, веселая, бодрая и мне очень помогает не падать духом и не скучать.

30 апреля 1985 г.

Я проводил ее на худсовет, тихонечко прошлись по Ленина. Пока они заседали, сбегал в горком по поводу демонстрации. Худсовет решал репертуарный вопрос на будущий год. Министерство ввело, по-новому, репертуар не по сезону, как было всегда, а по календарному году. Это так непривычно, не традиционно для театра, а главное — неразумно: сезон есть законченный театральный цикл, в этих границах обычно происходят и изменения в труппе и преодоления какого-либо психологического барьера и т. д. Планирование на календарный год — это, может быть, удобнее министерству, но никак не театру.

Сверстали. Утверждена и пьеса Алены Масляковой, которую я привез из Москвы. Это приятный момент.

В общем, репертуар кажется интересным, хотя *безотносительным* к труппе. Но… это уже слишком большое желание. И потом, в нынешнем *безлидерном* положении все это несколько релятивно выглядит, все как-то бестелесно.

На открытом партсобрании труппа в лице нескольких «старушек» высказалась за назначение Гены главным режиссером. Такое назначение, к сожалению, маловероятно, а вот и. о. — вполне.

Невероятно сложное время для театра.

Труппа живет прежними эмоциональными накоплениями. В этой ситуации, конечно, «У войны не женское лицо» играет огромную роль — «великой державе застой опасней пораженья»! И этот спектакль, такой его успех — хороший громоотвод и проч.

На днях как-то случайно встретились с Сережей Поварцовым, сидели, болтали о предстоящих Мартыновских чтениях, которые он пытается привить на этой земле и проч. Да так заговорились, что шли и шли, потом пили чай у меня на кухне и разошлись только в 9 вечера, проговорив часов 8 кряду.

Как скучаешь по таким разговорам, как они необходимы хотя бы время от времени! Ну, ладно, буду собираться к Тане.

Да, чуть не забыл: на этом худсовете подали на утверждение на звание мне и В. Алексееву. Должен был быть в этом же списке и Юрка, но… идиот, сам себе все испортил с паскудой У. во время своего последнего запоя. Та, стерва, написала телегу в обком, и хоть все это с ее стороны гнусно (там, я думаю, тоже это понимают), однако решили не рисковать. И Юрку зарезали. Очень глупо и грустно. Беда!

Я лично никакой такой радости почему-то не ощутил. Наверное, уже все перегорело. Если бы лет 5 назад, когда действительно «тянул» весь репертуар на себе, и был помоложе, и был артистом в «чистом» виде, — наверное, тогда было бы интереснее.

На вечере памяти Утесова пел три песни: «Одесский порт», «Раскинулось море…» и «Перевал». Здорово! Так понравилось петь! Зал был переполнен, принимали на «ура».

2 мая 1985 г.

Что-то такое залегло между мною и Настей. Вот уже сколько времени нет писем. Поздравила с днем рождения (пусть с опозданием на 2 недели) как ни в чем не бывало… но что-то за этим… Печально это, очень печально. Мне уже, было, казалось, что взрослеем, что нашли язык понимания и необходимости. Очевидно, это после нервозной переписки с Василием Игнатьевичем… Ах, как бы хотелось, чтобы она была взрослой,

мудрой девочкой! 16 лет, много это или мало? Заканчивает 10-й класс и упорно не пишет ни о планах, ни о мечтах, ни о желаниях и т. д. Будет чрезвычайно глупо, если останется в ростовском училище искусств. Ну, что там!! Надо смириться. Как есть. А душа болит, конечно. Все кажется, если бы была рядом, то была бы совсем другой девочкой, все кажется, что мог бы ей объяснить. Наверное, это все не так. Наверное. А вот кажется.

Поздно, пора спать.

3 мая 1985 г.

Слава богу, позади праздники. Было много работы. Прошло все хорошо. На стадионе 9 мая сильно замерз и, кажется, простудился, но схватило не сразу, и вот только теперь два дня пролежал в лежку. Спина болела невозможно, и вообще не мог пошевелиться. Танюша выписалась и сразу принялась ходить за мною.

Какая-то дичайшая весна в этом году! Такого еще просто не видел: май месяц — снег идет! — 5–0 градусов — зима. Мне, терпеливому, и то надоело.

Сегодня было открытие вторых Мартыновских чтений. Я был любезно приглашен гостем на пленарное заседание и т. д. С интересом посидел сегодня на открытии, к сожалению — репетиция, и нужно было убегать. Много печального и горького вокруг всего этого. Наверное, если поэту было несладко при жизни, то и посмертное признание, слава и т. д. — носит этот тяжеловатый оттенок. Конечно, наша вина (т. е. интеллигенции сегодняшней мятой-клятой). Великий поэт! бесспорно и недвусмысленно Великий, а вот поди же ты… Не пробить, не убедить какие-то государственные головы, инертность, сухость. Можно ли говорить с литературой (с поэзией тем паче) официальным языком, а, ладно… Я-то его больше чем люблю, я знаю Великость, необъятность этого явления — Леонид Мартынов. Знает еще кто-то, еще… Пусть нас немного, не так много, как хотелось бы, пусть… Нечего досадовать! Не надо!

Чувствую — теряю охоту писать, т. е. отдавать бумаге те бесконечные, бегущие и бегущие во мне токи — мысли. Наверное, актерство разрушило меня окончательно: только эмоциональные потоки пропускаю сквозь себя… А вот уложить все это в словесную форму, выразить знаком, законченным, ясным и определенным — такая работа тяготит, мне бы диктофон и наговаривать свой дневник, да, так было бы лучше, наверное. Варварская профессия — актерство: самопоедается человек с годами.

Приехал Вилька Озолин на чтения *(Вильям Озолин (1931–*

1997) — поэт, романтик, гитарист! Храню все сборнички, подаренные Вилей, иногда перечитываю крепкие мужские строки), а я себя так плохо чувствую, что и выпить нельзя.

Поганое самочувствие, очень.

Прочитал Тадеуша Рушевича «Картотеку» — обалдел!!!

Скорей бы уже закончить эту тетрадь и отвязаться.

От Насти получил опять открытку (с 1-м Мая), пишет — «подробности письмом», значит, есть надежда получить письмо.

15 мая 1985 г.

Посмотрел сегодня кусок прогона «Эксперимента». Резко не понравилось все. Режиссура вчерашнего дня, мягко говоря, постановочка эдакая. Лес постановочных штампов и штампиков — девочки с зонтиками, юноши с электрогитарами (бутафорскими, на которых, конечно же, не играют). Но самое главное — не в этом, главное — что нет *главного,* зачем, для чего… уровень серьезности разговора (пусть данного через юмор, через шутку), ну и (и это криминально уже) отпущенные артисты. Играют кто как может и кто как это понимает.

Вот странно! Ведь нет, наверное, режиссера, который сказал бы, что актер — это не главное на театре, сегодня, во всяком случае, уже не найдется такого режиссера, а на деле… это *самое слабое звено* сегодняшних спектаклей.

Пытаюсь себя поставить на место режиссера, что бы я сказал исполнителям, вот этим вот конкретным исполнителям в этом вот «Эксперименте». Это самое трудное, несравненно труднее, чем придумать какие-то мостики, переходы света и включения некоей музыки… Но режиссура не в этом… Суть, смысл ее — в самых тяжелых, самых нужных словах — в глазах, в сердцебиении, в частоте пульса, который должен уловить в режиссере актер. Уловить и найти в себе эмоциональную аналогию.

Смогу ли? Пока верю в это.

16 мая 1985 г.

Вечером «Наедине», а день свободен. Утро прелестное — наконец-то… Танюша чувствует себя хорошо… и все хорошо.

Вчера показывали худсовету прогон «Эксперимента». Как и следовало ожидать… разговор (со слов Тани) был тяжелым. Ну, а что же они хотели? Я почти убеждаюсь в правильности мысли Роберта Стуруа о том, что плодотворно работать можно только зная труппу не менее 10 лет! Дело тут не в цифре и ее математической точности, дело в общей правильности этой мысли. Вот вспоминаю и не могу припомнить творческого

праздника (настоящего) с режиссером-варягом. Ну а что, может быть, это вообще Стуруа (и я тоже) Америку открывает. Это так ясно, что не стоит прибегать к литературе о театре.

Настроение в труппе соответствующее. С одной стороны, пьянящие признаки (периферийной) славы «У войны…» (пишут много и журналы и центральные газеты: «Советская Россия», «Известия», вчера даже «Правда»), а с другой — полная пустота ежедневного театрального быта, ничем (настоящим, творческим, высоким, а без этого в театре нельзя жить ни одного дня, не рискуя потерять театр), ничем не заполненная, а что еще хуже, заполненная неприятным, надоевшим «деланием» спектакля (очередного) из привычных штампов, приемов, повторов и проч.

Впрочем, оставим театр. Спустимся в свои домашние сферы. Что меня волнует больше всего на сегодняшний день? Что идет время, что почти ничего не делаю конкретного к будущей сессии. Т. е. читаю, конечно, кое-что. Но ведь надо срочно писать, вернее, придумывать, сочинять отрывок по режиссуре. Дело не терпит отлагательства. Надо срочно составить расписание на оставшиеся месяцы (как я делал перед прошлой сессией) и форсировать.

С огромным интересом прочитал книжку повестей и рассказов Маканина. Хороший писатель. Это по мне. Временами что-то казалось длинноватым, что-то лишним (вообще он неспешно пишет), и вот сейчас отлежалось и очень прочно ощущаю его лицо. Удивительно дифференцирует такое привычное наше народонаселение (что в жизни мы все ежесекундно делаем и почти не ошибаемся, расслаивая бесконечно всех вокруг, а литература наша будто слепая, «не видит», «не чувствует» этого). Маканин видит, чувствует, а через него и мы снимаем «старенькую» одежонку.

Саша принес вчера еще одну его повесть.

19 мая 1985 г.

Заканчивается сезон. Позавчера сыграли премьеру «Эксперимента». Принимали, естественно, на «ура», зал был переполнен, все были счастливы, особенно начальство («это то, что надо к съезду!»).

Гена Т. приехал из Кемерова, где было репертуарное совещание. Привез много интересных разговоров. Вчера разговаривал с труппой о будущем репертуаре и проч. Молодец, дает перспективу! Дает взгляд в будущее, а артисты — дети, они верят и радуются и уже готовы.

Спектакль «У войны…» выдвигают на Государственную премию. Это событие великое, если получится все как надо, акции Генины поднимутся достаточно, чтобы преодолеть барьеры

времени. Как это необходимо сейчас. Это единственная надежда, единственный выход, да, пожалуй, и единственный правильный путь театра. Всякие прочие варианты погубят дело.

Никто еще не замечает, мне кажется, одной парадоксальной и жутковатой вещи: Мигдат является (при всех своих великих деловых качествах) на сегодняшнем этапе уже тормозом, и тормозом серьезным! Кощунство — так думать о руководителе, столько сделавшем для театра? Но… он сам задал такой *тон* крайнего рационализма в деле с Артуром. Что ж, надо быть последовательным до конца! Да, его все-таки вчерашние представления о деловом человеке (обмануть всех!!!), его, что уж тут юлить: неграмотность — опять же на уровне сегодняшних требований к руководителю, его провинциализм (я имею в виду масштаб идей, политический и общественный капитал, которым он мог бы пользоваться в интересах дела в городе, министерстве, республике и т. д.), — все это уже некоторыми путами ощущается, и довольно заметно, на нашей жизни. И если к нему в пристяжку дать сейчас какого-нибудь спеца по постановкам и «работе» с коллективом, вот вам в ближайшем будущем вариант ростовского театра.

Сейчас необходим приход Гены в качестве главного. Кажется мне, в нем есть еще и «скрытые резервы», которые он может пустить в ход, и это прекрасно.

Надо чуть-чуть металла прибавить в руководстве, именно металла, жесткости, чтобы и «стариков» наших немного «пригасить», чуть-чуть приуспокоить, и молодежи дать почувствовать, что за ними наблюдают, что они, их успехи и неуспехи не безразличны лидеру и т. д. и т. д. О творческих моментах уже и не говорю. Наша труппа сильна чрезвычайно, но *разрушить* ее сегодня — пара пустяков. *Любой* пришелец это с удовольствием сделает, с удовольствием и реактивной скоростью.

Будем надеяться, что этого не произойдет. Будем надеяться, что нам удастся пережить эту полосу бед и выжить. От нас (артистов) мало что зависит… Но… все-таки зависит.

25 мая 1985 г.

Вагончик проснулся. Едем на гастроли в Вильнюс. Только что остался позади Омск. Настроение хорошее, светлое… кажется (как в актерской молодости), что впереди что-то интересное… что-то такое… На столике у окна — розы, красивые.

28 мая 1985 г.

Вильнюс, гостиница «Неринга», № 313.

Прошло ровно 10 лет. Целая жизнь. И мы снова на гастролях

в Вильнюсе. Если удастся когда-нибудь без музыки — телом артиста в пустом пространстве нарисовать то, что я сейчас чувствую, тогда — режиссер!

Целая жизнь! А прошло не так уж много времени, 25 мая последняя запись. Но между этими датами — Вильнюс! Ах, Вильнюс, что может быть лучше. Надо бы описать все подробно, и новую встречу с этим необыкновенным городом, и наш люксовый номер в гостинице «Неринга», и все дни блаженства, полного созвучия вокруг: людей, среды, погоды, настроения… вдруг вернувшейся молодости, и наши триумфальные гастроли: успех, успех, ничего, кроме успеха, и печаль последних дней, расставание, поезд, Москва. Все это надо бы описать, но не буду, просто из-за упрямства и нежелания браться за непосильный труд. Если бы я мог так запросто, сидя на своей кухонке на пятом этаже, описать и запечатлеть словом… Боже, тогда ничем другим не стоило бы заниматься никогда! Нет, не буду.

Приехали домой 5-го (если не ошибаюсь) июля. У меня были всякие грандиозные планы по подготовке к сессии — рассчитывал сидеть весь июль за столом, т. к. мне крупно повезло: не попал в спектакли, выезжающие на село, а их поехало два: «Любовь и голуби» и «Легендарная личность». И тут вдруг возродилась давняя мысль: сделать в квартире ремонт. Я слышал раньше, что ремонт — это стихийное бедствие, но как-то до конца не представлял, и вот — увяз в этом деле почти на месяц. Это было просто жуткое время. Все делал сам, своими руками. Один, без всяких помощников. Лысов в первый день пришел «на почин», побелили с ним вместе кухню и большую комнату, а потом все началось.

Теперь хожу по квартире как победитель и подбираю соринки.

Таня уехала в Иссык-Кульский район с 1-го по 7-е от ВТО, на встречи. Я тоже должен был поехать по прежней договоренности, но потом мне вдруг стало так страшно… Дни уходят… Я не готовлюсь… Чертов ремонт, а кроме этого, еще связался дублировать фестивальные фильмы — это пожирает жуткое количество времени, не говоря о том, что уже ничего делать после этого… *думать* просто невозможно. В общем, месяц был загруженный до предела. Подсчитал, получилось, что по 14–15 часов в день без перерыва работал. Даже бегать перестал по утрам — «истощился». Ну, что ж! Теперь, брат, все! Теперь, брат, за работу! Немножко вот раскачаюсь… распишусь, пусть хотя бы и здесь, в своей тетрадочке. Вот интересно, как я подкрадываюсь к работе издалека. Чего-то копошусь, копошусь… и только потом могу начинать главное.

Без даты

Мы хотим (актеры, люди театра) все больше и больше убедиться в реальности, насладиться реальностью «нашего мира», мира театра, поэтому и совершенствуем его постоянно, здесь залог подлинности, залог постоянного роста правды, или того, что мы называем правдой театра.

Ночью, перед сном, пришла вот такая мысль.

Без даты

Конспектирую М. М. Бахтина «Творчество Ф. Рабле» и схожу потихоньку сума. Боже! Не хватит уже ни сил, ни времени понять еще хоть что-нибудь в этом мире, да нет, без «еще», просто — хоть что-нибудь понять. Однако то, что были на земле такие люди, как Бахтин, бодрит… Гордость какая-то в душе. Ведь то, что он сделал, сделать невозможно… Сделал! Жаль, что во мне нет ничего немецкого: как бы хотелось разграфить свою жизнь, рационализировать, выпрямить, чтобы каждая секунда — только *в дело*\ Чего нет, того нет! Каждому свое! (Это тоже, кажется, немецкое, нет, по-моему, это из Библии, это они уже взяли для своих нужд.)

Спрашиваю себя честно: чего бы я хотел больше всего? И отвечаю — свободы (всякой) и возможности заниматься *чистой* наукой. Смешно, наверное, на рубеже 40-летия думать о «чистой науке». Смешно. А хочется больше всего. Сейчас запишу эти мысли и захлопну тетрадку, чтобы никто не узнал и сам об этом не думал бы, а то вот смотрю на артистов (это на наших-то хороших артистов) — и скучно делается. Ну что, думаю, — что и про что я буду им говорить, мизансцены выстраивать? показывать, как играть надо? мучить всякой ерундой постановочной (как мучили меня режиссеры)?.. И читаю у Бахтина о карнавале: «…в сущности, это — сама жизнь, но оформленная особым игровым образом».

18 июня 1985 г.

Думаю вот о чем: театр актерский и театр режиссерский. По-моему, это надуманная, искусственная и (извините за расхожий термин) формальная проблема. Театр всегда был, есть и будет актерским. Это положение в основе, в природе, в биологической структуре театра. Что, собственно, мы начали называть театром режиссерским? Спектакли повышенной *постановочной* культуры, мощного пластического освоения пространства, выросшего знакового уровня сцены, т. е. обогащенной семиотики представления и т. д. и т. д. Но это только одно из многих и

многих лиц театра как он есть! В центре, в магнитном поле, в ядре этой структуры (театра) всегда и везде — один, единый и неделимый хозяин, живой Актер! Плохой ли, хороший, это уж как Бог даст, но только — он. «Режиссерский» — грубейшее деление Целого. Даже нет! Наивная претензия на одностороннюю самоценность одной из частей — важной, серьезной, но… не конечной и совсем не *самостоятельной* (это последнее очевидно).

Итак, так называемый режиссерский (или, скромнее, семиотический усложненный) театр — одно из лиц Театра, отнюдь *не главное,* а одно из лиц, *очередное* в собственном историческом процессе развития. Живой же актер — суть театра и потому категория *вневременная* — постоянная, почти адекватная самому понятию — *театр.*

Милые мои, с этим надо считаться… с этим придется считаться… от этого никуда не денешься… Впрочем… как и от самого Театра.

2! июня 1985 г. Вильнюс

Прилетел вчера утром. Летели вместе с Сашей В. Я сразу в институт. Сессия началась 4-го, значит, опоздал на 2 дня, но это не страшно.

Мих. Мих. очень высоко говорил о моей письменной курсовой работе. Говорил, что читали ее на кафедре и сказали, что диссертации пишут хуже, это меня взбодрило, а то что-то совсем зачах в последнее время. Настроение какое-то скучноватое.

4 августа 1985 г. Москва

Танюша вчера вернулась из поездки. Все в порядке. Поездкой довольна, много всяких наблюдений, и вообще видно, что настроение хорошее. Приехала она рано утром, так целый день слонялись по дому, она все рассказывала, как было, готовили что-то вкусное (она привезла мясо), и день прошел. Работать, конечно, уже не пришлось.

Привезла много хороших книжек. Тоже целый день рассматривали. Книжки замечательные: проза Сарояна, воспоминания Д. Н. Журавлева, Каверина, Ильиной и проч. Совершенно чудесная монография И. Н. Соловьевой о К. С. Станиславском, удивительный альбом с прелестными фотографиями, я млею от радости. Да, о Блоке чудесная… Ну и другие.

А сегодня новый день. Льет дождь.

8 августа 1985 г.

Сижу над курсовой по режиссуре. Пишется с трудом, но

интересно. В основном время уходит на сам процесс писания и, главное, «формулирование». Вопрос знаю уже досконально и могу *говорить* о нем легко и, кажется, убедительно, но, опять же, изложение на бумаге — больное место.

Пишу о «зерне» спектакля, образе спектакля, стиле, мере условности и разбор пьесы.

Уходит на это целый день с утра и до ночи. Выхожу погулять ненадолго вечером, а утром бегаю, хотя погода жуть — дожди (для моего писания — это, конечно, хорошо).

От Насти получил телеграмму из Москвы (!): «Вышли денег как можно скорее». Выслал. Позвонил ей вчера (она у Горбенко). Поговорили. Мычит. Толком ничего не объяснила, обещала сразу же обо всем написать. Я расстроен. Сильно расстроен.

14 августа 1985 г.

Контрольную по режиссуре закончил. Получилось, кажется, ничего… Но удовлетворения нет никакого. Я бы еще писал и писал. Все видятся «общие слова», «общие места». Если бы время не поджимало… а конец совсем скомкал. Позвонили из горкома, хотели запрячь в одно дело на Зеленом острове, в связи с ожидающимся приездом генерального секретаря. Я стал торопиться, дописывать лишь бы как.

Настроение плохое. Казалось бы, отпуск, лето, дома… О чем еще мечтать, сиди, занимайся только своими делами! Нет, нет и нет! Каждый божий день какая-то суета, какие-то дела неотложные, встречи необходимые, хождения, смотрения, покупки и т. д. Просто оборзел от всего этого!

Еще расстраиваюсь, что ничего нет из дома, от мамы. Ни письма, ни телеграммы! Что они молчат?

20 августа 1985 г.

«Нашлась» моя дочка. 12-го получил от нее телеграмму из Москвы, вышли, мол, денег; поговорили с нею по телефону, а теперь вот получили от нее письма (я и Таня). Пишет просто, бойко. Толком, правда, так и не объяснила: поступала она в этом году или не пыталась? Кажется, будет работать в ТЮЗе, пока… Как бы так научиться жить без претензий и требований — это я к себе. Я ведь ее так давно не видел, не говорил с нею, что я могу знать? Какая она сейчас, о чем думает, как представляет себе всю эту штуковину — жизнь?

Вчера говорил по телефону с мамой — удалось соединиться с Перевальском (с соседями). Чувствую свою вину, что все так сложилось этим летом… Но, дай Бог, они все-таки приедут с папой. Так надеюсь на это. Плохо на душе. Неспокойно. Я ведь

уже взял билет, чтобы лететь 4-го, а вот сегодня сдал. Может, все-таки приедут. Эти чертовы расстояния! Сколько проблем.

Немного болею. Спина. Лежал два дня. Сегодня получше.

Читаю Рим и Грецию — конспектирую. Вообще работа идет медленно. Начинал довольно сосредоточенно, а теперь никаких сил нет упереться покруче. Все время думаю о курсовой по режиссуре. Начинает казаться, что ерунду написал. Да, все это ужасно — вся эта «игра с несуществующими предметами». Во всяком случае, в моем возрасте. А так… пустоцвет. Лет в 20–25 этим заниматься, наверное, еще можно, даже полезно, может быть.

2 сентября 1985 г.

Сегодня проводили маму и папу, они погостили у нас (с 14-го) эти дни, и это счастье. Я несказанно рад был, когда получили телеграмму о их решении приехать. И как хорошо было. Милые мои, милые! Плохой я сын, конечно, и внимания, и времени, и души не отдаю столько, сколько нужно и сколько бы мне хотелось… Странно, но даже веду себя как-то глупо. Какая-то несообразность, нестройность между желаниями, чувствами моими и тем, что и как делаю, как говорю с ними, как общаюсь, хотя всеми силами пытаюсь себя обровнять. Невысокость человеческая, очевидно, сильнее всего в человеке (во мне т. е.), необразованность, «не в смысле образования», а в смысле гармонии, цельности, единства желаний и поступков.

Мы с Танюшей старались их порадовать, но много ли преуспели в этом, не знаю… а все думаю, мало. Грустно. Теперь не скоро опять увидимся. Буду писать, писать, писать им.

Папа, кажется, стал меньше ростом. Или мне кажется. Но такой хороший крепышок. Обеспечивал нас продуктами только он — ходил по магазинам — и читал. Прочитал здесь всего Валишевского, «Вокруг трона». Любит об этом поговорить.

А мама — красавица. И совсем не выглядит на свои годы. Молодая совсем. Я старею, а они уже нет.

Всё старались, чтобы мы не потратили на них лишний рубль. Всё чтоб самим купить и нам «помочь». Это смешновато и очень трогательно, ну да ведь, действительно, и помощь! Помогли очень. У нас с деньгами после отпуска как всегда было.

Ну, вот, написал немного, и чуть легче стало. Будто им письмо написал.

Провожались смешно: дважды вчера опоздали на поезд из-за смены времени (справочная подвела нас), билеты переделали, но они (особенно папа) очень волновались. Я смотрел на него, и так сердце сжималось.

30 сентября 1985 г.

Так болел, что хотели положить в больницу, но я открутился, т. к. не хотелось ложиться, пока здесь у нас были мама с папой.

Спина очень болела, боялся, что почки, но в основном, оказалось, остеохондроз, боли просто дикие, два дня лежал в лежку, не мог пошевелиться. Ходил на электролечение, на уколы, таблетки какие-то пил, а теперь вот на массаж ежедневно. Стало гораздо лучше, но все-таки нездоровье ощущается довольно неприятно. Очень это раздражает и портит настроение. Иногда накатывает такая апатия… хочется лечь и уснуть, и все!

Много-много читал после Греции, Рима, Средних веков. «Войну и мир» перечитал за 4 дня! Ощущение непередаваемое, так в детстве выходил из какой-нибудь «киношки» цветной, яркой, живой, интересной, и становилось жутко от серости и будничности, от унизительной мелкоты нашего городка, закопченных стен, дохлых акаций, и трудно было поверить, что вот это-то и есть жизнь, а там — просто «кино», ни сердце, ни душа детская не хотели с этим соглашаться ни в какую. Нет! нет! нет! Жизнь не может, не должна быть такой, она гораздо важнее, многозначительнее и проч. и проч.! Даже тяжко бывало в такие минуты. Отчетливо помню, что всерьез над этим задумывался. Вот нечто такое сейчас после «Войны и мира».

Перечитал Тургенева, Чернышевского, Лескова, Бунина, Андреева, кое-что Чехова, Куприна, Горького и т. д. Много. Сейчас вот оторвался от «Братьев Карамазовых». Башка уже не воспринимает, подолгу сижу над страницей, нужно перевести дух.

Что важно, что не записал? Вот что: назначен новый главный режиссер в Омском академическом. На первом сборе труппы (13-го) представили в этом качестве Г.Р. *(Геннадий Рафаилович Тростянецкий, режиссер-постановщик, близкий по ростовской юности)*. Как сказал Ресненко, «естественное назначение». Вот и перелистнулась еще одна страничка в «нашей истории». И все, как просто! Так ведь просто… Ну почти ничего такого не произошло. Вот уж поистине, театр — модель жизни. А жизнь — машина забвения, вперед, вперед! Только вперед.

Прочитал прелестную пьесу Эрдмана «Самоубийца». Высший класс! Когда такая пьеса попадается в руки, все разговоры о прозе, драме и т. д., об их специфике и различии — просто лишние. Это *пьеса,* она так сделана, — она дышит *сценой*! исполнением, ее читать-то надо вслух! Там объем, там пространство трехмерное (а не лист бумаги со словами и рассуждениями «о жизни»), и живые люди.

Чудо! А сейчас по радио услышал, что «Грядущему веку»

Г. Маркова вручили первую премию где-то на фестивале каком-то. Вот так! Это вот жизнь! Правда!

I октября 1985 г.

Итак, итак… Закончилась еще одна сессия. Прилетел домой 2-го, под вечер. В Москве было еще тепло, таял снег, а тут зима. Таня встречала меня в аэропорту, замерзли, пока ждали мой чемоданчик.

Как жил, как работал, как скучал по дому… Не буду об этом писать. Что-то подчеркивал в том (рабочем) блокноте, что-то просто лень писать, и опять же нет слов, какие бы нужны были. Время на сессии расползается, вздувается и месяц — как год, без всякого преувеличения. Новостей много. Главная — это была последняя сессия с Мих. Михом. Да, как это ни фантастично звучит, но это так. Наш любимый, наш великий учитель — покинул институт. Причин много, целый комплекс причин… Дело это тяжелое и для него и для нее… Но это жизнь, и ничего, к сожалению, не поделаешь. Заели разногласия с кафедрой, надоело работать на «дядю», а тут еще грядет пенсия через какие-то полтора года, и ее тоже нужно заработать, а в его положении в институте только «мизер» получился бы и т. д. т. п. Расставание было тяжелым, нервным… Но, по житейскому закону, и преимущества были: в эту сессию он постарался «впихнуть» все, что рассчитывал давать, растянув на все 4 года. Убойной силы месяц! Только теперь, может быть, по-настоящему мы поняли, с каким художником, человеком, мастером посчастливилось работать нам, грешным недоучкам. Если хотя бы десятую долю его «дара» нам — студентам — удастся взять, сделать своим, реализовать на уровне своих возможностей, то и это будет *хорошо,* и это будет режиссурой завтрашнего дня. Он сам хочет, чтобы нас принял Анатолий Александрович Васильев, кафедра тоже якобы понимает, что никто другой просто не имеет права вмешиваться в процесс, созданный Буткевичем, особенно после нашего теперешнего экзамена. Но тут тоже множество «но». Одним словом, мы так и уехали, не уверенные *абсолютно* в результатах. Надеемся, очень надеемся, что все-таки нам повезет. Ну, а нет, так нет! Главное Мих. Мих. нам дал. Эти два с половиной года уже не вычленить из моей жизни. Тут не конспекты, не записи, не «натаска», тут что-то такое, что «из рук в руки» переходит, и я это «что-то» чувствую в себе ясно. И еще, пожалуй, впервые, как никогда, появилось желание *ставить*! Яростное желание. Буду говорить с Мигдатом и Геной о следующем сезоне. Если не удастся дома в Омске, буду искать постановку где-то на стороне, хотя для меня жутко подумать о

новой, да еще такой, разлуке. Пока рано фантазировать на эту тему, посмотрим, во что выльется разговор с нашими начальниками.

Мою курсовую (письменную) Мих. Мих. просто превознес, читал на кафедре… «У нас диссертации хуже…»

С отрывком пришлось повозиться. Но с какой радостью теперь вспоминаю! Слава богу! Все хорошо. Экзамен прошел блестяще. С сюрпризами и т. д., как всегда у Буткевича. Зал был полон. Овациям не было конца! Играли отрывки: мой — «Как француз Москву брал», Витаса — Оскара Уайльда «Как важно быть…», Баландина — по Гоцци, Маслова — «Зависть» Олеши в исполнении синеблузников. И, конечно, *импровизации* — это было на унос. На основе дель арте — современные маски. Темы давали из зала — мы сочиняли по ходу пьесы.

Был праздник! Все остальное сдал на отлично. Но это было неимоверно тяжело, мучительно и долго. Очень хотелось домой. Ну вот и сижу теперь за своим столиком. Ах, я домосед! Закоренелый! Книжечки, книжечки, книжечки — тихо… хорошо…

5 ноября 1985 г.

Купил новый фломастер. Люблю тоненькие ручечки, сразу хочется чего-нибудь написать… красиво пишет… и легко.

Сегодня Танюша открывает сезон в Доме актера. Целыми днями там пропадает, все волнуется, все суетится… Сейчас опять убежала, хотя еще 5 часов, а начало в 7.

Я бездельничаю… т. е. отдыхаю после сессии. Ощущение странное… будто все было давно-давно. Как быстро выветривается из башки важное и нужное. Наверное, возраст такой — нельзя останавливаться ни на один день, сразу вянешь… сохнешь…

Кажется, не записал, что виделся в Москве с Настей. Она заезжала на пару дней после Смоленска, где они с ТЮЗом ростовским были на гастролях. Работает осветителем. Поступать в этом году, как говорит, побоялась. Готовится к следующему году. Пытался, как мог, объяснить кое-что про это дело… Кажется, у нее очень приблизительное понятие о театре. Очень приблизительное… Даже странно… С другой стороны, еще нет 17-ти. Выглядит совсем взрослой… Это, вероятно, и вводит в заблуждение. Ждешь от нее чего-то более взрослого, серьезного, а может быть, просто рановато… Выглядит она прелестно, хотя, вполне вероятно, отцовское чувство… Смотрю на нее, и сердце как-то так… что-то с ним такое… Схватить ее хочется, прижать и что-то ей сказать такое важное, без чего она не сможет, не сумеет жить. Больно. Больно и тяжко. Впрочем, бывает хуже… Не надо

роптать на жизнь. Написал ей огромное письмо со всякими рекомендациями (советами, скорее) по подготовке… Понимает ли она, что за *гора* перед нею, сколько «копать» предстоит, бедненькая. Нет, наверное, она счастливая — не понимает. Конечно, если бы была рядом… многое можно было бы сделать для нее, даже просто так, опосредованно, что ли… Буду почаще ей писать в эту зиму, буду тормошить. Ростов… Боже, мне кажется, там *все* против театра. Все сытое, холеное, богатое, наглое, самоуверенное — все против театра.

Читаю книжку Джона Коттрелла «Лоуренс Оливье» — хорошо написана. Хорошо, когда можно почитывать то, что нравится, скоро это опять закончится.

12 ноября 1985 г.

12-го посмотрел «Японское пальто» *(«Продается японское пальто из парашютного шелка» — эту изящную комедию написала жена моего приятеля Алина Маслякова, я случайно прочитал и привез в Омск, для Тани.)*. Интересно в своем театре видеть спектакль «с листа», вчистую… Рад, что угадал пьесу. Теперь убедился в том, что не ошибся. Хорошая, цельная пьеса. А вот режиссер, на мой взгляд, недооценил материала. Спектакль хороший, а мог бы быть блестящим. Материал не чувствуется, вернее, вся вторая половина второго акта. Жалко. Таня очень красивая, нежная, трогательная. Ей очень сочувствуешь, очень жалеешь, и очень «за нее». Теперь, со всем запасом буткевичщины, смотреть тем более интересно. По нашим курсовым меркам: маски есть у Тани, Наташи, Василиади, Егора (в какой-то степени) и… пожалуй, все.

Джон Коттрелл, «Лоуренс Оливье». Новая книжка, предисловие нашей А. Г. Образцовой. Читаю с огромным интересом, хотя давно, кажется, отказался читать книжки «про артистов». Подумал: талант — умение получать удовольствие от труда, тяжелого, непосильного. А от Бога — это не талант, это — гений. Разные вещи.

15 ноября 1985 г.

Наши ездили в Тбилиси играть «Вверх по лестнице» (*«Вверх по лестнице, ведущей вниз» — замечательный спектакль Г. Тростянецкого по пьесе Бэл Кауфман)* на фестивале молодежных спектаклей. Приехали изможденные от перелетов-переездов, но с хорошим настроением. Спектакль приняли отлично, много приятного шума и т. д. Всех очаровал первый секретарь ЦК Грузии, явившийся из-за кулисы со словами благодарности и проч. Города, правда, почти не видели — день приезда, день

отъезда, репетиция, спектакль…

А мы тут с Таней «отстреливались» вдвоем. В воскресенье утром и вечером играли «Наедине», во вторник «Качели». Как хорошо игралось! Даже хочется об этом записать пару слов. Очевидно, сказываются мои институтские 2,5 года, а может, просто покой, уверенность появились, а в нашем периферийном сознании это так много значит.

А ведь «Качели» в последнее время мне лично было играть все труднее и труднее. Даже показалось, что спектакль состарился и, как ни печально, надо с ним прощаться. Вильнюсские гастроли, наверное, вдохнули немного свежести… А перед этим спектаклем, последним, было вообще какое-то боевое настроение. Многое передумал днем, взял в руки пьесу. С удовольствием перечитал. Как интересно! Время идет, подумал я, мы меняемся, зрители меняются, атмосфера вокруг, жизнь — все меняется. Спектакль, если он живой, должен все это чувствовать, что-то вбирать в себя, что-то не принимать… но должен дышать, жить, т. е. — меняться. Посмотрел на *себя,* просто на себя… Взрослый мужик, с прозаической лысиной, широкими плечами… И пошел играть. Новый брутализм — одним словом. Таня — великая актриса! Ловит все на лету. Поговорили днем несколько минут о пьесе, о театре… Кое в чем сознательно сдвинули взгляд на вещи, ранее «задолбленные». Счастливейший спектакль! И ничего не «жали», не «давили», а зритель… Боже, какая стояла тишина в зале! Потом шли пешком. Снегу намело. Вечернее послеспектакльное счастье. Переговорили обо всем, вспомнили каждую деталь… и убедились, что мы правы. *Работать должно быть радостно!!!* Какая простая истина! И как этого не хватало в прежней работе! Смогу ли я *так* работать? Смогу ли?

22 ноября 1985 г.

Воскресенье. Спектакля нет ни у меня, ни у Тани. Чудесный день. Утром побегал, совсем немного… Размагнитился… Такие большие перерывы мне уже нельзя делать. Ужас! Возраст! Форма теряется в считаные дни. Беда. Но хорошо подышал, размялся. Вместе делали «большую приборку». Удачно. Теперь она что-то там стирает. Я читаю. Разбираю свои «бумажки». Хорошо. Я лентяй. Безбожный лентяй. Честно говоря, вот так мне лучше всего… Дом, тишина, покой, книжечки, бумажечки, и никуда не надо…

Нет, надо. Вечером к Оле Петренко на юбилей. Ей сегодня 40. Я думал, она старше.

От моих получили посылку с шиповником, медом и даже маслом, а Оксана Ивановна прислала грецких орехов целый ящик.

Богатенькие. Когда все хорошо… тревожно. Вдруг что-нибудь случится. Нет бы, ничего, все бы вот так, а?

С небес будет дождичек литься.
Пусть все это длится и длится.

Это, кажется, Глеб Горбовский. Видел прекрасный фильм «Парад планет». Не ожидал от сов. кино таких подарков. Пока даже не разберусь в себе по этому фильму, и не хочется, честно говоря. Его так — сердцем — хорошо посмотреть.

24 ноября 1985 г.

Таня просидела две ночи в Домодедове. Просто жуть. Я сам тут извелся, а ее мытарства можно только представить. Очевидно, то, что меня не было рядом, придало ей силы — нужно было «бороться» за себя самой, держать в кулаке нервы и выживать в этой экстремальной ситуации. Может быть, поэтому, добравшись наконец домой, выглядела довольно бодро, по-пионерски.

Г. Тростянецкий выпустил свой спектакль «Мой бедный Бальзаминов». Много сейчас хожу и думаю об этом. В двух словах — спектакль хороший. Даже очень хороший. А мог бы быть… Просто должен был быть…

Да, как ведь осмысливаешь спектакль: если спектакль плохой, хочется, чтобы он был не такой плохой, если он не такой плохой, хочется, чтобы он был хороший, если хороший — хочется, чтобы он был очень хороший, — если очень хороший — хочется, чтобы он был **блестящим,** грандиозным, ошеломляющим, если он — ошеломляет… хочется — умереть.

Фантазия его неудержима, *театральна,* летуча и т. д. Ее так много, что местами она уже не «переходит в качество», но это беда, которую легче всего простить. И легче всего исправить. Вообще это *хорошая* беда. В искусстве возможна *хорошая* беда.

А вот артисты в «хвосте» спектакля, в хвосте его движения, фантазии, выдумки, в хвосте *идеи такого театра.* Это уже просто беда.

Как обидно. Даже не знаю, ну, на 40 % «не добирают» артисты. И нет! Не то чтобы «плохо играют». Местами лучше, местами хуже… но не в *тот театр играют.* Театр-то другой, в котором они барахтаются. Два года назад, в другом Островском, этого было бы вполне достаточно, т. е. совершенно вполне.

Об этом с Таней не говорили. Может, потом поговорим. Говорили о другом. Есть некоторые идеи по поводу «общей жизни», что ли… Приглашает участвовать.

Все мировые проблемы умещаются в моей деревне. Иначе это

не мировые проблемы.

9 декабря 1985 г.

А столько всего произошло… Во-первых, растворился 1985 год… Ушел… И вот уже 86! Начинаю замечать, что больше всего меня волнует течение времени.

Где-то в начале декабря «нашел»-таки время поговорить с Г.Р. о возможности постановки в новом сезоне. Разговор не так чтобы очень длинный, но содержательный… Им было высказано опасение по поводу Мигдата, как он воспримет это предложение, но это было напрасное волнение. В тот же день уже сам Гена говорил с ним и все решилось положительно. Это великое событие. Я сам предложил ставить советскую современную пьесу. Теперь уже, конечно, много разговоров на эту тему позади. Много читаю, ищу. Мне хочется иметь *не одну,* а 3–4 пьесы, которые я готов ставить, так, чтобы легче было состыковать любую из них с общим репертуаром и т. д.

26 декабря 1985 г.

1986

Еще одно немаловажное событие. Теперь я — заслуженный артист. Боже мой! Узнали об этом утром 25 декабря (подарок к Новому году), а указ подписан, кажется, 23-го.

Позвонили Мигдату из редакции, но он уже был в пути на работу, и первой позвонила нам Галина Николаевна. Я грипповал в своей комнате, а Таня в своей кашляла. У нее сильнейший грипп был, бронхит и т. д. Это было в 9 утра! Хотелось спать, но я по голосу Таниному понял, что пришла «эта радостная весть». В этот же день было в «Омской правде», и тут начались звонки, звонки, и так дня два.

Буквально за несколько дней было опубликовано постановление о присуждении нашим Госпремии РСФСР за «У войны не женское лицо». А тут мы с Алексеевым «отличились». В общем, «праздник всего театра». Эти денечки, конечно, можно вычеркнуть из полезной жизни. Выпивки, поздравления и проч. и проч. И это еще не все. Еще банкет. Тут же дал телеграмму маме и папе. Вот кому радость-то настоящая! Для нее-то и хотелось получить это самое «звание». Да нет, лет пять назад (ну, хоть три!) я бы и сам еще, наверное, что-то такое почувствовал, невероятное… Наверное почувствовал бы… А теперь… другие дела, другие заботы, другие тревоги.

Новый год встречали у Ханжаровых, и очень хорошо. По-семейному, тихо.

А уже третьего Танюша легла в больничку (так было запланировано). И вот я две недели один кукую.

Сегодня ее привезут играть «Пальто». Сейчас тоже поеду в театр.

Очень хотелось записать о беседе с Аллой Соколовой (*драматург, автор популярной пьесы «Фантазии Фарятьева», шедшей на нашей сцене*). Она делает сценарий на наше телевидение обо мне. Сидели у Гены в кабинете, говорили… 3 часа, чрезвычайно интересно, к сожалению, это невозможно записать. Она тоже достала блокнот, хотела записывать, но только нарисовала несколько кубиков.

Пожалуй, только с Таней можно беседовать так, достаточно конкретно и философски… и свободными мозгами…

Я «разогрелся» где-то минут через 20, и дальше было азартно… интересно… почти раскованно, а это самое лучшее чувство для живого диалога, живого сиюминутного.

И теперь вот уже пару дней все хожу и «спорю» с нею. Такие богатые мысли «на лестнице» взблескивают!

15 января 1986 г.

Гена пришел 22-го вечером (прямо из больницы от Мигдата). Снег на голову. Первое — нет! Молчу. Слушаю. Он говорит, говорит. Судьба! Вспоминаю Мих. Миха. А почему бы нет! Таня потом сказала — так же шел процесс. Соглашаюсь. Опять говорим. 23-го судорожно хватаюсь за пьесу, книги… В этот же день на стене — приказ… Режиссер — Чиндяйкин, руководитель постановки — Тростянецкий.

Руководство театра предложило мне немедленно, буквально «завтра» приступить к репетициям пьесы английского драматурга Джеймса Болта «Человек на все времена», вместо неожиданно сбежавшего приглашенного режиссера! Распределение ролей, эскизы декорации, костюмов — все было уже сделано, принято, и я должен был «вписаться» в чужой рисунок. Вот такой оборот.

24-го первая репетиция. Разговор. Большой. Кажется, полезный. 25-го вторая. Более конкретные — театральные — проблемы о типах, масках, способе игры и т. д.

Большой разговор с Дрейденом *(Дрейден Сергей — известный питерский актер, тогда служивший в нашем театре, исполнитель роли Томаса Мора, главной роли спектакля)*. Все, пока, слава богу! Главное впереди.

Если не надорвусь… Играю втемную «по крупной». Душа вибрирует. Такого не помню. Боюсь. Себя бояться можно. Наверное, даже собственной слабости можно бояться, это ничего. Главное — не бояться артистов. Этого допускать нельзя.

Материал! Сейчас главное вгрызаться в материал! Времени нет, совсем. И нет возможности отступления. Вгрызаться, вгрызаться! Хотя бы маленький плацдарм на первых репетициях задолбить… и упереться. Чтобы было во что упереться!

26 января 1986 г.

Вручали грамоту заслуженного артиста РСФСР в здании обкома партии (конференц-зал). Таня была со мною. Были еще — в качестве гостей — Борис Михайлович Каширин и Эдик Цеховал.

Группа награжденных — рабочий, учителя, получившие звание, и один артист (Алексеев — в Иркутске). После этого события заехали к Эдику. Мне не сиделось, и не елось, и, тем более, не пилось. Скорее, скорее — домой, к пьесе.

27 января 1986 г.

3-я репетиция. — Начал разбор по картинам (1, 2), хочу избежать «застольного» периода как такового. «Читка в ногах» — хотя сразу это не получится, но готовлю артистов к этому. Пока

не грустно. Кажется, есть интерес.

Вспоминаю Мих. Мих'а постоянно — как он говорил, что для режиссера важно: ум, личное обаяние и знание материала! Все, все, все впереди. Сейчас скорее охватить всю пьесу вместе с артистами, чтобы каждый прочувствовал линию.

Большая пьеса, очень большая.

28 января 1986 г.

4-я репетиция (3, 4). — Немного мараю. Лукьянов этим недоволен — ворчит. Общее настроение — тьфу, тьфу, тьфу! Сегодня утром понял (не на словах, а физически ощутил) всю «небытовость» пьесы. Пока читаем сверху, все только — *что,* а здесь *главное* — как? *Способ игры.* Это дальше, пока пробивать… пробивать грубо, примитивно…

29 января 1986 г.

Сегодня понедельник, все утро просидел над пьесой. Потом встречался с композитором Витей Березинским, потом забежал в райисполком по делам (как все некстати), и опять над пьесой. Сейчас третий час ночи. Таня спит.

С трудом добрел до финала. Надо простроить структуру… просто сяду и нарисую на бумаге. Рифы проступают довольно ясно, но раз я их вижу, значит, уже неплохо. Через день встаю на ноги. Страшно боюсь первого момента.

С декорацией не знаю, что делать. Все поперек меня! Это мой гроб! Снял копию с эскиза, висит у меня на стене перед глазами целый день, целый день смотрю, и сердце заходится. Только что звонил Миша А., у него 7-го показ во МХАТе спектакля с Б. Щербаковым.

3 февраля 1986 г.

Утром шел по второму акту за столом. Конца не видно. Надо марать, сильно марать. Вечером попробовал 1-ю картину ногами… Ох, ох… тяжело… Пробовали этюдом. Сопротивления нет, артисты идут легко на этюд, но очень себя «держат», берегут. Боятся острого рисунка, нырнуть, впрыгнуть поглубже в зерно характера боятся. Что делать? Состояние мое судорожное, но все надо держать в себе, это тяжело. Главное, чтобы у них не гас интерес. Это главное, пока вижу, что-то есть в глазах, но долго этим не проживешь, нужна пища, от меня… Думаю, думаю, думаю. Скорее охватить весь материал!

5 февраля 1986 г.

Дошли пьесу до конца по первому разу. Света показала эскиз

и костюмы группе. На показе вел себя сдержанно и лояльно по отношению к оформлению. Зачем им знать мои тревоги. Надо выгребать самому, завтра еще раз попробую серьезно поговорить со Светой. Может быть, что-нибудь изменим.

7 февраля 1986 г.

Вчера начал маневры со Светой по поводу оформления. Тут все не просто, надо быть дипломатом, в конце концов, дело можно выиграть только при взаиморасположении. Пробовал действовать осторожно и целенаправленно, что-то получилось. Пересмотрели правую часть конструкции по моему предложению, стало удобнее несколько, потом так же ненавязчиво втиснул центральную лестницу…

Разбросал 4 картины. Дается все тяжело. Странно, но ожидал от артистов большей подвижности. Сказывается, что не сам распределял, ах, как сказывается… Собственно, паниковать рано, может быть, так и должно быть. Внутри все клокочет, хочется взять свою душу и «вставить» ему в грудную клетку. Как-то надо меньше говорить… больше двигаться, пробовать.

К концу репетиции такое ощущение, что *ничего* не прибавилось. Просто потоптались на месте — и все. Господи, вдруг это так и есть!

Завтра понедельник, попробую посидеть над пьесой — сделать какие-то заготовки наперед, на неделю; хотя бы дня на три.

9 февраля 1986 г.

Нет, записывать репетиции не удалось. Работал много и трудно. Был момент, где-то спустя 2–3 недели, критический. Потом вроде вырулил. Поставил два акта «на ноги». Теперь понимаю, что «нахрап» и неподготовленность сказались, да еще как… Все-таки месяц мне пришлось (вместе с актерами) разгребать пьесу, а в это время был, очевидно, упущен момент нахождения «своей игры», момент освоения ситуации и перевода ее актерами в свою психофизику.

С 4-го пришел Гена. Репетируем вместе, т. е. в основном он, а я вякаю с места. Но теперь-то прочно знаю материал, и когда он ошибается (а это происходит), я бываю нужен.

С оформлением делаю что хочу. Задвинул все в глубину и т. д.

Состояние тяжести и неудовлетворенности, конечно, есть. Трудно объяснить словами, но, страдая душевно — умом радуюсь. Понимаю, что все так и должно быть и даже все хорошо. Ведь еще три месяца назад только мог мечтать о будущей (когда-

то) постановке и т. д. А здесь такой опыт. Грандиозный опыт. И хорошо, что с этой пьесой. Честно, мне теперь ничего не страшно. Столько уроков! А с артистами… Ведь это все нужно было когда-то пережить. Сколько переживаний с Дрейденом. Тоже опыт. Что делать — если такой ценой. За опыт надо платить. Того стоит.

Завтра мне стукнет 39. Таня готовит лобио и торты. Наверное, кто-то придет завтра. Ах, какой я старый, старый!

Это бы все ничего — вот узнал: сняли «Наедине со всеми»!!! Горе! Какое горе! Как мне тяжело. Как жалко!

Значит, тот спектакль был последним! Мы играли и не знали, что последний. Худсовет еще не утверждал, зашел к Андреичу в кабинет. Смотрю — кресло стоит мое из спектакля. «Да, — говорит, — уже мебель раздербанили». — Так случайно узнал.

7 марта 1986 г.

Последняя репетиция состоялась. Завтра выходной, а 18-го улетаю на сессию. Задержаться не получается.

Вечером сегодня был у Гены (дома). Три часа говорили. Говорили предельно, как мне показалось, откровенно и честно. Уезжаю с нормальным настроением, но не скажу, что с блестящим. Того, чего хотел, явно не получилось, и в этом надо ясно отдавать себе отчет. Всякие хорошие слова — это мимо. Объективных причин тоже (как всегда) вполне достаточно… Но… полезнее смотреть в себя.

Важнее проанализировать подробно весь ход работы за эти 1,5 месяца. Этого мне хватит на месяц, а то и больше.

16 марта, воскресенье, 1986 г.

Вернулся из Москвы утром 17-го. Улетел сразу после экзамена.

О сессии, пожалуй, ничего писать не буду, достаточно того, что там писал целый месяц.

Месяц интереснейший, работы было много… Устал и т. д. Хочешь не хочешь, а приходится сотворять кумира. Опять нашему курсу повезло, да как! Ушел Буткевич — пришел Васильев. Надо как-то все систематизировать и разобраться во всем, что было сделано там.

Сейчас только вернулся со спектакля. Со «своего» спектакля. Настроение тяжелое. Все очень плохо. Собственно, Гена только поднакидал антуража, понабросал элементиков, так что нелепо было бы сваливать вину на него (хотя некоторые так и делают). Нет! Побоку всякую ерунду. Я-то вижу, как *ничего хорошего* не делаю с артистами, и это только моя вина.

Беспомощность. Слабый спектакль. Самое слабое в нем — не

постановка, не деталировка и проч. Самое слабое, что нет самого спектакля, т. е. группы сильных, здоровых, знающих, что и ради чего они делают, артистов. Так… рассказывают слова какой-то сложной, заумной пьесы из какого-то там исторического прошлого…

Иногда неплохо играет Сережа Д. (?). Я ему сказал после спектакля, что надо стать паровозом. Надо играть бенефисно и не бояться этого. Брать спектакль на себя и тянуть. Вот какую жуть пришлось сказать. Но… выхода другого нет.

Да, это мне испытание послано. Переживу ли? Надо. Что ж делать?

Читаю пьесы. Пока ни на какой не остановился. Начал репетировать в «Привидениях». Опять возобновили фарс с вводом в «Царскую». Пошло, а придется.

Выходных нет и не предвидится. Остановиться бы надо. Хоть на недельку.

22 апреля 1986 г.

Осталось несколько минут… Уезжаем на гастроли… Воронеж, дальше Куйбышев. Все собрали, последние штрихи.

В душе волнение, но и что-то другое… все-таки цыганская — актерская душа…

Новостей много, но писать некогда.

Нашел пьесу на следующий сезон. Это, пожалуй, самое главное: Дарио Фо, «Не играйте с архангелами».

Все, все, некогда, пора уходить…

Дай Бог, чтобы все было хорошо, чтобы все были здоровы. Грустно расставаться с домом… очень грустно. Я еду надолго… потом отпуск и сразу на сессию.

Все.

28 мая 1986 г.

Утро. Только что прилетели домой из Ростова. Позади Воронеж (июнь), Куйбышев (июль) и Ростов — все остальное время. Из Ростова на пару дней ездил к своим в Перевальск.

Воронеж многое показал… приоткрыл кое-что для тех, кто видит… Куйбышев подуспокоил. Прошли там блестяще, во многом «на ура», в чем-то — «так-сяк», а в общем — достойно.

Мы собирались в Железноводск в санаторий (были путевки), но нездоровье все рушит нам с Танюшей. Тогда поехали в Ростов к О.И., думали, ненадолго, а вот просидели до 26 августа. Там хорошо… но жарко.

Много общались с Настей. Она, кажется, взрослеет… в хорошем смысле, но не сказать, чтобы очень быстро. Этот год

тоже потеряла по глупости — никуда не поступала (!).

У меня мало времени — много дел. Как бы так ухитриться и все успеть за пару недель. 14-го сентября уже надо лететь в Москву.

13 сентября 1986 г.

Сессия с 15 сентября по 15 октября. (Прилетел домой утром 16-го.)

Месяц невероятной насыщенности. Сейчас вот спрашивают друзья-товарищи: ну, как там? Что? Трудно? Я пытаюсь что-то говорить и понимаю, чувствую непроходимую стену между тем, что «там» и — «здесь». Даже рассказать, объяснить, хотя бы в какой-то мере, невозможно… Может быть, это и не нужно… Но такое чувство, будто носишь в себе груз драгоценный, хочется поделиться. Рассказываю Тане понемногу, она понимает.

В рабочей тетради старался подробно конспектировать все занятия с Анатолием Александровичем (Васильевым). Ежедневник репетиций, которые кончались далеко за полночь, а перед экзаменом он побил все рекорды — репетировал *почти сутки* с одним перерывом (50 минут) на обед. Начали репетировать в 9.00 утра 14-го, а закончили в седьмом часу утра 15-го, в 12.00 этого же дня потом пообедали — и *экзамен.*

Я за это время сделал *несколько* отрывков по Пиранделло, массу экзерсисов и т. д. В спектакле играл Отца (1, 3 акт). Спектакль получился удивительный. Разговоров о нем, наверное, будет еще много, может быть потому, что в феврале А. А. собирается показывать его в своей студии (по настоянию кафедры).

«Шесть персонажей…» В роли Отца

В Москве встретились с Геной Тростянецким, хотя времени для встреч ни у меня, ни у него не было. Тем не менее договорились как-то (на какую-то лекцию я не пошел) и ходили часа три по Москве. Он сильно в «материале», много рассказывал из задуманного спектакля, хотели встретиться еще раз, но ему пришлось лететь в Красноярск к Астафьеву.

Настя была на гастролях со своим ТЮЗом в Подольске, несколько раз приезжала ко мне в Москву, даже посидела немного у нас на занятиях. Готовится к поступлению в институт, правда, еще как-то по-детски, не спеша…

Начал работать над декорацией с Игорем Поповым. Сделали какие-то почеркушки. Принцип, кажется, придумали. В ноябре еще полечу к нему на макет.

19 октября 1986 г.

Был в Москве со 2-го по 8-е.

Работали с Игорем. Работали много и хорошо. Все, что придумали прежде, безвозвратно ушло. Перебрали еще несколько вариантов, пока не натолкнулись случайно (от одного моего рисунка) на «наш» принцип. И сразу все пошло от этого. Решение простое, но…

12 ноября 1986 г.

Состоялся худсовет по приему эскизов оформления. Прошел

удивительно быстро и единогласно. Всем понравилось, говорили хорошие слова… Ах, если бы это уже что-то значило…

В театре много событий в связи с предстоящим экспериментом. Жалко, что ничего не пишу, ну, теперь уж в другой тетрадке начну.

4 декабря 1986 г.

Теперь пишу дневник репетиций, поэтому здесь пусто… Кончается год — Таня ушла играть «Пальто», я наряжал елку… Встречать Новый год пойдем к Мигдату, как и в прошлом году.

Настроение у меня разное. Первая половина декабря была, как мне кажется, результативней… Хотя начало (1-й акт) давалось трудно, но как-то *веселее* репетировали. Потом начали дергать артистов на «Турбиных», пошла неразбериха, потом предновогодние дела, «елочки» у артистов и т. д. — другое настроение. Если попытаться оценить *свою работу*… Много к себе претензий. Не очень интересно придумываю репетиции, плохо держу настроение всех участников, жесткости не хватает — это точно. Для начала это было, может быть, и неплохо, но дальше будет мешать, да уже мешает… Много проблем, много… моих, личных. Попробую перевести дыхание и начать все сначала 12 января. Артисты тоже должны почувствовать новый этап.

Приехал Саша Винницкий. Был у нас. Сидели до 3-х ночи, это уж как всегда… много и интересно говорили. Саша меняется, Москва его «взрослит». Был у меня на репетиции, с музыкой что-то вырисовывается, хотя много вопросов.

Нет, нет, не буду больше о спектакле! Надоело! Целую тетрадку исписал толстую (дневник). Хватит писать.

Взял бы да сочинил что-нибудь сентиментальное, грустное… все-таки Новый год! Да какой! 1987-й — сорокалетие катит. Боже… почему же я этого никак не понимаю… не ощущаю. Вспоминаю своего папу, когда ему было 40, он мне казался старым тогда, значит, и я так же.

Лень писать. Неинтересно. Ну и не буду.

31 декабря 1986 г.

1987

В Москве был с 7 февраля по 2 марта, собственно сессия закончилась 27 февраля. Пять раз сыграли наш спектакль на Воровского, 20. А. А. открыл свой театр нашим спектаклем.

Событие невероятное, счастливое, радостное, грустное…

Не берусь описывать… не смогу… Интерес к спектаклю был огромный, толпы желающих попасть, милиция у входа и т. д.

У нас все перемешалось: дни и ночи. Репетировали бесконечно, в любое время суток. Можно сказать, и не расходились.

Нельзя сказать, что мы восстанавливали *тот* спектакль, который сыграли на прошлой сессии в 36-й аудитории ГИТИСа. Хотя нельзя сказать и то, что мы старались забыть его и специально делать нечто *другое.* Работа была *естественной,* сегодняшней, и мы были *сегодняшними* — это главное, да, пожалуй, это самое главное…

Обжили наше здание, наш подвал. Хорошо обжили. Уютно, семейно, тепло… Вообще, чувствуешь себя так… необыкновенно удобно… легко и еще и еще…

Хорошо, что я не стал писателем. Господи боже мой, ничего, ничего не передает это блеяние, жалкое, пустое… ведь, может быть, самый главный, самый счастливый кусочек жизни уместился в нескольких февральских днях 87-го года. Будет ли когда-то нечто такое высокое, трагическое, *улетающее…* бесконечно *ускользающее* Нечто!!! Вот ведь в чем дело!

Еще Бог дал не сразу расстаться с Анатолием Александровичем. Никогда не забудется *застолье актерское,* где *все-все* наши собрались вокруг Учителя, *наши* — это и «Серсо» и «Васса» и «Пиранделло», за одним столом (столами), те, кто работал с ним последнее десятилетие.

А потом еще целую ночь провели у Игоря Попова.

Утром возвращались вместе, нам с Таней нужно было в гостиницу «Центральная», а А. А. к себе на Маяковку (в 9.00 у него работа на ЦТ). Добрались до Пушкинской площади. Было 6.40 утра. Морозно. Москва уже просыпалась. Мы попрощались. Говорили какие-то слова, смысл которых велик, но сами по себе… просто — слова. Перешли на другую сторону улицы (к ВТО), обернулись… Он стоял… длинноволосый, в черном тулупчике, на плече сумка защитного цвета, чуть приподняты плечи… и махал нам рукой.

Без даты

8-го отпраздновали мое сорокалетие. Все как всегда, только цифра «круглая». Собрались наши друзья: Эдик с Галей, Елена Ивановна, Ицик с Надей, Лысов, Гордеев, Завязочникова Галя… Выпивали, сидели, грустили, пели песни.

Эдик принес винегрет, на котором выложил горошком зеленым цифру 40, как когда-то вместе с ним мы выкладывали 30… Это было трогательно и грустно. А в общем — ну, что ж! 40, так 40! Ничего это не меняет, в конце концов.

Здравствуй, Коля, здравствуй, дорогой. Тебе уже стукнуло 40. Несколько дней назад твои друзья сидели за столом и пили твое здоровье. Так что, старик, совсем уже взрос-ленький, а?

Сегодня целый день копаюсь в своих бумагах… Счастье — любимое занятие — копаться в старых бумагах. Таня смотрит телевизор в той комнате… Поздний вечер.

16 марта 1987 г. Омск

Прилетели в Ригу 2-го (труппа уехала раньше, поездом, мы с Таней летели), успели к вечернему спектаклю, к открытию. Открывались «У войны не женское лицо».

Прошла первая неделя. Работаем на двух площадках, в русской драме и в Доме офицеров (еще «Привидения» в театре Райниса, 2 спектакля).

Мы живем счастьем и благодарностью судьбе за то, что мы — артисты, что работаем в этом театре, а не в каком-нибудь другом, за то, что все так складывается в жизни…

Прошло 12 лет, и мы снова здесь, в этом прекрасном городе. Гастроли 1975-го года памятны, будто все это было вчера, а столько всего произошло за эти годы… Бродим по узким улочкам, вспоминаем.

Для меня то время было не самым радужным, мягко говоря… Но боли прошли, раны — затянулись… хорошее помнится. Было мне 28 лет! Всего-то… Играл прекрасные роли, всегда рядом — дружная, шумная актерская компания, друзья… любовь, надежды… отчаяние… Боже, сейчас мне кажется, что была еще какая-то легкость. Легкость и ни на чем не основанная безмятежность по поводу будущего. Отчаяние, страсти кипели в настоящем времени.

Даже живем в той же самой гостинице «Рига», только тогда я жил на 6-м этаже, Таня — на 4-м, кажется, а теперь мы на 3-м, в № 339. Финны придали старому зданию европейский шарм. У нас полулюкс (как говорят). Небольшой холл и спальня, уютный балкончик.

Довольно лирики, теперь о гастролях. Начало неплохое. За

основную площадку (русская драма), кажется, можно быть спокойным, а вот с Домом офицеров — хуже. Как мы тут поняли, это здание вообще рижанами игнорируется. Идут туда неохотно. К сожалению, мои «Архангелы» идут там (там же — «Качели»),

«Архангелов» здесь 4 спектакля. 2 уже сыграли, 6-го и 10-го (т. е. вчера). Зрителей — ползала. Печально.

Меня беспокоит, чтобы это не расхолодило ребят. Наши артисты настолько не привыкли к полупустым залам, что у них сразу падает настроение, появляется какое-то равнодушие, необязательность и т. д.

Принимали спектакль, правда, хорошо. Особенно в конце.

8-го сыграли 200-й спектакль «Царской охоты». Таня сыграла все 200 спектаклей. Ей отвалили премию: 100 рублей (это — впервые, эксперимент).

11 июня 1987 г.

Пока книжечка новая, тянет писать… воспользуюсь этим, пожалуй, хотя уже ночь. Смотрели сейчас чемпионат Европы по баскетболу, югославы играли с греками. Болели за югославов, но им это не помогло. Греки выиграли. Трибуны (чемпионат проходит в Греции) просто разрывались от крика болельщиков. Зрелище невероятное по эмоциональному накалу и даже временами тяжелое… Можно ли поставить такой спектакль? А нужно ли ставить такой спектакль? Спорт и искусство — разница единственная, но кардинальная — объективный (математический) критерий: сантиметры, секунды, счет…

Вчера сыграли замечательные «Качели». Хорошо игралось. Легко… свободно. Перед этими гастролями нам сделали новое оформление, т. е. совершенно новое. Света Ставцева сделала абсолютно новый эскиз, более конкретный, простой, впрочем, по задумке… Короче, спектакль стал выглядеть лучше, элегантнее, что ли, чище, яснее. Костюмы тоже сменили. Естественно, изменилась планировка, свет и проч. Все это мы сами проделали с Таней.

В какой-то мере — *новый* спектакль. Записали здесь на ТВ. По-моему, получилось очень неплохо. Хотя мы смотрели только кусочки.

Вот, уже 9 лет играем! Ничего себе!

Звонил Толик Кр., прилетят с Ниночкой к нам в гости на несколько дней, сюда, в Ригу.

Ездили сегодня к морю. Шел дождь, мы бродили под зонтиком по пляжу. Читаю пьесы. По уговору с М.Н. должен поставить что-то советское в следующем сезоне. Массу прочитал. Нет ничего, что бы сразу остановило на себе. Хотя многое из того,

что прочитал, можно ставить… а можно и не ставить.

Проза открыла закрома, стали печатать то, что не печатали в годы «застоя», — оказалось, есть (была) литература честная, сильная, мощная… только ее не печатали, не давали читать. Пьес таких не оказалось… Драматурги *не хотели* писать «в стол» (как, например, Трифонов). Сейчас самая большая моя проблема — пьеса! Время поджимает — надо заявлять название — что делать? Понравилась «Кукла» Басаргина… думал над ней всерьез… Во-первых — актриса? Нет на главную роль… Во-вторых — хочется сейчас *про другое*…

Читаю вот Битова, «Пушкинский дом» (повезло), вот ведь! Ну, как? Ну, что после этого? Так и ставить надо «Пушкинский дом» — наверное, так. А. А. так и поступит.

Тяжелые дни, тяжелые. Как не хочется ошибаться, а так это просто… Забываюсь временами. Особенно тут — гастроли, спектакли и проч. Но стоит только остановиться — и чувствую в сердце тоненькую такую тоску, предчувствие такое — ах… Пьеса, пьеса, пьеса! Как заклинатель змей. Страх такой, что где-то рядом — она, а я — не вижу, и кто-то другой схватит.

12 июня 1987 г. Рига.

Длинный день. Не было спектакля. Ездили в гости к Маргарите Павловне Петровой и Владиславу — это наши давние добрые друзья… поклонники (еще с тех гастролей 75-го года). Все эти годы писали нам, и довольно часто. Вообще люди пишущие. Ехали долго на трамвае (торт, цветы).

Впечатлений вагон. Целый день думаю… что это? как это? Как они сохраняются, выживают в этом неприспособленном мире. С точки зрения среднего здоровья, обыкновенного человека — просто больные люди, ненормальные, потому что совсем ни на кого не похожи… Интересы, ценности — странные… Даже описать их почти невозможно, по крайней мере мне не удастся ни за что.

М.П. — 86 лет. «Человек трудной судьбы», как писали у нас до недавнего времени о тех, кто сидел. Она сидела дважды: в 37-м и 47-м. Жена «врага народа». Врач. Ум совершенно ясный. Память прекрасная. Читает наизусть Игоря Северянина. Да как читает! Как говорит, как рассказывает… этап, пересылочный лагерь, уголовники и т. д. Судьба страны. *Время.* Я смотрел на нее и думал: мы занимаемся только *схемами.* Пустыми изжитыми *моделями,* варьируя их то так, то эдак. Нет, нет… ничего подобного мы сыграть не умеем. Просто даже не подозреваем, что сыграть нужно *это.* Не конкретно тему сейчас имею в виду (хотя и тему тоже, в конце концов, когда-то нужно), но уровень,

глубину, широту, объем человеческого космоса… В том-то и дело, что, столкнувшись с неординарным, мы привычно сбрасываем это на психическую аномалию и спокойно отправляемся в привычные «схемы», к знакомым и таким понятным «моделям».

Мы знаем, что «болезнь» — большое и разнообразное пространство, болезни бывают разные, и этим занимается медицина, а здоровье (психическое) для нас как бы уже не имеет пространства. Здоровье — нечто константное. Однотипное. Делящееся лишь на хрестоматийные *«характеры»* (холерик, сангвиник и проч.). Грубо так выглядит.

Болезнь иногда востребуется нами (сюжетно, чувственно и т. д.), но только иногда… В общем-то, это патология, и пользоваться ею почти неприлично. Даже не почти — твердо: неприлично. Так и говорим: «Это же — патология!». (В этом уже оценка, всегда негативная.) В пространстве же «здоровья» пользуемся *точкой* (пространства нет), в лучшем случае — пресловутый «характер». То есть точка с вектором — эпитетом — прилагательным.

Но ведь это *щель*. Щелочка! Ускользает целый Мир. Остается — функция. Мираж. Тень человека. Пространство душевного здоровья имеет структуру атома и так же безгранично, как мир… Уцепив даже несколько «связей» внутри этой структуры, надо *чувствовать* (эмоционально ощущать) бесконечность. Такую схему нарисовать невозможно. Можно ухватить лишь кусочек реалии, но искусство не в этой реалии, искусство — в *ощущении* бесконечности, в единственном счастье *передать* это ощущение.

Получается те-о-ре-ти-чес-ки и туманно… Но, мне кажется, я говорю о конкретных вещах. Я говорю об ограниченности (мягко говоря) того, что мы называем реализмом. То, чем мы занимаемся, — не реализм. Это — житие по лекалам. Более талантливым оказывается тот, кто научился ловко тасовать лекала, как карточную колоду. Дела нет, что лекала — плоские, и мир — трехмерный (трех ли?).

Двухкомнатная квартира завалена бог знает чем. Склад (костюмерный цех и реквизиторский вместе). Свалка. Ненормальная старуха на кривых ножках, блестящие глаза, светлые, аккуратно крашенные волосы. Временами красавица. Стихи. Судьба. Сталин, Берия. Лагеря. Война. Мужья. Болезни. Юность. Гимназия. Омск. Сибирь. Старинные фотографии. Письма Горбачеву. Партия. Надежда. Театр. Артистка. Владислав. Приемный сын. Пережил ленинградскую блокаду. Умирал. Спасала. Избиение. Влюблена! Пишет стихи (читает здорово). Он ей говорит (любимый): «Я вас боюсь!»

Или мы научимся играть *бесконечность,* или все мертво.

Бесконечность — конкретную, каждый раз.

14 июня 1987 г.

Ночь. Пришли после «Царской охоты». Пили чай.

Во время спектакля несколько раз замечал себе: «Вот, надо записать *ощущение*… Это так важно, надо записать…» А сейчас сел и думаю: как же *это* записать… и вообще — что *это* такое, что нужно записать. Возникало нечто… какие-то прорывы… проколы… (не знаю, хорошо для спектакля или плохо… во всяком случае — непривычно).

Вдруг расширялось (разрывалось) пространство, зал, сцена сливались, виделась глубина колосников, видел как бы *весь театр* снаружи — мертвый серый дом среди большого старинного города… такой же серый и молчаливый, как все другие… но вот же… внутри притаилась тысяча человек, и все — все пристально-молчаливо всматриваются в яркое световое пятно… в пятне стоит моя Таня (и я тоже вместе с толпой всматриваюсь в нее) и что-то говорит мне, но не совсем разбираю, вернее, *не стараюсь* даже разобрать, вникнуть в смысл, он кажется мне знакомым и в общем-то известным, — в эти секунды (вот главное) испытываю пронзительное счастье, ничем не объяснимое и в то же время (в те же секунды) неизъяснимую тоску, печаль, наверное оттого, что слышу, как летят секунды… вот-вот все рассыплется, кончится луч света, Таня, ее прекрасное лицо, слова… Я отвечаю ей подсознательно, ловлю реплики, очевидно, вкладываю определенный смысл в каждую фразу… *Но думаю совсем о другом* (то есть совсем не так, как учили: «внутренний монолог» мой — фиктивен). Однако эта фикция — *есть мой материал игры.* Вот велосипед, сегодня мною изобретенный, — *материал игры.* Где его брать? Как растить в себе на каждом спектакле — не знаю. Но убежден, что им *не может быть слово,* текст пьесы. Вот до чего договорился, вот до чего додумался сегодня — текст не может быть материалом игры!

По второму разу перечитываю Андрея Битова «Пушкинский дом». Если бы была возможность, перечитал бы и в третий (надо отдавать книгу).

Мощный роман! Русский роман! Русский в самом глубинном значении. Некоторые *пророчества* меня просто потрясли! (Написан где-то в конце 60-х годов.) Попробую выписать хоть несколько фраз, хотя и бессмысленно… Только в целом и только в *процессе* он существует окончательно.

«…Человечество было бедным и прокармливало себя трудясь, не расковыривая купола природы, стоя у дверей ее скромно и не помышляя о грабеже. Оно могло, подголадывая, накормить „от

пуза“ нескольких там князей и церковников, их было не так уж много, и эта социальная „несправедливость“ ничтожна, если учесть, что *разность* эта необходима человечеству для основания культуры. Накапливая *излишества,* они невольно создавали образ *возможности.* Никакое равенство не возведет храмы и дворцы, не распишет их, не украсит. */… / Из обеспеченности возникла подготовленность, из подготовленности — способность ценить, из способности ценить — уровень культуры.* Никак не наоборот. Культуре нужна база, богатство. Не для удовлетворения потребностей художника — а для подлинного спроса. Эту пассивную, почти биологическую, роль аристократии, такую очевидную, понимать уже поздно. Никому сейчас почему-то в голову не приходит, что сумасброд маленького княжества очень, по-видимому, понимал в музыке, если у него „работали“ Гайдн или Бах. Что Папа понимал живопись, если выбирал между Микеланджело и Рафаэлем…»

Посмотрели несколько видеофильмов. «Апокалипсис» режиссера Копполы, «Кабаре», «Сатирикон» (Феллини) и «Калигулу» (меньше половины), нужно было уезжать встречать Толика с Нинкой в аэропорт.

«Кабаре» — удивительно перепевает «Двое на качелях», почти по Гибсону. Хорошие фильмы, бесспорно, но… не сходил бы сума, как многие. По-видимому, все-таки играет факт видео, исключительности, т. е. *причастности.* Из трех первых мне больше других по вкусу «Сатирикон».

15 июня 1987 г., Рига

Вчера виделись с Феликсом Григоряном. Он приехал для разговора с Мигдатом на предмет главрежиссерства. Попросил о встрече — поговорить. Пришел к нам в номер. Говорили часа два. Он набросал, так сказать, свою программу, репертуар и т. д. Интересовался моими планами, мыслями и проч. В общем разговор толковый. В нашей театральной ситуации, очевидно, его фигура — самое правильное решение. Внутренне я Мигдата поддерживаю и одобряю. И не только внутренне. Он нам знаком (для нашего театра — важно это). Знает в достаточной мере нас. За плечами убедительный опыт Томска. «Рядовые», правда, был не лучший спектакль, но… один случайно поставленный спектакль — ни о чем не говорит.

Я надеюсь (судя по разговору) на нормальную, толковую совместную работу.

Вчера играли «Качели» — очень плохо. Просто дурно. Давно так плохо не играли. И ничего не мог с собой поделать — бесполезно. Ушло что-то — и конец! Ничего не помогает. Вот тебе

и *материал игры!* Не было материала… сегодня опять «Качели» — даже страшно. Как играть?

18 июня 1987 г.

Последний раз в Риге играли сегодня «Царскую охоту». Владислав привез на спектакль Маргариту Павловну. Удивительная старушка сидела в первом ряду. На поклонах к ногам красиво бросали розы. Было много цветов и т. д.

Без даты

20-го в последний раз шли «Архангелы». Зрителей в Доме офицеров так и не прибавилось, мои надежды не сбылись. Хотя принимали тоже очень и очень. Почти овации.

Я совершенно не могу смотреть свой спектакль (заставляю себя сидеть в зале силком). Состояние просто ужасное. Все кажется плоским, неталантливым, тривиальным. Что самое плохое — начинаю сердиться на актеров, досада появляется, раздражение. Наверное, это нехорошо. Себя надо «съедать», а не актеров. Твержу себе это, твержу, а злюсь на них. Много, кажется, что делали, — теряют. Ровнее всех играет Ицик, хорошие сцены бывают у Лысова (но бывают просто плохие спектакли), пару сцен неплохо держит Василиади… Вот, пожалуй, и все… по моим меркам. Когда хвалят другие — молчу… и думаю про себя… На актеров сердиться, конечно, не имеет смысла, но… Проблема *профессии* есть, она растет, и думать об этом необходимо.

Позавчера посмотрел по видику «Пролетая над гнездом кукушки». Я был очень сильно задет фильмом. Профессионально *задет* (как актер). Ясно чувствую, что мы так играть не можем, не умеем! (Себя, конечно, тоже включаю в это «мы».) Долгие годы сентиментально-монументального «реализма» — идиотизма — высушили нашу актерскую школу, кастрировали, опримитивили ее. Печально, что многие этого не замечают. Вот что страшно… Мои коллеги совершенно спокойно толковали после фильма, что так, мол, сыграть нам запросто… «При хорошем режиссере…» Обычно добавляют: запросто, режиссура то есть плохая, а актеры — готовы. Дети! Не понимают элементарной *взаимосвязи — одно не бывает без другого.* Как актеры проявляются, вырастают при высокой режиссуре, так и режиссер (режиссура вообще) не может вырасти (возникнуть) на пустом месте. Нужна *среда* игры. Свободной, *многообразной игровой атмосферы* — которая живет только в актере, в лицедее. Где-то здесь и вопрос *авторства* в актерской профессии. Есть оно — авторство — или нет его? Ведь должно же быть! Где граница? Актер не попка, не попугай! Он — художник! Где ж мера *собственного* творчества, *авторства?*

Главные вопросы в театре: *что* и *как?* Мне кажется, если *что?* — главная обязанность (главное поле деятельности) режиссера, то *как?* — прерогатива актера. Это его хлеб, его муки, его бессонные ночи, его тренаж, ремесло, работа! Ясно поняв (при помощи режиссера) — *что?* — актер должен рожать, плодить, *проигрывать* десятки (а может быть, сотни) (ну, хотя бы 5–6) — *как?* (вместе с режиссером) и *отбирать.* Строить тот самый коридор роли, который позволяет в свободной импровизации двигать действие в точно намеченном направлении.

Актер — собиратель несметной коллекции человеческих типов, характеров, черт, привычек, эмоциональных состояний и т. д. и т. д. Но это коллекционирование не арифметическое действие сложения. Это *творческий* (подсознательный) переплав собственного опыта, собственной жизни, собственных состояний и окружающего мира. Коллекция вечно движется (как хлеб в элеваторе), она должна быть в постоянном движении, в работе — она *живая.* Застывшее — штамп. Движение, оплодотворяющееся, развивающееся, меняющееся — *материал игры.*

22 июня 1987 г., Рига

Слушали орган в Домском соборе. Играла Женя Лисицина, наша знакомая, хочется сказать подружка Елены Ивановны.

Исполнялся Бах (26 прелюдий), Регер. Сила невероятная. На «бис» исполнила блестяще фугу и токкату Бельмана (французского композитора).

По городу все идут с дубовыми венками — праздник национальный сегодня.

Светло. Ночь наступает незаметно.

23 июня 1987 г.

Еще посмотрел по видео фильм с Николсоном — «Честь семьи Прицци» и фильм «Роза». Много размышляю об уровне *актерской* технологии. Мы называем себя психологическим театром, но играть на таком уровне психологии уже не умеем. Говорю *«уже»,* потому что думаю, что умели. Русский театр начала века был очень силен в актерском отношении, американцы, без сомнения, взяли тогда наш уровень из первых рук (М. А. Чехов) и развивали его, естественно, все эти годы. Наша же выхолощенная общественная жизнь — выхолостила даже то живое, что уже было в человеке, в понимании его психологии на социальном, семейном, интимном уровнях. Страшное время духовной нивелировки сделало свое дело.

Мы должны теперь у них учиться… и ничего в этом нет зазорного! Они же не стесняются брать «наше», развивать, делать

своим — это нормальный ход вещей, нормальное взаимообогащение. К черту дурацкие комплексы! Мы должны «вернуть» свое себе… только и всего.

В фильме «Роза» актриса работает просто классно, просто высший класс, хотя сам фильм нормальный, не более того, вторичный, третичный и не претендует на другое, кажется. Очень, очень рад, что посмотрел эти фильмы.

Подходят к концу гастроли в Риге. Печально. Таня просто грустит. Здесь хорошо нам жилось. Чудесный месяц.

Хорошо игралось в Театре имени Райниса. Новое здание на улице Ленина, чудесное. Сцена оснащена превосходно, не то слово — трансформируется, «утопает», меняет планшеты и т. д.

Я там сыграл только два спектакля («Привидения»), Таня еще две «Вирджинии». Принимали прекрасно.

Вообще гастроли, кажется, удались. Финансово — благополучно (с небольшим перевыполнением). С прессой — хуже. Пока была *одна* статья в молодежной газете. Статья невнятная, бестолковая и, по-моему, просто безграмотная, во всяком случае несерьезная и без всякого знания предмета. Завтра ожидается в «Советской Латвии» статья, но это завтра, посмотрим.

На первой «Вирджинии» у Тани пошла носом кровь (на последнем монологе) и шла до конца спектакля, и потом уже дома еле уняли. Надорвалась она. Очень плохо себя чувствовала дня два. Собирались в Дзинтари, но, конечно, не смогли поехать. Плохо ей было… и настроение, конечно, тоже… Сегодня опять была «Вирджиния», я волновался, но прошло все благополучно, даже хорошо. Пришла веселая. С цветами. У нас весь номер в цветах. Розы, пионы, гвоздики. Красиво!

На столике огромный букет, и на телевизоре, и на письменном столе, и на тумбочке в спальне, и даже в ванной — ромашки.

Пили чай, ужинали. Потом играли в «шашу-беш». Здесь купили эту игру. Играем азартно. Я даю фору, но бывает и так, что она выигрывает без форы. Сейчас поздно, второй час ночи. Не спится. Завтра закрытие.

Сегодня было собрание с цехами. Г.Р. пробовал «наставить» электроцех. Но получился бардак. Мужики разболтались, плюс к этому ведут себя по-хамски. Я не стерпел и «взвился», накричал на одного болвана, а теперь целый день сам хожу взъерошенный. Неприятный осадок. Надо было сдержаться. Надо учиться говорить спокойно даже в таких дурацких ситуациях. А впрочем… хама ведь тоже надо на место ставить… Нет, все-таки лучше это делать иначе… не криком. Ну, что же, надо учиться. Мне плохо

это дается. Завожусь.

29 июня 1987 г., Рига

Вечером 1-го сели в поезд Рига-Гомель. В 7 утра сегодня прибыли в Минск. М.Н. встречал на вокзале. Коллектив разместился в трех гостиницах. Мы с Танюшей в гостинице «Минск» (№ 1308), Театр русской драмы в двух шагах. Основная площадка в Доме офицеров. В 12.00 был общий сбор. Открывались «Войной». Перед началом приветствовала какая-то местная знаменитость (актриса), говорила несусветные глупости на уровне «Омск, Томск — это все равно».

Несколько хороших слов сказала С. Алексиевич. Я видел ее впервые, славная милая женщина. Именно такая и должна была написать книгу, которую она написала.

Финал (по рассказу) триумфален. Присутствовало много фронтовичек, прототипов и т. д.

Мы побродили по Минску. Первые впечатления. Я здесь впервые. После Риги сложновато… Надо пожить, посмотреть.

Работать здесь будет трудно — это ясно.

Здесь все очень широко, *массово,* серый гигантизм. Мысль какая-либо напряженная, мучительная смотрится лишней в такой сфере… Нет, нет, здесь трудно будет.

Поздно. Спать не хочется.

2 июля 1987 г. Минск

Прошло несколько дней в Минске. Тяжелые дни. Город праздновал освобождение 4-го — 5-го (суббота — воскресенье), на улицах толпы народа, ярмарки и проч. У нас на спектаклях меньше половины зала! Ужас! На «Лестнице» в Доме офицеров было 106 человек зрителей! (В антракте 30 ушли.) Подобного начала гастролей я просто не помню.

Есть ли какие-либо надежды на перелом? Изменится ли ситуация? Трудно предугадать. Я смотрел «Вирджинию» (ползала!). Играли ребята замечательно, честное слово, я смотрел с затаенной радостью. И в конце были овации. Вчера на «Смотрите, кто пришел» тоже, кажется, искренне принимали спектакль. Может быть, что-то изменится все же. Посмотрим. Мигдат жутко расстроен.

Только что вернулся с телевидения. Писали передачу о театре. Расстроен. Все сухо. Бессмысленно. Не живо.

Думать и думать. Как тут быть? Чувствую заторможенность, зажатость, формализм. Да, да, пожалуй, это самое страшное сегодня для нас. Нет того, что называется «лица не общим выраженьем». Но ведь внутри, в театре, оно есть, это лицо,

значит, не можем выразить, не можем *подать* себя.

Это все очень серьезные вопросы. Жизнь меняется на глазах. Мы видим это, ощущаем так или иначе, но собственная неповоротливость, заскорузлость, этакая привычная леность — сильнее.

Реклама. Пора кончать с самодеятельностью в этом вопросе. Нужен *научный,* профессиональный подход. Сегодня иначе нельзя. Здесь у нас «пустыня». Хотя кто-то и похваливает и что-то все-таки есть, но… все это *усредненность.* Лицо театра, знак театра (образ). Слова могут остаться те же, но… что за ними, за этими стереотипами: Омский государственный академический и т. д.

Мы — это мы. И мы ни на кого не похожи. Это надо уметь выразить. Конечно, репертуар, конечно, спектакли — главное, но есть еще и аура вокруг театра, некий имидж, знак, представление. Тут у нас прокол, и серьезный.

6 июля 1987 г.

Вчера шли «Архангелы», первый раз в Минске. Зрителей не полный зал, но принимали хорошо. Особенно финал, поклоны долгие и бурные. Весь же спектакль смотрели суше, чем обычно… Некоторые «дежурные» оценки исчезли вовсе.

Я смотрел весь спектакль. Перед началом провел разговор о *формализации,* которая мне кажется большой опасностью для нас сегодня. Разговоры помогают плохо.

Смотрел с трудом. Разболелась голова, да сильно. Выпил таблетку — не помогло.

Жуткая тетрадь… так неудобно писать, что просто бесит этот процесс.

Здесь много хороших книг. Можно купить полного Чехова, Горького изданий 50-х годов. И недорого. Много хороших книг по философии. Свободно стоят 2 и 3 тома ИВЛ. Надо сдерживать себя, все бы, кажется, купил, но разве в этом дело. Сейчас занимаюсь дипломом. «Склеиваю» работу.

Ф. *Раскольников.* «Огонек», № 26 (июнь), 1987. Письмо Сталину. «Вы зажали искусство в тиски, от которых оно задыхается и вымирает… /…/ Окостенение и паралич советской литературы».

Подсчеты, сделанные генерал-лейтенантом А. И. Тодорским: сталинские репрессии вырубили из пяти маршалов трех (А. И. Егоров, М. Н. Тухачевский, В. К. Блюхер); из пяти командармов 1-го ранга — трех; из 10 командармов 2-го ранга — всех, из 57 комкоров — 50; из 186 комдивов — 154; из 16 армейских комиссаров 1-го и 2-го рангов — всех; из 28 корпусных комиссаров — 25; из 64 дивизионных комиссаров — 58; из 456

полковников — 401.

«Ваша безумная вакханалия не может продолжаться долго. Бесконечен список ваших преступлений. Бесконечен список ваших жертв, нет возможности их перечислить. Рано или поздно советский народ посадит вас на скамью подсудимых как предателя социализма и революции, главного вредителя, подлинного врага народа, организатора голода и судебных подлогов».

8 июля 1987 г.

Дело движется. На худсовете Мигдат представил «нового главного». Стало быть, уже не на постановку, а сразу с утверждением. Что же, может быть, это и лучше. Даже, скорее, лучше. Коллективу нельзя долго оставаться без руля и ветрил. Так или иначе, пойдет жизнь, но определенность важнее.

Провели два худсовета с читкой пьес. «Дети Арбата» Коковкина по Рыбакову и пьесу Павлова «Я построил дом».

Мы встречались отдельно для разговора по будущему сезону (Григорьян, Лида П., Жора Ц. и я). Разговор достаточно общий получился. Хотя и затронули некоторые названия. Пытались «помечтать, пофантазировать».

Вышло несколько рецензий (все положительные). Последняя (сегодняшняя) в «Советской Белоруссии» просто восторженная. Тане воспет панегирик, да какой.

К сожалению, в залах ничего не меняется. Кричат «браво», долгие поклоны и проч., но… аншлагами не пахнет. В «Русской драме» стало чуть больше, в Доме офицеров по-прежнему пустота. Сегодня «Архангелы».

Пьеса Павлова «Я построил дом» показалась серьезным материалом. По первому прочтению трудно обобщать, но оно и самое верное — первое. Может быть, мне придется ее ставить.

Читаю книгу Б. П. Вышеславцева. Чрезвычайно интересно. Только теперь убеждаюсь, что невозможно изучать философию только с *одной* точки зрения… Необходимо полное знание оппонента, не только критики на него, но и первоисточники. Обязательно.

Голова какая-то несвободная. Нет необходимой сосредоточенности на одном деле. Напряжен внутренне. Вроде бы как рассеян… то одно… то другое. Мысли скачут, а целенаправленно сосредоточиться на *единственно* необходимом не удается. Наверное (в большой мере) это от неточного знания того самого единственного. Скорее бы сдать госы, закончить с Москвой и тогда, кажется, смогу упереться рогами в *данную* работу. В спектакль, который ставлю! Так, наверное, только и

можно работать по-настоящему. А у меня сегодня мысли — как фонтан. И все нужно, и до всего есть дело.

17 июля 1987 г. Минск

У букиниста случайно купил Леонида Андреева «Пьесы» («Библиотека драматурга»), наше издание 50-х годов. Там шесть пьес и одноактовки. Перечитал. И вдруг подумал о «Днях нашей жизни». А что, если?!

20 июля 1987 г. Минск

Сегодня состоялся худсовет по репертуару на будущий сезон. Перед этим встречались с Феликсом, толковали. Я остановился на Павлове для первой постановки (после сессии). Название второй пока условно. Сказал ему об Андрееве. Возражений не было, но и окончательно пока решили не отвечать.

Худсовет был достаточно продолжительным. Ф. изложил программу (4 конкретных названия и, так сказать, перспективу). — «Дети Арбата» Рыбакова, «Самоубийца» Эрдмана, «Я построил дом» Павлова, «Вишневый сад». Потом круг тем: классика и т. д. — Булгаков, Платонов, Тургенев, Гоголь, Островский и проч.

Платон (схема Платона): *учители* (воля к мудрости и познанию), *властители* (воля к власти), *питатели* (воля к удовлетворению материальных потребностей). — Три рода социального служения. Эти функции заложены в существе человека, в индивидуальной и народной личности, в субъективном и объективном духе, ибо каждый человек в каком-то смысле *1) хозяйствует, 2) властвует и организует и 3) мыслит и верит.* (И совершенно так же весь народ и *все* общество.) Три направления *душевно-духовной* активности человека.

Упрощенный монизм! Все богатство бытия свести к излюбленной категории. Пифагор — *всё* есть число. Демокрит — открывает атомы (*всё* есть атомы). Фихте — открывает категорию субъекта («я») в познании и действии и утверждает, что *всё* есть «я».

Века 19, 20 — открыты законы органического бытия — мира, человека, общества, культуры, государства — *все это — организм.* Конец 19 века — расцвет психологии. *Психологизм* — познание, этика, право, религия, история объясняются при помощи *психологических законов.*

Фрейдизм — большие научные открытия, но… строит всю психологию на сексуализме с одержимостью и т. д.

Атеизм есть религия с отрицательным знаком (аналогично

появлению морали с отрицательным знаком). На месте старой религии появляется новая религия (религия человечества Фейербаха).

Всякий мир имеет свою систему ценностей и свою **«святыню».**

Всякая культура имеет свою «ведущую систему» идей, стремлений и верований. Организация власти и права обусловлена сверху — религией и этикой, но она обусловлена и снизу: 1)*материальными потребностями человека и 2) природой его органической и психологической жизни.*

Диалектика *органического* целого, охватывающего все функции цивилизации и культуры, есть особая диалектика сложной системы взаимодействия противоположностей. Это диалектика в силу того, что она исходит из единства противоположностей и устанавливает их связь. Она прежде всего исходит из той идеи, что *целое* (в сфере органической, душевной и духовной) *первее своих частей;* противоположности выделяются, дифференцируются из некоторого общего лона, в котором они совпадают.

Развитие культуры, общества есть непрерывная дифференциация и интеграция (разделение труда, расчленение и противопоставление различно направленных функций культурного творчества).

Изначальным единством, в котором совпадают все функции культуры, является миф: он есть одновременно знание о мире, о добре и зле, история, художественное творчество и, наконец, религия. Из мифа выделяются различные функции духа. Но их общий корень всегда сохраняется.

Каждая культура имеет свой миф, свой «символ веры», который выражает начало и конец всякого культурного целого.

«Символ» как раз означает соединение, совмещение противоположностей, притом такое, которое в своем конкретном многообразии не может быть выражено в точных рациональных понятиях, *диалектика этих понятий убегает в бесконечность.*

24 июля 1987 г.

Прилетели сюда 31-го. В Ростове жара невыносимая. Долго не могли привыкнуть к Минску (после Риги), но в последние дни чувствовали себя уже хорошо.

Теперь, на расстоянии, город видится красивым и даже очень. А после посещения ростовских магазинов и того прелестнее.

В последние дни гастролей в Минске был Юрка Кузнецов. «Пообщались» с ним достаточно весело. В общем —

последние дни есть последние. Вместе с ним был также Гребенщиков Юрий Сергеевич, только что приехавший из

зарубежей с «Серсо». Немного порассказывал о триумфах и успехах нашего дорогого А. А.

Вчера я говорил с ним по телефону (звонил Игорю, он взял трубку). Говорит, ждет играть спектакль. Вызывает нас, кажется, 21 сентября на сессию, а госы — *6 октября.*

3 августа 1987 г. Ростов

Труднее всего для меня *сосредоточиться* на работе, отбросить все, сосредоточиться… Для разбега начинаю писать здесь…

Без даты

Вчера приехали с Танюшей из Перевальска от моих стариков. А перед этим были в Ялте (с 5 по 28 августа). Отдохнули там замечательно. Несколько дней я не мог переключиться на праздность, на отдых. Кажется, совсем разучился это делать. Все что-то сосет внутри, зудит, и просто чувствую, как бездарно уходит время. Лежать на пляже (просто лежать) — мука. Такое ощущение, что совершаю нечто преступное. Ну, потом ничего, «втянулся» в это самое ничегонеделание…

Как же?! Сосредоточиться?! Вот только начал *вчера* писать, пошла суета, пришел кто-то, пошел куда-то — день прошел. Ужасно!

Так… про что я там писал-то — про море. Да, море… хорошо… здорово… отдыхали, плавали, разговаривали. Ладно, ну его к черту, море.

С трудом достали билеты на поезд (в плацкартный вагон). Ехали ужасно. У Тани был приступ прямо в поезде. Тяжело вспоминать. Слава богу, за час до приезда отпустило. Встречали мама и папа. Мама с цветами… миленькая моя, папа с орденом… У меня сердце сжалось.

В Донбассе было холодно, а у нас ничего теплого с собой… В основном дома сидели. Папа взял отпуск в эти дни и был с нами. Готовились к нашему приезду, дорогие мои, белили квартиру. Дома чистенько, уютно.

Все равно у меня какое-то чувство вины перед ними… Не знаю, почему. Не знаю, что нужно сделать и как, просто под сердцем боль, и знаю, что виноват и надо что-то сделать для них, успокоить, одарить радостью, хоть какой-то, и чтобы это я сделал для них. Не знаю, не знаю… тяжело на сердце… А вместо этого еще и раздражаешься иной раз, что-то такое фыркнешь, не так, мол, это делается или что-то в этом роде… И тут же сам себя ловишь на глупости, гадости. Ну что? Ну так, не так — какая разница.

Определенная мука — неумение писать, то есть передать на

бумаге свои чувства. Вот ведь искренне желаю сделать это, цель поставил себе, пыхчу — пробую писать, обдумывая слово, фразу, — пробую наоборот — «от руки», импульсивно писать — ни черта!

Перечитываю — ничего подобного! То есть близко нет! Ни моих мамы, папы, ни меня, старого идиота, рядом с ними, ни Тани, измученной приступом, с астрами красно-белыми в синем «Москвиче» (шофер из папиной колонны), ни нашего дома с неумело побеленными потолками, мягкими дорожками, печкой, иконой… и уже тем более, уже совершенно ничегошеньки от того, что творится во мне, в моей душе всю дорогу, в том проклятом поезде, всю неделю дома, ночи, дни, на автовокзале. Вот так — безграмотно (в профессиональном отношении) мы *ставим* и играем свои спектакли.

Горит просто ощущение это вот в груди. Точно! Вот так и играем. Рас-ска-зы-ва-ем *косноязычным* языком чувств убогие истории.

В Ялте много общались с Колей Сорокиным из ростовского театра (он там еще и парторг — Николай Евгеньевич). Волосы дыбом от его рассказов о славной ростовской Академии. Боже, какая чушь! Сейчас «доели» своего очередного главного — Малышева. Нет никого из режиссеров. Он меня зондировал на предмет работы. Не дал никаких резких отклонений этой идее, но постарался отвести тему разговора на будущее. Бессмысленно сейчас что-то строить и фантазировать, но и отрезать эту идею окончательно тоже неразумно. Поживем — увидим.

2 сентября 1987 г. Москва

Сходил сегодня на Ваганьково поклониться Владимиру Семеновичу Высоцкому… На этот раз памятник показался маленьким, немощным каким-то. А цветов еще больше, целое поле… Постоял немного… поболел.

Зашел к Есенину. Там теперь новый памятник. Фигура из белого мрамора. Какой-то старик читал стихи Сергея Александровича дрожащим голосом… что-то рассказывал случайной толпе.

Когда поэты умирают… пошлость оживает — и мстит.

(А потом, днем, случайно проходил по Пушкинской площади. Мужчина пожилой, лысый, проходя мимо, снял берет, остановился на секунду перед Ним… посмотрел туда, вверх, отошел, надел берет и не оглядываясь пошел дальше. У меня сердце екнуло.)

На могиле Андрея Миронова, на свежей могиле Миронова, тоже поклонники стихи вешают на оградку. Фотография его ну

никак не вяжется с кладбищем, злая шутка, черная шутка… С этим ощущением и ушел.

Сидеть в моей конуре — невмоготу. Занимаюсь через силу. Заставляю себя. Может быть, удастся слетать домой на несколько дней. Так хочется! Если достану билет. Саша хлопочет, что-то там «сверху» дают. Бог с ними, лишь бы улететь. Кажется, хоть несколько дней дома поживу — легче станет. Оказывается, «домашний» я человек. Раньше был как пролетарий, без родины, во всяком случае так мне казалось… Теперь… такая тоска. И ничего, ничего не хочется. В театр даже не тянет. Ни одного спектакля еще не видел и не хочу. Домой хочу.

7 сентября 1987 г… Ростов

Прилетел 19-го. Две ночи провел у Саши, но… надо было искать квартиру. Друг мой неожиданно женился, что делать? Вот и занимался два (почти три) дня поисками угла. Оказалось, это не так просто. Хотя подключил многих своих друзей.

Ну, вот… приткнулся (через «друзей друзей») в общежитии (улица Беговая, 17), в отдельной комнатке (естественно, без «удобств»). Холодновато, грязновато, но жить можно… Хватит о прозе, вернемся к поэзии.

Встретился курс. Поцелуи, улыбки, объятия, рассказы и проч. Не верится, что это в последний раз. Как мы все изменились за эти годы… У нашего великого А. А. новая волна славы (им мы страшно гордимся). После Штутгарта, Амстердама и Лондона он теперь со своим «Серсо» уехал в Югославию (на БИТЭФ). Кучи газет всяких зарубежных пишут о нем так много и так взахлеб! Всякие «Голоса» и «Би-би-си» называют его первым из первых… Вот какие у нас дела!

А в театре опять разгром, т. е. ремонт. Все это должны закончить к 1 октября. А. А. вернется из Югославии числа 5 или 6 (октября), к этому времени мы уже должны сдать госы и начнем репетировать.

17 октября открытие сезона («Персонажами»). Играть будем, кажется, много.

Что на душе? Немного пустовато, одиноковато, холодновато… Танюшу проводил из Ростова в Омск 17 сентября. Она хорошо долетела (звонила). Но последние два ее приступа страшно меня угнетают. Впереди целых два месяца. Как она там одна? Долго… долго.

Думать надо о пьесе… время бежит, и 1 декабря приближается (в этом смысле оно бежит), но сосредоточиться на *одном,* «зазернриться» никак не могу, хоть и понимаю, что сдам этот несчастный госэкзамен, и все будет хорошо, а из головы не

идет… Ну и все остальное (отрывки, режиссура и проч.).

28 сентября 1987 г., Москва

В театре идет твой первый спектакль «Не играйте с архангелами» Дарио Фо. Кажется, недурной спектакль. Позади четыре курса ГИТИСа.

«Шестеро персонажей» Пиранделло сыгран в театре А. А. Васильева в Москве, на улице Воровского 20. Это был удивительный спектакль, и мы будем его играть еще в сентябре. Тогда же «госы», тогда же диплом.

Боже! Не верится! Вчера, т. е. 8 октября, сдал госэкзамен по научному коммунизму! Сдал на «отлично», даже в заключительном слове комиссии мой ответ пожелали выделить особо, как лучший. Спасибо. Было все достаточно торжественно, но «по-новому», в духе времени. Разрешают критиковать, спорить, высказывать *свое* мнение и т. д. Просили теснее увязывать с жизнью и не пользоваться трафаретами. Изменения ощутимые, даже очень. Революция! Ну, так или иначе… а все!! Теперь рукой подать.

Домой слетал (с 30 по 7). Отдохнул душой и телом. Прилетел вчера утренним рейсом, а вечером смотрел в «Современнике» спектакль Некрошюса «Дядя Ваня». Интересно. Много размышляю.

9 октября 1987 г., Москва

Случилось событие для меня, пожалуй, великое. В Москву по приглашению министерства приехали Дарио Фо *(знаменитый итальянский драматург, актер-импровизатор, теоретик театра. Лауреат Нобелевской премии)* и Франка Раме *(его супруга, актриса),* с ними еще человек 30 итальянских деятелей театра. Я узнал об этом утром 9-го на репетиции, вечером того же дня вся компания во главе с Мэтром были гостями «Школы драматического искусства». А. А. рассказывал о нашем театре, крутили по видику отрывки из Пиранделло.

Представили меня как первого постановщика Фо на советской сцене. Фо узнал, что поставлен у нас, только накануне, в журнале «Театральная жизнь». На счастье, со мной была дипломная работа, с афишами, фотографиями и пр. Он все внимательно (вернее, они с Ф.Р.) смотрел. Много задавал вопросов. Атмосферу не передать. Тут же были переводчик пьесы Н. Живаго и сценограф И. Попов.

Потом Первый дзанни мира пригласил меня отужинать в ресторане «Лунный» гостиницы «Космос». Предложение с

благодарностью было принято, и *вечер,* который подарил мне его величество Случай, состоялся. Этого вечера я никогда не забуду, хотя описать не берусь. Скажу только, что посчастливилось познакомиться и провести несколько часов с людьми необыкновенными!

Потом был бар, бесконечные (и удивительно содержательные для выпивающих людей) разговоры.

Мой новый друг, сотрудник общества «Италия-СССР» по имени Мауро клялся, что в 1988 году я обязательно буду в Италии, и мы поднимали тост за будущую встречу. Одним словом, дома я был около 3-х ночи, счастливый и печальный и все вместе.

Прошло несколько дней, они уже улетели в свой Милан. Вспоминается все как сон, как видение. Было ли? Только автограф с рисунком архангела в моей дипломной работе, сделанный Дарио Фо, подтверждает: было.

13 октября 1987 г., Москва

С 10 числа живем с Мишей Апарцевым на улице Немировича-Данченко в старом мхатовском доме (эту квартиру получил Боря Щербаков, но пока пустил нас пожить до окончания ремонта). Повезло несказанно. А сейчас Мишка улетел в Одессу доставлять спектакль, а я тут вообще один. Прекрасно! Иду в институт мимо квартиры-музея Немировича (в этом же подъезде на 5 этаже), по улице его же имени, пересекаю Горького и дальше по улице Станиславского К. С., через двор его дома-музея, по Собиновскому переулку к ГИТИСу… О чем еще мечтать.

С сегодняшнего дня перешли репетировать в театр. Там ремонт подходит к концу. Но дел еще много. А. А. работает тяжело, будто мешки таскает. Нельзя сказать, что он *восстанавливает* спектакль, да он и не умеет этого делать в общетеатральном смысле. Идет, как в первый раз, но берет сразу на всю глубину. Чувствую (не только по себе), что мы не выдерживаем напряжения, курс никнет, устает…

Утром час с нами занимается Гена Абрамов (*Геннадий Михайлович, режиссер-балетмейстер, педагог. Создатель Класса экспрессивной пластики.*), и потом, практически с 12–13 до 22–23 А. А. впрягается в тяжелейший хомут устного анализа, разбора… назови это как хочешь, все равно будет не то. А *то,* т. е. его *работу,* невозможно назвать привычным термином, знакомым театральным словом. Так и хочется сказать — рудокоп, чернорабочий… Это больше подходит к тому, что и как он делает. Тяжелейшее физическое напряжение, натяжение мысли, духа, интеллектуальной атмосферы — предельное… Пьеса — нечто

тяжелое, материальное — густой бетон в ковше, и он руками буквально разгребает всю эту тяжесть, *перетирает* до мельчайших песчинок всю массу. Наблюдать-то за ним — и то тяжело, а быть помощником…

15 октября 1987 г., Москва

Весь план работы перекроился. Премьеру с 24-го перенесли на 28-е. Репетиции тяжелые, все сыпется. Прогнали 23-го на небольшое количество приглашенных. Сыграли ужасно, А. А. был просто черный весь. Застал его в костюмерной во время 2-го акта, он был один, стоял, подняв руки к глазам, я думал — плачет.

С 11.00 у нас танец (Г. Абрамов). А. А. начинает в 12.00, часа в 3 дня с минутами, а то и в 4, отпускает на обед, и с 6 вечера работает, пока работается, ну уж не меньше чем до 12, иногда до часу, иногда до 2.

Сегодня пошел 1-й акт. Кажется, ничего не изменилось, но как А. А. посветлел. Вечером был просто приличный прогон.

Во время перерыва была чудная импровизация: Рустам играл Директора на татарском, Гриша Гладий Отца на русском и Реэт Паавель Падчерицу на эстонском. Потрясающе! Театр наций! Такое сильное впечатление, хохотали до слез.

Ничего не писал — некогда. Сутками пропадал в театре. День за днем, спектакль за спектаклем — лица, лица, знакомые, незнакомые, русская речь, иностранная речь… люди, встречи… разве опишешь, зафиксируешь каждый шаг. Иногда вообще начинает казаться ненужной и бессмысленной затея с дневником… к чему? зачем? кому? Никому это не нужно, кроме тебя самого. Не хочешь — брось, не пиши! Брось! Никому ведь действительно не нужно. Эти жалкие каракули ни про что.

Играли с 28-го каждый день, кроме 1, 2, 7, 8,12,13. В эти дни репетировали и делали еще много разных дел. Спектакль шел по восходящей. Особенно сильной была серия после 8-го, точнее, 10-го и 11-го, самый сильный, пожалуй, 16-го (это когда во 2-м акте стоял стон. Зельдин на руках Каляканову носил. Классный был спектакль, вершина).

О последней серии (после 13-го) можно, пожалуй, говорить всерьез.

18-го сыграли утром и вечером.

Защита диплома — 12-го. Председатель госкомиссии — Е. Симонов. Хороший человек, очень понравился мне. Что поделаешь, ну, не сумел стать режиссером Вахтанговского театра. В этом *никто* ничего не понимает, ей-богу, никто — ничего. Это судьба, высшее что-то, не нашего ума дело… как все складывается.

А вот культура, образование, диапазон человеческий — каждый сам за себя! Поди-ка наживи, если нет. Спектакли ставить? Кто знает, может, Вахтанговский театр умер еще до него, может, он с трупом работал, может, он вместе с ним давно умер и все только делали вид, что есть такой театр. У нас это ничего не стоит — делать вид, что есть… что там театр, проще пареной репы… Так вот, хороший он парень, замечательный. Спасибо.

С Божией помощью защитился. Получил свой красный диплом. 19-го — банкет — «Минск», догуливали в театре до утра.

20-го улетел в Омск. Дом, дом!!! Больше всего на свете люблю дом. Хотел бы быть писателем, чтобы работать только дома.

25 октября 1987 г.

Перевели на должность режиссера-постановщика (приказ с 1 декабря). Оклад 200 рублей. Репетировать начали только 4-го (вместо 1-го по плану) из-за неразберихи по отпечатке ролей. Урок! И уже не первый (плохо учусь): все — сам. Только так — все сам! Вплоть до распечатки ролей! Потеря *своих* двух дней. Но… кажется, потеряю еще больше. Ф.Г. решил еще репетировать «Детей Арбата». Наши сроки (Цеховала и мои), очевидно, сдвинутся. Сегодня вдруг по пути на утреннюю репетицию накрыло такое состояние… эйфории… вдруг почувствовал — свободен! Ничего не «висит», ничего не подталкивает, не угрожает… спешить на надо… Нет никакой сессии впереди, никаких экзаменов! Хорошее состояние. Приятное.

А… ведь это грустно… грустно…

2 декабря слушали литургию Рахманинова (московского камерного хора Минина) у нас в органном зале. Потрясение невероятной силы! Невероятной! Просто ком к горлу…

Владыка присутствовал с духовными лицами. Минин и владыка обнимались. Слово — обращение. Все просветленные. Отечество.

6 декабря 1987 г., Омск

1988

С Новым годом!

Черт возьми, эпохальные события, конечно, проходят мимо летописей!

С 26 декабря ушел из театра М. Н. Хаджаров! Представить это невозможно, но это факт. 69 лет ему. 34 в нашем театре. Нет, нет, бессмысленная попытка зафиксировать что-то, оценить, записать. Невозможно. Порог. Рубеж! Кончилось что-то значительное… Начинается что-то другое.

Жизнь смешна и юродива. Эдик Цеховал, его наследник и продолжатель, подал заявление еще раньше и завтра тоже в театре последний день. Уезжают с Галей в Ригу к Кацу. Ничего себе картинка.

В воздухе вокруг театра масса «странностей», какие-то идиотизмы из-за «Детей Арбата» и т. д. Разные позиции, непонимание наших местных руководителей и т. д. Газетная возня… Не хочется обо всем этом писать, времени жалко. Пытаемся сделать Ф.Г. художественным руководителем (во избежание рекомендованных кандидатур на место директора). Проголосовали на общем собрании, но оказалось, это еще не все. Что-то еще нужно. Ждем.

Звонила И. Л. Хамаза (*чиновник Министерства культуры РСФСР)*, от имени министра вела со мной разговор по поводу Тольятти (не взять ли мне новый театр там). Хорошо поговорили. Понимая друг друга, как мне кажется.

Репетирую медленно. Настроение нейтральное. Работать трудно.

7 января 1988 г.

2 февраля выхожу на сцену. Пока настроение неважное. Смотрю большие куски — бессмысленная масса произведенной работы подавляет… Хотя пробую кое-что взять… так сказать, «разведкой боем», вроде — что-то получается, но только при большой фантазии и «дорисовке» возможного.

Сегодня с утра встречались с Витей Б. и Сашей Г. — по музыкальной части. Смешно. Месяц до выпуска — мы только *говорим* еще о музыкальной части. Так, несерьезно, мягко говоря.

Чувствую необходимость какого-то качественного рывка. Наверное, сначала в себя… над собой что-то сотворить надо… потом «насесть» на актеров. Так «ровно» продолжаться не может. Ровно — все ровно!

Сейчас вот сижу, думаю, и кажется — *слышу* будущий

спектакль… Потом вдруг все улетает. Пустота и в голове и в сердце.

В 1-м номере «Театральной жизни» приятное сообщение о призе «ТЖ-87» (*спектакль «Не играйте с архангелами» получил приз журнала «Театральная жизнь», тогда все это было внове).*

31 января 1988 г.

Сажусь к столу, сознавая необходимость работать. В душе пустота и даже тоска. Похоже, что тоска. Вот ведь… *чувство, а* ощущаю *физически…* просто давит что-то в груди… Надо переломить себя, надо отогнать все посторонние мысли, сосредоточиться…

Ничего не получается… Иду на кухню покурить, вот… вроде это дело… перерыв. Тяжело, тяжело… Боже, какая глупость! Всего-то, что нужно — подготовиться и сделать 1-ю картину. Завтра.

Это невозможно… Должно что-то произойти. Взрыв, стресс, не знаю, что… Зреет… предчувствую. Потому что оставаться «здесь», на этом уровне я просто не смогу, а осилить, сдвинуть с места всю массу спектакля словами и хорошим отношением друг к другу не получится.

Я должен их любить, должен, твердо это знаю, но временами (секунды) вдруг такая ненависть… страшно. Обманываю сам себя. Еще раз, еще раз, еще раз.

I февраля 1988 г., понедельник. Выходной

О работе писать просто не хочется. Вчера прогнал 1-й акт (уже второй прогон). У меня настроение паскудное. Нет, сдаваться не собираюсь. Буду бороться, буду жать… Не должно же быть так: хаешь одного, знаешь, чего хочешь, лепишь *именно это,* а получаешь совершенно другое…

Уроки, уроки, уроки! Кажется, это единственный стоящий результат всего сделанного.

Не могу сказать, что был легкомыслен при распределении ролей… но опять шишки. Опять кусаю локти и думаю: «О чем ты думал?» К черту, не хочу!

Никогда не думал, что смогу читать что-то постороннее в период постановки, а читаю много. Не только пьесы. Все, что не успел из нового журнального.

Уже начинаю бить себя по рукам, чтобы хотя бы газеты не трогать. Но и газеты читаю, все подряд.

14 февраля 1988 г.

Выходной. Т. е. нет репетиции с актерами — была

монтировка. Ставим мост и т. д.

Настроение пошлое. Предчувствую кризис. Пока еще нет, не наступил, но предчувствие приторное…

Не знаю, как пройти через это состояние, как вырваться. Не могу дозвониться до Игоря, тоже раздражает. Много нелепостей (в монтировке), которые не могу решить без него.

По отношению к актерам раздваиваюсь. Мих. Мих. прочно вживил постулат: без любви — ни шагу, все бессмысленно. Я уже не могу в себе усыпить, удалить, переступить… чувствую раздвоение, начинаю не доверять себе, а это тоже не выход!

Надо находить чистоту, ясность в себе. Господи, но они же и так спокойны, как… Что им моя ясность! Бить надо, подгонять — наверное, подсознательно они ждут этого понукания, окрика, в конце концов, толчка, толчка! Может быть, многолетняя привычка срабатывает. Мне кажется, что необходимы мир, ясность, сосредоточенность, отсутствие лишних (внерепетиционных) эмоций, а их, может быть, только усыпляет «покой». Вот парадокс. Но, убежден, сейчас из них никто не страдает… вот сейчас, в эти минуты, не пишет в свой дневник… Да что там! Ну, просто хотя бы подумал больше двух минут: как, мол, мне бы завтра на репетицию прийти… с чем-нибудь эдаким! С чем-нибудь экстра! А? Нет, нет. Покой, ну, раздражение, досада… Работа, одним словом. Работа. Вот все такие мысли нужно забыть, забыть! Возлюбить и идти на счастливую и радостную встречу.

15 февраля 1988 г., понедельник

Только что смонтировали новую декорацию для «Шести персонажей…» и снялись на память: Белкин, Васильев, Бильченко, Альшиц, Скорик, Светлов, Чиндяйкин. 1988 г.

В «Советской культуре» было сообщение (13.02.88), что «Шестеро персонажей» едут на фестиваль в Вену. Целый вечер был в хорошем настроении. Неужели это действительно произойдет? А сегодня позвонил Василий Иванович Скорик (*педагог на курсе Буткевича-Васильева)* и дал распоряжение готовить документы на выезд с указанием стран: Австрия, ФРГ, Италия, Франция, Нидерланды, Бельгия… Боже, боже, это уже… слишком. Так хорошо не бывает… Как бы не проснуться… Скорее всего, так и будет…

Зато от репетиций настроение не поднимается. Завтра прогон 2-го акта. Одна репетиция была неплохая, все остальное — мимо.

Еще и еще взять себя в руки. Еще и еще прокачать остатки энергии. По завету Мих. Миха., да и А. А. — причину надо искать *в себе.* Искренне пытаюсь это делать.

Получил письмо от папы. Очень забавно описывает, как искали в киосках Перевальска и Коммунарска журнал «Театральная жизнь», 1-й номер. Так и не нашли, бедные. Папа сделал вывод, что, значит, у них тоже театром интересуются — раз все раскупили.

18 февраля 1988 г.

Ну вот, дождался… Приехал Игорь…*(Игорь Витальевич Попов — великий художник, великий человек, к огромному счастью мой друг и товарищ, научивший меня не бегать слишком часто на сцену к артистам, не спешить, когда времени в обрез, любить Тарусу… продолжающий меня учить грамотной игре на бильярде и другим важным вещам).* Но все вышло скоротечно. Буквально три репетиции побаловал своим присутствием, даже две — 22-го и сегодня — 24-го. А 23-го сцена была занята шефским спектаклем. 22-го (понедельник) ставили свет. Из зала не выходил с 10 утра до 10 вечера. Что-то сделали. Общий рисунок мне ясен, теперь надо чистить.

После установки света (22-го) пришлось напиться крепко (традиция встречать художника), так некстати, да ничего не поделаешь. Хорошо, что 23-го репетиции как таковой не было, занимались костюмами, потом разбирал прогон от 20 февраля.

Ужасно себя чувствовал. Не знаешь, что лучше. Выпивка просто выбивает из колеи, из рабочего состояния… Да как! Только пришел в себя сегодня, проводы, опять пришлось, правда, сдержанно, уж пошел на нарушение традиции, обошлись одной

бутылкой. Завтра важная и тяжелая работа — 1-й акт. Общий принцип света мне ясен. Завтра постараюсь все подчистить и достроить.

Пришел вызов в загранку. Пока не хочу даже загадывать, но документы надо готовить: Франция, Италия, ФРГ и т. д. Опять говорил со Скориком по телефону, торопит с документами. Может быть, в марте уже нужно будет выехать в Москву.

Игорь много рассказывал о Париже, откуда они только что вернулись с А. А. Как ни странно, сегодня не очень *черновой* прогон, все как бы неплохо выглядело… Дожать, дожать! Нужны силы, нужны эмоции (во мне, во мне!), вера (уверенность) и еще что-то! что-то *такое* нужно! Ах, как нужно!

В 3-м номере «Театральной жизни» материал об «Архангелах» и приветствие Дарио Фо.

24 февраля 1988 г.

Утром Таня улетела в Москву, чтобы оттуда (2-го) лететь в Прагу.

Я репетировал (выходной забрал) с 11 до 5 без перерыва. Вчера сделал генеральную. 1-й акт подуспокоил, даже приличные были моменты, но рано радовался… Во 2-м акте все встало на «свои места». Глухо… тупо… Поэтому хотел сегодня приналечь на 2-й, ан нет. Застрял на 1-м, потом мастерил пролог, так и не поработал 2-й.

Завтра так называемая сдача коллективу. Я к этому отношусь спокойно — очередная репетиция — прогон. Артисты же настораживаются, у них там «личное» перекрещивается. Ладно, пусть поговорят (производственное собрание после просмотра). Но самое смешное, что именно поговорить не получается… Ну, посмотрим.

Сегодня был на репетиции Боря Саламчев, потом говорили с ним. Много мне сказал хорошего, поддерживающего и точно подсказал, что надо остыть, отойти, посмотреть рисунок. Тут он трижды прав! Я затрачен очень нервно на артистов, надо успокоиться. Отпустить их надо… Мне так трудно это дается. Надо вспомнить Учителя — как он умеет терпеть.

29 февраля 1988 г. Год — високосный

Получил письмо от своих стариков… Вот сижу, читаю… и заплакал… мама там сделала приписку своей рукой. Это невыносимо. Боже! Боже! Мне 40 лет! Что? Что? Ну хоть немножечко, что я мог сделать для нее… за всю мою долгую, долгую жизнь. Хочу переписать сюда ее слова: «Дорогие мои детки, Ваши письма придают мне бодрость и радость. Я Вами

горжуся. Бывайте всегда здоровы. Целую Вас крепко. Любящая Вас мама». Вот и плачу один, сижу на кухне, курю, плачу…

Нет! Все бессмысленно, ничего не сумею. Папа пишет, что купили 3-й номер «Театральной жизни». Читают, перечитывают!

Что же тут царапать слова, что же тут… Мама этого не знает, не слышит… да и — что слова.

Дальше… прошел прогон. Т. е. сдача на коллектив так называемая. Очень хорошо играли 1-й акт. 2-й — плохо.

Да я его и не чистил, не было времени. Завтра буду чистить.

Да, конечно, многого не могу, не умею, но вот за что отвечаю: с артистами сделано *много* (не могу же я сказать — все). Потом — производственное. Говорили разные слова. В общем хвалили. Печально, что главного почти никто не понял (и это коллеги-профессионалы!). То, что они играли не *так* хорошо, а *так*… ну, вот так. Неужели и правда нужно немного «обманывать артистов» (А. В. Эфрос)? Наверное… наверное… Ну вот… вот. Катастрофы нет. Я боялся катастрофы. Нет. Нормально. Утром съел яичницу (8 утра), ушел… и вспомнил, что больше ничего не ел, в 5 вечера. Но есть уже не хотел. Поел только сейчас, дома… Уже половина девятого вечера. Сижу на кухне, пробовал дозвониться Танюше в Москву. Нет ее в номере, позвоню позднее. Завтра она вылетает в Прагу.

Все, все…

Завтра — собрать последние силы и провести репетицию 2-го акта!!! Кровь из носу…

I марта 1988 г.

Трудно поверить, но это так! Премьера состоялась вчера, 5 марта (35 лет со дня смерти Сталина — ирония случая). Играли очень хорошо. Принимался спектакль прекрасно. Что-то во мне… успокоилось. Тьфу, тьфу, тьфу… Неужели? Неужели позади?.. Боже, как хорошо! Как легко… 3-го сдача была просто ужасной, провальной. На худсовете несли чушь, но к этому я потихоньку привык… Сам был расстроен дико. Просто дико расстроен. А вчера… был спектакль! Уф! С премьерой!

Банкет тоже был хороший. Веселый, нежный, дружный.

6 марта 1988 г.

Танюша прилетела из Праги 8-го рано утром. Я встретил в аэропорту… Переполнена впечатлениями, очень рада, что поехала, не сглупила, а то ведь не хотела…

8-го пришли вечером «последние» друзья, Юрка с Надюшей, Сережа с Аллой… (у Е.И. тяжелые дни — запись на ТВ и проч.). Так вот и посидели тесным кружком, отметили мой 41-й год!

Возраст чувствовать я перестал. Уже никакой разницы — что 39, что 40, что 41.

Потом еще напишу о настроении. Оно разное. Непросто все. Сейчас Таня позвонила, надо встретить (у нее сегодня «Вирджиния»).

10 марта 1988 г.

Так вот о настроении. Самое что ни на есть человеческое… и радость, и счастье, и грусть, и какая-то тоска на сердце, даже тяжесть… даже тревога… Жили мы до сих пор как-то уравновешенно — стабильно… со своими печалями и радостями, с затаенными желаниями, которые не очень и вылезали на первый план в привычном течении жизни. Особенно трудно давались в последние годы частые разлуки, мои отъезды на сессию и проч. С трудом выдерживали по месяцу разлуки…

Об отъезде из Омска если и думали, то где-то вдалеке, в тумане… И вот этот туман стал сегодняшним днем. Театр меняется на глазах. По всему видно — заканчивается огромный отрезок жизни, связанный с этим театром. Кто знает, может быть, самый-самый… Да что там! Что бы там ни было, но *такого* уж конечно не будет. Уходит, уходит безвозвратно нечто неповторимое. А вместе с тем и молодость и многое, многое, многое… А впереди такая разлука, о которой еще год назад мы и подумать-то не могли. Завтра улетаю в Москву к А. А., и, может быть, увидимся только через 4,5 месяца. Даже представить тяжело. Что потом? Вопросы, вопросы… С 15 марта начинается двухгодичная стажировка у Васильева. Документы уже готовы, уже в Москве. Строить какие-то планы сейчас практически невозможно. Все покажет время. Ясно, что мы на пороге крупных перемен в нашем житье-бытье.

Поменять квартиру на Москву? Иллюзия… или чудо. Что ж, будем надеяться на чудо.

Впрочем, раз решили не загадывать — не будем. Как-то все устроится… Как-то будет…

Был разговор с Феликсом «по душам», из которого я понял, что он здесь ненадолго. И вообще он казался мне другим раньше. Более решительным, более напористым, неизрасходованным, способным взвалить на себя бренные остатки омской славы, чтобы встряхнуть и, отсыпав лишнее, идти дальше. Нет. Кажется, у него и не было такого желания. Да и наш театр, думаю, он не любит (не сможет полюбить), может быть, от ощущения, что не по плечу. В разговоре со мной он и говорил о театре как-то язвительно, уничижительно… «Я только продлю агонию… а зачем?» и т. д. Теперь мой уход на стажировку выставляет как

причину своего бегства, вот, мол, меня все бросили и проч. Потом вдруг стал чего-то бормотать, мол, я должен стать главным, у него, мол, такие планы на меня, и вообще с моим отъездом ему не с кем даже всерьез поговорить и проч.

Рассказал ему все как есть… Да и нечего мне таить ни перед ним, ни перед театром. Работал честно, много лет, свои обязательства перед театром, перед коллективом выполнил до конца. Теперь отказаться от возможности работать с Васильевым — глупо, абсурдно, если есть еще хоть капля желания творчества и подлинной работы… За это тоже дорого приходится платить — потерей стабильности, прочности, гарантированности жизни… Мне исполнился 41 год, есть еще желание сыграть… попробовать.

Ладно… ладно… делайте ставки, господа. Буду собираться.

12 марта 1988 г.

12 марта у меня был юбилей — ровно 20 лет работы в театре. Если память не изменяет, 12 марта 1968-го — да, именно 12-го — пришел в ТЮЗ на первую репетицию… какой-то ввод был… И вот — отстучало… То ли совпадение, то ли еще что, но 13 марта (двадцать лет спустя) покидал омский театр (может быть, навсегда?).

Итак, началась стажировка. Пока туман… неизвестность. Вот, даже книжечку завел новую, попробую кое-что записать.

А. А. сегодня вернулся из Англии, сразу приехал в театр. Сидели часа два, терзали его вопросами. Ездил подбирать актеров для «Лира».

14 марта 1988 г., Москва

А. А. (Васильев)

Что-то вроде первого сбора. Пока еще не все приехали. В основном организационные разговоры. Что есть — «стажировка», как нам сие понимать, как относиться, что будем делать, планы работы и т. д. Планы головокружительные… Обязательная режиссерская практика, здесь, в театре Васильева, и (в согласованное время) в других театрах — постановки.

Сейчас начинаем «Сегодня мы импровизируем», потом — восстановим «Персонажей». Будем делать английскую пьесу (Барка?), самостоятельно (она из 10-ти новелл, каждому по новелле).

В мае, возможно, гастроли в Ленинграде или Прибалтике. 29 мая — выезд в Вену, в июле — Франция (это точно), а между — возможно, еще страны (пока расплывчато).

Расселились. Пока в студенческом общежитии (метро «Студенческая»), Я в комнате один, Юра болеет, пока живет у

своего приятеля. Общага как общага. Грязно, холодно.

Настроение бывает разное… Но нужно настраиваться на долгую и упорную работу. Назвался груздем — полезай в кузов.

15 марта 1988 г.

Пока дни проходят впустую. А. А. — в Турции, вернется 23-го — 24-го. В 3 начинается танец у Абрамова. В 6.30 уже свободны. Никаких конкретных заданий А. А. не давал, а инициативы с нашей стороны — тоже пока нет. Читаю «…мы импровизируем».

Вчера был на встрече с редакцией «Огонька» в Доме актера. Коротич, Жванецкий, Феликс Медведев и др. Впечатление очень сильное. Особенно что касается некогда уехавших Ростроповича, Бродского, Барышникова и др.

21-го, наверное, полечу домой на несколько дней. Скорее бы. Покинутость какая-то. Бесцельность.

19 марта 1988 г.

Был дома. Вернулся позавчера только. В театре бардак. Ф. *оказался не тем* человеком, который может… Полная запущенность и бесхозность. 25-го попал на худсовет, где что-то пытались ему объяснить (мягко, корректно, дружески). У меня ощущения самые плохие. Скорее всего он уйдет в ближайшее время. И это будет правильно. Таня, естественно, в расстройствах и в отчаяниях. Еще бы, практически *третий* сезон проходит впустую. Вот какая глупость!

Улетал в тяжелых чувствах, хотя твердо с нею договаривались: не грустить и вообще держаться бодро.

Здесь все нормально. Начали «Сегодня мы импровизируем». Читаем, разговариваем. А. А. трогателен, заботлив, внимателен.

Вчера репетицию снимало венгерское телевидение, послезавтра будут японцы в гостях.

Поздно. Буду спать. В комнате у меня появились шторы, настольная лампа, чайник. Красота. В скором времени обещают приличное жилье.

29 марта 1988 г.

Была у меня в гостях Настя, с 1 апреля, улетела сегодня в Ростов.

Работы стало много. Совсем много. Весь день провожу в театре. Кроме всего прочего А. А. назначил меня в отрывок из «Бесов». Ставрогин — Верховенский.

5 апреля 1988 г.

Борт ТУ-154. Идет посадка в самолет. Солнечное утро.

Местного времени — 9 часов. Только что простились с Танюшей. Грустно, грустно, грустно… Так надолго мы еще никогда не расставались. Дай бог, чтобы все было хорошо… тогда… Тогда увидимся в августе. Пока трудно представить это, тем не менее — 29-го они летят в Алма-Ату на гастроли, там — весь май, июнь — в Кишиневе… В июле начинается отпуск, она, наверное, будет в Ростове, у мамы, куда я и прилечу в августе. Такие планы.

Целую неделю был дома. Счастье. Вчера сыграл последний раз (по крайней мере в этом сезоне — последний) «Царскую охоту». Как и всегда — аншлаг, как и всегда — хорошо принимали… Танюше вынесли гвоздики. Играл, пожалуй, странно. Все смотрел на нее… на темный зал, родной, ярусный, старенький, омский… Думал о том, что вот, все — конец, что это — жизнь уходит, уходит… Хотел запомнить секунды, минуты, время… Можно ли запомнить чувство? Наверное, самое трудное — описывать чувство. Не знаю. Думаю, так.

Ощущение от театра, от общения с друзьями, актерами — тоже странное. Как-то со стороны, что ли… Произошло во мне что-то, наверное. Не знаю, можно ли назвать отторжением… По-прежнему всех люблю. Важно, интересно все то, о чем волнуются, горячатся… И все время отдаленность в сердце. «Во мне что-то надломилось», как говорил один мой герой.

Омск, 23 апреля 1988 г.

Все это время пишу Тане подробные письма, стараюсь как-то описать весь день, работу, и потом писать дневник уже не хочется.

Читал недавно дневники Ф. Кафки. С ума сойти можно от плотности духовно-знаковой жизни. Нет, это просто невозможно. Это могут только немцы, ну, или австрийцы. Хотя иногда очень, очень хочется вот так же дотошно, подробно зафиксировать каждое движение дня.

Вот вчерашний, например, день. Описать бы всю репетицию, с утра, все это — *нечто,* что можно, наверное, назвать проектом или еще претенциознее. Во всяком случае, привычным словом «спектакль» нечто, что произошло в квартире 26 по улице Воровского, 20, вчера, с 6 часов вечера до 23, не назовешь. «Бесы» Ф. М. Достоевского. Да, да — бесовское что-то, бесовское.

Невозможно писать, качает поезд. А еду я в Ярославль. Так просто. Достать билет в Ростов или в Ворошиловград не смог, вот и еду в Ярославль.

Поезд № 180, Москва-Воркута. 28 апреля 1988 г.

Поездка в Ярославль — короткая и интересная. Много, очень

много впечатлений и радостных, и печальных. Встретился с Юрой Бабуриным, страшно сказать, мы не виделись ровно 20 лет! В марте 1968-го я провожал его с ростовского вокзала в Рязань… и вот — 20 лет. Кошмар. Встреча была радостной, печальной… всякой… ну, какой еще она могла быть? Узнать-то — узнал… Целая жизнь прошла. Две ночи сидели, вспоминали… фотографии, разговоры… да… жизнь. Вот так тривиально приходится писать — жизнь…

Ярославль… Двойственное впечатление. Гордость, радость — и раздражение, ужас, досада… Почему мы, русские, именно мы, «богоносцы» — такие вот — никакие? Горько смотреть на судорожные, поспешные попытки «исправить» то, что методично, безжалостно, тупо, нецивилизованно, в конце концов, губили, разрушали, портили — десятилетиями… Горько. Впечатление, будто кто-то «запрудил» время. Вместо *естественного,* органического движения образовалось болото, муть — и только маковки, редкие маковки культуры, высоты духа, смысла жизни, достоинства нации — местами «торчат» из зеленой замшелости. Удастся ли иное когда-нибудь?

Посмотрел 2 спектакля в Волковском театре: «Госпожу министершу» Нушича и «Зойкину квартиру» М. Булгакова. Кошмар. Так много размышлений после… Так страшно… Каменный век. Но страшно-то не от того, что спектакли плохие. Полное непонимание. Претенциозность какая! С артистами говоришь — уши вянут. Когда же все это кончится? И чем? А может быть, глуплю? Может быть, «нормально» все. Так вот и должно быть, если «вширь» смотреть. Так сказать, такая театральная география? Нет… нет… Театральная ситуация отражает культурную (в широком смысле — духовную, политическую, экономическую, нравственную и т. д.) ситуацию страны. И так было всегда. «Театр отражает жизнь». Тут не только внешнее сходство, «правдоподобие». Тут общее понятие, изначальное.

2 мая 1988 г.

Запишу, пожалуй, фантастическое событие. Позвонили на днях из МХАТа, Горячева Татьяна Александровна, из литчасти, передала просьбу Олега Николаевича (Ефремова) встретиться со мной (!) для переговоров о постановке. Да, да, именно так. Сегодня в 2.30 переступил священный порог. Мэтр принял в своем элегантном кабинете, с табличкой, скромной такой, на дверях: «Олег Николаевич Ефремов». Разговор описывать не стану. Не знаю, как я — ему, а он мне — очень понравился. Приветливый, доброжелательный мужик. Как в народе говорят,

«простой». Предложил 10 мая (!) начинать репетировать «Я построил дом», с тем чтобы выпустить в начале августа. Но оказалось, что режиссер Чиндяйкин в это время занят! У него зарубежное турне. Юмор. Ирония судьбы. «Ну, что же, отложим разговор до октября, до нового сезона».

Расстались так же просто.

5 мая 1988 г.

Сегодня не пишу Тане, т. к. она обещала прилететь в Москву 17-го… Напишу сюда пару слов. Пару… Потому что иногда исчезает всякое желание записывать, регистрировать факты и вообще придавать им какое бы то ни было значение. Очевидно, сейчас именно такое настроение.

Репетиции уплотнились, стали жестче… К сожалению, мало успеваю записывать. Много, очень много интересного. Удивительный человек наш Учитель. Кажется, знаешь, чувствуешь его, предугадываешь движение мысли, оценки. Но — иногда вдруг, вот как сегодня, взовьется — и будто первый раз слышишь. Снова отчаиваешься, открываешь его, как незнакомца.

Новостей о поездке особенных, то есть точных, нет. Все меняется, скачет и т. д. Я перестал этим интересоваться. Вот дождемся 30 мая, сядем в самолет, даст Бог, на Вену, а там посмотрим, что будет.

С послезавтрашнего дня начинаем репетировать в Сокольниках, в новой (гастрольной) декорации.

В Москву приехал Ю. П. Любимов. Сегодня Никита (его сын) рассказывал последние события. Обещает (Ю.П.) прийти к нам в театр. Да что уж там… Питер Брук ожидается к нам в гости… чего мелочиться… Что же… Видно, это и есть демократизация и гласность в действии. Такие великие события придется запечатлеть (даже против воли).

Посмотрел по видику «20-й век» Бертолуччи. Классный фильм. Он просто *показал* нам, как надо снимать марксистские фильмы! «Мосфильм» ничего подобного не мог за все свои десятилетия. Крестьянин, Хозяин, Земля, Народ, Революция. Крупно, осязаемо, просто, понятно, поэтично.

12 мая 1988 г.

Опять 2-й акт. И опять тяжело. Мне разрешили пару часов погулять, чем я незамедлительно воспользовался. Постирал, даже вымыл окно в комнате к Таниному приезду. В общем, постоянная работа так втягивает, что ощущение свободы становится страшным. Сделал свои дела, и уже хочется вернуться в подвал, туда, к своим.

Послезавтра у нас в театре будет в гостях Ю. П. Любимов, а 22-го — Питер Брук. А. А. хочет показать кое-что из наших работ. Мой отрывок из «Бесов» тоже. На завтра назначил репетицию, на вечер. Хорошо, если бы он сам его поработал немного. Может быть, так и будет? Может быть, даже много поработает.

Завтра утром встречаюсь с режиссером Апасяном (Одесская киностудия), предлагает сниматься в «Морском волке», по Джеку Лондону. Маловероятно, потому что время съемок, с июня по ноябрь, как раз — поездки. Опять — мимо, очевидно. Как ни смешно, а хотелось бы сняться. Стыдно, а «Холодное лето 53-го» до сих пор вспоминаю с сожалением — тоже «пролетело» мимо, из-за Риги. Карма!

16 мая 1988 г.

Встреча с Ю. П. Любимовым состоялась в нашем театре 17 мая в 19.00. Титаны встретились во дворе театра, кинокамеры, фоторепортеры, блицы и т. д. «Как в Америке», — сказал, улыбаясь, Юрий Петрович. Народу было жуткое количество. Шампанское разогрелось и «стреляло» со страшной пеной. Среди этой толпы начали играть наш отрывок из «Бесов». Прямо тут, у стола, с переходом в зал. Начали неплохо, даже интерес какой-то был. Потом в зале затянулось. Правда, все потом поздравляли. Еще сыграли из Дюма Гриша с Наташкой свою коронку из «Нельской башни». В зале было невыносимо жарко. Мэтр долго не выдержал и скоро ушел под стрекот кинокамер и блицы. Валера Плотников сделал последний снимок у дверей: А. А. и Петрович. Быстро все и бестолково. Может быть, из-за толпы. Зато 22 мая — история. Питер Брук в гостях у «Школы драматического искусства». Это хотелось бы записать подробнее, что, наверное, и попытаюсь сделать позже. А сейчас поздно. Надо спать. День был тяжелый. Репетиция не удалась. Шеф в жутком состоянии. В 22 часа всех разогнал артистов и остался с цехами в Сокольниках.

Брук. Ему показывали 2-й и 3-й акты Пиранделло, потом из Дюма (Гриша с Наташей). П.Б. с женой Наташей и с сыном. Смотрел с интересом. Был естественным, не натянутым.

Разговор у стола. Очень высокие слова о том, что видел (о спектакле). Эпизод с корреспондентами из французского ТВ (резкость, уровень резкости). Тон разговора удивительно ровный, тихий, так и хочется написать — ласковый. Потом прошли в зал, сели кружком и так провели часа два времени.

Брук: «Я, вообще-то, раньше относился к Пиранделло сдержанно. Все-таки это — несколько *эстетские* разговоры. Знаете, философия за чашечкой кофе. Один другому говорит: „Знаешь: тебя нет“. — „Да? А — тебя?“ Ну, и т. д. В вашем

спектакле я почувствовал боль художника, это спектакль о муках художника, спектакль о человеке… Ни очень хороший режиссер, ни замечательные актеры не смогут этого сделать, если в пьесе этого нет. Значит, есть, вы сумели это увидеть и выявить. И в такой форме… Это здорово, тонко и просто…»

23 мая 1988 г.

Вылетели из Москвы (Шереметьево) в 9 утра в Восточный Берлин. Здесь пересадка. Поехали в город на электричке (BANN), минут сорок до Александерплатц. Самый центр. Времени свободного немного, часа 3 с половиной. Но походить, «отметиться» — можно. Хорошо, что перед Веной есть этот «маневр». Такая «адаптация». Поменяли по 30 рублей, получилось по 96 марок. Долго ходил и не знал, куда их деть. Покупать мне нечего. Пожалуй, ничего и не нужно. Хотел все истратить на такси. Но смешно: не могли найти свободную машину (мало такси в Берлине), пришлось ходить пешком. А деньги потратил в чайном магазине (купил китайский и цейлонский чай, в красивых упаковках) и на пиво. Пиво — чудесное. С сосисками и сардельками. Потом все-таки уговорили какого-то парня увезти нас в аэропорт, на маленькой такой машине. Там опять сидели и выпивали в баре, «дотрачивая» оставшиеся марки, покупали жвачку и прочую ерунду, последние пфеннинги просто отдал официантке, и, облегчившись, пошли на посадку. Тут стоп, задержка рейса. Тут были игровые автоматы, но — марок, увы… Зато авиакомпания выдавала (за задержку) пиво или воду пассажирам. Мы взяли, конечно, пиво. Шел дождь. Через час или полтора полетели. В самолете просторно. Пассажиров — полсамолета. Стюардесса — Валя (!). Улыбки, внимание, и т. д. и т. п. Обед (!!!), опять же пиво, соки, кофе, чай — что хочешь и сколько хочешь, можно вино. Мясо, салаты ах, ах, ах… Внизу линейкой расчерченные зеленые квадраты, городки, дороги, невероятная красота. Чистота.

Может быть, случайно, но самолет сел так незаметно, плавно, что не ощутил момента касания с землею. Замечательная погода, тепло, солнечно.

Запомнился парень из МИДа. Именно парень. Ждали какого-то «представителя», для «инструктажа», пришел длинный юноша, в кроссовках, белых джинсах, с теннисной ракеткой и спортивной сумкой… Васильев: «Простите, вы к кому?» — «Я из МИДа, просили вам рассказать о Вене». Очень интересно говорил об Австрии, в течение часа. Причем настоятельно советовал сходить в винные погребки. «Культура народа — это еще и быт».

30 мая 1988 г.

Первое впечатление от Вены — полицейский с автоматом наперевес. Входим в аэропорт.

Утро третьего дня. Идет дождь. Пришлось остаться в гостинице до репетиции. — Hotel Darkahof, Breite Gasse, 9. — Очевидно, по местным меркам, отель средний (по нашим — люкс), зато в самом центре, совсем рядом с залом, где мы будем играть. Утром, до репетиции, и вечером, после, ходим по городу. Описывать бессмысленно. Даже при какой-то душевной отрешенности, с которой существую последние дни, такой массированный «удар» ощутим сильно. Другая жизнь, другая — *закрытая* — культура, мир другой! Писать о красоте, чистоте города — тоже как-то наивно и глупо… Как смехотворно желание наше учить других жить. Право, даже не смешно, именно глупо, сумасбродно, абсурд! Это мы-то — знаем, как жить, как сделать мир лучше, богаче, справедливее? Сон дурной. Бессмыслица.

I июня 1988 г., Вена

Только что пришел с репетиции. Еще остался там 2-й акт. Меня отпустил. Расписание в эти дни было такое: 10.30 — сбор в гостинице (завтрак с 7 до 10). Идем в театр. 31-го и утром 1-го работали в холле *Thea1er under Wien* (музыкальной комедии) и в музее театра. 11.00 — тренаж Скорика и тренаж Гладия. 12.00–15.00 — Васильев. 15.00–18.00 — перерыв, обед, отдых, обязательно в гостинице. 18.00 — тренаж. 18.30–23.00 — Васильев. Сегодня в 18.00 пришли уже в зал, где будем играть. Бывший королевский манеж. Messepalast (Halle E).

Репетиция тяжелая. Опять та же история, что и в Сокольниках… Среда увеличилась, уровень игры тот же, что и в подвале. А. А. страшно нервничает, матерится и проч. Писать не успеваю. Событий много — времени нет совсем. Все уплотнилось, час — как сутки.

I июня, 3 часа ночи

Премьера 2 июня превзошла все ожидания. Играли мы действительно неплохо. После первого акта были такие аплодисменты, как в Москве в финале спектакля. Это еще подстегнуло. 2-й акт прошел *блистательно,* прием, будто в студенческой аудитории, на капустнике. В 3-м — резкий разворот, и, кажется, «добили» венцев. Мощно, с резервом играли акт, на сдержанности и экспрессии. В финале — овации. Нескончаемые, я такого не помню, по-моему, в жизни такого не было. Кто-то приблизительно засек время, во всяком случае, больше восьми минут длились аплодисменты, крики. Еще как-то

по-особенному венцы махали руками, вроде как желая потрогать нас. А. А. раз пять выходил. Шли вперед-назад и т. д. и т. п. Тут уж, как говорится, двух мнений быть не может — УСПЕХ!

Сразу после спектакля, тут же, в фойе Messepalast, прием театру устроителей фестиваля. Вино, пиво, вкусностей — сколько хочешь…

Госпожа (конечно, фамилию не запомнил), глава фестиваля, говорила очень красиво, образно и, я бы сказал, грациозно. В частности, заявила, что наш спектакль — одно из самых сильных событий в культурной жизни Вены последних лет!! Хочется не отказывать в искренности госпоже, да и нет никаких оснований.

Все наши были в пике восторга, радости, победы, не знаю, чего еще. Вечер незабываемый. Потом шли по ночной Вене, счастливые, открытые, и все принадлежало нам, и витрины не подавляли, и все было естественно, нормально, легко.

Еще сидели у нас в номере с бутылкой вина — Сергей Тишкин, Ваня Даничев, Витас… Уснуть было просто невозможно, хотя утром (в 12) — тренинг, который никто не собирался отменить в связи с победой. Наоборот. Шеф уже стоял в зале и смотрел так, как он может, — на тех, кто подбежал в последнюю минуту.

Все дни — работа по полной программе. Т. е. походить по городу можно только утром, часов с 7. В 12 — тренинг. Отпускал после 3-х, с обязательным условием отдыхать в гостинице. В 6.30 — тренаж, и в 8 — спектакль.

На втором (3-го) спектакле в первом ряду сидел *Питер Штайн.* На следующий день он имел беседу с А. А., двухчасовую. Спектакль ему понравился.

К счастью, познакомились с нашим парнем из торгпредства. У него машина. Вот это был вечер! Ночной Кертц-штрассе, Мулен Руж… чудо.

4-го с утра — никуда не денешься! — магазины. Купил двухкассетный магнитофон. Вещи дорогие. Что купить — просто не знаю. То, что мне нравится для Тани, — стоит 2, 3 тысячи шиллингов. Наши суточные — если всё сложить, 3200!

Стараюсь пропустить мимо себя туристские советские неврозы. Трудно.

Спортивный клуб. Бассейн с голубой водой. Повезло, что появился новый знакомый, Сережа, работник нашего торгпредства. Только теперь, когда смог объездить всю Вену на машине, с человеком, знающим город (он уже 4 года здесь), появляется действительно цельное представление.

Поездка по ночному городу. Проститутки на Gurtel Strasse. Впечатление сильное, в первый раз увидел это, «чуждое нашему

строю», явление загнивающего Запада. Километра два по улице — бордели, красные фонари и падшие женщины. Все очень эффектные, но не обязательно красивые. Kartner Strasse. Ночь. Центр ночной жизни. Сидим в уличном кафе. Кругом огни, красивые люди, многоязыкость, улыбки, приветствия, кажется, что — все-все счастливы этой ночью на Картнерштрассе.

Чумная колония.

Вчера сыграли последний спектакль. Гром оваций и т. д. Пресса хвалебная, хотя пишут не так много (как в других странах — по рассказам товарищей), говорят, что у них здесь вообще не в традиции писать много.

Big-biat-88. Какая-то югославская группа, ничего подобного не видел и не слышал. Не записать.

В какое-то мгновение стало жутковато в огромном зале, переполненном буквально орущими детьми, сильными, здоровыми, агрессивными, переполненными инстинктами и эмоциями.

У нас в это время шел 2-й акт, в соседнем Halle.

Бранко и Сергей повезли нас (8 артистов) в югославский кабачок. Официант — партизан. По долинам и по взгорьям.

Случай!! Артисты Питера Штайна в соседнем кабинетике, мы поем русские песни — они гурьбой появляются. — Schauspiler!! — и т. д. Перевод не нужен. Все сидим за одним столом. Мы узнаем их по видеозаписи «Трех сестер». Буря восторгов.

Штайн — Васильев!!! (Что они говорили друг другу о нас — артистах — открывается.)

Переходим в другой кабачок.

Ночь. Сильный ливень!

Олег Либцин: «О! „БМВ“… по-моему, это наш!!»

«Кому это памятник?!»

«Туморро! Туморро!!»

Прощание под дождем, обязательно увидеться завтра.

Отто — Вершинин!

Юта — Маша.

Тина — Наташа.

Рональд — Соленый.

Эрнест — Тузенбах.

Почти не сплю. Хочется уместить в сутки всю Вену, всю жизнь, невозможно, невозможно… Сколько подарков судьбы. Так не бывает!

6 июня

Вылетели из Вены сегодня утром, прямым аэрофлотовским рейсом. Рано утром вскочили с Юрой и побежали последний раз

по городу. Было часов 7 утра. Грустно. Наверное, такое состояние еще и оттого, что понимаешь: уже *никогда* не увидишь… Вот это *никогда* особенно как-то волнует, пугает человека…

В венском аэропорту встретились случайно с Отто (он летел в Берлин), еще раз обнялись, до «September— Berlin!!».

Москва — Шереметьево.

Сразу — *контраст резкий,* просто жуткий.

Привезли в Теплый Стан, какое-то общежитие, сказали, что здесь будем жить теперь. Комната с кухней, с ванной, тараканы, грязь… А главное, ужасно далеко.

Завтра лечу к Тане.

7 июня. Москва

Танюша встречала в аэропорту. Очень красивая. Четыре дня пролетели просто… пролетели — и все… Жили в гостинице ЦК, чудесный номер, никто нам не мешал. Пробовал рассказывать всю поездку. Приходили в гости Е.И. и Лиля, выпили бутылку коньяка, опять рассказывал о Вене. Они мне что-то о театре. Честно говоря, у меня какая-то атрофия произошла. Слушать про то, что Г. — мудак, не умеет, не тянет, не способен… Сколько можно. Жалко, конечно, театр! Искренне жалко. Загубить такое дело — большой грех, но… печально, печально… все идет к этому. Боюсь — необратимо.

Немножко поболтал с актерами о том о сем… о ценах… Ю. все время был «под», так что тоже не очень побеседуешь… Да и не о чем. Беда! Одиноко.

8–12 июня 1988 г., Кишинев

К Теплому Стану надо привыкать — кажется, здесь застрянем не на один день или месяц. Езжу через Юго-Запад. Первое время уходило на дорогу 1 час 15 минут, теперь уже час, даже меньше часа.

Была замечательная репетиция сегодня (15-го) «Импровизируем». Действительно, сымпровизировали целый спектакль.

А. А. этого и добивается, полной свободы, легкости пребывания в теме, в материале. Растворить театр в теме, а тему в театре, в игре. Все остальное — притворство, остальное — неискреннее искусство, подтасовка, и фальшь видна. Всегда.

12–15 июня 1988 г., Москва

Прилетел ночью. Сижу на набережной, у ротонды. Смотрю в море. Днем был на киностудии. Апасян — это видно, — хочет снимать меня. По времени — все против. У него с 1 июля мои

сцены, а я только в августе могу быть свободен. Станет ли он менять сроки из-за сцен Магриджа?

Когда сижу здесь, смотрю на море, корабли… у самого возникает желание сниматься. А вообще… много суеты. Временами просто раздражаюсь на себя… черт дернул, ну зачем нужно было лететь, опять — самолет, аэропорты и т. д. Хожу по Одессе… одиноко. Вот здесь когда-то сидели с Танюшей… давно-давно… в 79-м! Одесса постарела. Странно, никогда не думал, что города стареют, как и люди. В самом житейском смысле.

17 июня 1988 г., Одесса

Только что отснимался в пробах. Снимали на видео, сразу можно было посмотреть материал. Кажется, неплохо. Записали два дубля прилично, из трех. Апасян доволен. Собирается подстроить съемки под меня, т. е. на август.

На площадке чувствовал себя вольно. Наверное, от безразличия. В общем, мне — все равно: сниматься или нет… Даже не очень и хочется, все-таки есть возможность провести август с Танюшей в Рузе… А жизнь сама все решает. Как будет — так пусть и будет.

18 июня 1988 г.

Второй час ночи, хочется спать, но все-таки надо хоть пару слов… Больно уж день сегодня… Много передумал, перемыслил… «Бунт на корабле». Да нет, не бунт, так — шебуршанье. Театр. В самом таком самоубийственном смысле. Сначала сидели часа полтора сами, разогревали себя разговорами… готовились к разговору с А. А. Говорили на разном уровне, от разумных, понятных вещей до полной чуши. Я не стал скрывать свою точку зрения, хотя оказался в меньшинстве. У каждого свой опыт, своя судьба, свое понимание. Актеры слепы. Безнадежно. Слепы, неблагодарны, беспамятны, самоуверенны. Очевидно — свойство профессии. Истинной цены себе никто не знает. Или не хочет знать. Может быть, это и дает силы работать, оставаться в театре? Вполне вероятно. Но если отстраненно понаблюдать, открываются удивительные вещи. Человек, который вчера еще готов был мести полы, только бы пустили в театр, сегодня искренне убежден, что театр — это он. Некоторые договорились до *неверной* методологии, до «делает, сам не зная зачем, лишь бы делать» и т. д. Чушь — писать не хочется. Подавляет, убивает, растаптывает, унижает! В общем: что такое А. А. и как с ним бороться. Как научить его работать правильно, человечно, радостно и с полным счастьем для всех каждый день!

Потом пригласили самого виновника. На разговор. Унылое

зрелище, печальное… А. А. на удивление мягко и с пониманием отнесся ко всякому слову. Все, конечно, уже выглядело не так нахраписто и нагло. «Требования» поумерились, от «политических» сползли до «экономических» и житейских. Хотя что-то там о рабстве и страхе бормотали.

Я сидел, молчал, так как решено было принять «общую» точку зрения, и вылезать со своим особым мнением было бы совсем глупо, и, естественно, воспринято было бы только одним образом. Бог с ними. У каждого своя судьба.

Театр! Ах, театр! Поражает жуткая привычка (наверное, врожденная) решать *свои* проблемы кол-ле-кти-вом, при помощи коллектива, за счет коллектива и т. д. Нет, не хочется все это записывать подробно… Просто нет желания. «Туман, — как сказал А. А. — Вам нравится играть, делать спектакль, думаю, нравится, и — вы недовольны; когда-нибудь вам не будет нравиться то, что вы делаете, но вы будете довольны».

Закончилось все на тормозах. Тихо. Разошлись.

А возможно ли вообще избежать театральной муры? Если у него не получается? Ведь уж в нашем раскладе, казалось бы, свалилось счастье такое нежданное! Казалось бы, ну отыграй его, сделай своим, убеди… И нет ведь звезд среди нас, все ведь — снизу… равны… Нет. Обреченность.

19 июня 1988 г., Москва

Паша Каплевич свел с Олей Наруцкой, которая снимает на «Мосфильме» «Мужа и дочь Тамары Александровны». Согласился сняться в эпизоде. Вот вчера произошло это дело. Снимали в КПЗ 13-го отделения милиции. Целый день (с 9 до 21). Сцена, в общем-то, интересная могла бы быть. Валя Малявина — в роли этой самой Тамары… Странный такой эпизод… Но у меня ничего не получилось. Репетировали когда, с утра, очень даже были все довольны. Режиссеру нравилось, она не скрывала. Потом началась долгая установка и т. д. и т. д. Потом надел свитер, дубленку (действие зимой происходит). Жара дикая, весь мокрый, и все ушло. Тяжело, скучно… Ничего не мог с собой поделать. Не мог переломить. Опустошенность жуткая… Ужасное состояние! Первое очарование от знакомства, от получавшейся работы — рассеялось. Расстались уже совсем холодно. Не получилось.

Домой вернулся совсем разбитым. Настроение скверное. Совсем скверное. Болят все мышцы. Тупость. Почти отчаяние.

22 июня 1988 г.

Вылетели из Шереметьева часов в 9 утра, вчера то есть. На этот раз без пересадок и посадок. Прямой аэрофлотовский рейс. С

курицей. Долетели без происшествий. Уже в самолете кто-то из итальянцев подарил журнал «Panorama» с большой статьей о нашем театре и анонсом о предстоящих гастролях.

В Милане за день до нашего приезда был ливень и ураган. Мы приехали в дождь. Аэропорт, все процедуры таможни и т. д. Потом на автобусе в город. Дождь. Зелень. Красивые дома, или виллы, не знаю. Несколько свалок автомобильных… тоже красивых. Расселились в гостинице «Ritter» на улице Гарибальди, в пяти минутах хода от Piccolo Studio Theatro, в котором и будем работать.

Отдохнуть не пришлось, спустились сразу же в холл на организационное совещание. Принесли *огромные* букеты лилий от Стреллера и Ноймана (продюсер). А. А. зачитал письмо Стреллера (он в Париже пока).

День был воскресный, город вымерший, тихий. Дождь. Правда, не сильный. Немного прошлись. Буквально 30–40 минут, и пришли в театр на репетицию.

Занимались в основном 2-м актом, текстом, вернее, *сверением* русского с итальянским.

Вечером, часов в 8, всей труппой побрели по улицам. Вместе с А. А. Прошли мимо старого здания Piccolo. Ахали в галерее «Виттория»… Вышли на площадь Миланского собора… Нет… нет, сначала к Ла Скала… к памятнику Леонардо… Вечерело… Дождя уже не было… Тепло… Состояние какое-то невероятное. Как-то трудно верится — и в вечер этот, и в Милан… Вот мы идем, вот — Ла Скала, вот — Соборная площадь… Медленно темнеет. Собор дрожит, кажется, движется; толпы туристов, и миланцев, наверное… толпа веселая, праздничная, разная… Парень работает в окружении вольных зрителей… танцует, жонглирует под магнитофон. На мотоцикле делает трюки, фокусы, и все делает классно… Сидим на ступеньках долго-долго. Темнеет. Реклама скачет… Медленно бредем домой, в гостиницу. Стада машин на улочках, даже странно, как они вмещаются сюда.

Сколько программ ТВ, еще не выяснили, пока 14 установили. Устал я очень. Все-таки бессонная ночь перед полетом. Быстро уснул.

Завтрак сильно отличается от венского. Для нас похуже… Булочки, маслице, джем, кофе…

Сбор был в 10.30. Тут началась вся история с И.Т. Она вчера потерялась, не знаю, что там было, в общем, звонили уже из консульства… А. А. убит и взбешен. Поехал в консульство… Ну, а перед этим, конечно, каких только мыслей не было… Кошмар! Как говорит пастор Мандерс: «Вот они, плоды!» Вся труппа, конечно, тоже издергалась, переволновались… Потом еще

«получили».

Тяжело с неуправляемыми людьми иметь дело. Упаси Бог. Неуправляемые в том смысле, что сами собой… Распи… ство! И тупость, невоспитанность. Да-да, элементарная невоспитанность. Мы все думаем, что невоспитанность — это когда ложку держать не умеют. Нет. Это когда себя ощущают пупом.

Так день скомкан. Пообедали, и в 4 (в 16.00) — опять собрались в репзале. Теперь, наверное, до глубокой ночи.

Здание Театра Студио, наверное, самое лучшее (на мой взгляд) из всех, что я видел. Сцена и зал в совершенном согласовании. Удивительно! Удивительно. Репзалы, гримерки, все, все — невероятной чистоты, продуманности, красоты… Все, от дверной ручки и туалета до свето- и радиоаппаратуры!

Сейчас — 8 вечера. Работается 2-й акт. Все бы ничего, если бы не некоторые истерики. Что сделаешь?

4 июля 1988 г., Милан

Сегодня сыграли первый спектакль. В Милане. Как всегда, была напряженка перед… Вчерашний день (5-е) работали на износ, с 11 до 17 без перерыва, нет… все уже перепуталось… это — сегодня так, а вчера… много времени потратили на ввод девочки, итальянки. Малышка, 12 лет, поразительно. В общем так: утром встали в 7, позавтракали и пошли по городу. Мы с Витасом набрели на мемориальное миланское кладбище… Жалко, нет хорошего аппарата, это надо снимать.

Репетировали с 10.30, проблемы все те же, те же и те же… Вводим девочку, но… дело не в ней как раз. С ней все более чем в порядке. Потом перерыв два часа, пообедали и опять походили. (Художественная академия, улочка художников и т. д.). В 4 начали опять и вернулись домой после часа ночи. А. А. нервничал. Хотел закрутить ночную репетицию, но с капиталистами это дело трудно дается, у них профсоюз. Все выключают и уходят. Пришлось сдаться.

Усталость дикая. Сегодня уже с 10 утра в театре. Тренинг. Репетиция 3-го акта и 1-го, и — кусками — 2-го. Перерыва не было. Отпустил в 5, а в 7.30 — сбор. (Начало в 8.30.)

Собрались в 7.30. Тренинг. Потом А. А. пришел. Сначала в одном репзале сидели, потом перешли в Брехтовский.

Кресло Стреллера. Черная куртка А. А.

Репзалы!.. Оснащение. Чистота (пол), дизайн. Ваби-саби.

Состояние перед спектаклем.

Зал полон. Публика. Играем без перевода. У некоторых на коленях книжка Пиранделло. Читают.

1-й акт… начался… первые ощущения… Пустота… Полусон… В сцене — легко. Глаза. Контакт ощущается не в оценках (привычных), нечто другое. После каждого акта — аплодисменты большие.

Спектакль по нарастающей. Понимание вырастает по ходу. Да… как иностранное кино (постепенно начинаешь понимать).

Финал! Долгий, бурный!

Брави! Брави! Брави! А. А. — весь в черном (костюм авантюриста) (после 1-го акта — «наверное, не доживу до конца»).

Прием после спектакля. Шампанское. Стол (в Вене шикарнее, но мило и нежно). Миланцы аплодировали стоя, такого не бывает…

Слова самые, самые! Букеты госпожам актрисам (всем) от Стреллера. Уже много прессы. До нашего приезда было две статьи, а теперь газетах в шести уже есть материал о театре, о Васильеве (до спектакля!).

Волновались. Жутко. Если честно теперь — были и сомнения.

Слава богу!

Выпил шампанского… теперь в номере.

Телевизор. Ночь. (Фильм о вьетнамской войне, а только что кончился «Смерть в Венеции», посмотрел уже последнюю часть.)

Завтра с 11 до 13 — репетиция, потом в 7 — на спектакль.

6 июля 1988 г., Милан

Идет 2-й спектакль (2-й акт). Первый акт прошел неплохо, но неровно. А. А. недоволен. Публика, кажется, попроще сегодня, демократичнее. Принимают живо, реагируют непосредственно.

Отыграл акт. Принял душ. Сижу, пью чай. Вот бы нам в Москве такое здание! Мечта!

Утром на репетиции опять куча опозданий… почти на час… проспали и т. д. (11 часов). Детский сад… А. А. сидел и ждал… и мы ждали. Продолжаются идиотизмы непонятные. Для меня просто необъяснимые. Ходили потом с Гришей Гладием по городу, говорили об этой ерунде. У него тоже полная растерянность и непонимание. Я вспомнил, как начинался спектакль, как мы «дышали» тогда, чем жили. Ведь прошло-то всего ничего времени, и такие события произошли, можно сказать, сказочные… В чем же дело? Боже мой… ничего тут не понять… Человек — двуногое неблагодарное существо, кажется, так у Достоевского. Неужели так просто.

Остались потом на «разговор» с А. А. (в который уже раз), я сказал, что все эти разговоры — онанизм и не о чем больше говорить… Пусть каждый сам за себя отвечает, в конце концов…

Ладно, к черту.

2-й акт принимается. Все хорошо, кажется (слушаю по трансляции).

По городу можно идти бесконечно… Утром был на базаре! Чудо! «Сегодня арбузы даром!!!» и т. д.

7 июля 1988 г., Милан

По гастролям большая пресса. По нашим понятиям — огромная. 7–8 газет и несколько журналов поместили просторные статьи, фотографии из спектакля, роскошные портреты Васильева. Наши переводчики говорят, что тон просто восторженный. Собственно, это видно и по приему зрительскому. Сегодня третий спектакль… Публика слушает. Реагирует так, как будто понимает по-русски каждое слово.

Вчерашний спектакль принимали тоже тепло и восторженно, хотя прошел (по нашим меркам) худо. Произошло вообще…

В. был выпивши и соответственно «старался». После спектакля А. А. собрал всех в зале. Состоялся разговор. Глупо… нет слов. В гостинице, уже поздно, А. А. зашел к нам в номер. Мы с Юрой, естественно, взведенные, накрученные, в состоянии «гражданской войны», пытались что-то решить, придумать, как выправить ситуацию, которая, по нашим ощущениям, угрожающая для спектакля… Говорили с А. А. до половины четвертого утра. Кажется, это был первый такой долгий, откровенный, открытый разговор обо всем, что накопилось…

И… еще раз поразился Учителю. То, что нам казалось его слабостью, недооценкой ситуации и т. д., оказалось глубоким и *полным* знанием, опытным, эмпирическим знанием — не только этой, конкретной, ситуации… Больше того — такое впечатление, что он как на картах предсказывает: что было, что будет, чем сердце успокоится.

Уже перед уходом он рассказал несколько эпизодов из европейского турне «Серсо». «Артисты об этом не рассказывают… люди хранят свои легенды…» «Это — феномен, его надо принять… это — реальность…»

Да… грустно, но факт — в результате мы «сами» пришли к выводу, что надо идти на любые компромиссы, чтобы сохранить спектакль… по крайней мере, на какое-то время… Собственно, все наши усилия сводятся к тому, чтобы сохранить спектакль, качественно пронести его через какой-то отрезок времени.

Говорили почти о всей труппе. Вместе и отдельно. О сегодня и о завтра.

Так хочется помочь ему… Но, наверное, это никому не дано.

Он сам.

Он чувствует судьбу, вот в чем дело. Вот что отличает его от других. Другие живут день за днем, иногда удачно, иногда не очень… Он *чувствует* цельно… судьбу. Наверное, это драматично.

7 июля 1988 г.

Спектакль шел отлично. После мы с Юрой были приглашены в гости… Там сложная связь, «полурусские» знакомства через Одессу.

Сначала посидели в маленьком баре напротив театра. Выпили белого вина. Компания довольно большая. Итальянские актеры, критики и т. д. Человек 10. Получили «свои» комплименты. Действительно, даже неудобно было выслушивать то, что они говорили, как необыкновенно высоко оценивали наш спектакль.

Потом всей гурьбой на нескольких машинах отправились к Авелине (такая гранд-дама, ведущий критик, переводчик и т. д.).

Квартира!! Терраса! Сад!! В темном небе светится золотая фигурка Божией Матери на Миланском соборе. Книги. Картины. Художественные ценности. Оригиналы, конечно. Даже скульптуры…

Вино… Какие-то чудные закуски, потом спагетти двух сортов!!!

Опять о театре, спектакле, Васильеве. Очень много вопросов. Обо всем. Изумление искреннее. Восторг неподдельный. «Откуда у вас такой театр?!» Одним словом, вечер удивительный. Не только потому, что пожинали «славу». Цельный, содержательный, интересный разговор (вспомнился сразу вечер, проведенный в Москве с Дарио Фо).

Возвращались под утро. Новый наш товарищ, Антонио, решил еще напоследок развлечь нас экзотикой. Повез на своей маленькой машине в район проституток, не просто проституток, а — «голубых»… «переодетых». Мы с Юркой обалдели. В свои сорок — мы ничего подобного не то что не видели, но и не подозревали, честно говоря. Венские девушки — просто гимназистки.

Спать легли часов в шесть, а в семь уже встали, чтобы идти на базар. Тоже ведь нельзя пропустить…

Это было уже девятое.

8 июля 1988 г.

Базар… шмотки… еда… всего — море, всего много, все дешево. Не для нас, конечно… Для нас, с нашими «суточными», все дорого.

В Вене было лучше в этом смысле. Там платили 401 шиллинг

в день (т. е. 20, кажется, рублей). Здесь — 28 тысяч лир в день (10 ООО лир примерно равны 4 рублям 50 копейкам).

12.15 — репетиция. Разговор. Опять — мрак. На этот раз чокнулась Наташа. Черт знает что! Наглость и хамство. Иначе это не назовешь. А. А. находит силы сдерживаться… и сдерживать.

«Буря» (La Tempesta) в постановке Стреллера (видео) — *грандиозно!!!*

Просто и грандиозно! Рисунок! Образ! Чистота! Исполнение!

Ужин. Пиццерия. Белое вино. Закуски, закуски, закуски… (сердце пальмы, ножки осьминогов и еще что-то невероятное).

9 июля 1988 г.

Бергамо. Итальянцы говорят: *Бёргамо.* Электричка с главного вокзала (стиль Муссолини-Сталина). 1 час (70 км). Скорость. Двухэтажный вагон.

Если бы не повезло, не попали бы в Бергамо, и судили бы об Италии по Милану, а это не совсем верно!

Состояние воздуха напоминает наш кавказский юг. В Пятигорске так, когда жара.

Ощущение все время такое, будто смотрю кино. Прожженные солнцем площади. Родниковая вода в фонтанчиках (медных). Цветы, цветы, цветы. Фуникулер в старый город (500 лир).

Сон. Бродим по узким старинным улочкам. Сон!

Толпы туристов. Театр, ярусный, сгнившие ярусы, там, где сцена, теперь зрители.

Уличные певцы. Воздух к полудню прокаляется, становится прозрачный настолько, что почти отсутствует.

Служба в соборе.

Кто-то здесь родился и просто живет здесь. Работает, живет в провинции. Бергамо.

Фонтанчик старинный, малюсенькая площадь, зажатая между домами, кафе (овечка) — почти декорация.

Как монахи ходят в черном во время такой испепеляющей жары?

Колокольный звон.

Улицы пустеют. Сиеста. Город (внизу) почти пуст. Цветы, огромные бутоны… Ни для кого… Ставни приспущены.

Мама приехала на простенькой «Вольво». Ворота. Газета, сок, халат… Неспешность. Папа читает газету в тени сада. Покой.

Они просто живут. Для нас смысл закрыт. Мы только считываем поверхность. Дальше все закрыто.

Возвращаемся в Милан. В поезде все спят. А. А. бегает с фотоаппаратом. Снимает. Смеется. Он любит жару. Куртку не снимает. Ему хорошо — жарко… Вечером — тренаж. Играем

последний спектакль в Милане.

Прощальный фуршет. Белое, красное вино, сок, сладости. Сувениры.

Общее ликование и взаимные слова любви.

«Вы должны объехать всю Европу. Современный театр умер. Остался ваш спектакль, и — от него пойдет все». — Умеют итальянцы говорить красиво.

10 июля 1988 г.

La Scala. Турандот. Пуччини. Чудо. Чудо, что попал. Только благодаря переводчице Алле (она здесь работала). Закрытие сезона, последний спектакль. Императорская, или королевская у них называется, ложа (приставные стулья). Публика… Разная, от фраков (в большинстве) до… чего угодно. Маски (тип в королевской ложе).

Скала — это не легенда! Это действительно грандиозное и ошеломляющее зрелище…

Во втором акте я плакал. От всего, что происходит. От спектакля, от счастья, свалившегося на меня, от тоски, от жизни… плакал слезами.

Вечер у Авелины.

11 июля 1988 г.

Автобус (4 часа утра). Бесконечные тоннели… Горы. Военный самолет на уровне нашего автобуса в ущелье. Ландшафт… Одни только восторженные слова.

Целый день во Флоренции. Ног не хватает, если бы было четыре пары ног!!

Галерея Уффици… Сон. Неправда. Боттичелли, Леонардо, Рафаэль, Микеланджело… Боже… Ног нет…

Собор La Cathedrale, Брунелески…

Бесконечные вьющиеся улочки, базары, продается все… все дорого (опять же — для нас), но это — ерунда. На площади Святого искусства купили огромную бутылку белого вина, сидим на ступеньках палаццо. Фонтан. Пьем из маленьких стаканчиков. Слава Богу! Слава Богу!

12 июля 1988 г.

Ну что… ну как все это описывать… Глупо. Бессмысленно…

Европейские вагоны (сидячие). В купе нас пятеро. Летим. Выехали из Милана рано утром, около семи утра. Часов в 9 были в Генуе. Началось побережье. Боже мой. Оторваться от окна невозможно. Состояние все время такое, будто задыхаешься… Солнце, невероятное солнце… поезд то и дело ныряет в тоннель и

потом будто врезается в вечный свет, красоту, в бесконечность моря и белых городов. Невозможно не выскакивать на каждой станции, чтобы действительно поверить, что это, например, Ницца! И так — все побережье… Генуя, Сан-Ремо, Ментон, Монте-Карло, Монако, Ницца, Канны…

Французские полицейские. Проверка документов. Франция!

Марсель.

Встречают переводчицы (Аня и Лена).

Автобус. По городу.

Чуть больше часа — и мы въезжаем в Авиньон. Avignon.

Здесь надо остановиться. Надо писать отдельно. Даже на все наши теперешние впечатления Авиньон — слишком большой водопад.

Сразу трудно вообще что-то понять. Карнавал. Вечный праздник. История и сегодня. Время. Люди. Искусство. Религия. Смысл. Театр. Лицедейство. Философия игры.

13 июля 1988 г., поезд Милан-Марсель

Вчера — премьера во Франции. Целый день работали. Было пару перерывов. День жаркий. Днем пришлось разойтись на два часа из-за солнца. Ветер, слава богу, утих, платаны перестали шуметь, застыли.

Вечер. Декорация смотрится удивительно органично, замкнутая зданием университета с трех сторон и густым сквером с четвертой. Над павильоном нависли мощные платаны. Начало спектакля — в 10 вечера. Установка, как жемчужина, в южной темноте. Слава Игорю Витальевичу! Играли без перевода (только либретто в руках у зрителей), но принимали так, будто понимали каждое слово. Спектакль шел в накате от 1-го к 3-му акту. Финал грандиозный. А. А. четырежды выходил на поклон. Публика не унималась. Еще раз спели «Бесаме муччио» и потихоньку разошлись со сцены. Овации.

Тут же под платанами стояли накрытые столы. Свечи. Шампанское. Прием. Министр культуры Франции присутствовал на спектакле и на приеме. Мы с Альшицем имели честь вести беседу с министром. Он назвал спектакль триумфальным и назвал гастроли в Париже решенным делом. На том мы и попрощались с министром. Потом, спустя час… банкет в ресторане, который обслуживает фестиваль. На открытом воздухе… под стенами папского дворца.

Наконец-то роскошный стол. Фрукты и т. д. Потом сидели на пустынной площади с А. А. до 4-х утра.

Пришли в гостиницу, а портье уже протягивает завтрашнюю газету со статьей и фотографией…

Утром репетиция в 11–14. 17.00 — французское ТВ, «Антенна-2», снимало сюжет, как наш театр путешествует по Авиньону на «паровозике». Беленький «паровозик» (три или четыре вагончика открытых по узким улочкам).

Ну, вот, а теперь идет второй спектакль. Принимают как-то очень легко. Весело. Публика в хорошем настроении.

Мы живем в Primhotel, в самом центре Авиньона. Бьют барабаны и играют оркестры под окном весь день и полночи.

19 июля 1988 г., Авиньон

Хороший день. Утром на автобусе путешествовали по Провансу. Римские и греческие еще памятники.

Сан-Реми. Лечебница, в которой в 1889–1890 годы лечился Ван Гог. Скульптура работы Цадкина отличная. Сильная работа.

Копия Святой Троицы в католической церкви на территории лечебницы. Арль. Подсолнухи!!! Виноградники!! Мост! Тот самый — желтый, странной конструкции.

Некрополь в Арле. Амфитеатр!!!! Колизей… Рона… Тигры… Жара. Солнце. Пытался снимать, но глупо это. Невозможно.

Идет третий спектакль. Днем была пресс-конференция с А. А.

Разговоров вокруг спектакля очень много. Много прессы (в «Либерасьон» — фотография моя с Белкиным, купил, не пожалел 8 франков). Франки летят. Поесть, попить… все дорого для нас. Суточные очень маленькие.

Антуан Витес — много хороших слов о спектакле. О стиле. О тишине. О летальных паузах. О соотношении русского и итальянского. О перспективе и о филос. Спор… 3-го акта.

19 июля 1988 г.

Забавно, что наши соотечественники в лице М. Захарова, А. Смелянского, О. Табакова и др. смотрят наш спектакль здесь, в Авиньоне. Смелянский, правда, смотрел в Москве.

Днем — пресс-конференция или что-то вроде встречи с труппой театра в дискуссионном клубе фестиваля. В том же парке папского дворца, где и был банкет как-то… Народу много, несмотря на жару. Мы были почти все. Видно, что интерес к театру неподдельный. Был еще Славкин и Петрушевская. У А. А. уже большой опыт таких разговоров. Довольно лихо все прошло. Хотя уровень вопросов показался общим. Достаточно общим. Корреспонденты «С.К.» и «Московских новостей».

Стенд с оттисками газет о фестивальных спектаклях. О нашем больше всего материала.

(Множительная техника даже на почте стоит, для всех желающих.)

Экскурсия по папскому дворцу.

Прилетели наконец-то наши ребята для «Vis-a-vis». Измученные, издерганные.

Запомнить. — Шествие рабов. Японец (неподвижность). Девочка — кукла. Панк — театр. Люди — гаечные ключи. Гайки с ленточкой. Ракушки с хвостиком. «Репейник».

Концерт после спектакля. Мини-эстрада. Арка светящаяся. (Стол с вином и закусками.) Публика в восторге. Цыганские, русские, украинские, татарские песни. Финал «грандиозо» — «я люблю тебя, жизнь». Гармошка.

Никак не закончим. Гасят свет. Аккордеонист — француз, замечательный импровизатор. Общий апофеоз.

4 часа ночи. Идем домой. Город не спит. Поем. Спать не хочется. Красное вино. Все возбуждены. А. А. уже нервничает. Входим в гостиницу — 4 утра — у него совещание по Миромасу.

Утром в 10.30 репетиция Достоевского.

Вот сейчас сидим в театре *Opera.* Идет разбор «Идиота».

А. А. — Чтобы играть Достоевского, нужно иметь демоническую идею; если будешь иметь демоническое *чувство* — Достоевского не сыграешь.

20 июля 1988 г.

Закончился Авиньон. Прекрасный, чудесный, сказочный Авиньон. Успех полный. Последний спектакль. Переполненный «зал» — сад. «Лишний билетик» — на площади.

Лагерь у ворот сада (с термосами, прямо на асфальте — пикник ожидается).

22-го утром выехали в Миромас. Целый день репетировали. Усталость невероятная. Начали представление в 10 вечера. 1-е отделение — Достоевский, 2-е — Дюма. Весь спектакль записан на видеопленку.

Нашу сцену шеф (А. А.) репетировал уже перед началом. Костюм… Бассейн. Вынужденное лежание. Мокрые после падения в бассейн. А. А. несет бутылку виски. Выпил сразу почти стакан, опьянел, отогрелся в душе.

Легкий прием после спектакля.

В 6 утра погрузились в автобус и двинулись.

Это путешествие… на всю жизнь. Через юг Франции, через Марсель, Ниццу, Монако и т. д. Автобус классный, кондишн, два видеомонитора. Смотрели фильмы, останавливались на купание в Адриатике. Специально останавливались, чтобы «отметиться» в Сан-Ремо. Искупались, позагорали. И опять в путь. А впереди, а впереди… ждала Венеция!

Ну что? Ну как про это… Приехали в Венецию в 4.30 дня.

Разместились в гостинице «Венеция», район Местре, и сразу же бегом в город. На автобусе доехали до конечной станции Гранд-канала. Сели на катерок. И началось!!! Боже! Господи! Спасибо! Спасибо. Невозможное счастье! Сновидение! Да, только так можно отнестись к чуду Венеции. К чуду, что так все случилось, совпало, и вот мы плывем на белом катерке среди гондол, среди вечной красоты. Справа, слева — везде — маленькие каналы, отходят, уводят… Запомнилось мне, когда вышли на стрелку и стал виден Дворец дожей, собор Св. Марка. Пароход из-за угла! Бродили по улочкам. Ели пиццу на берегу канала, слушали песни гондольеров (десять гондол в стайке). Ночью вернулись в гостиницу, а утром опять в автобус.

Долго стояли на югославской границе. Почти два часа. Хотя поток машин шел мимо нас почти без остановки. Пересекли границу. Резко все изменилось. Начиная с самой дороги. Узкая ленточка вьется по склонам гор. Справа море, слева горы. Еще останавливались купаться. Приехали в Сплит в 10 вечера. Отель «Сплит». У самого моря. До театра возят на автобусе. Минут 10.

Играем в сплитском театре. Декорацию выставили прямо на сцене. Спиной к зрительному залу. Театр чудесный, ярусный, богатый. Атмосфера театральная, теплая. 27-го первый спектакль. Шел сложно. Сначала нам казалось, что совсем нет контакта. Глухота полная. 2-й акт — ближе. Раскачали. Третьим взяли окончательно.

В финале гром аплодисментов. Прием.

Слова такие говорят… Сойти с ума можно. Фантастично, гениально и т. д.

27 июля 1988 г., Югославия, Сплит

Спектакль 28-го. Успех (приходится опять писать: грандиозный). Прием. Шеф входит — овации. Цветы. Заслонил собой случайно бюст Иосифа Тито… увидел — отошел чуть в сторону…

События на последнем спектакле далеко идущие: В. — пьян, и заметно. Разговор после спектакля (перед приемом). У И. что-то вроде припадка (на улице).

28 июля 1988 г.

29-го — свободный день. На море. Прошлись с Юрой по городу. Достославный базар посетили. Деньги (динары) под ногами. Поиски луковицы. Жара. Опять на море. Вечером грузимся в автобус. Отъезжаем в Белград в 23.00. Едем всю ночь. Иногда сплю. Иногда смотрю. Дорога горная… Иногда просто страшно за наш огромный неуклюжий автобус на этой вьющейся

узенькой ленточке. Едем медленно очень, поэтому в Белград только утром приезжаем. На прогулку меньше часа остается. Тем не менее успеваю купить себе брюки на последние динары. Крестик в соборе. В 10 утра уже в аэропорту. Процедура быстрая, таможенник даже не посмотрел на меня — читал журнал. Летим в Москву. «Аэрофлот». Родной сервис. Родная курица. Правда, вино. Херес.

30 июля 1988 г.

1-го вылетел из Москвы в Ростов. Со всякими опозданиями, но все же добрался ночью. Танюша встречала (3 часа ночи) с Сережей и Толиком. Ростов — мимолетно (в прямом смысле). Мельком повидался с Настенькой. Даже не успели поболтать с ней. Отдал ей джинсы, чашки и на самолет. 3-го вылетели с Таней в Одессу.

Это были замечательные дни. Просто замечательные. Поселились в «роскошных» апартаментах гостиницы киностудии на Пролетарском бульваре. Называлось это — двухкомнатный люкс. Правда… с тараканами, но это мелочи жизни, в остальном все действительно напоминало люкс… цветной телевизор, холодильник и проч. Рядом море. Еще ближе студия. Первые дни я усиленно снимался. Просто даже героически. В 8 утра уже садился на грим. И пошло… целый день. Возвращался поздно, иногда после 10 вечера. Но… кино — удивительная штука… Кто-то там не приехал, и… финита. Всю последнюю неделю мы просто отдыхали. Утром шли на пляж, вернее, спускались по подвесной дороге. Я загорел, даже очень. Бродили по Одессе. Вздыхали, видя, как разваливается на глазах красавец-город. Катались на катере. Радовались жизни. Были даже в гостях. У Юры на дне рождения 9 августа. Познакомились с интересными людьми. И у них тоже гостили на даче (чудесной), у Ксаны и Рудика Феденева. (Его пьеса «Луна в форточке» идет в Пушкинском театре.) У них брали прекрасные книжки (Ю. П. Анненков, 2 тома воспоминаний — упоение).

Август 1988 г.

Собирались из Одессы 23-го, но… без дела сидеть надоело и 19-го вылетели в Москву. Наводим порядок в нашей «московской квартире». Все блестит. Хорошо здесь. Ничего, что Теплый Стан. Свой угол. Нам хорошо. Пусть временный — свой. Вот Танюша спит — я сижу на кухне, пишу.

Были сегодня на выдающейся выставке из собрания барона Тиссена. 39 работ. Гончарова, Ларионов, Кандинский, Бурлюк (Д. и В.), Купка, Поллок, Шагал, Дали. Мы в восторге. Весь день

радостный, светлый, необыкновенный. Потом ходили по Москве до одури. Воскресенье — народа нет на улицах, движения почти нет — славно. Хороший, светлый день.

21 августа 1988 г., Москва

Посмотрел несколько спектаклей в рамках международного фестиваля моноспектаклей.

Беккета «Лента крепа» с Тадеушем Ломницким. Очень смешной и остроумный спектакль. «Tablolot» Голларуа, кажется, Джима Ван дер Вуда, и (на сцене МХАТа старого — нового) «Рассказы служанки Цермены» Германа Броха в исполнении Жанны Моро.

Целыми днями в театре. Работается по-разному. Много еще неразберихи чисто организационной. С деньгами была напряженка, никак не могли нам выдать что-либо, жили все буквально на копейки, вчера, слава богу, дали немного. Над Достоевским пока не клеится работа, хотя каждый день по два часа встречаемся (парень, который делает отрывок, слаб откровенно).

С А. А. ежедневно сидим над «Мы импровизируем». Вчера показали ему кучу материала (подготовленного самостоятельно). Разбирал недолго, буквально крохи были «туда».

Войти окончательно в ритм работы, когда уже ничего другого не замечаешь, пока не удается, думаю о доме, считаю дни до 15-го, когда наконец сяду в самолет.

Встретился с Виталием Павловым. Разговор был не длинным, но конкретным. Есть кое-какие наметки на будущее. Если получится — будет хорошо.

27 августа 1988 г. Москва

А. А. 31-го прилетел в Москву. 1-го вышли на работу. Репетируем. А. А. возобновляет «Серсо». С нами работает с 2-х до 6-ти. Сейчас репетируем «Мы импровизируем».

А. А. — Роль — всегда *следствие.* Возобновляя, надо восстанавливать причины.

Проводил Танюшу до Омска, да и сам «погостил» дома (с 23 по 31 августа). Что-то пытался успеть сделать, решить и т. д. Поговорил с Ф.Г., отказался от постановки. По-моему, он был готов к такому повороту. Да, все к лучшему.

В театре попросили о встрече, чтобы рассказать о поездках, о театре Васильева. Народу было очень много. Слушали с огромным интересом. Почти три часа говорил безостановочно.

В Омске жарко по-летнему. Самочувствие странное, мягко говоря. 15 лет… и ничего. Пелена какая-то в душе и перед

глазами. В театре то же. Был вечер какой-то у нас дома (уже перед отъездом). Е.И., Юра с Надей, да еще Юрчак, молодчина, подбежал. Выпивали, разговаривали… вспоминали. Боже… Боже… как все зыбко… и эфемерно… Ицик нервничает, заметно… Рассказывал свою «эпопею» с «Современником», как показывался, и пр. Черт возьми, а ведь мне бы хотелось работать с этими артистами, с моими омскими друзьями… только с теми, «бывшими» (т. е. какими они были вчера, позавчера… тогда) — но они… «уходят», меняются… меняюсь я, меняются они. Вот ведь как… Вот какая история… время бежит, в этом вся печаль. А работать бы хотел в *том* омском театре, какой знал, любил.

5 сентября 1988 г., Омск

Проснулся рано. Еще не было семи. В отеле завтрак с 7 до 10. Умылся и сразу пошел завтракать, чтобы с утра побродить по городу. Завтрак напоминает венский… шикарно. Буржуазный. Лучше есть не спеша. Тогда целый день есть уже не хочется. Сначала мясное, немного копченостей, паштетов, сервелата и т. д. Нет, даже не так. Сначала стакан сока! Грейпфрут или что-то такое… потом, значит, мясное… потом сыр… сортов пять-шесть, на виноградных листьях, фруктовый кефир в маленькой серебряной баночке, банановый и там… киви, уже потом — фрукты… фруктовое ассорти в собственном соку. Сладости? Сладости на этот раз пропустим. Лучше взять хорошую сигаретку и налить чашечку крепкого кофе… посидеть, покурить, попивая кофе… Поболтать немного… о том, о сем… Вот завтрак советского актера в Западном Берлине, в отеле *Castor*…

Теперь по утреннему городу, не спеша, мельком оглядывая витрины… мельком — цены… Зайти в несколько магазинов… (нет-нет, пока только посмотреть, спешить нельзя, ни в коем случае не спешить).

А. А. — «Серсо» для меня — огромная книга… Об этом не писали, не анализировали на таком уровне, хотя писанины вообще, хвалебной и проч., очень много. Но это же законченный художественный мир. Там все едино и законченно — эстетика, форма, отношение к миру, к театру — целая философская концепция. Может быть, это говенная концепция — другой разговор. Но она там есть. Я делал это.

Западный Берлин, 26 сентября 1988 г.

А. А. — «На американский кинематограф М. Чехов оказал большое влияние (я как неспециалист говорю, но… существуют же школы). Итак, у них это есть, они об этом не говорят. Далее. В кино актер работает иначе, чем в театре. Если бы зеркало

фиксировало образ жизни, ушел человек, а в зеркале остался… Актер в кино имеет совсем другие функции (это наш кинематограф — убожество… наш кинематограф *никогда* не отражал жизнь, какая она есть, *никогда* в этом смысле наш кинематограф*не был художественным)*. Роли в кино *приходят, а* не созидаются. Кино ищет героя, который выразил бы время. Для того, чтобы сыграть в театре, так, как Бельмондо в „Последнем дыхании“, нужны годы (школа, наука). В кинематографе нужен этот человек, это явление — Бельмондо».

«Именно в кинематографе мир *дан,* надо за ним уметь следить. Видеть. Существует или действительно прожитая жизнь, или *данная* жизнь. Звезды — они сами по себе уже не являются людьми».

«Театр — более фундаментальное искусство, в смысле физической реальности актера».

11 сентября 1988 г.

А. А. — «Вслед за разговором — художник ты или не художник, начинается разговор: что ты за человек. Потому что это очень близко, почти нераздельно».

«Искусство нам дано не для развлечения, а для жизни, это мало кто понимает на самом деле (здесь черта профессионализма)».

«Истина, о которой никто толком и не знает, дается нам состоянием покоя на будущее (это — независимо от удачи или неудачи жизни). Это одно с другим не сочетается». «Конечно, публике спектакль дается в развлечение, хотя, наверное, не для каждого».

«„Шестеро персонажей“ связана с интеллектом, вторая вещь — „Мы импровизируем“ — только первой частью связана с интеллектом, потом она связана со страстью».

«Персонажи *ищут* автора в „Мы импровизируем“, персонажи *изгоняют* режиссера».

«Сама *постановка театрального вопроса* — вот в чем все дело, вот в чем сложность, особенность и т. д., остальное не сложно».

12сентября 1988 г.

«Театр действует своей средой все-таки, пленка — среды не передает».

«Актеры не видят, как они играют. Должны ли видеть… Я в этом вопросе, может быть, жесток: должны смотреть с утра до вечера (по поводу просмотра миланского спектакля (1-го) на видео)».

«Дело даже не в том, как он играет… дело в том, как в нем развит человек».

«Сначала нужно научиться подготавливать аппарат к игре, а потом уметь протягивать через все представление. Плюс „добрый глаз“, тогда часть помех не видна».

«Актер должен восстанавливать в себе чувство: каждодневное желание играть спектакли, должен оберегать это чувство от провокаторов…».

13 сентября 1988 г.

А. А. завтра улетает в Западный Берлин (занятые в «Серсо» уехали сегодня поездом, с приключениями). Мы едем 23-го, тоже поездом.

Я болел несколько дней, не ходил на репетиции. Грипп. Сейчас еще чувствую себя неважно.

Вчера была репетиция плохая. Нервозная. А. А. очень уставший, да нет, не то слово. Наверное, несколько суток не спал. «Доводил» «Серсо», монтировал фильм по ночам… Репетиция очень тяжелая была. Опять перешли (вынуждены были перейти) к разговору. Потому отменил поезд сегодня и полетит завтра, чтобы сегодня провести весь день с нами.

Опять говорим. Сначала о 1-м акте, сейчас о 2-м.

«У вас не игра в музыку, а игра с музыкой».

Шеф вчера вернулся из Хельсинки. Мы должны были эти 10 дней репетировать, но… разбежались кто куда.

20 сентября 1988 г.

Из Москвы поездом № 15, 23-го, в 20.17. Рано утром приехали в Брест, часов в 8 утра. Таможня и т. д., и потом в 10.55 дальше, через Польшу. Варшава. Франкфурт-на-Одере, стояли долго. Вечером (24-го) прибыли в Берлин (Восточный) в 9 часов местного, кажется. Автобус. Забор. Контрольно-пропускной пункт. Быстрая процедура. Дождь. Hotel «Castor». Дождь. Город пуст. Совсем пуст. Утром после завтрака прошелся по городу. Орган в кирхе послушал. В 11.00 — танец. В 12.30 — тренаж. Сейчас пришел А. А.

Говорим (вернее, он говорит) о вчерашнем спектакле «Серсо», и шире, обо всем, о театре, о жизни.

Так много всего накручено: спектакль, выставка, фильмы… «Портрет Васильева»… всего так много… казалось бы… да… А настроение говенное, самое такое говенное, которое может быть…

А. А. — «Эффект русской сцены в том, что актер *прозрачен,* или через него вы видите мир, или в его собственный мир

попадаете и начинаете плавать в его судьбе, как в собственном сне… Когда идут репетиции и они для вас тяжелы (и для меня тоже) — вы загружаетесь жизненной силой…»

19.00. — «Серсо».

Зал полон. Много русских, евреев, эмигрантов и т. д. Много актеров. Наши друзья из театра Шаубюне тоже пришли! Очень приятная и радостная встреча. Рональд, Юта, Тина, Отто.

В первом ряду Питер Штайн. Немного изменился после Вены. Волосы на пробор, легкая элегантная небритость. Узнал меня «глазами», потом в антракте крепко пожал руку (!), ребята шутили: «Теперь не мой до Москвы».

Спектакль шел ровно, хорошо. Много размышлений. Вот сейчас с А. А. говорим об этом.

«Преодоление — единственный способ рождать действие, другого пути нет».

В фойе — большая выставка «Портрет Васильева». Так называется весь наш маленький фестиваль театра, в рамках большого Западно-Берлинского фестиваля. Эскизы, макеты спектаклей, множество фото, плакатов. В антрактах работает монитор.

Массированный удар, одним словом.

Западный Берлин, 25 сентября 1988 г.

Удивительный, замечательный вечер был вчера. В новом здании театра Шаубюне, очаровательный такой небольшой ресторанчик… Друзья наши, видно по всему, готовились всерьез. Сначала как-то многовато было народа, суета какая-то… хотя объятия, поцелуи, узнавания и т. д. Потом понемногу утряслось, разобрались по столикам, по компаниям. Закуски, выпивка на любой вкус и в любом количестве… П. Штайн — импозантный, в черном костюме… Максимилиан Шелл («серсовцы» тоже были на встрече), Рональд, Эрнст, Тина, Юта и др. и др.

Говорили о вчерашнем спектакле. Много и с интересом расспрашивали о Васильеве, о планах театра и т. д. и т. п… Постепенно дошло дело до песен. Оказалось, что наши друзья заранее репетировали, чтобы не ударить в грязь лицом. Репетиции сказались: пели они прекрасно. Прекрасно. Плакат во все окно: «Добро пожаловать!» (на целлофане!). Песню поют они, потом песню — мы, опять они, опять мы. Цветы…

Апофеоз. Расходились в четвертом часу утра… (Маленькая гитара.) Какая-то милая пара наших новых приятелей довезла нас до отеля на скромном своем «Мерседесе»…

Странно, но я хорошо выспался, хотя встал в 8 утра, умылся, позавтракал, уже в 9.30 — автобус от гостиницы в театр. Танец.

Репетиция с А. А. до 13.00. В час повезли в магазин «отовариваться» радиотехникой. Шеф узнал об этой поездке утром. Высказал нам всем свое мнение, сказал, что виновных (составлявших расписание) накажет. Но не отметил.

«Отоваривались» в магазине у наших соотечественников, якобы с какой-то скидкой. Думаю, якобы… Надоело носиться с валютой, выбирать, прикидывать… ну их. В общем, взял и купил телевизор японский «Toshiba» за 500 марок. Не было бабе заботы — купила порося… Впрочем, не один я такой. Все загрузились, кто чем, кассетники, телевизоры, видеоплееры, диктофоны и т. д. и т. д. Ладно, что сделаешь… Дети своей страны…

В три автобус отошел от магазина, а в 3.30 уже началась репетиция 2-го акта. Думаю, сегодня уже не выйдем из театра.

27 сентября 1988 г., Берлин

Утром была блестящая репетиция. Просто блестящая. Было много гостей, журналистов, актеров, телевидение писало. Но был не прогон. Репетиция с остановками и т. д.

Что-то произошло, «щелкнуло» внутри… и покатилось. Все ожило, задышало. Пошла та самая импровизация, о которой только мечтаешь. Шеф был доволен, хотя и не подавал вида (потом уже признался). Классная репетиция! Практически не выходили из театра. Даже не успел пообедать. Спектакль прошел, к большому сожалению, *ниже* репетиции. Да! Загадка! Хотя все было, как говорится, «на уровне». Прием зрительский и прочее, все хорошо… но… Боже… если бы можно было повторить утреннюю репетицию. Если бы!! После спектакля овации, цветы. Успех! Успех! Множество восторгов, слов, восклицаний.

Прием в ресторане «Hoffmann» (рядом с театром, минут пять хода). Прием затянулся. Было весело и сытно. Много выпили.

Домой шли пешком по утреннему Берлину. Уже работали некоторые кафе (а может, они и не закрывались?).

Поспал часа два и пошли с Витасом по городу (это уже 29-го). Сегодня сбор только в 5 вечера.

Обошли, кажется, весь Берлин ножками. Физическое состояние уже такое… космическое… ничего не ощущаешь, ни усталости, ни восторга. Спектакль 29-го прошел нормально. Зал был переполнен. Я видел, как перед началом ходили люди перед входом в театр с плакатиками «Suchen Harte!» — «Ищу билет!»

Овации в конце. А. А. несколько раз выходил на поклон.

Прием после спектакля. Власти города. По уровню такого еще не было, кажется. Автобус.

1.30 ночи — из гостиницы. Пересекаем границу. Восточный Берлин. Аэропорт. В самолете сплю. Утром 3-го в Москве.

Автобус!!! Теперь уже наш! Мы не помещаемся, не говоря уже о вещах. Все возмущены. Едем из Шереметьева стоя, как в трамвае. У самого театра ломается рессора. Приехали.

28–29–30–31 сентября 1988 года, Берлин-Москва

1 октября с трудом вылетел в Одессу на съемки. Безалаберность, глупость и т. д. Снимаем в день жутко мало. Почти ничего. Все сроки летят к черту. Единственное положительное — что сегодня закончил павильон. Теперь у меня только натура осталась, когда это будет… известно одному Богу.

Сил нет, как хочется домой. Страдаю и мучаюсь.

Улечу завтра вечером в Москву, а оттуда билет до Омска на 6-е, на утро. Боже, неужели! Как хочется домой! Ничего, ничего больше не хочу и не желаю. Домой! Так устал.

4 октября 1988 г. Одесса

Из Одессы 5-го до Москвы, утром 6-го до Омска. А завтра уже назад в Москву (утром). Вот такая беготня.

10 октября 1988 г.

А. А. — «Что-то происходит, какое-то чудо, репетиция начинает идти. Что-то, что мы не успеваем зарегистрировать. Если бы я занимался постановочным театром, я наплевал бы на все это».

«Самое страшное испытание, которое может встретить нецивилизованный человек, это испытание свободой!»

«Жизнь спектакля складывается не из творческих взаимоотношений, тот, кто этого не знает, — графоман… (Нехудо было бы написать книжку под таким скучным названием — „Нетворческие взаимоотношения“). Так же, как поэты складываются не из их стихов, а из *их жизни*».

12 октября 1988 г. Москва

Читаем новеллы Пиранделло.

13 октября 1988 г.

Новелла Пиранделло «Ловушка».

А. А. читает. Потом разбор. Сравнение этой новеллы с Андреевым. В чем общее, в чем различие.

Показываем работы (2-е) по Мопассану. *Сестры Рандоли* (отрывок).

«Организуя диалог, отдавайтесь больше впечатлению, чем разуму».

«Я вспомнил грандиозную картину Трюффо „Джули Джим“,

там играла Жанна Моро».

«Есть одна вещь, которую надо думать, как преодолеть».

«Ближе к финалу история становится чуть пародийной и жанровой… Сквозь нее уже не смотришь, и тогда она становится жанровой зарисовкой».

«Когда начнете играть финал, опять все станет на место».

«Я понял: *высокий вкус и окаянность*… в картинах, например, импрессионистов. Они ведь не являются жанровыми зарисовками, но ведь всегда там есть история какая-то… она не повествует только благодаря самой себе… уходящие края и т. д.».

«А так… нелогичность. Необходимость конфликта — все это правильно».

14 октября 1988 г.

Вчера был хороший показ Мопассана. Несколько замечательных новелл получилось.

Сегодня что-то вроде разбора, скорее размышления, анализ, разговор о вчерашнем показе.

А. А. — «В Мопассане внутренний мир актера становится его отражением. Но этого мало, это должно иметь отношение к художественной культуре».

«Чувства, которыми вы пользуетесь, должны меняться (окраска), возникает мерцание. Если чувство идет большим слоем, большой, что ли, выкраской, должен дрожать рисунок, рисунок успокаивается — должны дрожать ощущения».

«Природа волнуется при переходе, изменении… в предчувствии утра, вечера… Все это — „волнуется“. Природное качество… предчувствие».

Прочитали новеллу Пиранделло «У вас на спине смерть». Прекрасная новелла, удивительная.

А. А. — «Человек весь появляется только тогда, когда он весь *изложен* (тогда только мы видим его судьбу, его фотографию и т. д.)».

«Пьеса неясна, пока в ней не поставлена точка».

14 октября 1988 г.

А. А. — «Я не против действия, нет, но против сталинской его трактовки».

«Я утверждаю, что действие дано нам *композицией* и его не может быть вне композиции; источником действия чаще бывает прошлое, а не будущее; беря источником будущее, мы базируемся на театре европейском, а не русском, потому что источником русского театра является прошлое».

«*Притча* никогда не занимается прошлым. Притча есть совет

на будущее (Мольер, Шекспир, т. е. игровой театр)».

17 октября 1988 г.

Сегодня сыграли вечер «Мопассан». Народишку было много. Впечатление большой работы. Мне показалась замечательной работа Гриши Гладия.

Питер Штайн, вчера почти три часа говоривший с нами по поводу возможной постановки в нашем театре, смотрел тоже, правда, не все, он был уставший и заранее предупредил, что все не сможет посмотреть.

Завтра летим в Испанию. Господи, как спокойно я это написал — завтра летим в Испанию, в Мадрид.

20 октября 1988 г.

Вчера, 21-го октября, прилетели в Мадрид.

Вылетели из Москвы с Божией помощью только в 16 часов (рейс 299, Москва-Мадрид), задержали, долго не могли посадить пассажиров, долго стояли у пограничников, изматывали нервы, не успели даже по чашке кофе выпить перед полетом.

До Берлина — 2 часа 20 минут (разница во времени 2 часа). Знакомый уже аэропорт *Schonefeld.* Глупое томление в «неволе». Рейс отложили (французы бастовали, не давали прохода). Разменяли по 30 рублей (96 марок) с трудом. Поели, попили пива. Наконец-то дали рейс. Опять в наш «Ил-62». Разница, как командир корабля обращается к пассажирам — у них и у нас (вольность, приятельство).

От Берлина до Мадрида еще что-то около 2500 километров. Три часа лету и… Мадрид! Ночное небо. Луна показалась другой, трудно поверить, что — та же самая луна… Опять задержка с паспортным контролем. Вещи (никаких номерков). Автобус (встречают Марина, помощница мистера Ноймана, еще какие-то господа).

Въезжаем в Мадрид. Аэропорт близко.

Первое впечатление из окна автобуса!!! Красивейший! Грандиозный город.

Поселились в гостинице. В центре. Рядом с улицей Alkala. Центр. Огни. Театры. Развлечения. Кафе. Рестораны. Магазины. Пока поселились, третий час ночи (местного), а по-нашему — уже утро. Усталость. Глаза слипаются. Принял ванну и лег. Еще пытался смотреть по ТВ какой-то негритянский мюзикл, который меня поразил (джаз, «танец», пение), но, кажется, до конца не досмотрел. Нет, досмотрел, уснул уже на следующем фильме.

Проснулся сегодня рано (будильник). 7 утра. Прохладно. Ясно. Чудесное ощущение первого утра в новом городе на

Западе… Шеф с фотоаппаратом своим, светлой улыбкой: «Ну, хороший город, а?» Игорь Попов, Сергей Тишкин… Завтрак, оказалось, у них с 8, а не с 7… зато роскошный. После завтрака бродил один часа два, сворачивая в узенькие улочки, как в незнакомые маленькие реки. Чудо… чудо… чудо… Утром город пустой (может быть, потому, что суббота). Кафе, кафе… один-два человека, утренние газеты, чашечка кофе… Раскладывают свежие газеты, журналы… Магазинчики закрыты… постепенно прибавляется народу… с характерным звуком открываются витрины… Раскладываются овощи, рыба (ах, рыба!!!). В переходах метро еще спят бездомные на картонках в грязных спальных мешках. Жизнь как бы разгорается… медленно… и когда в 10 утра (били часы) я вышел на площадь старого города, вдруг все загудело, полетели голоса… Солнце ударило… Захотелось запомнить эту минуту на всю жизнь. Наверное, мне показалось, что это и есть — Испания.

К 10.30 вернулся в отель. На автобусе поехали туда, где предстоит играть. Я не пишу — театр, потому что это не театр… Это… Дворец спорта по-нашему.

Репетиция (на фоне леса и двух бассейнов). Надо запомнить эту репетицию на пленэре. Любопытная репетиция. Но описывать ее не хочется, лучше запомню.

Днем. — Музей *Прадо.* Выставка Гойи!!! Собрание нескольких музеев мира и частных коллекций..

Так. Надо писать холодно. Регистрировать и только, иначе полная мура. Ничего… ничего… Перечитываю культяпые слова и думаю: зачем все это я пишу? Полная бессмыслица, не передается ничего, ну просто ничего!

Ног не хватает. Дня не хватает, сил не хватает.

Немного отдохнул. Сейчас репетиция (тут же, в гостинице, в зале для приемов, где пришлось убрать длинный, метров 25, стол). А. А. анализирует дневной эксперимент: *сцена* и *пейзаж.*

А. А. — «Сегодняшний пример для меня невероятный… невероятный…»

Сейчас пойдем в город, после — репетиция. Сейчас 8 вечера, девятый…

22 октября 1988 г., Испания, Мадрид, Hotel Suecia

Полночи гуляли с Витасом. Такое впечатление, что жизнь только начинается к вечеру, к 9-ти, к 10-ти вечера и дальше. Освещенные площади… свет, свет. Толпы красивых, нарядных людей. Красиво одеваются, это заметно.

Пили пиво в каком-то кабачке с тематикой корриды. Все стены в фотографиях знаменитых матадоров.

22 октября 1988 г.

Коррида!

Вот уже об этом точно не мог мечтать никогда. Коррида в Мадриде, и мы на корриде! (как говорят, последняя, т. е. закрытие сезона).

Занимались в танцевальной студии, где-то рядом с гостиницей (воскресенье, базар!!!), потом бежали, ехали на метро — и вот оно!

Начало в 4.30, билеты купили дешевые, 375 песет, но сидели хорошо, близко.

6 быков, 3 матадора.

Описать ощущения, впечатления… Невозможно, конечно. Невозможно. Вспоминал стихи Рафаэля Альберти:

Я матадор,
Я бык,
Я пришел убить тебя…

Запах сигар.

Белые платки. Дети после корриды играют на поле… (точное повторение: «бык» потерял мулету, смерть «быка», аплодисменты).

22 октября 1988 г., Мадрид

Первый спектакль. Прошел ровно. Очень устали. Практически не было перерыва, целый день работали, во время репетиции домонтировали установку (кресла), стук, гром и проч.

Прием очень хороший, громкий.

И после спектакля «прием» тоже теплый.

А в общем день невероятно тяжелый. Невероятно.

23 октября 1988 г., Мадрид

Музей *Прадо* (главное здание, всего три).

Потрясение, другого слова нет. Потрясение! Веласкес! Несколько залов. Как во сне, ей-богу. Тициан. Гойя! Тинторетто. Не хватает ног, вот проблема! Ног не хватает катастрофически. Когда спустился на первый этаж и увидел Босха… совсем подкосило. Я как-то, честно говоря, и забыл, не помнил, что здесь Босх… и вдруг… Боже. Брейгель, Дюрер…

Как бы так поспокойнее написать… это никогда не забудется.

Тут, в залах музея Прадо, почувствовал непреодолимое желание молиться… Естественное такое желание… Не знаю, как это объяснить.

От Мадрида схожу с ума. Хожу бесконечно. Много хожу. Очень много. И, конечно, для Мадрида это мало, но если прихватываешь часть ночи, то все-таки…

На улице нас узнал испанец, который смотрел спектакль. Очень трогательно благодарил, пожимал руки и восхищался как мог.

Ходить и тяжело, и легко. Город ведет, зовет… Город живет, дышит, город южный, в самом полном смысле.

24 октября 1988 г., Мадрид

Самый лучший спектакль был вчера. Случился. Классно шел спектакль.

Толедо. В 8 утра выехали в Толедо! На автобусе — 1 час 20 минут… и чудо!! Толедо…

Опять ноги! ноги! ноги! И сердце, которое уже не перекачивает чувства, просто невозможно… Толедо… меч в Толедо!

И с погодой повезло — не очень жарко…

27 октября 1988 г., Мадрид

29-го в 8 вечера прилетели в Москву.

В Шереметьеве встречала Танюша. Столько раз мечтал об этом, о такой встрече, и вот она — там… за таможенным контролем… Самая красивая… родная, любимая… Как быстро пролетели эти дни. Счастливые дни — вместе. Ходили в гости к нашим друзьям, гуляли, рассматривали фотографии моих путешествий… Вчера вечером проводил ее до аэровокзала. Опять в Омск. Потом она ехала в красном «Икарусе», а я стоял на Ленинградском проспекте, у «Динамо», но она не видела… И вот опять один в своем Теплом Стане. Одиноко. Выходной. Да, ведь праздник сегодня… А. А. уже в Будапеште с «Серсо». Он прилетал-то из Мадрида на один вечер — 31-го. А мы летим 11-го. Пока должны репетировать Мопассана, без него. Снег. Холодно.

7 ноября 1988 г., Москва

11-го с 4.30 утра ждали автобус у себя в Теплом Стане. Было снежно, холодно, раннее утро. Ждать пришлось полтора часа. Замерз немного. Хорошо бы не простудиться.

К самолету все-таки успели, в 8.15, кажется, утра вылетели с Божией помощью из Москвы. Лету немного. Часа два с лишним — и сели в Венгрии.

Легкий морозец (−2, −3), солнечно. Город лучезарной красоты. Гостиница «Ройал» на улице Ленина. Успели погулять,

посмотреть, хотя уже в этот же день приехали в центр «Петефи» (молодежный центр), где будем играть.

13 ноября, ночь. Уже в который раз смотрел сегодня «Серсо». Последний (третий) спектакль в Будапеште играли сегодня. Публики было мало, как ни странно, в этом самом дворце Петефи (правда, погода жуткая, гололед, холодно и т. д.). Мы вместо репетиции все забрались в зал.

Не могу совсем смотреть этот спектакль как профессионал, единственный спектакль, пожалуй, на котором становлюсь только зрителем, т. е. чувствую, страдаю, умиляюсь и пр., и совсем не анализирую, не вижу швов, ниток… 1-й акт сегодня был особенно сильным. Волевым актом. Неотвратимость движения, натягивающаяся пружина, мерный ритм. Да как можно описать «материю» спектакля? Это единственное, что описать невозможно. 2-й — безмерно красивый, нежный, ностальгически-прекрасный, прозрачный — с накатом к финалу. 3-й — осенний, печальный, чеховский, почти трагический. Может быть, никогда не увижу больше «Серсо». Может так случиться. Горько. А кто видел его? Горько. А те, кто видели, разве отдают себе до конца отчет в том, *что* они видели. Никем не описанное, не увиденное чудо — вот что такое «Серсо». Тайное чудо.

Экскурсия по городу на автобусе. Часа три заняла. Несмотря на туман и очень плохую погоду, впечатление очень сильное… но… такое… «туристическое» впечатление. Надо походить, пожить., а так… ну, что так — можно только сказать: «В Будапеште я был… красивый город, очень». Так, наверное, и буду говорить…

Почти все построено в 19 веке. Парламент закончили уже в 1805-м году! Много построили к 1896 году— тысячелетию переселения. Кажется мне, средневековые города выродились с появлением капитализма, мощное пошло строительство и обновление, поэтому у них не ощущается такого разрыва времени, как, например, в русских городах. Ведь у нас пропасть между Ростовом Великим 15–16 веков и позднейшим временем. Разруха.

13 ноября 1988 г., Будапешт

Идет второй акт. Принимают хорошо. Шеф 1-м актом недоволен.

Настроение скверное. Жуткое. Думаю все время о Тане, считаю дни. Только 19-го, даст Бог, буду в Омске.

Работаем много эти дни. Каждый день автобус в 9–10 приходит за нами и везет в этот самый «Petofi Csarnok» (хотя здесь, в общем, рядом, минут 20 хода), по улице Маяковского (!),

потом Горького! Днем перерыв. Обедаем с Юрой в номере чем Бог послал. Даже отдыхаем. Бродить как-то не хочется. Вечером опять автобус — репетиция. Абрамов здесь с нами, значит, ежедневно танец, ну и тренаж со Скориком, и потом уж А. А.

Город очаровательный. Погода… Листья желтые… Осень… Опять осень… никак для нас зима не наступит, бежим мы от нее.

Сегодня шеф объявил о предстоящем февральском турне Барселона — Флоренция — Пиза — Палермо. 21-го он летит в Италию получать премию за спектакль (не знаю, как она называется, знаю только, что впервые советский режиссер получает). Как все это будет? Это целый месяц. Как же с Танюшей? Боже, боже…

Какие страшные дни пережил в Москве… 8, 9, 10… Я только 8-го узнал, что ее положили в больницу… да не «положили», увезли с кровотечением прямо со спектакля, т. е. она даже не доиграла спектакль… Да. Тяжко, тяжко… Скорее бы домой, скорее бы!..

До февраля надо еще дожить. Сейчас домой. Буду все время дома, ноября остаток, декабрь, начало января. И что-то надо решать за это время… Или оставаться самому там, или везти ее в Москву. Больше врозь нельзя. Нет. Нельзя.

15 ноября 1988 г.

Второй спектакль. Играл сегодня 1-й акт вяло и без интереса. Надоело слушать, что «наигрываю»… «переигрываю» и т. д. Попробовал, как все… не спеша. Так, конечно, легче… рубашка сухая, и успеваешь видеть, что вокруг… но скучно. Опыт у меня, наверное, не самый лучший, но… опыт. Я хорошо знаю такую ситуацию, очень хорошо… положение «тягача» сцены. Он всегда проигрывает. Это — закон, но стоит ему сбросить «обороты», сбавить энергию — сцена рушится. Вот теперь и сам попал в эту ловушку, впрочем, в первый раз, что ли…

Днем говорили с шефом про наши дела (Таня, переезд и т. д.). Он очень убежденно и спокойно говорит… так все просто… «В виде исключения — кооператив… надо делать… Перевози Таню». И все. Нет, он, конечно, искренне хочет помочь мне, не сомневаюсь… Но как тут передашь, что на душе.

Завтра последний день в Венгрии. Слава богу! Домой, домой!

Погода изменилась. Солнечно, красиво… Прошлись по магазинам в низких заботах истратить форинты. Дороговизна дикая… просто дикая. Говорят, года 1,5–2 так плохо стало. Вот и нас ждет такая же петрушка.

Всего на руках по 11 тысяч форинтов с мелочью. Это обмен 500 рублей плюс 30 на границе плюс суточные ежедневно по 320 форинтов. 1 рубль к 17 форинтам.

Ах, ну к бесу эту бухгалтерию. Как гнусно.

16 ноября 1988 г Будапешт

Прилетели в Москву 18-го поздно вечером, сидели в Будапеште из-за тумана. Утром 19-го вылетел в Омск 227-м. Встретили Елена Ивановна и Ал. Моисеевич. К Танюше уже поздно было ехать, восьмой час. Приехали домой, попили с Е.И. чаю. Она рассказывала, как все это было…

Танюша позвонила около девяти из больницы. Я заплакал, не мог сдержаться. Поговорили. Стало легче, но… нашел ее вещички, залитые кровью, — и опять… Боже… Господи, помоги.

Вчера в 10 утра уже был у нее. Деточка, миленькая…

Мы были вместе четыре часа, до двух. Вечером она опять позвонила.

Я не пытаюсь ничего записывать. Это невозможно. Просто сижу на кухне, пишу отдельные слова сюда в книжечку, и все. Что еще остается?

Целый час с лишним ждал разговора с Людмилой Дмитриевной Солодниковой, лечащим врачом. Поговорили. Сидели на топчанчике в коридоре, рядом с палатой № 315… Потом (уже в половине четвертого) пошел к Танюше. Потом пришла еще Е.И.

Ей так хочется сыграть спектакль 4-го в Москве.

21 ноября 1988 г. Омск

Был договор с Феликсом ставить «Трехгрошовку» здесь, но… теперь, по здравом размышлении, я отказался. И по времени будет сложно, да и… Вообще надо развязываться, а не наоборот, с Омском. Это уже не наше.

По дому соскучился. Брожу по комнатам, перекладываю книжечки с места на место. Хорошо. Жалко… такой квартиры у нас уже никогда не будет, а в ней так хорошо. Таня уже ходит на репетиции.

Просили завтра встретиться с труппой, рассказать о поездке. С удовольствием это сделаю. Смотрю на всех с любовью и нежностью. Все-таки сентиментальный я человек. Уж не думаю, что так же приятно и трогательно выгляжу я сам в глазах других.

В Москве начнутся репетиции «Возможностей», «Мы импровизируем», Мопассана и еще чего-то… В середине сентября — Западный Берлин.

Таня смотрит телевизор в той комнате. Утро. Перебираю бумаги, выбрасываю лишнее, раскладываю в папки — одним словом, готовимся к отъезду. Да, к отъезду. Все так повернулось, так сложилось — может быть, в январе уже будем в Москве.

Столько всего произошло! С марта этого года практически живу в Москве. Много ездил. Много. Австрия, Италия, Франция, Испания, Югославия, Венгрия, ФРГ и пр.

Родной наш Омский театр трагически заканчивается. Умер Чоник (*Чонишвили Ножери Давыдович, народный артист, даже в уникальной труппе Омского театра тех лет выделялся мощностью и красотой таланта, мог играть, как говорят на театре, «всё!». Собственно, и сыграл всё — от Гамлета до Короля Лира!),* трудно поверить, да… Ножери Давыдович. Умер совсем уже недавно А. И. Щеголев, «дядя Саша», так звали его в театре. Великий русский артист. Народный артист СССР.

В театре развал — уехали Ханжаров *(Ханжаров Мигдат Нуртдинович — последний великий директор ушедшей эпохи. Омский театр — это Ханжаров! Это его амбиция, его энергия, его азарт и бесконечная преданность делу!)*, Цеховал *(Цеховал Эдуард Ильич — заместитель директора, ученик и преемник Ханжарова. Ныне успешный театральный деятель)*. Чехарда с режиссурой. Печально, грустно.

Наверное, это последняя моя запись. Не хочу больше. Пусть будет другая жизнь. Эта кончается. А скоро Новый год! Скоро. Господи.

4 декабря 1988. Омск

Время стало совсем сжатым и насыщенным… Столько всего. Танюшу выписали скоро, кажется, 25-го уже… Много всяких решений и мечтаний. Почти невозможное согласие пойти на инвалидность. Даже это стало реальностью… Уже начали готовить документы. Дни были хорошие. Спокойные. 15 декабря с утра были в больнице по делам (поликлиника), потом вернулись домой. Уже по пути ей стало плохо, а дома (часа в 4) снова повторилось кровотечение… Звонок Н.М., неотложка… и та же самая областная клиника, откуда недавно ее забрал. Тяжелые дни. Решение везти в Москву, возможная операция. 22-го вылетели (в сопровождении врача). С самолета сразу на «скорой» в больницу (№ 20 на «Бабушкинской»). Опять обследования, фиброгастро и пр. и пр. Доктора Киценко, Цаканиди решили — операция не показана.

Вчера, т. е. 30-го, неожиданно для нас выписывают с рекомендацией в ЦНИИГ (знакомый нам по 83 году). Вот мы и здесь. В нашей московской «квартире». Новый год. Господи, помоги нам. 2-го поедем в ЦНИИГ.

Готовимся. Сейчас пойдем к Горбенкам встречать Новый год. Который ждем. Ждем и надеемся. Ждем и надеемся.

31 декабря 1988 г., Москва

1989

Полетим в Барселону через Цюрих и Рим. В Риме ночевка, и 2-го, значит, будем в Барселоне. Мне нужно до зарезу махнуть на денек в Одессу. Что делать?

А. А. — «Сложности в моей работе возникли сразу же, в 82 году, после „Взрослой дочери“ *(„Взрослая дочь молодого человека“ — пьеса Виктора Славкина),* когда я предложил играть так, чтобы *все было явным*… Связано это, наверное, с психическим состоянием человека, с ситуацией постановочного камуфляжа, в котором он пребывает… Поскольку это уже национальное состояние души, то переступить очень сложно. Сложно».

26 января 1989 г.

А. А. — «Театр ошибается дважды. Во-первых, он отражает „не ту жизнь“ (т. е. не „сумасшедшую“, а какую-то „правильную“). Во-вторых, *не так* ее показывает».

«Т. е. первая ошибка касается *содержания,* а вторая — *эстетики».*

«Если не будет этой *двойной* ошибки театра, остановится все в 1-м акте».

«В искусстве драматической игры есть какие-то фундаментальные идеи. Правда, театр времен социализма занимается только приоритетом *основного события».*

29 января 1989 г.

А. А. — «Это вообще абсурд — все время играть назад. В энергетическом отношении это катастрофа, игры, конечно, не будет».

«На Достоевского повесили черт-те что. Что и религиозный монархист, и цепи, и т. д. Забыли только, что он плут, и картежник, и сочинитель, и Пушкина любит, и романы сочиняет такие… И играют все время *назад,* примитивно. Ни боли, ни глубины страдания подлинного не открыть никогда, играя Достоевского назад».

«Сложный вопрос — ведение диалога. Все мы наслаждаемся виртуозностью исполнения в музыке, в живописи и т. д… А актер должен виртуозно исполнять диалог, это обязанность, это далеко не все, конечно, это то, без чего нельзя начинать остальное».

…Вчера на репетиции грезил детством. Совсем отключился от разговоров, сижу и вижу… буквально весь свой поселок, дом за домом, отдельные деревья даже… Вспомнил по фамилиям почти всех соседей, вижу дом, вспоминаю фамилии жившей в нем

семьи. И так весь план в голове нарисовал… С одного краю (от Черного) прошел до другого. Гараж, дом Потаповых, Нелидовых, Гуляевых, Снежкиных, Груничевых, пожарка, потом Славины, Чиндяйкины (наш в три окна домик), Гусев, дядя Ваня и тетя Анна с дочками, Олей, Верой и Галей, Косаревы, Гущины, Кныжовы — вот и конец по нашему ряду… так помню весь поселок. С 59-го года прошло… Боже!!! прошло 30 лет! Боже! Как хочется съездить туда. И как страшно.

30 января 1989 г.

1-го рано утром вылетели из родного Шереметьева в Цюрих. Там провели пару часов в чудесном аэропорту и дальше — в Рим. Там ночевка. Пока поселились в гостинице, недалеко от аэропорта Леонардо да Винчи. Вечером на электричке в Рим! Сначала Ватикан, потом пешком, бегом, бегом, чтобы успеть все… Пантеон, фонтан, знакомый по фильму Феллини, Капитолийский холм, Колизей. Уже темнело, и это хорошо, так как можно получить удар… не солнечный — эмоциональный. Теперь только понятно, почему — «Вечный город». Вечный город… Несмотря на беготню, на поспешность, несмотря ни на что, впечатление ошеломляющее. В который раз приходится писать: «как никогда»…

Ночью в электричке возвращались в Lido Ostia, где мы остановились в гостинице.

Утром завтрак (итальянский — сладкий). И уже другой компанией, испанской «Iberia», на «Боинге-727» — над Средиземным морем, над Корсикой — к Барселоне.

Hotel «Auto Hogar», самый дешевый из всех, где приходилось жить (за границей), — две звезды. Даже телика нет в номере. В 20.00 — репетиция (танец, импровизация), и с 10.00 пошли бродить по городу, начиная от порта и… Гауди… Барселона — это Гауди… Сейчас три ночи. Устали. Ноги гудят. Трудно поверить… вчера еще утром — Теплый Стан, Москва, потом — Цюрих, Рим… И вот уже от Барселоны гудят ноги… Испания.

Город готовится к карнавалу. Украшаются улицы. Дети, дети в ярких изумительных карнавальных костюмах.

2 февраля 1989 г., Барселона

«Mercat de les flors» — так называется культурный центр Барселоны, где мы будем играть спектакли. Старинное здание, что-то вроде замка, отреставрированное и отданное выставкам, спектаклям и т. д.

Вчера посмотрели здесь современный балет «Саламандра», какой-то каталонской труппы на 5 человек. Интересно очень.

Меня поразила публика. Молодежь, почти исключительно молодежь, хорошо одетая, трезвая. Очень заинтересованная, тепло очень принимали спектакль, довольно сложный, может быть даже авангардный, но на основе каталонских национальных танцев.

Мы работаем непрестанно. Поэтому сильная усталость. Теперь с нами нет Васи С., и Г.А. занимается танцем два раза в день. Кроме того, тренажи с Гришей и импровизации, которые мы проводим по очереди. Остаются какие-то часы дня и ночь на город. Так много приходится ходить в поездках. А еще ведь самое начало. Первый спектакль завтра. Начало здесь, в Барселоне, в 9 вечера. Играем 5 спектаклей с 5 по 10. В городе огромные афиши, плакаты, целые хоругви на столбах развеваются. Мы здесь первый советский театр, по официальному приглашению муниципалитета.

4 февраля 1989 г., Барселона

Я ошибся: сегодня нет еще спектакля, зато репетировали целый день. Тяжело. Ночью почти не спал. Почти всю ночь на ногах. Город кипит. Как нам повезло: приехать именно в это время, во время карнавала. Впечатление, пожалуй, на уровне *Скала, Прадо,* Авиньона… в этом ряду. Все время вспоминаю М. Бахтина, его книгу о средневековых категориях культуры… Фантазия неистощима, кажется, все, что есть на свете — и в материи, и в воображении, — все здесь, в карнавальных костюмах. Не просто нарядились, но еще и «играют» костюмы, вступают в общение, почти сценки импровизируются на ходу. Город переливается огнями, рекламой, светом, толпа бурлит, сшибается, хохот, музыка, вереницы машин, и в них тоже маски, лица… молодые, старые, совсем дети на руках у родителей с разрисованными мордашками. Может быть, это раз в году, но радость, веселье такое *неподдельное,* такое искреннее, даже моя простуженная душа отогревается, кажется… хотя… так одиноко, так грустно среди всего — всего сверкающего праздника. Мне очень одиноко и — бессмысленно жить. Просто не знаю, что делать. Такой долгий месяц впереди. Как его пережить? Где взять силы? Думаю о ней непрестанно, и тяжкий-тяжкий груз вот тут… в грудной клетке. Практически всегда так. На сцене, на репетициях, на улице, на карнавале.

Внизу идет репетиция 2-го акта. Здесь чудесные гримерные наверху, отодвигается стекло, и виден зал, слышно все… Опять «Бессаме муччио»… опять… опять… Господи, дай мне силы, я сойду с ума. Как тяжело.

Вечер этого же дня. Ну вот, поплакался днем, прихожу в

отель, а мне телеграмма от Танюши: *Sdorova, lublu, uspeha. — Tata.* Из Омска отправлена сегодня! В 4.15, и уже в 5 я получил! (Разница во времени с Омском — 5 часов.) Полегче немного стало. Немного. Идет вечерняя репетиция. Сейчас будет 3-й акт. Был танец и тренаж с 19.00. Закончим сегодня, наверное, поздно.

5 февраля 1989 г.

Премьера. С 11.00 танец, потом тренаж с Гришей, потом с Юрой, потом репетиция. Закончили в 4.30, побежал домой, съел банку консервов (!), и два стакана чаю. Вода здесь ужасная, пить невозможно, приходится покупать в магазине воду. Отдохнул немного, и к 19.30 в театр. Ходу от нашей гостиницы «Auto Hogar» минут 20. Опять танец, тренаж, разговор короткий, и в 21.00 начали. Публики полно. Красивая. Хорошо (очень хорошо) одетая. Принимают замечательно. 1-й акт прошел нормально. Днем на репетиции прошли нашу сцену с Витасом просто ужасно. А. А. долго репетировал. У него поразительный слух на сцену. Он «видит» ее в чистом виде. А мы играем так, как всегда играют долго идущие спектакли. Мертвую форму.

Вчера ночью бродили с Гришей Гладием по готическим кварталам. Сумасшедшая красота. Нечеловеческая. В мозгах, конечно, не умещается… Барселона, ночь… («А ночь уютна, как площадь, зажатая между домами». Это у Лорки). Как странно, что это со мной происходит, и печально, что, может быть, скоро кончится, как будто и не было. Как будто никогда не было. Не унесешь же с собой эту ночь, этот город, дворцы, палаццо, живую каталонскую речь, мимолетные встречи…

6 февраля 1989 г.

Премьера прошла триумфально, без преувеличения. Овации, овации… Несколько раз вызывали шефа.

7 февраля 1989 г.

Музей Пикассо. 35 залов в старинном палаццо в узкой улочке. Экспозиция через все годы жизни. Графика (эротическая) последних лет, видел впервые. Художник есть самость. Гибнут все от естественного желания быть понятым, остаются гении, сами желающие понять.

8 февраля 1989 г.

Музей Хуана Миро (и др.). Хочется ставить. Ходишь, смотришь и — одно желание: завтра начать репетировать. Знаю, что теперь буду ставить *иначе.* Может быть, не знаю как, но — *иначе…*

Вечером сегодня триумфальный спектакль. Наверное, самый сильный за все наши поездки (Авиньон еще на этом уровне, но там — фестиваль, атмосфера). Публику не вмещал зал, висели, сидели на всех ступеньках, даже за «кулисами» у стола, на зеленом ковре. Принимали буквально каждую реплику, а в финале овациям не было конца, пришлось запеть снова «Бессаме муччио», и весь зал подхватил! Фантастика!

9 февраля 1989 г.

Последний спектакль в Барселоне. Кажется, вчерашний вариант. Публики даже больше, чем вчера. Шеф доволен, светится… Да и у нас на душе светло. Спектакль опять *есть!*

После дневной репетиции ходили с Гришей по городу… Немыслимый город, немыслимый. У собора Святого Семейства Гауди слова у нас кончились.

Останется на всегда — победа, триумф и т. д.!! На улице дождь, ливень даже… Небольшой фуршет… шампанское… добрые слова… прощание. Ночью на машине по узеньким улочкам, последний раз… Барселона, Барселона, Barcelona!! Прощай.

11-го немного пробежались по магазинам (дурацкие часы, связанные с покупками, слава богу, быстро в этот раз: 20 тысяч песет осталось). Купили вина с Белкиным два *пакета* (как молоко, только дешевле)… Вечером ездили к *Museo Militari* на самую гору. Весь город внизу! Прощались.

10 февраля 1989 г.

12-го вылетели утром (9.15–11.20) в Рим. Несколько часов провели в порту (в город в этот раз не поехал, времени совсем мало, суетиться не хотелось). Из Рима вылетели 13.25–14.30. Наш «Боинг» приземлился в Палермо (гора у взлетной полосы, переводчица сказала, что только «мафиози могли построить здесь аэропорт»).

Отель «Sole» (не «Sentral», как предполагалось), на *Via Korse de Vittoria.* Город… Море… Горы… Солнце… Свет…

Количество машин!! Чтобы разрулить движение, разрешается ездить только с нечетными номерами в один день, поэтому жители имеют по 2 (!) машины или по 3 (одна со сменным номером). Движение, как на юге. Светофоров нет. Кто как может. Базары южные.

Со дня приезда замучены работой (репзал в театре «Libera Palermo» рядом). Сил уже нет… или мало. Вчера, например, то есть 14-го, было 6 тренажей! (3 вызова.) А мы еще девочку в 3-й акт вводим, плюс ко всему. Да, семьи… Это особое наблюдение.

Девочек приводят мама, папа, брат и т. д. Получил от Таты телеграмму сегодня. Слава богу.

15 февраля 1989 г. Палермо

Первый спектакль прошел странно. 1-й акт… Кажется, был полный «неконтакт» с залом. А. А. изошелся. После упоения Барселоны — тяжело. На 2-й он «перестроил ряды», дал установку на «семейный» спектакль, и дело пошло. Уже зацепились. 3-й — «вырвали». Так все выглядело довольно «бениссимо». Аплодисменты, банкет (скромный), все нормально. Вчера… гораздо лучше. Может быть, и публика (на премьере — аристократия в шубах) другая сказалась. Я думаю, и усталость уже сказывается. Да, конечно, сказывается. Сегодня восьмой спектакль. Ежедневные вызовы в 9,10,11… Танец, тренаж, репетиция и т. д.

Утром сегодня (в 9.30) все ездили на пляж (кое-кто даже купался), а я бродил по городу и не пожалел. Как-то хоть отпечатается во мне Palermo… Как-то отпечатается… Старый арабско-романский, новый… современный, кипучий, базарный, южный, пальмовый… солнечный в феврале.

Завтра рано утром едем в Агридженто, на родину Пиранделло! День будет тяжелым, два часа поездом туда, там несколько часов, и два обратно… потом, естественно, спектакль… Что поделаешь? Зато такого никогда *никому не дано*.

Сегодня забрался на крышу отеля. Вид! Весь город — и море… Лазурное.

В ушах крик женщины на базаре. Она продавала юбки, я думал — убивают.

17 февраля 1989 г.

«Этот день войдет в историю!» Так мальчишкой я написал на листке календаря 12 апреля 1961 года. «Другой» истории тогда не имел и не подозревал, что она есть. Вот и сегодня хочется *так* написать. Этот день войдет в историю: мы были в доме Луиджи Пиранделло! Счастливейший, незабываемый день!

Проснулись в 5 утра, вокзал рядышком, минут десять ходьбы. Сели в какой-то славненький вагончик (один!), и он покатил с невероятной скоростью по Сицилии (везде придется ставить восклицательные знаки)! 6.10 утра. Слева море, справа — горы. Солнце из-за моря… только-только… Потом резкий поворот вправо, слева и справа — горы, в глубь Сицилии, на другой берег острова. Редкие остановки, маленькие довольные станции. Лимонные, мандариновые плантации. Желто все от лимонов (как у нас от подсолнухов).

Через 1 час и 55 минут, одуревшие от красоты и скорости, причаливаем к вокзалу «Agrigente». Эскалатор к вокзальной площади. В траттории едим бутерброды и пожираем пространство вокруг. Неоглядное. Город вверху, внизу — долины виноградников, за ними — море. Где-то там вилла Пиранделло. Садимся в автобус. Пустой, только мы и едем. Утро. Чуть-чуть прохладно, но тепло. Солнечно. Дорога среди редких вилл, заманчивых, призывных, светящихся покоем, счастьем, гармонией… Раскопки… Акрополь… Века… Через несколько минут выходим и идем несколько минут по сияющему простору… Скоро… скоро… Вот уже видим… Двухэтажный (совсем небольшой) дом, желтоватого, коричневого, глинистого цвета. Цветы. Ворота приоткрыты. Памятная плита (стелла) у входа. Мы первые. Еще никого нет. Обходим дом. А. А. снимает на видео. Какая-то женщина (служительница) встречает внизу как-то по-домашнему… Актеры из Москвы! Играют Пиранделло!! Sie persone! Боже! Идем в дом на второй этаж. Ставни прикрыты.

(Дальше молчу). Здесь вот, в этой комнате он родился… Здесь прожил первые 18 лет… уехал, учился. Приехал, здесь женился… уехал, писал, ставил… Возвращался. Опять жил здесь… В 1934 году уехал получать Нобелевскую премию (фотографии). Последние годы — здесь. Всегда возвращался сюда, в свой дом, где родился. (Стихи-завещание: сжечь, пепел развеять, «чтобы ничего от меня не осталось», или замуровать урну с пеплом в стене — здесь). Часть такой, старой стены, перенесена к старой, любимой им сосне и здесь замуровали прах. Сосна — прекрасна. Одинока среди виноградников и палящего солнца. Дальше — море… (Сфотографировались). Долго сидели на обрыве… Я подумал, что подлинные чувства приходят потом, потом — в воспоминаниях.

Не берусь описывать возвращение. Прекрасный город Агридженто, по которому мы бродили. Суббота у них — праздник цветения миндаля… (очень красиво цветет повсюду). Праздник яркий, счастливый, искренний.

Пробираемся дальше, дальше, через гудящую толпу к театру Пиранделло. Теплая встреча. Открыли нам пустое здание. Зажгли все люстры в зале. Театр Пиранделло. Ярусный, золотой, бархатный.

18 февраля 1989 г.

Ну, вот и все почти, в Палермо. Идет последний спектакль. Сегодня хороший. Народу обвал, негде сидеть… Принимают возбужденно, живо. Как надо. Здесь получилось так: 1-й спектакль трудный, с набором от 1-го акта провального до спасительного 3-

го. 2-й и 3-й спектакли не стабильные, не ровные… плохие, короче (принимают хорошо, но — не в этом дело). Вчера 4-й спектакль — вырвались на оперативный простор. Хороший спектакль. Хороший и сегодня, последний, тоже, видно, будет «обвал». Юра Яценко засекает по часам время аплодисментов. Бывают, по его наблюдениям, от 3 минут 30 секунд до 6 минут 30 секунд. Вчера аплодисменты длились 7 минут. Да еще «Бессаме муччио» общая.

Вчера наши палермские друзья пригласили после спектакля в бар. Ехали куда-то на двух машинах (Белкин, Витас, Светлов, Иванов). Ели вкусное мясо!! Грибы жареные. Пили водку. Потом в отель, ночью сидели на крыше. Пили вино. Прощались с Палермо. Город подсвечен, соборы, палаццо, фонтаны, море…

Завтра утром летим в Рим, оттуда автобусом в Прато.

19 февраля 1989 г., Палермо

Едем в автобусе в аэропорт. Страшные заторы на дороге, не можем выбраться из города. Опаздываем. Больше стоим и время от времени «дергаемся». Жарко. Вот, кажется, выбираемся на автостраду. Прощай, Палермо.

Посидели в порту пару часов. Задержка. Потом благополучно перелетели в уже знакомый римский аэропорт Ленардо да Винчи. Здесь задержались недолго и поехали… Автобус не лучший. Кажется, не работал кондиционер. Красота вокруг невиданная. Раза три останавливались… Цены в придорожных лавках аховые, а есть очень хотелось, да и вина выпить надо… Пришлось потратиться порядком. Пили с Витасом *Quinzano*… прекрасное вино. Стемнело. Ехали больше 3-х часов. Миновали Флоренцию, несколько минут, и… Прато. Водитель не местный, начались поиски гостиницы, на это ушел еще час. Смешно, как нас возила за собой какая-то проститутка… Белкин вышел из автобуса, подошел спросить дорогу к «фиату» какому-то. Она была полна энтузиазма, бросила «работу» и колесила добрых полчаса по городу безрезультатно, а мы за нею.

Hotel *President.* Нормальный. Уставшие, разбитые, сразу легли спать, утром репетиция в 10.00 в театре *Metastasio* (играем в театре *Fabricio).* Ах, нет, вру. Этот первый день был ничего, свободен относительно (21-го), только в 5 вечера вызывали, даже съездили с Юрой во Флоренцию. Походили по знакомым улицам. Второй раз приезжать лучше. Только вот в этот раз «слышишь» город, чувствуешь; может быть, еще лето было тогда, толпы туристов. Сейчас спокойнее намного… Город открылся… открылся… Зашли в собор Брунеллески, тихо, шаги отчетливо слышно (летом здесь был мировой муравейник), стайка японцев

прочирикала (ну, эти всегда и везде)…

20, вероятно, 22 или 23-го февраля 1989 г.

День рождения театра! Два года! Днем приехали на тренаж, устроили «торжественное собрание». Фотографировались, принесли цветы в зал. Хорошее, дружное настроение. У меня особенно — ночью (в 4 часа 44 минуты) звонила Танюша!! Я только-только уснул, читал долго, но сломался, уснул… звонок. Спросонья ничего не мог понять. Слышу Танин голос, думаю, снится, что ли… Да еще слышно так отчетливо, никогда не поверил бы, что это она из Омска (!), из дома (!) со мной говорит. Родная моя, спасибо. Теперь легче будет дожить оставшиеся дни.

Вчерашний спектакль прошел нормально. Хотя во время 2-го акта А. А. схватился за голову, нервничал сильно, и 3-й ему тоже не понравился. Но ничего, сыграли. Принимали хорошо (по «меркам Яценко» — не очень: всего 3 минуты 30 секунд длились аплодисменты). Сегодня 1-й акт мне игралось *очень* трудно. Глухота вдруг показалась жуткая… так трудно… как в вату, а глаза видишь… и *мимо* играешь. Но… шеф доволен. Похвалил.

Вчера был прием (здесь, в театре). Познакомился с Фулио Фо, братом родным Дарио Фо. Режиссер здесь, в театре Прато. Теплый разговор получился.

Завтра утром едем в Пизу.

24 февраля 1989 г.

Сегодня воскресенье, начало спектакля в 4.30. Зал полнехонек. Публика светлая, хорошая. Перед началом пришел в гримерку человек, который представился — мистер Пиранделло! Какой-то родственник нашего Луиджи! Трогательная встреча. Посадили его в самый центр первого ряда. Красивый, импозантный мужчина. Спектакль идет хорошо.

Дни потекли к финалу. Скорее, скорее, скорее бы… Денег уже нет почти. Стараюсь растянуть на питание остатки лир. Никуда не хочется ходить, ездить… Лежу в номере, читаю. Стараюсь дочитать до конца.

Февраль 1989 г.

Последний день зимы. И тут дождь сильный. Вчера — встреча у мэра Прато (замечательный мэр, молодой, симпатичный). Сегодня — Флоренция. Утро было свободное, отпустил шеф, сжалился (правда, сейчас пожалел, больше, говорит, не отпущу). Лил дождь, ну и хорошо, все время провел в галерее Уффици. Вернулся (весь промокший) в три часа дня, попил чаю, полежал несколько минут и… Музей современного искусства Прато (нас

пригласил директор, как дорогих гостей, выставка уже закрылась, но для нас открыли). Рад, что пошел, хотя и устал.

Февраль 1989 г.

Итак… закончились гастроли. Трудные, сложные, тяжелые. Перед последним спектаклем собрались, как всегда, «на установку» (в коридорчике возле гримерок). А. А. помолчал, помолчал… посмотрел на нас и… «Я думаю, вот что нужно сказать… Спасибо вам от меня… и от отечества. Это была трудная, наверное самая трудная, наша поездка. Мы сыграли 17 спектаклей, и сыграли в общем хорошо. Спасибо. Ну, а этот спектакль — вы сыграете, так что давайте, играйте — с Богом!»

Все как-то осветились, взбодрились… Спектакль шел хорошо. Публики очень много было… Если мест 500, то, наверное, человек 700 было, не меньше.

Закончилось. Закончилось.

В 6 утра выехали в Рим автобусом. Вещи поехали в отель, а мы сошли в центре и направились в Ватикан. Господи! Как просто пишется: направились в Ватикан. (Впрочем, не все. Устали люди). Мы были с Витасом. Знали, что в музеях перерыв должен быть, поэтому спешили. В Ватикане множество музеев. Мы, конечно, бежали к Сикстинской капелле… Ожидание никогда не совпадает с тем, что приходит… Все представлял себе не так. (Если вообще представлял что-нибудь, скорее, ничего не представлял. Знал, что Микеланджело, что Рафаэль… *Сотворение*… ну, и еще что-то «проходил» по ИЗО… ничего я не знал, ничего.) Пережить это трудно, описать невозможно.

Вот, пожалуй, что надо заметить (пропуская все главное): поразил меня современный раздел музея, модерн, авангард (!), да еще какой авангард. Наши испорченные мозги, конечно, не справляются с присутствием авангарда в официозе католической церкви.

В капелле Микеланджело, куда мы дошли уже порядком измотанные… время остановилось, все чувства ушли. Народа сначала было очень много (японцев, конечно, больше всего), но я ничего не слышал. Потом как-то схлынула толпа, стало почти пусто. Почти пусто… Потом еще шли и шли и шли по бесконечным анфиладам, через сокровища, краски, гобелены, библиотеки… Как велико, божественно, талантливо, дерзновенно и неохватно человечество! Как глуп, надут, важен и наивен (самонадеян) человек.

Вышли на солнечную площадь Пия 12-го… Встретили Гришу Г. Стояли, подавленные и немые, со скрытым щемлением знающих тайну (вот-вот, опять: знающих?!).

Тут я услышал русскую речь. Водили маленькое стадо советских туристов. Описать так же трудно, как и Сикстинскую капеллу.

Потом еще часа полтора провели в соборе Св. Петра (представляю, что это для Витаса, католика).

Потом — пешком в свой отель «Santo Angelmo». Кстати, чудесный отель, скорее вилла, да и расположен он в районе, судя по всему, очень дорогом. Виллы, сады, пальмы, фонтаны, минимальное движение, тишина, а рядом… центр Рима!

2 марта 1989 г. Рим

Утром чуть не опоздали на самолет. Вернее, автобус опоздал (какая-то забастовка), уже звонили в посольство, уже беспокоились. Тем не менее все обошлось. Довезли, успели, сели в наш родной «Аэрофлот». «Здравствуйте! — Девочки, что вы так нервничаете?» — «Да ну их! Мы воду разносим, а они (итальянцы) вино спрашивают, не видят, что ли, что мы воду разносим».

Ну, ничего, потом дали и вина, и, вылетев в 10 утра (по Риму), через 3 часа 40 минут были в Шереметьеве. А там все как всегда. В 5 вечера (по Москве уже) звонил Танюше из нашей общаги, было 8 вечера (по Омску). Вот такая география!

3 марта 1989 г.

Еще одно начало. Вернулись из Италии 3 марта, а 5-го вечером был уже в Омске. Лихорадочно собирались и решали: как ехать? Сколько вещей, какие брать, как везти, заказывать контейнер, или нет? Ах… Вся жизнь уходит в эту воронку быта, неустроенности, невозможности что-либо сделать даже за деньги… Ладно, что это я об этом… 21-го вечером прилетели в Москву, слава богу, во Внуково, с тремя тюками-сумками и проч. и проч. За 15 рублей довезли до дома (15 минут). Поднялись на восьмой этаж. Все. Дальше… Что дальше? Мы «живем» в Москве. Еще одна иллюзия, которыми богата наша жизнь.

Вчера посидел немного на репетиции (5 курс, сессия, Дюма), немного совсем. Ну, вот, с сегодняшнего дня приступил к работе. Сейчас идет репетиция Дюма. Я буду работать в «Бесах». Взял текст, постепенно читаю (перечитываю). (С прошлого года не помню ничего.)

23 марта 1989 г., Москва

Сейчас 12.00. Идет обсуждение вчерашнего показа. Слякотно в Москве, моросит… в подвале у нас уютно, чисто… Красивые желтые цветы на столике у шефа.

А. А. — «Вы знаете, как я отношусь к советскому государству

и его культуре… культура эта хамская…»

27 марта 1989 г.

Ежедневные репетиции. Дюма. Подключился к работе (в отрывке из «Нельской башни» Буридана). С 12.00 до ночи — здесь, в театре, Танюша приезжает сюда вечером (в 7, 8 вечера), сидит на репетициях, прогонах. Потом едем вместе домой в Теплый Стан. Настроение у нее хорошее. Ей нравится приезжать в театр. Здесь, она говорит, время идет как-то по-другому, не бессмысленно.

О «Серсо». — «Сделан он был говенно, а задуман прекрасно. Между историями приезда и отъезда существует множество стилевых картин, передающих истории и времена. Не словами, а *стилями* перебирается история почти за сто лет».

О «Нельской башне». — «Поскольку не развивается в длину, отсутствует длина логики. Есть только зоны отражений. Миф откатывается до того момента, когда женщину слепили из ребра. Т. е. тема развивается *в соотношении* фрагментов! Нужно уйти — пораженным не ответом! Нельзя забывать об этом целом, разбирая логику фрагментов. Т. е. логики предыдущей истории — нет! Мне интересен сам ответ: не знаю. Все, конец!»

«Я пытаюсь объять какую-то сферу естественно, но я, как человек, заканчиваю 20-й век, и я не могу сказать, что знаю».

«В абсурде нет никогда романтизма. Абсурдная история может быть высокой, трагической, но не романтической. Абсурд все-таки связан с реализмом, по-моему. А эта история („Нельская башня“) — все-таки романтическая».

«Что-то надо сделать невероятное и решительное, чтобы *взять* эту историю».

«Да, в абсурде есть это слово: не знаю, но… все-таки на фоне пустыни и морозного космоса абсурдная драма».

«Здесь, скорее всего, не надо думать о неопознанности, но не от холода, а от романтизма. Ничего не меняется в соотношении человека и мира. Все так же существует человек, солнце, мир…»

29 марта 1989 г.

А. А. улетал в Палермо, с 30 по 12. Репетировали самостоятельно. Вчера и сегодня — показы.

Без даты

Была открытая репетиция для японской делегации. Играли 1-й акт Пиранделло, потом Дюма, две работы по Достоевскому и потом 2-й акт Пиранделло. Удивительная репетиция. 1-й акт прошел необыкновенно.

…История человеческих жизней. Не все ли равно наблюдать за игрой, талантом художника, режиссера и т. д. Хочется погрузиться в незапланированную игру — в странность.

Почему стиль рождает странность? (А. Дюма)

Заниматься искусством исключительное заблуждение.

31 марта

Слушаем арии из «Травиаты». Разбор «Мы импровизируем».

I апреля

И вчера и сегодня — разбор.

3 апреля

А. А. — «Когда говорим слово „стихия“, это не одно и то же, когда говорим слово „импровизация“. В этом разница между театром начала века и конца века, игрового и психологического. Импровизация — кодируема, стихия — непредсказуема. Форель играет в прозрачной воде — импровизация, форель, идущая на нерест, — не могу сказать, что это импровизация, — стихия, инстинкт».

— «Всегда надо допускать ошибку и актеру, и режиссеру. Это дает свободу знать, что исправишь. Но допускать, а не делать ошибку. Это разные вещи».

5 апреля

А. А. — «В физике есть понятие инерционной массы. Паровоз толкнуть очень трудно, он тяжелый, но если все же его толкнуть, он будет долго ехать (он же тяжелый). Так и сцена… Если ее „толкнуть“, суметь толкнуть, дальше надо только рулить… у нее своя инерционная масса есть».

14 апреля 1989 г.

А. А. — «Странно… Весь театр стал существовать в моменте зачатия… т. е. чтобы началась завязь… А дальше все идет по совершенно непонятным мне законам. Часто с трудом догадываешься, по каким же принципам все развивается после того, как завязалось. Резюме простое: 1) о свободе, вольности и сущности, 2) вы являетесь авторами (от завязи) и судьями, 3) чтобы посредничество не подменило у вас сущность. Поэтому возьмите текст и вернитесь к *началу,* т. е. к сущности. Я должен точно сказать, что должно быть в первом пункте, а в середине путешествия могу только оценить».

16 апреля 1989 г.

Танина подруга И.М. оставила нам квартиру на 10 дней (уехала на гастроли с Малым театром в Ялту и Ленинград). Вот мы блаженствуем с 7-го уже апреля на улице Дурова в прекрасной однокомнатной квартире. Конечно, только и повторяем: вот бы нам такую квартиру! вот бы нам!! Да, странно все… Привычка, привычка многолетняя… и вот — в студенческой бездомной ситуации оказались… в наши годы. Смешно… жили-жили, как… провинциальные «князья», горя не знали. На днях переедем из Теплого Стана на Ломоносовский проспект, там будет наша театральная общага. Трехкомнатная квартира (полуподвал). Ремонт, правда, сделали, все выглядит чистенько. Комнаты малюсенькие… все три. Метров по 13. Ничего, молиться… верить… терпеть. Не так уж все ужасно. Как все видеть? Как относиться? Танюша… Все от ее настроения. Здоровье. Мне кажется, я сам уже ничего и не чувствую, только через «нее». Как она… Если слышу светлый голос, покой… и у меня гармония… Ну, не гармония… гармония, это слишком. Ну, так, уравновешенность.

Но работать мне очень трудно. Иногда даже пугаюсь пустоты, равнодушия где-то на уровне грудной клетки. Пока спасаюсь тем, что мечтаю, мечтаю… Вот все устроится, уляжется, примет стабильные формы (жизнь, быт), и откроются какие-то резервы… может быть… страшно подумать., может быть, я старею. Кошмар… 42 года. Может быть, так все обстоит. Эта апатия… усталость… Тогда… тогда, конечно, хренота… Хреновое дело. Но нет… пока еще есть за что цепляться, просто измучен, размазан, издерган жутким советским, московским *бытом* (слово-то какое!).

Без даты

19-го переехали на Ломоносовский проспект, 15. Хоть и неприятно произносить, а тем более писать — «полуподвал», но нам здесь понравилось. Только что был ремонт. Чистая, светлая квартира, а главное — район (полчаса до театра) и телефон. Вот… хоть что-то… Теперь. Дальше…

Сегодня был благословенный, счастливый день. Я свободен. В квартире уже закончили все хлопоты и заботы. Утром были в церкви (Вербное воскресенье). Потом долго гуляли по Воробьевым горам. Хороший день. Спасибо, Господи. Теперь вечер. Пили чай. С нами еще живет Ира Томилина. Вот мы и чаевничаем втроем.

Шеф улетел в Канаду, Штаты, смотреть площадки. У нас три выходных.

Вчера — СТД, читка пьесы Бернара-Мари Кольтеса «В одиночестве хлопковых полей». Патрис Шеро *(известный*

французский режиссер) — знакомство.

Все прошло хорошо.

23 апреля 1989 г.

Замучила министерская тягомотина и чехарда с разрешением на обмен. Сегодня ходили с Таней к Данилову Анатолию Александровичу, заместителю заведующего отделом управления театров… Что-то сдвинулось. Ужасная врунья Переберина вдруг стала что-то делать. Получили копию письма в Моссовет. Это даже не начало. Бывают минуты полной апатии и неверия… Боже… мрак и безнадежность… Неужели возможно в кромешной тьме столичной бюрократии пройти этот терновый путь — до элементарной своей квартиры?

3 мая 1989 г.

А. А. читает пьесу Пиранделло «Гиганты горы».

6 мая 1989 г.

Сегодня сыграли «Бесов» при большом скоплении зрителей. Плюс к своему Петру Степановичу сыграл еще Степана Трофимовича Верховенского.

8 мая

В театре лихорадка. А. А. поссорился с Эльбертом *(М. Я. Эльберт — тогда директор театра),* и тот подал заявление. А. А. — подписал. Накануне длительного его отъезда (и нашего) это все… лажа, одним словом.

Не знаю подробно, что уж там произошло у них, но мелочи какие-то… Думаю, напрасно А. А. сейчас не сдержался и не остановил конфликт, напрасно… Не вовремя, и вообще зря.

«Я разработал для себя игру актера на плоскости (а не в линии), но у меня не получается…

Вы принесли с собой импровизации. Для меня всегда импровизация была проблемой: играть литературные тексты».

«Мой ум не мыслит даже оговорок в Достоевском. Мольера играть всегда легче, особенно в нашем театре».

«Модерн пользуется всегда меланхолией, потому что… модерн — посредине… (Меланхолия находится посередине между пессимизмом и оптимизмом.)»

10 мая 1989 г.

Рейс на Монреаль должен был быть 21-го. Су-301, в 14.50. Но… оказалось, что не куплены билеты!!

Скандал, шум… Шеф кричит по телефону… Чем кончится,

неизвестно пока. Может быть, полетим через Гавану, 20-го. Танюшу проводил сегодня во Внуково (только что позвонила из Ростова, уже дома. Все в порядке).

От Москвы до Парижа (аэропорт Шарля де Голля) летели 3.20. Вылетели около 10 утра аэрофлотовским рейсом. Пару часов провели в аэропорту де Голля. Дальше — канадская компания. Можно лопнуть от неограниченного количества еды, питья и улыбок. Еще и кино показали, еще 12 программ радио в индивидуальных стереонаушниках. 7 часов лету. Усталость все-таки сказывается, хотя напитки и подкрепляют. А. А. нервничает. Еще бы… Бардак выходит за всякие рамки. Декорация, как оказалось, благополучно стоит в ленинградском порту, выгруженная по непонятным причинам нашими спонсорами — Балтийским пароходством — из трюма теплохода «Иван Дербенев». Узнали об этом за два дня до отлета. Делать нечего. Шеф решил ехать, несмотря ни на что. «Подарки» продолжаются, сейчас в Париже не взяли на борт наши ящики с костюмами. Итак, летим в Монреаль без декорации и костюмов!!! Настроение бодрое.

22 мая 1989 г., «Боинг-747», Париж-Монреаль

Прилетели вчера благополучно. Минут 40 от аэропорта на маленьких автобусах. Стереотип: «как в России». «Так похоже на Россию. Только все же не Россия», вспомнилось. Действительно… среднерусская полоса, очень похоже… очень (если бы не чудесная дорога). Расселились в отеле часов в 18 по местному времени. Через 15 минут собрались. Тренаж. Все уставшие. Потом, с наказом: ни в коем случае не ложиться спать раньше 23, отпустил. Честно гуляли с Витасом. Попали, конечно, сразу в розовый квартал.

23 мая 1989 г., Монреаль, отель «Аркадия»

В фестивале участвуют театры из США, Мексики, Чили, Канады и др. (в основном с американского континента). Мы первая русская драматическая труппа здесь. Играть будем в старом здании театра «Monumental National»!. Здание в типичном американском стиле старинного ярусного театра, в кино такие видел много раз. Ложи справа и слева, ажурный балкон. Сцена с наклоном! Таких теперь не бывает, раньше, насколько я знаю, все музыкальные театры были с наклонными сценами (танцклассы тоже, и у нас в Большом когда-то). Кресла на литой арматуре, красное дерево, бархат (под креслами — проволочные кронштейны для шляп!).

Все придумываем с начала. Это будет совершенно другой

спектакль. Сделали диагональ через зал.

Работаем так: с 10.00 до 14, потом перерыв; с 17.15 до 21,22 — тренажи и проч., естественно, ежедневно. Утром — полные, вечером — по 15 минут того и другого, т. е. Г. Абрамов и В. Скорик. В этой поездке он опять с нами.

«Благовещение Марии» Клоделя, Квебекский театр.

Спектакль в Grand Seminarie идет в соборе. Помост — от входа до алтаря. Телеэкраны справа и слева вверху, размером примерно 3 на 3, может быть, больше. Микрофоны вклеены в парики, над ухом у актеров. Телекамеры… Техника, одним словом, мощная. Только на этом все и держится. Игра… Крайне традиционная, но, надо сказать, добротная. Смотреть было тяжело. Еще не адаптировались, по Москве было уже б утра. Стали слипаться глаза… 1-й акт шел 2 часа. Возвращались пешком… долго, через центр самый, среди сверкающих зеркальных небоскребов, огней, умопомрачительных машин, чистоты, прямизны, целесообразности и проч. и проч. и проч.

24 мая 1989 г., Монреаль

Попытаться кратко выразить ощущение, настроение от города, от людей, от среды невозможно. Чувство боли, стыда, глубокой досады, обиды… Не знаю. Может быть, это все не те слова. Но русский, наверное, не умеет иначе. Все сравниваешь, все думаешь… почему у нас и т. д. А сравнивать глупо, просто невозможно. Нет предмета для сравнения… Его просто нет. Ну, как сравнивать Ниагарский водопад и кузнечика… Не в размерах дело — вещи разные, совершенно разные вещи.

Ах… Одно только знаю, что если опять кто-то будет мне объяснять, чего-то доказывать про то, про это… я… я не буду спорить. Я просто не буду ни с кем спорить. И слушать не буду. Ничего не буду… хватит! Спасибо Господу Богу за мою судьбу. Честно говоря, я бы и ездить больше не стал. Тяжело, тошно… нет, нет… тошно и тяжело. Кто виноват? Что делать? Дурацкие русские вопросы. Поразительно, иду среди высотных аквариумов и вот о чем думаю: пропаганда… Нет ничего более невероятного. Вот они создали невероятную среду, а мы — не-вер-ро-ят-ное нечто. Т. е. у них все это было, стояло, высилось, блестело, сверкало, поражало, все это видели (и мы все — ну, хотя бы в кино), видели — и твердо *знали* (твердо!): нет! Не стоит, не высится, не поражает. Этого просто нет! НЕТ. Ну, допускали, как «призрак», как мираж («внешний блеск», «журнальный глянец»), немножко так допускали (и даже в допущении самом были неизмеримо выше всего этого говна, так, снисходили с улыбкой, ну, ладно, мол, ну, есть, есть… как будто… ну, пускай будет так,

что есть) (ха-ха). Мы-то знаем — нет! Ни хрена нет, кроме безработицы, угнетения, безрадостного детства и наркоманно-засранных проституток… Не какой-то кружок сумасшедших, или заговорщиков, или маньяков, или полоумных… Вот ведь в чем беда, парадокс… (боль). Если бы… если бы Сталин с Ворошиловым… Нет, миленькие. *Народное* сознание было таким (да что там было). И как трава — должны вырасти новые, чтобы увидеть то, что есть… Невероятно! Ну, разве не невероятно… Тут мы поспорим с кем угодно, с кем угодно в мире… Разве кроме какого-нибудь племени Тую, уж точно знающего, что божество Му живет на луне…

25 мая 1989 г., Монреаль

Вечером первый спектакль. Пиранделло победил! Играли его в студенческой аудитории, засовывали в подвал, играли в спортивных залах, в «новейшей конструкции», а он все же привел нас в стены театра, здесь, в Канаде. Мне очень нравится то, что получается здесь. Интересно то, как воспримет зритель… Хотя в эти дни стало мне казаться, что вообще — будет ли это кому-нибудь здесь нужно. Странно… Как-то не вписывается все наше дело в среду, в *эту* среду. Ка-на-да… Канада… Надо как-нибудь записать общие впечатления последних дней. Сейчас не хочется. Может быть, потом как-нибудь.

С утра (с 10.00) — репетировали 2-ю половину 1-го акта, сейчас вот 2-й акт. Я свободен был. Сейчас… Сходил в православный собор… Здесь недалеко. Возле моста. Собор Св. Петра и Павла. Отстоял воскресную литургию, проповедь, приложился к кресту… Господи! Спаси и сохрани! Как хорошо, как легко стало, так благостно… Помолился за всех, за Настю, за Леночку, за всех моих родных. Просил прощения у Бога за свои грехи. Вышел на улицу. Солнечно. Прохладно… Собор наш небольшой, непривычный (с одной маленькой маковкой). Вокруг — тот же Монреаль, та же Америка, а у меня вдруг на душе совсем по-другому… совсем по-другому. Не одиноко. Почти слезы брызнули. Так легко пошел по Сан-Катрин к театру. И думал о родных, вспоминал всех. Думал о Танюше и благодарил Бога за то, что они мои близкие, любимые и что они у меня есть… Что Бог даровал мне все, что у меня есть. Что я счастлив, здоров. Что все главное в моей жизни я получил, просто как подарок, как дар — ни за что, так… по милости Божией, и только… И как бы… как бы очиститься от прочей шелухи, никчемных желаний, бессмысленных даже, рядом с *тем,* что имею, что *даровано.*

Вот какой чудесный день… Начало дня, вернее. Пришел в театр, а тут… тренаж, какие-то опять нелепицы… ругань и т. д.

А. А. сделал перерыв на тренаж… Смогу ли когда-нибудь описать так, как все это было… правдиво и объективно. И возможно ли это? Правдиво и объективно? Наверное, правдиво для меня только. Как я понимаю. Да, наверное.

Мне бы хотелось описать нашу жизнь, наш театр… Не для истории, конечно, но назвать, определить. НАЗВАТЬ… И понять самому.

Сейчас репетиция 3-го акта. Пойду.

28 мая 1989 г.

А. А. — «Под импровизацией мы всегда понимаем свободную игру, а она включает правильную игру и огрехи. Несвободная, регулярная игра — всегда правильная».

«Я настороженно отношусь к слову „авангард“: всегда рискованно хаосом».

«В свободной игре возможно много допусков и грехов, в регулярной игре… вся грязь очень видна, наблюдаема, она разваливает организованное действие».

«Но… без понятия импровизации (или вибрации, как я раньше говорил) игра мертва. Вот парадокс, который нужно постоянно решать».

31 мая 1989 г., Монреаль

Сыграли четыре спектакля (28,29,30 и 31). Сегодня пятый, и последний. Много прессы. В основном сильно хвалебной. Много приходит актеров из других театров. Восторженные разговоры и т. д. Из того, что успел посмотреть и понять, можно поверить, что наш спектакль для них действительно нечто высокое и недостижимое. Кажется, американский театр все-таки слабенький театр. С бору по сосенке. Серьезной, фундаментальной работы (в смысле традиций и их развития) в психологическом театре нет. Вообще культура зрелищная, визуальная больше, больше развернута к шоу, шантану, скетчу и проч. Драматическая культура сборная-случайная, нерегулярная. Денег у них много, конечно, но на это расходовать, видно, нет желания и надобности.

Спектакли прошли хорошо. Первый — сложнее, рванее, на импульсах. Публика разнокалиберная. Внешний успех постоянен (аплодисменты, овации, комплименты, телевидение и проч.). 2-й — ровнее. Строже. 3-й — в ту же сторону. Вчера 4-й — лучший по ощущению. Публика почти очистилась. Меньше любопытных и пришедших послушать родной язык колбасников. Их откровенно жаль теперь мне. Человек-пузо. Но у них часто своя гордость, пузатая, довольно жалкая для взгляда со стороны.

I июня 1989 г.

Второй акт. Спектакль идет ровно, грамотно, но, по словам шефа, «не на воле». Я играл 1-й акт совсем без азарта. Очень он донял меня за последнее время «пережимами» и т. д. Что-то не радую последнее время шефа, не радую… Вчера «сбросил» немного обороты в игре, а сегодня, после дневной репетиции, когда он опять попросил «построже», опять взял ровно. Хотя понимаю: не угодишь в таком случае. Как бы ни играл.

Ничего такого не произошло между нами, и в работе все так же… Я по крайней мере не вижу явных сбоев или инертности со своей стороны. Но Учитель — человек настроения. Капризный, можно сказать, человек. Охладел… Что тут поделаешь. Спектакль последний сегодня, и улететь сможем только пятого. Придумали еще представление в местной национальной театральной школе (Достоевский, Дюма, Мопассан). Это 3-го. Интерес к театру большой, думаю, публика соберется.

Ходили сегодня с Витасом по магазинам. Купил кое-что. Хочется домой. Как вспомнишь, сколько лететь, так тошно становится.

Скорее бы. I июня 1989 г.

Утром Вася Скорик сказал, что звонил из Москвы Тишкин. Ничего толком на знаю. Что-то с Таней. В больнице. Меня целый день отправляют в Москву. Сижу в аэропорту Монреаля. Рейс в Лондон задерживается. Я должен лететь через Лондон. Думал, что с ума сойду. Ничего не понимаю. Что-то мне говорят. Куда-то посылают. Не понимаю ни слова. Понял только nine-o-clock, девять часов. Вдруг везение. Слышу русский язык. Саша Игнатов… Мистер Игнатов. Что-то стало ясно. Господи! Дай только силы. Дай силы на эти тысячи километров. Силы, силы, силы… Танюшенька. Родная, любимая… Как пережить? Если б можно было отключить мозги. Господи, помоги.

3 июня 1989 г.

Бог послал Сашу Игнатова. Просто не представляю, как бы все это было. Теперь все хорошо. В Лондоне встретили и быстро перевезли из 3-го в 1-й терминал, не потеряли ни минуты и уже летим в Москву. Состояние? Близкое к обмороку. Танечка, Танюшенька, родная.

4 июня 1989 г.

Вот… эта черта… конец моей жизни. Писать об этом невозможно… 9 июня, ровно в 6 часов вечера не стало моей

Танюши.

Сегодня девять дней. Только что вернулись с кладбища. Похоронили 11-го. На Северном кладбище, рядом с папой, Анатолием Алексеевичем. Все эти дни с моего прилета в 2 часа ночи с 4 на 5 — страшный сон. Может быть, когда-нибудь позднее запишу. Когда-нибудь. Господи… Как тяжело.

17 июня 1989 г. Ростов

Вот. Одиночество… Вот… тупик… тупик. Танюша, мамочка моя… кинолента… сюжет… и только. Не может же это быть жизнью.

Утром съездили с Оксаной Ивановной на кладбище. Последний раз. Миленькая, подожди, сказал я ей, подожди, я скоро… Сколько раз говорил ей такие слова… теперь уже навечно.

По-до-жди.

18-го долго, 6 часов, ехал в автобусе к моим старикам. Долго, жарко, невыносимо. Но… надо было поехать. Им тоже… Только что они проделали этот путь на похороны. Не было такого слова в моем лексиконе до сих пор… не было. Похороны… Боже, Боже…

Так не хотелось ехать, так трудно… Но жалко, жалко родных моих стариков… Святых моих стариков. Как поздно все доходит, как непростительно поздно. То, что эти два человечка, заблудшие и беспомощные на страшной этой планете — святые, я понял уже взрослым человеком.

Я старался. Старался как-то что-то… облегчить, сказать… поговорить (особенно с папой, родной мой, он так любит поговорить, и не с кем, и не о чем… беда). Старался. Вечер 18-го… потом 19-го и 20-го был с ними. Никуда ни к кому не ходил, только с ними. Ходили с папой по великому городу Перевальску. Я расспрашивал его о войне, о плене, о чем ему, наверное, всегда хотелось, но не говорилось. Впервые услышал, как он сказал «чекист», впервые услышал подлинную его интонацию…

21-го утром в 7.30 сел в автобус и в 2.30 дня был в Ростове.

Толик взял мне билет на СВ. Один в купе, слава богу. Еду. Один. Бутылка водки. Еду. Плачу. Один. Боль не пройдет. Никогда. Никогда. Боль.

23 июня 1989 г., поезд «Тихий Дон» Ростов-Москва

Поезд. Думал, буду ехать и писать… но это невозможно… то, что нужно (или, быть может, *не нужно,* не знаю).

Утро 24-го, поезд

Дома невыносимо. Невыносимо. В Москве невыносимо. Везде невыносимо.

Без даты

Утром не смог пойти на репетицию. Нет сил. Нет никаких сил. Пришел только к 3-м часам.

Читаем и разговариваем… «Гиганты гор».

А. А. — «Вся история безжалостно разрушает театр, отвергает, уничтожает мысль о его нужности…»

«А в целом (в результате 4-х актов) — есть акт искусства».

«Я понимаю конфликт только в динамике. А так… говорю: соотношение, альтернатива и т. д. Две картины висят: конфликт? — Конфликт, но… представьте себе конфликт, сделанный из статики, без протяженности, невыраженный и т. д. Это же совсем другая вещь, другой мир искусства».

25 июня 1989 г., воскресенье

Вылетели вчера, 2 июля, в 10.30 утра из Шереметьева. Летели 3.30 («Аэрофлотом» с курицей). В этот же день после того как разместились в гостинице — тренаж. Потом все пошли смотреть город. Я тоже было пошел, но вернулся в номер (меня одного поселили, спасибо), лег и спал. Купил бананов, поел и спал. Утром в 7.30 снес вниз вещи (меняем сегодня гостиницу), вернулся опять в номер и опять лег. Опять спал, или думал, или… забылся. В 10.45 — двинулись в репзал. Всей толпой. Ехали на метро долго. Провели два тренажа (Г.А. и Гриша).

Солнце на улице, жарко. Но и прохладно.

Соображаем, как играть. Разговариваем…

1-й акт. Вводим Эмиля. Душевный парень. Я, говорит, не актер. Я — комик.

3 июля 1989 г. Лондон

Сегодня первый спектакль. Всего здесь 5 (7,8,9,10 и 11). Никуда не ходил, нигде не был. Правда, с Олегом Липциным один раз после вечерней репетиции съездили в Сохо. Это интересно. Туда ехали на метро от театра, оттуда на лондонском двухэтажном автобусе. На красном, старинном. Сидели, конечно, на втором этаже и курили. Вот и все. Может быть, потом схожу куда-нибудь. Пока и времени, правда, не было. Репетиции, тренажи. А. А. не в себе. Кажется, он сильно волнуется. Ведет себя ужасно. Орет, кричит, матерится и ломается. Кажется, он сам хочет все разрушить, своими руками. «Я тебя породил, я тебя и убью». Жалко и странно… Стараюсь «улететь» в эти минуты, не слышать и «не быть» здесь. Зачем он так? Не знаю. Бог ему судья. Он живет свою судьбу, так, как может и хочет. Артисты не без греха — это так. Не без греха, но, наверное, можно и другие слова

найти, и другую расстановку. Не знаю… А теперь и знать как-то не очень хочется. Одиночество. Как я знаю, что это такое. Вот здесь, сейчас, в Лондоне, и все равно. Как раньше считал дни, спектакли… как ждал… как — скорее, скорее, хотелось поторопить время. Некуда спешить. Некуда. Все равно. Могу ездить хоть год, хоть два, хоть сколько… Могу не ездить. Везде мне место, и нет нигде мне места. Та могилка на Северном кладбище Ростова… Но… не чувствую, что *она* там. Таня, Танюша… Танюша… как одиноко мне без тебя, как невозможно одиноко…

5 июля 1989 г.

Кончили 2-й акт, принимают, кажется, неплохо.

Далее произошли события совсем скандально-дурацкие, не хочется даже и писать. Нервы, крики, срывы, обиды и проч. и проч. Самый такой «театр» без прикрас. Глупо, а главное — бессмысленно.

Прошел и 2-й и 3-й акты. Мне кажется, несмотря ни на что, все было достойно, хорошие аплодисменты в финале и проч.

Обещали прием. Действительно, поднялись в какой-то бар здесь же, в театре. Тесный, набитый местным народом, который, не дожидаясь гостей, пил вино и закусывал (хваленое британское гостеприимство… или я ошибаюсь, вежливость, кажется, хваленая). Так ли, нет ли… чудом досталась мне толика красного вина… бутерброда уже не досталось. Наговорили комплиментов, восхищений и т. д. Глуповато стоять с пустым бокалом. Подались наши ребята к автобусу и в 12 уже отчалили в гостиницу. Дирекция фестиваля через Машу передала свои извинения за «прием», это, мол, не они устраивали… Прощаем… В отеле перекусил кусочком колбасы, помидорами… Перед сном смотрел Фила Донахью. Очень красивые, вернее прибранные, женщины и мужчины говорили о сексе. Красиво говорили. Вообще нравится, как они говорят, общаются. Что-то снилось… не помню. В 8.30 разбудил будильник. Пошел на завтрак. Ночью начался дождь сильный. Завтрак хилый. Знакомый нам, «континентальный» называется. Кофе, булочка, кусочек масла, конфитюр.

В 10.00 —тренинг. Один, второй, теперь репетиция 2-го акта с Эмилем. Немного он вчера растерялся во 2-м акте.

Дождь подуспокоился. Может быть, удастся погулять. Зонтик я, конечно, в Лондон не взял.

Нет, не было дождя. Доехали с Витасом до Трафальгарской площади. Вот он, Нельсон, вот они, львы. Дети кормят наглых голубей, садятся на руки, даже на головы (!) кормящим. Национальная галерея. Толпы туристов, молодежи, испанцы,

итальянцы, немцы, японцы и проч. и проч.

Вход бесплатный. В Англии почти все музеи бесплатные. Т. е. лучшие классические музеи (Мадам Тюссо, например, платный). Вот тебе и капитализм проклятый. Боже, какое убожество знаний и понятий о мире в нашей бедной России. Все смешалось в доме Облонских. Все смешалось. Итак, музеи в Англии бесплатные. Но великие. Постарался не бегать… не скакать рысью по всем залам. Лучше потом еще приду. Зато спокойно и толково посмотрел итальянцев, потом импрессионистов (начал с конца).

Все, все…

Да что же это? Такие перепады… тяжело…

Чувствую, как остановилось время.

7 июля 1989 г.

Прошел месяц как Ее не стало. Месяц. Мне очень тяжело жить. Сейчас совсем не пью. Работа. Но и не потому только… Хотя иногда хочется забыться. Стоишь в маркете среди виноводочных завалов, берешь банку пива и уходишь. Детонька, думаю о тебе постоянно. Хожу, смотрю, езжу и все как всегда, надо тебе потом рассказать, запомнить, записать… для тебя. Молюсь. Никита дал мне молитву, читаю по утрам. И писать это тяжело. И не писать трудно.

Был в Национальной галерее, был в Тэт (Та!) галерее. Тернер! Не расскажу тебе про это никогда! Господи, никогда. Был у Букингемского дворца, смотрел развод караула. Красиво. Трогательно. Грустно. Туристов море. Вчера ездили в Оксфорд, был прием в одном из колледжей (там американские студенты в летние месяцы изучают театр). Ходили по городу, показали трапезную и т. д. Рассказывали, показывали портреты знаменитых выпускников. 18 век — начало Оксфорда как университетского города. 18 век!

Сегодня играем 5-й спектакль. Публики много. Принимают хорошо. Рецензий было штук 8. В 2-х — хвалят очень. Есть такие… соу-соу. С вопросами. Ругательных нет. Но этого достаточно, чтобы А. А. нервничал. Год ездим — ни одной рецензии без восклицательных знаков не было, и вот в Англии есть без восклицательных. Хмур. Хотя с нами стал мягче. Даже что-то такое сегодня говорил о своей вине и проч.

Ладно… Что об этом писать.

10 июля 1989 г., Лондон

Может быть, эту книжку нужно выбросить?

Зачем пишу это? Для кого? Что-то хотел записать сейчас… сел, развернул книжку и… сразу это вот чувство… Опять с тобой,

детка… один на один… Детка… как же так? Неужели все, пустота… Вот то, что я чувствую сейчас. Вот эти слова куцые, которые здесь вывожу. Пустота? Днем ходили с Витасом по Оксфорд-стрит. Тратил деньги, т. е. фунты. Витас искал что-то для своей Расы… и говорил: «На Таню бы это пошло? Значит, Расе будет как раз, она ведь такая же…» Это про тебя, Детка. Слышишь? Ну, как тут не сойти с ума! Как не сходить с ума каждый день. Я говорил: да, на Танюшу было бы как раз… Я ведь все ей на глаз брал и всегда точно угадывал.

Шмотья вокруг красивого горы. Сколько же ты недоносила красивых вещей. Нет сил. Детонька, дай-ка что-нибудь другое… что-нибудь запишу…

Сейчас идет последний спектакль, 6-й.

Публики битком.

Завтра свободный день (слышу, в зале хохочут — 2-й акт). Пожалуй, все. Нечего писать.

11 июля 1989 г., Лондон

Вчера вылетели из Лондона, вечером, где-то в 23. Прилетели в Шеннон (Ирландия). Ночевали в отеле, здесь же, рядом с аэропортом. Позавтракали и опять сидим в порту. Уже прошли контроль. «Фри шоп». Проклятый Запад. Все немного дороже, чем в Лондоне (валюта другая, но фунты берут охотно). Лететь до Нью-Йорка, кажется, часов пять. Хочется выпить. Вчера в самолете пили виски (ирландское — гадость, шотландское — понравилось).

Всю валюту перевел в фунты. «Всю». У меня были канадские доллары и еще 10 ООО песет испанских. Всего сейчас 205 фунтов. Капитал.

ЧП. Ваня Даничев *(художник по свету, одна из самых колоритных фигур родных наших «технарей»)*сломал ногу. Вот только что ему оказали помощь, привели на костылях! Без происшествий мы не можем.

Рейс задержали. Теперь кормят (за счет компании, разумеется), дают пиво, кофе и т. д.

Сейчас 1.13. «Боинг-747» уже подошел к трапу. Скоро посадка. После пива стало полегче. Туповато-глуховато на душе.

Вчера целый день бродили по Лондону с Витасом и Володькой Берзиным. Теперь, кажется, что-то увидел. Barbican. Колоссально. Сидим на траве, пьем пиво. Пруды… рыба, огромные лапти, плавают и жрут хлеб, который мы им подаем. Утки, гуси… Хорошо. Сити. Фирма «Ллойд» (металл, конструктивизм наш, русский, 20-х годов, скоростные лифты снаружи дома). Тауэр. Хороший день был, только ног не хватает.

Лондон замечательный город. На мой взгляд, лучший из тех, которые я видел. Надо учить язык. Купил книжки на 5 фунтов. Смешно, но попробую понемногу учить. В 42 года. Попробую. Хоть немного начал объясняться, и то уже легче.

14 июля 1989 г., аэропорт Шеннон

40 минут на электричке до Нью-Йорка. Университетский городок. Фестиваль (10-й) «Пепсико». Счастлив, что живем не в Нью-Йорке, а здесь. Чудесное место. Прекрасное. Деревня. Живем в студенческих общежитиях.

Ничего себе общежития! Отдельные комнаты. Кухня и проч. и проч. Лесная сказка вокруг… Толпы зверушек бегают по зеленым свежайшим лужайкам: кролики, белочки, еноты и т. д. и т. д., даже олени… Городок, наверное, типично американский… Холодная унифицированная архитектура (в духе русского конструктивизма), широкая, размашистая, бескрайняя… Впрочем, мне здесь нравится… Тишина. Только самолетики гудят (где-то рядом аэродром). В магазин за продуктами надо ездить на автобусе, минут 15–20, а других магазинов здесь нет, только кафе (тоже счастье). Я вот думаю: надо бросить все эти описания местности. Все равно не получается у меня, и глупо как-то… Если уж пишу… Так только факты, наверное, фиксировать надо, и все. Теперь вообще смысл потерялся в записях… так, по инерции царапаю, а… не знаю, кому? Куда? Зачем? Дурная привычка… что-то вроде дурной привычки теперь.

18-го было *сорок дней.* 40 дней. Мама мне сказала, что поминки надо делать дня за два до сорока. Поэтому 16-го после вечерней репетиции пригласил всех ребят… Благо апартаменты здешние позволяют. Днем подкупил водки (у меня еще была привезенная из Москвы, 2 бутылки). Сделали с Юрой Ивановым и Валерой Симоненко стол. Танины фотографии… на стене. Цветы. Все пришли. Вспоминали Танюшу… много-много хороших слов говорили о ней. Миленькая, тебе и при жизни говорили столько хороших и прекрасных слов. Золотце, трудно мне писать… мне так трудно… Я абсолютно уверен, что ты меня слышишь. Абсолютно уверен. Теперь абсолютно. Вот… вот… наверное, поэтому еще и пишу… Вася Скорик принес Библию и читал на поминках. Спасибо ему. Ты мне не снишься. Но закрываю глаза и чувствую совсем рядом тебя… Запах твой, личико родное, каждую прожилочку, каждое пятнышко на твоей руке чувствую. Как я тебя помню. Всю-всю… Ты совсем живая. Детонька. Текут слезы, не могу писать. Я слышу, просто в ушах лежит твой шепот: «Как я тебя люблю, родной мой… как я тебя люблю, если бы ты только знал…» Знаю… знаю, сердечко, знаю, потому что я *так тебя*

люблю… Господи, нет сил. Танюша, приснись мне, приснись, поговори со мной. Жду, жду…

Так… Пустота… Идет 2-й акт. Слышу по радио смех публики, голоса актеров. Вот сейчас как раз Наташка с Леной «кадрят» мужчин… смех… видно, нравится американцам. Да, они смеяться любят. Судя по первому акту (сегодня первый спектакль), публика… такая… как бы сказать… веселая. Красиво, нарядно одетые, много русских. Настроены на радость, на шутку, на сюжет… В драматических местах явно затихает, не от напряжения, не из сострадания, участия, а так… вроде… обманули, позвали на вечеринку, а вместо этого заседание подсунули на скучную тему, постороннюю. Проще сказать — водевильчик сыграть было бы уместнее в этом зале. Может быть, сегодня такое совпадение… Может быть… Вот хохочут опять… Это Олег Белкин вышел на сцену со шляпой. Действительно, смешно. Он хорошо играет, тонко, иронично. Дальше идет сцена… смеются… Ладно. Дай Бог… Веселитесь, ребята, веселитесь.

В день приезда посмотрел спектакль Анджея Вайды краковского старого театра, «Гамлет, 4». Потом «Гадибука». Мне не понравилось совсем… Не знаю. Стыдно, наверное, так о Вайде, вернее, о спектакле, поставленном знаменитым Вайдой. Недавно мы с Танюшей в Польском центре в Москве смотрели «Железного человека» и «Дантона».

Но спектакли мне не понравились. Это искренне. Мог бы сказать, старомодно… Но… что же… это ничего не сказать. Опять «Истории», сюжеты… мораль… Впрочем, не буду писать про это. Надоело… целыми днями мы только и говорим о театре, о театре, о театре…

Детонька, все были… Игорек Попов, помнишь, как нежно ты к нему относилась, как хотела, чтобы он оформил мой спектакль… И так радовалась, когда он дал согласие и мы работали над первым спектаклем с ним… над «Архангелами»…

Толя… наш А. А., он был. Он сидел рядом со мной… Танюша… миленькая… Затихает сцена… пауза… Страсти конца 2-го акта стихли… пауза… вот какая долгая… может быть, победили? Может быть, «взяли» зрительный зал… Последняя реплика… аплодисменты… долгие довольно… да, долгие… нет, не совсем долгие. Смех на последнюю реплику. Конец 2-го акта. Еще аплодисменты. Нет, жидкие. Не так, как всегда. Вот теперь зашумел зал… Антракт. Пошли колу пить. Детонька… любимая. Буду одеваться на 3-й акт. Как будто письмо тебе пишу, как раньше, любимая… любимая… Все. Заканчиваю. Надо идти играть. Надо.

21 июля 1989 г., Нью-Йорк, Suny at purchase

Публика все-таки замороженная вчера была… Хотя они сами, по разговорам судя, очень довольны приемом, множество всяких хороших отзывов и проч. После спектакля нас пригласили на фейерверк, который устраивали студенты… Хилый фейерверк, но ничего, красиво. Ночь, петарды, вертушки, светящиеся костюмы, потом был роскошный прием… Такого (по количеству гостей) не видел еще… Кажется, они кормили и поили всех, кто пожелал остаться после спектакля. Выпил много водки и пива… Наелся вкуснятины разной… Тишкина домой несли. А мы еще пошли в гости к студентам… Там еще пили и «разговаривали» на всех языках мира или на каком-то среднем языке…

Домой приехал утром на полицейской машине (!). Очень веселые полисмены… Живо меня докатили прямо к подъезду.

Много вчера болтали с эмигрантами, нашими бывшими гражданами… Хорошие ребята. Они согласны, что публика здесь «особая». «Это не Европа», так они говорят. Да, действительно, не Европа. Странно… столько в нас похожего… русских и в американцах, и такие мы разные в сущности. Комфорт превыше всего… и душевный в том числе. Все, что тревожит, лучше пропускать мимо.

Кажется, решился вопрос с Мексикой. Я думал, не поедем все-таки. Сколько было проблем с мистером Нойманом. Столько неувязок и проч. Нет, А. А. сегодня сказал — едем. Ладно, Мексика, так Мексика.

22 июля 1989 г., Нью-Йорк

Воскресенье. Играем дневной спектакль. Здесь так принято: в воскресенье — дневной, начало в 2.30.

И играем так же, «по-дневному», и публика такая же воскресная, веселая, легкая. Все им нравится с первой реплики. Шумно реагируют на любую мелочь. Много русских. Интересно получается: смех на какую-то реплику волной накатывает, сначала смеются русские, пару секунд спустя, услышав в наушниках перевод, смеются американцы. И так все время — смех, пауза, смех.

После спектакля едем в город. Я договорился о встрече с Сашей Барским. Это Толика Кригмонта товарищ и Танюшу он тоже хорошо знал по юным ростовским годам. Теперь здесь живет, лет десять уже…

Не записал, кажется, посещение штаб-квартиры «Пепсико», а это было очень интересно. Пригласили нас на обед, днем. Невероятной красоты парк. На территории парка — скульптуры

великих мастеров, от Родена до Мура… Как нам сказали, ни один музей Нью-Йорка не имеет такого количества и такого уровня скульптур… современных. Очень, очень сильное впечатление… босиком по зеленым бескрайним лужайкам, видишь там, вдали… стоит нечто красное или белое… или бронзовое… 20-й век.

Все! К черту! Не буду больше писать. Ни хрена… То, что в сердце, в мозгах, вокруг… все так и остается нетронутым. Ничего не объяснимо. Ничего не расскажешь. Тем более в этих закорючках.

А перечитывать совсем невозможно. Боже, как хохочут в зале. Что-то невероятное сегодня…

23 июля 1989 г., Нью-Йорк

Вчера… Вечер в квартале художников… Мастерская Нахамкина (женщина с сигаретой!). Работы Шемякина, С. Дали. Эрнст Неизвестный. Блинкер-стрит. Праздник. Гитарист у церкви. Праздник итальянский.

Вашингтон-сквер. Ресторанчик испанский. Ужин (Саша, Элла, Марик). Кафе…

(Графитные доски столиков, мелки, можно рисовать на столе.) Фильмы Чаплина. Уолл-стрит. Биржа. 2 Тауэр. Ночь. Бруклинский мост. Огни. Красиво.

Статуя Свободы… ну, что же еще, конечно, она… с факелом, все как полагается. Усталость. Разговоры, разговоры… Кажется, им все это искренно нравится.

Бруклин. Квартира моих друзей.

Утром сегодня Брайтон-Бич. Русская колония. Впечатлений много. Разные. Разные впечатления.

Китайский район. Еще ездим по городу на машине.

Саша показывает, показывает. Билдинги. Небоскребы. Смотреть уже невозможно.

Рокфеллеровский центр. Завещание Рокфеллера. Где-то поели. Еще мороженое… какое-то, за 2 доллара. Центральный вокзал. Домой. В поезде встретил наших ребят.

24 июля 1989 г., Нью-Йорк

Жара. Дикая жара. Заходишь в стеклянные коробки небоскребов, чтобы глотнуть прохладного воздуха кондиционеров… там отрада, прохлада, озон, и опять толпы, раскаленный асфальт, горячие двигатели машин…

International literature centre, 475, Раrк avenue. 21-й этаж. Залежи литературы на русском языке… приветливые люди, «пожалуйста, берите», «сейчас нет, оставьте адрес, мы вам вышлем». Спасибо. Жарко… Уже ничего не хочется от этой жары.

Америка похожа на пионерский лагерь… Дети без взрослых сами решили все сделать, по-своему, по своим законам… максималистски-детским. И что-то получилось. Республика Шкид такая. И глупостей в ней достаточно, но главное — никаких компромиссов… чтобы все «честно», «справедливо». И… гордость от собственной самостоятельности, умения, прыти, молодости, неотягощенности дедовскими заветами… Пионерский лагерь…

В «Нью-Йорк тайме» отличная рецензия о нашем спектакле ведущего здешнего критика Фрэнка Рича. Очень хвалебная. И прочие отзывы тоже…

Последний спектакль здесь. Все.

25 июля 1989 г.

27-го вылетели из аэропорта Кеннеди. 4,5 часа лету до Мехико.

Отель «Каза Бланка». Хороший отель. В центре. Живем здесь уже неделю. Страна… Третий мир… Теперь понятно, напоминает нашу Среднюю Азию. Довольно здорово напоминает. Вот если перестройка получится, у нас будет что-то вроде Мексики. Всего много: магазины полны… но не для всех. Бедно живут. У нас проблемы с водой… пить воду из-под крана нельзя, много кишечных заболеваний. Есть на улице, в уличных лотках, тоже не рекомендуют. Платят нам долларами, это хорошо (хотя в день получаем 20 всего долларов). 1 доллар равен 2500 песетам. Булка хлеба — 1000 песет. Бутылка «смирновки» — 10 тысяч, и т. д. В первый день возили нас в «старый» Мехико. Целый почти день провели на пирамидах ацтеков.

Чудо произошло… Встретил Алехандру Гуттиерес. 20 лет назад, в 1969 году, в ростовском ТЮЗе она ставила свой диплом: «Мещанин во дворянстве». Это был мой первый сезон в театре, и одна из первых ролей у нее в спектакле!!! Я не сразу узнал ее. Красивая женщина, наша переводчица. Потом слышу — ее зовут Алехандра. Спрашиваю: «Ваша фамилия не Гуттиерес?» — «Да, — говорит, — Гуттиерес». — «А вы в Ростове ставили спектакль?» — «Да, ставила диплом». — «Здравствуйте, — говорю, — я у вас играл в том спектакле».

А завтра встретимся с Гариком Петренко и Олей, нашими омскими друзьями!! Вот тебе Мексика! Гарик здесь уже года полтора играет в симфоническом оркестре…

Танюша очень любила Гарика и Олю…

Мне трудно слушать симфоническую музыку… Омск. Зима. Танюша одевается… Мы идем в филармонию… Любимые наши вечера…

На сцену выходит Оля… Как хорошо она говорит о музыке!

Вот выходят наши омские музыканты, впереди Гарик… Красивый, седой, черный фрак, скрипка.

Начало августа 1989 г.

Жаркий, солнечный день. Музей Диего Риверы и Фриды.

Странное впечатление… Вперемешку с чтивом последних дней — совсем странное. «Иконостас» поразил. Мрачное, тяжелое ощущение. Через несколько кварталов на улице Вены еще один музей. Льва Троцкого. Дом, где он жил, где был убит альпинистским топориком… Железные двери, ставни из двойного металлического листа (это после нападения Сикейроса с ребятами), следы пуль на стенах. Могила тут же во дворе… Красный флаг, серп и молот (!). Экскурсовод (гид), молодая девушка, дотошно рассказывает, показывает. Множество фото, библиотека… Все странно, мрачно, абсурдно… Кажется, все вышли подавленными. Великая бессмыслица!

Во второй половине дня встретились с Гариком. Обедали в их квартире, с Олей и Киркой. Говорили о Тане. Вспоминали.

Сегодня спектакль идет хуже вчерашнего. Вчера принимали шумно. В течение спектакля и после особенно. Чудесный народ испанцы. Все-то им нравится.

Сегодня в зале сплошная молодежь, лет по 20–25. Первый акт перекричали, по-моему…

Может быть, в смысле стратегии можно (нужно) иногда «спустить дурную кровь»… Но это дурно. 3-й акт. Последнее время мне вообще не нравится… «Заросло» что-то главное, то, что *не в логике*…

3 августа 1989 г., Мехико

Наверное, от кондиционера простудился… сел голос. Трудно было играть 1-й акт (сегодня смотрят ребята).

Приближается отъезд. Когда-то ждал этого дня… Теперь не жду. Честно говоря, не хочется домой ехать. И здесь печально, тошно… Там еще труднее будет. Надо лететь в Одессу. Никак не решу: смогу ли сначала в Ростов заехать?

Сегодня бродил с утра по городу… Так, бесцельно. Потом обедал у ребят. По-домашнему. Ехал к ним на такси, меня обманули, заплатил 15 тысяч песо.

Какой огромный город! 20 миллионов здесь живет… Как у нас любят говорить — «страна контрастов».

Лететь будем, кажется, через Гавану.

Что я буду делать дальше? Иногда приходит такой вопрос, правда, не часто, и не знаю, что себе ответить. Не знаю.

В труппе сейчас… Не то чтобы покой… но тихо как-то. А. А.

не шумит. Говорит тихо. Даже вчерашний, не очень удачный спектакль не вызвал «шума». Просто поговорили, и все.

4 августа 1989 г. Mexico City, Theater del PueЬIo

Сегодня играли предпоследний спектакль. Всего здесь шесть штук (2-го, 3-го, 4-го, 5-го, б-го, 7-го).

Идут с нарастанием. Первый — шумный, веселый. Второй на радостях мы перекричали сами, и он был наименее интересным из этой серии. Третий — успокоились, отстранились от зрителей, и спектакль «пришел» к ним.

Некогда писать. Совещание по поводу груза.

6 августа 1989 г.

12.30 утра. Самолет «Аэрофлота» «ИЛ-62» (рейс 42). Сейчас 2 часа до Гаваны, потом на Шеннон и оттуда в Москву.

Вчера сыграли последний спектакль. Триумф, победа.

Народу было раза в 2 больше, чем вмещал зал. Сидели, стояли, буквально на каждом свободном пятачке. Явный «перегруз». И еще на улице осталось стоять человек 100.

8 августа 1989 г. Мехико-Гавана-Шеннон

Ну, вот, летели, летели… долго летели… даже не помню, сколько. Сначала до Гаваны часа 2, там сидели в аэропорту. Дикая жара; социализм. Потом часов 8 до Шеннона, и там опять в уже знакомом «Фри шопе» тратили последние доллары и прощались со свободным, разумным, красивым, человечным, удобным, уютным, чистым, толковым миром угнетения трудящихся.

Еще рывок в 4 часа, и мы в милом сердцу Шереметьеве.

Грязь, толпа, неразбериха, ожидание вещей… тупая таможня… Дома в Москве было 7 часов вечера. Спал…

10 августа 1989 г. Москва

Несколько сонных дней дома… Голова кружится… Всю ночь не сплю, копаюсь в бумагах, перебираю одну за другой, рву, выбрасываю, перекладываю с места на место. Видимость полезной деятельности.

Решил больше не пить. Не пью… совсем. Оказывается, тяжесть в голове не от этого… Ничего не проходит. Под утро забываюсь… и потом сплю весь день. Вчера и сегодня спал с 7 утра до 5 вечера… Бессмыслица. В Одессе опять какие-то глупости… Съемок нет, и что делать, не знаю… Поживу еще день-два здесь. Может быть, приду в себя. Тогда решу, что делать.

Сейчас 22.30. Опять предчувствую бессонницу. Сел к столу

писать письма… Наверное, не потяну. Письма. Вот лежит передо мной пачка твоих последних писем. Детонька… детонька… Невозможно читать, невозможно перечитывать… Зачем? Зачем все это?

13 августа 1989 г., Москва

16 августа вечером приехал в Ростов «Тихим Доном». «Дон» оказался очень тихим, опоздал почти на 6 часов. Несколько дней был здесь. День почти каждый ездил к Танюше. Горько и тяжело… Жара… цветы вянут сразу. Вкопали в могилку вазочку. Астры в воде стоят подольше. Розы вянут. Был у Мигдата. Приезжали Лариса с Сашей. Тоже были на могиле. Вечером посидели у них. Выпили водки. 21-го подсел на проходящий поезд в Сочи. Там ребята меня хорошо устроили, рядом со своей турбазой. И питание… За одним столом с ними сидел. Толик, Вета, Нинка. Купался, загорал. Вместе с ними было хорошо. Один бы я не выдержал и дня. Вечерами смотрели кино (если выдерживали до конца). Гуляли. Жил я один в клетушке, рядом с морем.

Вчера опять на проходящий поезд подсел. Дал 20 рублей — и в Ростове. Последний раз сегодня съездил к Танюше (с мамой вместе). Попрощался. Сердце здесь. Тоска и одиночество непередаваемое. Любовь — это наказание (за что только, не знаю, наверное, за счастье), потому что остаешься один.

Сегодня еду в Москву. «Тихим» опять же «Доном».

Потом… Надо в Омск. День за днем… Бесцельность, бессмыслие… Деньги летят непонятно куда. Не замечаю, как их трачу и на что…

Сегодня 21 августа 1989 г.

Уже так, по привычке пишу… Что-то такое делал по обмену… Кажется, ухватился только за кончик ниточки. Самый кончик. Говорил сегодня с «деловым человеком». Нужны деньги. Чем больше, тем лучше. И Танюше на памятник тоже нужны деньги.

Деньги, деньги… черт их побери.

Достал билет. Завтра улетаю в Омск (в 12.00). Господи. Да, уже сегодня: 2 часа ночи. Ладно, полечу.

6 сентября 1989 г. Москва

Прилетел 19-го. Тяжко… Дом. Родной наш, любимый дом. «Домик», как любили мы говорить с Танюшей, когда было особенно хорошо, замкнуто и уютно. Книжечки, тишина… мы вдвоем… телефон отключен. На кухне пахнет пирогом, мы читаем, лежим на нашем диванчике и читаем…

Разрушил, разрушил дом. Запаковал книжки в ящики, содрал,

свернул… разорил.

21 сентября 1989 г.

12.00. Свежее, желтое, солнечное утро. Все красивые… свежо… свежо, улыбки…

А. А. — «Вы думаете, я вам что-нибудь скажу? Да ничего не скажу».

23 сентября 1989 г., сбор труппы

А. А. — «Несмотря на все декларации, никто ничего толкового сейчас не сделал ни в театре, ни в кино».

«Во всей этой канители у меня нет желания участвовать и „соревноваться“».

«Репертуар растет, а эффекта, эффекта от него нет».

О Достоевском. — «Русские писатели в основе своей были сочинителями, а не беллетристами, именно со-чи-ни-те-лями. Это не писатель, который пишет об униженных и оскорбленных… нет, он пишет о философии униженных и оскорбленных, а это совсем другая история, совсем другое дело».

«Почти все тексты Достоевского выглядят ровно, но это не так».

«Литературное разнообразие диалогов — это первое, и в то же время ровность диалога. Трудно найти драматические повороты узлов и т. д.».

«Если „Преступление и наказание“ написано вечером, то „Игрок“ написан утром. Если „Преступление“ написано мужчиной, то „Игрок“ — юношей и т. д. Здесь много мотивов из „Преступления“, есть и из „Идиота“».

«Интересно движется стиль, в котором пребывает герой, невероятное окончание, у Достоевского чаще всего невероятные окончания».

«Логика, какая угодно (параболическая, другая), но не прямая».

«Игрок». — «Кажется, что персонажи наделены одним и тем же *знанием».*

«Структура, скорее всего, в том, что большая часть композиции заключена в словах (эмоционально окрашенных). Наступает момент, когда люди начинают *говорить* друг с другом, где они даже не обмениваются взглядами, а выясняют позиции».

«Вначале говорят (5-я глава) мужчина и женщина. Взаимное ухаживание. *Тип* здесь выражен взглядом на жизнь. Итак, ситуация влюбленности, ухаживания, но вскоре диалог становится более значимым, и тогда всплывает основная тема, т. е. то, ради чего написано. И почти никогда не удается этого

сделать с актерами».

«А истина? Истина не названа, она не может быть названа. Пошло было бы на репетиции Достоевского *назвать* истину. Ну как сказать, *что такое* Анастасия Филипповна, когда целый том написан?.. Да, все вместе, то, что справа и слева, всегда содержит иронию, юмор какой-то, а середка не названа».

О профессии. — «Моя наука заключается в том, чтобы сказать вам, из чего производится игра… т. е. мне важно вычислить *причину,* а не выяснять *следствие,* если хотите, меня не касается то, что произойдет потом».

«Есть эмоция смысла. Вот что есть. Есть ли персонаж в эту секунду? Нет! Вся плоть подчинена в эту секунду смыслу».

«Только сам себя сложив, он (персонаж) начинает себя проявлять».

«Разбор всегда должен напоминать мелодраму или водевиль. Тогда будет правильно. А то скучно».

23 сентября 1989 г.

Устанавливается привычный режим работы. Терпимая жизнь. Почти обычно.

В первой половине дня занимаемся Булгаковым. Читаем, разговариваем. Очень с краю. Во второй половине — Достоевский. Несколько дней говорили об «Игроке». Жалко, что не записывал разбор, просто не было сил, да, наверное, уже и не будет на это сил, а разбор шеф сделал гениальный. (Впрочем, записано на диктофоне.)

Вечером еду домой. Усталость, сонливость, начинаю ощущать часов с 8 вечера. Никуда не хочется… домой, домой. Поужинал, если есть немного коньяку, выпиваю и в койку, читаю, но недолго. Вот как все переменилось. Где же ты, моя недавняя бессонница? Засыпаю. Просыпаюсь ночью — горит свет, радио трещит, выключаю все и опять ложусь. Утром новый день. День. День. День.

29 сентября 1989 г.

Утром читали и говорили о Булгакове. Вечером — Достоевский. Разбираем «Игрока», «Братьев Карамазовых», «Идиота» и другие вещи…

Вчера *классный* разбор был двух мест из «Идиота». Жаль, что не мог записать (на пленку записано у Люды, надо переписать). Сегодня — общий разговор.

А. А. — «Все взгляды хороши, включая коммунистическую идею. Театр — и на ваших глазах — пережил много смен. Было бы грешно оскорблять кого-нибудь. Положим, что Ефремов

пользуется таким театром, а не другим, Товстоногов — своим театром, а не другим… Вопрос — в законченной системе взглядов».

«Материализм проклятый… Но тогда и ставить надо такую русскую литературу, материалистическую. „Современник“ — хороший театр… но плохой… потому что не смогут они этого никогда понять, разные вещи!!! Стрелки часов движутся от механического усилия или от электрического тока… Разные вещи! Хотя стрелки движутся».

«Если, например, актеры, играющие сцены из „Игрока“, будут соотношением сцен из „Идиота“, ничего не выйдет».

3 октября 1989 г.

Летал в Ростов на сорокапятилетие Танюши. Детонька моя… Был бы праздник, а теперь… поминки. Посидели на могилке, помолчали. Мама, Людмила, Сережа, Толик, Вета, Ниночка. Красивый, солнечный южный день. Помню, мы говорили: надо скорее переезжать… не хочу в Сибири лежать… Вспомнил, но никому не сказал. Сколько всего вспоминается, разве расскажешь.

18-го прилетел в Одессу. Просидел там 4 дня, и опять глупо. Съемки так и не состоялись — шхуна не готова оказалась. Ну хоть озвучил больше половины своей роли. Вроде не напрасно прилетал. Опять «дома»… в Москве. В одиночестве, в пустоте. Перестирал все. Вымыл полы. Плохо себя чувствую. От сухомятки, наверное, и прочей муры.

Делать ничего не хочется. В Одессе встречался с Феденевым… Он развивает отношения со МХАТом.

23 октября 1989 г., Москва

Приехала Настенька. У нее отгулы в театре, три дня. Вместе повеселее стало жить.

28 октября 1989 г.

А. А. — «Ничто не дает чувства жизни — ни работа, ни дисциплина, ни семья, ни любовь, ничего. Афера дает чувство жизни! Только афера („Игрок“). Советские (русские) люди часто живут рабством. (Это не ум — ощущение)».

«Жизнь не каждый день наполнена смыслом, а нам это необходимо, потому что мы занимаемся искусством».

«В разомкнутой структуре конфликт *вынесен.* Он не *между* вами, а как бы вынесен за скобки! Актер в таком случае должен стать автором творчества».

КАРТИНКИ 2 ШТУКИ

«Всякое творчество — поэзия. Вынесенный конфликт — личностный. Действие всегда имеет направление. У Достоевского — это диалог…

Спектакли должны возникать, а не делаться».

30 октября 1989 г.

А. А. — «Актер почти всегда знает *больше,* чем он осуществляет. Ошибочно было бы все, что знаешь, попытаться изложить. В структуре игрового театра человек как бы скатывается с горы (психологический театр). Но… в то же время складывает игровой театр, волево складывает. Все разговоры о Евгении Онегине будут ниже, чем сам роман».

6 ноября 1989 Г.

Нельзя осуждать свет за то, что он дает тень. Поскольку вы сочиняете сами — очень важным становится мир художественный. Это становится мерой всего. Внутри этого художественного мира вы начинаете импровизировать.

9 ноября 1989 г.

Давно не писал… И не писал бы, да вот последний день этого черного года. Тошно, горько… Брел сегодня по Калининскому проспекту, зашел в «Ивушку»… никого… Вспомнил, что это последнее кафе, где мы с ней сидели вместе. Ели гриль… я пил коньяк. Взял гриль, выпил коньяку… Боже.

Раньше как-то получалось так, что всегда записывал что-то накануне Нового года… Но вот теперь нечего писать. Желаний никаких нет. Встречать Новый год буду сегодня в театре, с друзьями.

Ну, что еще написать? Ничего, пожалуй… Детонька, детонька, прощай, моя родная, прощай.

Мне тяжело. Боюсь спиться. Уже боюсь.

30 декабря 1989

КНИГА ВТОРАЯ

1990

От тоски и печали охну,
От тоски и печали не сдохну,
Не уймусь, не свихнусь, не оглохну

В Москве холодно. Сегодня −15, а было −25–27. Сегодня понедельник. Выходной! Целый день сижу дома. 2–5 января ездил к своим старикам. Очень порадовались моему приезду. Мама лежала целый месяц, а тут встала, засуетилась. Утешают меня, помогают мне, родные мои.

Сижу дома. Не читается, не пишется… То одну книжку возьму, то другую, покурю, похожу по комнате… На улицу не хочется… холодно. Никто не звонит. Раньше больше звонили. Теперь почти никто не звонит.

Главное, что сейчас делаю, — пьесу Кольтеса (*Бернар-Мари Кольтес «В одиночестве хлопковых полей»).* Намереваемся с Юрой на серьезную работу… пытаемся, по крайней мере.

Театр плывет (в смысле корабля) по-своему. Непредсказуемо. В чем-то непривычно для меня. В чем-то уже свыкся. А в общем… жизнь позади… Ничего не поделаешь, позади. Тупость, бессмыслие — вот что там… завтра.

15 января 1990 г.

Я все чаще думаю о том, что процентов девяносто наших разговоров — пустота. Пустота не в том смысле, что их можно было бы и не произносить, но даже вред огромный от этого словоизвержения. Слово нужно произносить, *только* когда оно необходимо, когда *без* него не обойтись совсем, когда оно срывается и карает неизбежное, необходимое и… меняет, поворачивает ситуацию, пространство, взаимосвязь. Нечто меняет. Все остальное — молча. Мысль сильнее и продуктивнее слова. Не произнести мысль — единственная, неоспоримая, неотъемлемая ценность человека.

11 февраля 1990 г.

Почти весь театр такой — все только о жизни, остальное вообще не ценится. Самой игрой диалога, игрой внутренней логики, т. е. чистым искусством, мало кто занимается. Диалог не в связи с жизнью, а в связи с искусством? Как ведется, как говорится? Логика чиста перед жизнью, у логики нет формы, она сама форма.

26 февраля 1990 г.

Вчера был юбилей театра, отметили 3 года со дня основания, три года назад сыграли мы здесь, в подвале, наш спектакль.

Дни тяжелые, репетировали (и репетируем) целыми днями (с 11 до 23 и больше). Какие-то события происходят в стране, Москва бурлит, демонстрирует, сегодня состоялись огромные демонстрации, а мы тут ничего не слышим, да и не очень хочется слышать…

Как любил говаривать К. С. (Станиславский), «не верю». Учиться, работать, слушать другого, уметь с сомнением относиться к своему мнению, с юмором к себе… Это все не про нас… а без этого… митинги… Митинговая цивилизация. Лучше заниматься искусством, сидя в подвале. Вчера сыграли генеральную со зрителями. Шеф был доволен результатом (наконец-то, до этого много было всего).

Много кардинальных «новостей» в спектакле и в нашей театральной жизни. Подробности излагать не хочется — скучно… но… распрощались с Витасом, следом за ним — с Петей Масловым… Перераспределились, теперь Гриша играет Отца во 2-м акте, Петю тоже заменили с его «незаменимой» гитарой. Я думаю, что так лучше.

Люди очень устали. Очень. Ночью развозят на такси. Мало помогает. Устали. Я тренируюсь усиленно. Переборол грипп, ангину жуткую и радикулит.

А. А., правда, говорит, что для этого спектакля нужна усталость.

Играем завтра что-то вроде премьеры (хотя и сегодня зал полон), 27-го — выходной, и потом играем — 28-го, 1-го, 2-го и 3-го марта.

25 февраля 1990 г.

Вчера вяловатый спектакль был. Сегодня полный (переполненный) зал. Идет все гуще, плотнее, на хорошей «подушке».

Я думаю, напрасно шеф отменил спектакли на Таганке. Все могло выглядеть очень даже достойно. Ну, что? Проехало.

Позавчера в 3-м акте сидел и… стали возникать стихи:

Я просил у Венеции,
Сидя на Гранд-канале,
Вернуться сюда
Вместе с тобой.

Потом обязательно допишу до конца. Хорошие стихи.

Хорошо… Хорошо. Идет. Ладно… Поехали. Странное дело. Странная жизнь… Главное в ней вовсе не главное… Впрочем, еще один день заканчивается… еще один спектакль… Вот и вся Философия… Мне тошно, одиноко и бессмысленно. Льет безумный весенний дождь, просто ливень. В феврале-то месяце. Тепло, весеннее. В башке — обмен… дался мне этот обмен, как будто он что-то решает. Может быть, просто хочется забиться в свой угол и затихнуть. Может быть, я никогда уже больше ничего не буду делать. Скоро (вспомнил) стукнет сорок три года. Говорят, это еще молодость… а у меня жизнь позади. За что зацепиться? За что?

26 февраля 1990 г.

Самое сложное искусство — делать *простой* театр. У театра как у визуального искусства очень много средств (прежде всего визуальных) для воздействия на публику.

Когда мы оказались в подвале, практически все эти средства исчезли и остался только играющий человек. Стал — *всем!*

Актер в этой ситуации должен быть и композитором собственной роли, и представителем стиля, в этом смысле Автором. Не менее мощное воздействие могут оказать 2–3 музыканта (в сравнении с оркестром) за счет *импровизации, сочинительства.* Нотная музыка, конечно, очень сильна (оркестр), но *сочинительство* дает новые средства.

28 февраля 1990 г.

Сегодня мы импровизируем.

Человек — актер — персонаж одновременно. Играющий актер должен играть про-дол-жая, т. е. должен быть лишен экспозиционного чувства. Актер, как правило, является толкователем *прошлого* времени. Актер погряз в прошлом. Особенно это видно в монологах: все монологи — воспоминания. Говоря «Я вас люблю», — никогда не играется приходящее *сейчас* чувство, всегда — *я вас любил.*

10 марта 1990 г.

Идет последний спектакль этой серии. Спектакль сильно изменился. Нет, не стал хуже (или лучше), стал несколько другим. Я думал, что не стоит играть в подвале, и сейчас думаю — напрасно шеф отказался от Таганки. Сейчас-то просто уверен, что был бы большой успех. Но и здесь, в подвале, температура хорошая, принимают хорошо.

Серия была тяжелая (в физическом смысле). Устали. Ну, все, последний. А завтра — опять… На 16.00 назначена встреча с А. А. Какие-то планы, даже не знаю, какие.

Хотел лететь на пару дней в Ростов, надо отложить. В Киев приглашают сниматься в картине «Симон Резник». Не знаю… Полная неясность.

Не знаю, как выразить. Как описывается это состояние? Чувствую разрушение, внутри, в себе. Может быть, равнодушие. Временами пыжусь… что-то пытаюсь… но… честно, сам себе говорю: лень, лень, лень, мне не хочется ничего. Вот только еще бездомность донимает. Страшно волнуюсь и боюсь, что случится что-нибудь непоправимое, не-по-пра-ви-мое. Хотя… понимаю, что не-по-пра-ви-мое уже позади. Иногда забываюсь, бегу, стараюсь успеть, сделать, позвонить, вдруг останавливаюсь: зачем? мне? не хочу… не надо. Редко стал писать маме и папе, казню себя за это… казню и не пишу. Телефон подстраховывает. Перед сном пью коньяк. Не читаю ничего. Включаю тихонько «Свободу» и засыпаю. Днем… бегу. Вечером — играю… Вот такой внутренний монолог. Ладно, хватит.

18 марта 1990 г.

Прилетели вчера… Будем играть три спектакля в театре-лаборатории Гротовского. Видно, за последние пару лет произошло что-то, поездки, страны, города… много невероятных событий произошло с нами. Поэтому трудно до конца оценить эту скромную поездку во Вроцлав.

Вот эта арка… узенький переулок… вот крутая лестница туда, наверх. Вот входим в зал. Сколько было слухов, разговоров, легенд, мифов!!! Ежи Гротовский! 60-е, 70-е годы — Гротовский… И если бы тогда кто-нибудь из нас попал сюда, только во сне… Зал… даже зальчик, с усеченным потолком, два окна… Понимаю, что святыня, понимаю, что история.

Ksiaze nieztomny. Akropolis. Tragicne ozieje doktora Fausta. Apokalypsis cum figure. Все это здесь, в маленьком зале Laboratory theatre of Wroclaw, или teatr laboratorim, если по-польски.

Но чувство пригашено. Боюсь, что это только у меня. Спрашиваю ребят… нет, со всеми что-то подобное. Хотя со мной, может быть, больше, чем с другими, происходит. Может быть, даже возраст начинаю ощущать. Все-таки мне 43 года… а живу все как-то по-студенчески, по-актерски. Задержался в этом состоянии. Хорошо или плохо это… не знаю. Чувствую только противоречие, явное противоречие.

Сейчас репетируется 2-й акт. В музее, на первом этаже (теперь здесь музей). Фотографии, фотографии, афиши. Вот костюм стойкого принца, вот ботинки на деревянной подошве из «Акрополиса»… Музей. Важнейшие даты театра. Печальное, печальное, грустное зрелище. Безнадежная попытка остановить мгновение, задержать, остановить то, что не останавливается, — Время… Театр. Закрадывается еретическая мысль — а нужно ли все это? Музей? и проч. Вот и мы так, скоро рассыплемся… перестанем *быть*… и что? Музей в подвале на Воровского, 20? Да, наверное, там мог бы получиться хороший музей, не хуже этого.

Расписание, как всегда, плотное.

Живем в чудесном месте… Возят на автобусе.

14 апреля 1990 г., Вроцлав

Расписан весь день. Еще втиснули все-таки просмотр нескольких видеокассет о Гротовском и его спектаклях. Получается — весь день. Завтрак с 8 до 9, выезд где-то в 9.30 в театр… тренаж (Абрамов), фильм, Васильев, Юрова, Скорик опять с нами и т. д. В 9 вечера приезжаем на ужин в гостиницу и в 22.00 репетируем «Сегодня мы импровизируем» для Пармы. В первом часу ночи расходимся спать и т. д.

В первый день, 14-го, я заболел сильно. Ангина, наверное. Даже отвезли днем с репетиции домой, снабдив аспирином. Лечился всеми средствами. Расстроился, что не смог петь в этот вечер с ребятами пасхальную литургию, которую готовили несколько месяцев специально для Пасхи. И ко всенощной тоже не смог поехать. Наши были в православной церкви местной.

Ночью вышел на улицу. Место, где мы живем, почти

пригород, какое-то богатое военное охотничье хозяйство… Рядом костел. Тихо. Почти деревня. Темно. Помолился. За Танюшу помолился. Вспомнил, как на прошлую Пасху мы с ней были в храме на Якиманке. Детонька, родная моя. Она так молилась. Мы не знали… не знали… не знали… Была последняя Пасха. Я думаю, что душа Танюши спокойна. Я верю. Она слышит, как я с ней разговариваю, и она в покое, в вечном Покое. Это так. Она самый светлый и самый добрый человек. Самый светлый и самый добрый из всех, кого я знал на этой земле. Вместе с ней кончилась моя жизнь. Так ясно и просто сознаю это, и никакой печали нет в душе у меня, что жизнь моя позади. Честное слово. Позади с ней. Впереди с ней. Теперь я могу посмотреть на всю свою жизнь со стороны.

А теперь… что-то другое… остаток, отросток… какая-то другая посторонняя ветка… Вот что теперь моя жизнь.

Вчера был тяжелый день. В духе наших «борений». Все устали. Ничего не успеваем (правда и то, что много времени тратилось нефункционально). В 22 шеф сказал, что съездим на ужин в гости и вернемся на ночную репетицию (что вообще обычно у нас). Поехали, поужинали… вернулись, начали репетицию со 2-го акта. Усталость, раздражение… Наташа К. впала в транс… Зал другой… мизансцены надо менять и т. д. Нервы, срывы… Хамство… Шеф прекратил репетицию, ушел в кабинет… Началось… ну к черту, не хочу про это… глупости, все мрак и пустота… неверие и невоспитанность, хамство и нецивилизованность, не творчество и не знание… в общем, мрак.

Утром история продолжалась. Она не вышла к завтраку, закрылась в номере. Не поехала на репетицию (9.30 утра). Вернулись с несостоявшейся репетиции в третьем часу.

Тем не менее спектакль идет. В театре-лаборатории Гротовского. В стенах, которые столько видели великого, совершенного, человечного и нечеловеческого. Спектакль идет. Хорошо идет. 1-й акт играть было хорошо. Может быть, даже опьянение, хотя и… Вот шеф вошел, говорит, недоволен актом. «Без репетиции вы играть не можете…» А я по трансляции слышу, мне кажется, хорошо идет, ладно. «Нет, Коля… это все примочки», — и четки перебирает. Уставший, уставший человек. Как я на него вчера был зол, за то, что он вызвал меня на ночную, хотя я не занят во 2-м акте. А вот теперь сидит он в гримерке, теребит четки, молчит, слушает сцену по радио. Мне жалко его. Сердечно жалко его. А можно ли помочь, дано ли кому-нибудь помочь ему…

У меня мысль появилась одна. Навязчивая мысль. Очень важная. Обдумаю и, может быть, завтра запишу. А может быть,

так и сделаю.

Сегодня 17-е, первый спектакль. Еще завтра и послезавтра.

17 апреля 1990 г., Вроцлав

Большой успех. Особенно хорош 2-й спектакль. Последний вечер — прием в музее. Осинский *(Збигнев Осинский — директор Института Гротовского во Вроцлаве.)*

Без даты

«Мы проделали с вами вместе большую работу. Я благодарен вам за это. С Богом!» Такими словами начал сегодня шеф первый акт третьего, и последнего, спектакля в Польше. Последнего в Польше и, может быть, совсем последнего… По крайней мере, так было решено им раньше… Чувства разные… и предчувствия у всех разные… Кто-то говорит, не верится, что последний… что это все… Но… тем не менее, на сцену шли как-то тихо… поглядывая друг на друга и похлопывая по спине, по плечам… Ну, мол, что, приехали… Finita.

Днем фотографировались у театра… У театра-лаборатории Гротовского… Вчера-то мысль у меня была заманчивая, вот какая: не поставить ли и мне точку в своей актерской биографии здесь, сейчас… А что? Очень даже подходящий момент. Красивый даже момент! Мог ли мечтать тогда, в 68-м, актер ростовского ТЮЗа… Плохо ли, хорошо ли… жизнь прожита… Столько всего было, пора. Да… Наверное, так и будет. Есть в этом смысл.

Вчера был классный спектакль. Так легко, открыто шел… Мне зал кажется идеальным. Играется в какой-то тихой радости. 60 человек зрителей… (у Гротовского было, кажется, 40 или 44). Малейшее напряжение чувствуется сразу, сцена «зависает» и движется как бы на инерции, без подкачки, без лишней энергии… Чувство… Не знаю, как сказать… сладостное… Нет, совсем не то слово. Наркотическое? Нет, тоже не то. В общем… счастье. Сегодня еще была возможность побродить по городу. Заходил в костелы. Молился. За Танюшу молился. Разговаривал с ней. Ничего словами не выскажешь. Но… Бог ведь все понимает не через слова. Так же и Танюша теперь слышит не слова мои, а сразу чувствует сердцем, все, что на сердце… Я ничего не прошу у Бога, теперь уже ничего.

Только упокоить ее душу. Благодарю Бога за всю нашу жизнь, никакой другой нам не надо… и в мечтах не надо. Вот та, которую мы прожили с ней, единственная наша жизнь, и за каждый день, за каждый час этой жизни свято благодарю Бога. Ни на что другое, ни на какие блага, славу, долголетие, счастье, ни на что не променяю нашу, Танюша, жизнь… Это правда. Это

единственная, святая правда, с которой стою перед лицом Всевышнего… Он слышит, и ты слышишь, родная, единственная моя, родная, любимая. Целую тебя, целую и благодарю. Благодарю Бога, благодарю тебя.

Упокой, Господи, душу рабы Твоей Татьяны. Упокой, Господи.

18 апреля 1990 г. Вроцлав

Самолетом из Вроцлава в Варшаву (20-го). В Варшаве долго сидели в порту. Уже сели в самолет, опять высадили. Хорошо хоть накормили. Потом летели до Милана. Прилетели часов в 11 вечера. Встретились с другой нашей группой в аэропорту. Здравствуй, Milano! Долгая процедура dogano… мы и поляки, остальные сразу прошли. Автобусом до Пармы ехали часа два с лишним.

Отель «Batton». В центре. Город чудо! Чудо! Гулять некогда. Все вместе сходили только в театр Фарнезе. Репетиции начались на следующий день. Через день открытые, т. е. со зрителями (за плату).

Кризис. Дикий кризис. Полный букет… Ненависть, злость, бессилие, крик и т. д. Тяжелейшие дни. Подобное редко. С 25-го начинаем репетировать в Фонтонелато.

В основе спектакля, сыгранного в маленьком итальянском городке Фонтонелато, была пьеса Л. Пиранделло «Сегодня мы импровизируем» с разными фантазиями на другие темы.

21 апреля 1990 г.

Театр! (Театрик?). Провинция. Монастырь, карпы. Люди. Бар театральный. Велосипеды в театре. Ездим каждый день (автобус). Утром в 10–11 уезжаем (ехать минут 30–40), возвращаемся ночью в час-два.

Репетиции (открытые, 2 часа) очень тяжелые.

28-го — кризис. («Я уйду! Я уеду, где машина?..» — Слезы, стресс.)

Ребята держат ситуацию. Тихо, спокойно. Работаем.

29-го спектакль назначен на 5.30, перенесли на 6.30. А. А. откладывает на 21.00!! Скандал. Потом на 20.00. Зрители? Как хотят. Начну в 20.00. Работаем. Игорь Попов! Володя Ковальчук! Ваня Даничев! Андрей Зачёсов! Классная работа. Костюмы. Реквизит. Декорация! Свет! Работаем. Перерыв на обед не делаем.

Спектакль частично записан на пленку. Успех огромный. Центральная пресса и ТВ…

Много статей (в один день в 3-х центральных газетах восторженные рецензии). Кризис миновал.

25 апреля 1990 г. Фонтонелато

Обратно в том же порядке. У нас с Юркой, правда, не было мест на самолет из Рима. Грозило застрять в Риме на 2 дня… Я не волновался… Улетели в Москву.

Тут кошмар. Пустые магазины, очереди и т. д. Дикий кошмар. Мы там еще в газетах обратили внимание на сообщения из Москвы, но то, что произошло за пару дней, даже не предполагали. А здесь хаос… паника, ужас.

Без даты

Первая встреча с А. А. после Италии. Все странно и печально. Опять претензии, опять угрозы. Я (именно я) не чувствую себя виноватым перед ним, перед театром *ни в чем.* Ни в чем!

7 мая 1990 г.

Перерыв отменил. Что говорить, не знает. Постепенно раскрутились на воспоминания спектакля в Фонтонелато (с претензиями, конечно, и обидами, что не помним). В основе спектакля, сыгранного там, была пьеса Л. Пиранделло «Сегодня мы импровизируем с разными фантазиями на другие темы». Бессмысленный, ненужный разговор.

9 мая (День Победы)

Летим (опять) на Сицилию. На этот раз с радостной миссией — «помочь» шефу получить Premio Europa.

Город Таормина на Сицилии учредил пару лет назад такую премию. В этом году премию получает Стрелер и специальную, под названием «Новая европейская реальность», наш А. А.

Летим двумя группами (сложности с билетами) — шеф, Гриша, Наташа и Ирина через Париж и Рим, мы (Скорик, Юра, Олег и я) через Рим.

Хороший перелет. В Риме все удачно, с рейса на рейс с ходу.

Восьмиместный «Мерседес» от компании, где приземлились, за час докатил до Таормины. Поздний вечер.

Встретил Игорь Попов (он летел вообще один через Франкфурт).

Мы живем в отеле «Изабелла» (рядом с театром), тут, правда, все рядом. Совсем рядом и Римский театр.

Город — bellissimo! Шеф в отеле «Сан-Доминико» (сад, бассейн… море).

25-го — наш вечер (презентация).

Интерес огромный к нам. Битком зал. Играть крайне трудно. Крайне трудно.

(Гриша — Ира — из «Идиота».)

Потом из «Персонажей». Потом письма (Ира). Потом Гриша — Наташа.

Газеты опубликовали сумму, которую получит наш шеф, 17 ООО экю (25 миллионов лир)!!

В этот день вечером шеф сделал прием.

24–25 мая 1990 г., Рим-Таормина

Вручение премий. Приезд Стрелера (*Джорджо Стрелер (1921–1997) — крупнейший итальянский и европейский театральный режиссер. Первый увиденный мною спектакль в его постановке — «Буря» Шекспира, — буквально потряс, ошеломил меня. Мы имели честь несколько раз по приглашению Мэтра играть в его театре в Милане)*.

Вечерние костюмы, регламентация и т. д.

Довольно серьезно все.

УЖИН!!! Пожалуй, только в кино видел такое. Умереть!.. (Меню прилагается.)

День был великолепен. Вечер невероятен. А вставать в 4 утра.

Да, за премиями ездить гораздо интереснее, чем их зарабатывать.

1990 г., Таормина

Кризис, или как назвать, не знаю. Пишу, потому что уже невозможно слушать. Тяжелые дни. Крайне тяжелые. Июнь, июль работаем по 10–11 и больше часов каждый день. Без выходных почти. Какое-то время было ничего, продвигались, сделали один *замечательный* показ по первым двум цифрам. А. А. был доволен, хохотал. Действительно, была удивительная репетиция. Дней пять назад что-то с ним такое произошло. Опять — все чепуха. Заболел. Пошел на нас с кулаками и тяжелой ненавистью. Стращания, угрозы, уходы, неприходы и т. д. Затяжной военный роман. Кто об этом напишет правду? Никто. Потому что никто не сумеет рассказать правдиво. А правдиво, значит, без однобокой позиции. И без эмоции. Тяжело. Он сидит и говорит часами. Он не любит нас, да что там — просто мы причина его болезни… и предатели и т. д.! Господи, что несет? Что несет? Какая-то черная туча.

Дал же себе слово не говорить, ну и молчи, дурак, он же не слышит ничего.

12 июля 1990 г.

Лето. Холодное, неуютное московское лето. Живу в новой квартире. В своей квартире. Это еще совсем недавно было недостижимой мечтой, недосягаемой. И вот, вот это есть.

Господи, жизнь бежит к смерти. Молча и бессмысленно я живу. Весь день провожу в подвале. Плесень подвальная. Поздно вечером еду домой. Очень спешу домой. Даже что-то радостное есть в душе, когда еду домой. Начинаю суетиться, готовить ужин. С Танюшей разговариваю. (Я покупаю ей цветы, к портрету.) Мне нравится дома. Хорошо. Покойно. Сажусь ужинать, включаю телевизор или видик. Пью коньяк и ужинаю. Хорошо. Ноги отдыхают. Потом тошно и нет сна. Пью еще. Курю. Сдыхаю. Видео крутится — я сплю. Утром будильник звенит. Ругаю себя, говорю, что больше не буду пить в одиночестве. И иду в театр. Зачем все?

Думаю о том, что нужно бросить страдания и муки. Танюша очень бы была мной недовольна. Она бы изругала меня за сегодняшнюю жизнь. Изругала бы — это точно.

Импровизация — это состояние души. Драма, как и все виды искусства, абстрактна, как музыка. Она становится конкретной от нас, проходя через нас.

15 июня 1990 г.

Театр — дом, дом — театр… по 10–12 часов ежедневной работы… полезной, бесполезной, нужной, ненужной, толковой, бессмысленной… разной…

Состояние тоже разное. Был разговор с шефом, личный. Оказывается, плохо умею говорить (и это плохо). Недоволен разговором и собой. Не сумел объяснить, не сумел сказать… вообще ничего не сумел. Ну, что ж. Значит, такой я. Теперь такой.

Завтра утром улетаем в Австрию. Там будем репетировать «Сегодня мы импровизируем». Потом в Югославию.

Без даты

Вчера в 10.30 утра вылетели из Москвы аэрофлотовским рейсом до Вены. Из Вены на автобусе до Зальцбурга, 3 часа.

Вечером в театре «Stadtkino» смотрели канадскую труппу (пластическую). «Мамана» или как-то так называется спектакль. Мне понравилась труппа. У наших разное отношение.

Фонтан… публика… день, солнце… Моцарт.

Музыкант с гитарой и с губной гармошкой… Девочка сидит на ступеньках, пюпитр перед ней, играет на флейте… очень тихонечко, для себя… но и для меня, если мне этого хочется…

Публика… публика… публика… музыка… музыка… музыка…

Опять это чувство… после дома, после России, после Москвы — конфетно-шоколадно-игрушечное царство. И люди празднично наряженные, счастливые и щебечущие, кажется, не живут на свете, а специально договорились, чтобы поражать мое воображение.

19 июля 1990 г., Зальцбург

Уже не помню, вернее, не заметил, сколько мы ехали из Зальцбурга сюда, в Гольдег, на автобусе… что-то час или полтора.

В Зальцбурге вечером (после ужина в ресторане) мы сидели на скамейке у реки, и я уснул. Может быть, на несколько минут.

Несколько прекрасных минут на скамейке, на берегу… били колокола… проезжали на велосипедах пряничные австрийки… Вечером было прохладно. Наконец пришел автобус. Поехали. Забыли Гюзель, вернулись. Опять поехали.

От красоты и покоя сходишь с ума…

Уже… уже не хочется отсюда уезжать.

Утром не спеша идем на завтрак из наших Zimmer в соседнюю гостиницу…

Встречные улыбаются и здороваются, говорят: «Морген» или: «Бог с вами», — и улыбаются…

Завтракаем все вместе за одним столом.

Без даты

Открытая репетиция. Сейчас перерыв, и через четыре минуты начнем первый акт в прогоне. Через четыре ровно, чтобы совпасть с ударом колокола на соседней ратуше. Валера крутит подъемную лебедку старого замка, на чердаке которого мы репетируем (и показываем). И… *бьет колокол* (7.15).

26 июля 1990 г. Гольдег

Открытая репетиция вчерашняя прошла очень хорошо. Поначалу А. А. волновался… как-то неуверенно, медлительно все пошло, да и переводчик Андрей Бородин не в тоне, в разладе начал… Потихоньку выравнивалась атмосфера, разыгрались хорошо в этюде «с пушинкой», вернулся к шефу покой. Состояние игры. Кинул связочку направо, налево, качнул действие, свинганул, пошла, пошла сцена, задышала, как иногда дышит только у нас. Так ловко первая часть прошла. Потом небольшая пауза, антракт… и пошли весь первый акт в прогоне… Почти без остановки, чистенько все шло. Где-то в одном месте подкинул шеф «оперку», спели нечто, заладился акт. Слава богу!

Вечером сидели в ресторанчике со знакомыми немцами, югославами, австрийцами, пили красное вино. Хорошее красное вино. Феликс, Даниэла, Яна, Нева, Божидар, наши ребятишки. Казалось, прошло много, много часов… а вышли из ресторана, посмотрел на часы — только половина первого.

Темнота… черная, сплошная и огромные сытые звезды. Мы шли с Р. до моей гостиницы в прохладной глубине ночи…

От тоски и печали не сдохну,
От тоски и печали не охну,
Не уймусь, не свихнусь, не оглохну.

27 июля 1990 г.

Второй акт играли позавчера. Настроение было не блестящее. Тихое. Сложено все довольно удачно, но исполнялось вяло, глухо. Может быть, стало гаснуть в первой половине, т. е. в части «концерта». Итальянский успех здесь, конечно, подтвердиться не мог, чинно и спокойно выслушивал австрийский зал номер за номером, даже «убойный» Сашин номер «Мама» не вызвал заметной реакции… Видимо, эта неожиданная тишина смутила подсознательно… и так все пошло. Расходились вечером скромно. Хреновина получилась. Хотя шеф… вдруг (не похоже на него) спокойно оценил — как необходимую репетицию, полезную, нужную и отвечающую целям. Тем не менее… день 28-го — мимо. И было бы грустно, если бы не вчерашний третий акт! Вот это — да! Вчера — победа. Без всяких дураков. За день сложили, а вечером блестяще сыграли, совершенно очаровательное действие.

Строгое (с напряженным содержанием) — 1) начало (в изящном рисунке, через танец), 2) яркий, театральный переход к «опере» и опера — легкая такая игра, контактная, в согласии с залом… блеск, 3) переход к сцене Рикко Вери (моей), красивый, на пластике, к концу сцены круче действие, 4) здесь монтируется из «Шести персонажей» наша сцена с Юрой (иллюзия — реальность), заводится на хор, поднимается, дает эмоциональный трамплин, и дальше блестящая сцена 5) «Монина — Вери» — и Наташа, и Гриша блестяще сыграли и строго, 6) монолог о театре Иры (я смотрел и плакал хорошими слезами, Ира классно это сделала).

Вот такой хороший день. Счастливые вышли из замка. Шеф превзошел сам себя — сказал нам какие-то очень добрые слова в том смысле, что убеждается, что мы люди *образованные*… — не удержался и добавил — хотя и капризные.

Сидели в том же ресторанчике. Выпивали и пели, пели много песен. Вспоминали всю мутоту 50-х, 60-х, 70-х годов и т. д. Тонны мифической хреноты. Сколько радости, узнавания, знания, соединения и… и… и… Нас, сорокалетних, это вяжет…

Ну, что? сегодня все три акта вечером. Сейчас кончится дивная репетиция. Обед. Опять репетиция (на час перерыв). В 7.30 начало.

29 июля 1990 г., Гольдег

30-го показали блестящий спектакль. 4 часа классного театра. Праздник! Победа! Отзывы — самые, самые. Уорн (продюсер из Вены): это конец старого театра и начало нового! Это революция. Это сравнимо по уровню только с фильмами Тарковского и т. д.

В финале стучали ногами, орали, аплодировали очень долго.

Потом пили пиво в погребке отеля «Neue Wirte» с приятелями Куртом и Надей.

31-го — один из самых прекрасных дней. С тех пор как ушла Танюша, пожалуй, не было такого светлого и покойного дня. Один из тех дней, которые вырываешь из цепи потока и помнишь (или вспоминаешь) потом всю жизнь.

Этот день в Гольдеге такой. За спиной хорошая работа, победа… Впереди — переезд в другую страну, к другой работе, в другую среду. Да еще настоящий выходной! Я избавлен от хлопот покупок и прочей дребедени.

Первую половину дня провели на Золотом гольдегском озере. Игорь, Ваня, Белкин, Иванов, Р…, Алехандро. Ребята купили смешную надувную лодку, катались, купались, визжали, снимались на фоне Австрийских Альп, чинные австрийцы смотрели на нас издали, по-моему, с хорошей завистью… Выпили много вина. Прекрасного вина. Прекрасные, радостные минуты. Когда я шел утром к озеру, один, по тропинке, смотрел на горы, позади белел замок и ратуша с золотым крестиком на готическом острие колокольни, — перехватило дыхание и заплакал, так ощутил твое, милая, отсутствие в мире… Стал молиться, перебрал все молитвы… и после каждой молитвы просил: «Господи, упокой душу рабы Твоей Татьяны». Потом издалека увидел Белкина и других, они махали мне руками. Отпустило дыхание, Танюша подтолкнула меня в спину своими ручками, я ее чувствовал так просто в этот момент за спиной у себя и в то же время вокруг меня — везде, я пошел быстрее и свободнее, и сказал «Аминь», и подошел к друзьям… Я сказал: вот, иду и молюсь за Танюшу, молюсь… за упокой… почему она никогда этого не видела. Юра налил в кружку вина и сказал: «Выпей молча». Я выпил. Все.

В 16.00 выезжали из Гольдега в Зальцбург.

Как нас провожали местные жители… Не забыть никогда. Никогда! Счастливые добрые люди. Те женщины, которые обслуживали нас за завтраком и обедом, с порога гостиницы (все вышли, такой стайкой) махали белыми полотенцами. И в эту секунду пошел роскошный дождь сквозь чистое, солнечное небо. Гольдег плакал… Дальше, дальше, дальше… Несбыточная красота, справа, слева, сверху, внизу… горы, ущелья, склоны,

подъемы… Замок на вершине… нет… нет… нет, не под силу, не пишется.

У Р. вся рожица светилась счастьем. Едем, едем!

В Зальцбурге — дождь. Мы с Игорем и с Расой были в гостях у Курта и Нади. Красивый вечер.

Сделал себе в память об этом дне отличный подарок — трубку и хороший голландский табак.

Посадка в поезд. Студенты на полу в спальных мешках. Мы навеселе. Счастливые лица, хохмы… смех. Шеф одобрил мое приобретение… Обкуривать, конечно, только под его руководством. Тут же набил первый раз табачок. Кажется, в час ночи поезд тронулся. Зальцбург-Сплит. Еще колобродили, пили вино. Бродили из купе в купе и т. д. Засыпали. Утром опять пили пиво, вино. Ехали уже по Югославии. Солнце, солнце… Приехали в Сплит часов в 6 вечера. Значит, 1 августа, так, что ли. СПЛИТ… Старый знакомый. Печально и радостно. Вот подъехали к оперному театру, где мы играли два года назад. Где был такой головокружительный успех наших «Персонажей».

8 вечера (1 августа) садимся на паром. Два часа пути морем — и остров HVAR. Хвар.

Тает Сплит… Красиво… Темнеет. Мы на верхней палубе. Прохлада от моря. Кучкуемся, болтаем.

Кто-то сидит в баре. Мы не спускаемся вниз, здесь хорошо. Шеф в добром настроении. Море. Паром причаливает через 2 часа в Старом городе, а не в Хваре. Уже 11-й час. Теперь нужно через весь остров ехать на автобусе до Хвара. Едем. Ночь. Узкая, вьющаяся дорога.

Конец июля — начало августа 1990 г.

Расписание такое: встаем в 8 утра, купаемся. В 8.45 автобус везет на завтрак, в 10 — тренаж с Абрамовым, первый час — стрейдж, второй час — танец. В 12 — вокал с Г. Юровой. В 13 — Васильев на один час (разговор). В 14 — обед. Тут уже жара полная. Едем в отель. Отдыхать. Жара.

В 18 — отъезд из отеля и репетиция с шефом до 23.

Очень жарко. Днем невозможно. Отдыхающим, наверное, легче.

Состояние шефа критическое. Не может начать репетировать. Конфликты с фестивалем, с Брегичем. Я не знаю всех причин, да, наверное, их и нет в полной мере… Он сам выбрал это помещение, театр, где не играли 300 лет, собственно, это музей, и только, огромное количество технических сложностей, вплоть до отсутствия туалетов и даже воды во всем помещении. (Мы бегаем в кафе, вниз.)

5 августа 1990 г. Хвар

В таких условиях не приходилось работать никогда в жизни… Целый день идут туристы… То итальянцы, то немцы, то югославы, даже русская группа мелькнула… Заходят в ложи, смотрят, щелкают аппараты, снимают на видео… Репетиции идут своим чередом, на второй день уже привыкли, никто на них не обращает внимания.

Шеф долго собирался на этот раз. Были очень тяжелые минуты. Истерики и все такое. «Я один, никто не помогает, я тону, а все смотрят, выплывет или нет» и т. д. 7-го только вечером началась нормальная репетиция. Труппа держится нормально, хотя усталость накопилась немалая. И соблазны южные одолевают, но все в общем держат форму.

Основные трудности с обжитием, подчинением дома (театра). Все-таки театром здесь уже не пахнет. Все мыли, обтирали пыль, как-то обживались. Стало легче. Уютнее, обжились. Игорь с Иваном по свету хорошо определились. Задача была разомкнуть рамки зала, прорезать среду зала извне…

Зал — встроенный (типа Фарнезе в Парме), на втором этаже большого старинного здания. Огромная терраса… море в двух шагах, т. е. в прямом смысле в двух. Площадь… Площадь гудит. Самый курортный пятачок… Лавочки, торговцы, гуляющая публика, разноязычие… Гул слышен в зале до глубокой ночи, тоже проблема.

Сегодня репетируем 2-й акт. 3-й вчера наметили, но только технически. Сегодня более подробная репетиция.

Божедар и Нева (югославские актеры) будут с нами работать. Васильев иногда вводил в спектакль одного-двух актеров из страны, где мы гастролировали, придумывая специально для них разнообразные функции. Это придавало спектаклям особый колорит, взаимопонимание, душевность и юмор. Театр как бы «освобождался» от национального языка и переходил на свой «театральный» язык, понятный всем, кто внутри. Оставалось только зрителей «подтянуть» в свою среду, «внутрь», и атмосфера возникала неповторимая… Надо ли говорить, что часто мы с этими актерами становились друзьями на долгие годы.

Последние пару дней работали до 2-х ночи.

Сейчас половина двенадцатого. Идет второй акт. Хорошая репетиция.

На террасе рабочие югославы (хорваты) пьют вино и соблазняют актеров, канистра вина белого… Глумцы, по-хорватски, актеры. «У здоровье», т. е. за здоровье.

Вот, для памяти. Если напишу когда-нибудь книгу о шефе, придумал название: «Он совсем другой». Если изложить все как есть — это точное название и широкое, верное. Он — совсем другой… всегда.

Завтра представление. Спектакль. 1-й акт еще не трогали.

9 августа 1990 г. Хвар

Пролетело. Спектакли 10-го, 11-го, 12-го и 14-го. 13-го — выходной (полный). По зрительскому приему — блестяще. Прессы много, но… на этот раз не единодушно. С ТВ югославским просто поссорились. А. А. на премьере просто выгнал съемочную группу. Ну, и соответствующее отношение. Пару статей было кислых в центральной прессе. Были и восторженные. А объективно… Третий спектакль уже можно назвать спектаклем… и четвертый тоже хороший. Мне многое не нравится из того, что получилось. Многое принципиально не принимаю, особенно то, что касается игры, как таковой…

Мне кажется, только сцена Гриши и Наташи в этом смысле на достаточном уровне. Флер импровизации съедает неразбериха, случайность, неловкость. Правда, это почти неразрешимая задача, почти невозможная — играть не зная, незаконченно, «сыро», в то же время существуя в игровом изыске, изяществе, я бы сказал.

Грань между хаосом сценическим и художественной свободой, вольностью — почти не обозначена, почти не существует… Без конца заступается, мнется, сминается и… просто грязь в результате…

Шеф напирает на разбор. Часами говорит с пьесой в руках. Часами. У актеров слабеют мышцы. Расслабляется инстинкт игры, привычка игры. Он нервничает, недоумевает, требует. Но получается замкнутый круг. Об истериках вообще нечего говорить. Столько губится в этих криках и скандалах. Странная и непростая ситуация. Разрешить которую мы, наверное, уже не сумеем. Не сумеет он, потому что не может измениться, стать другим, поменять свое отношение к каждому в отдельности и ко всем вместе. Не сумеем мы. Подчиниться уже невозможно, да и не принесет это пользы уже… а всякий «обратный ход», всякое движение к паритету им будет воспринято как бунт и тоже поведет к разрушению.

Конец сезона. 15-го — паром в Сплит, из Сплита автобус до Белграда.

Прощальный ужин (речь шефа со словами благодарности Западу). Ночь в автобусе.

Я теряю свою трубку! Конец.

Гостиница «Сирена», Адриатика. Спасибо.

16-го — Москва. Кошмар. Нет табака, нет еды, ничего нет.
Август 1990 г.

Несколько дней в Москве. Последний разговор с А. А. Говорили больше часа… Как и что… и как дальше. Я и не надеялся, что получится дельный и конкретный диалог, да и вообще существовал последние дни размягченно и равнодушно… Такое состояние возникло, очевидно, как защитная реакция на абсурд нашей жизни последних месяцев… Бессмысленные скандалы, истерики (почти женская истерия) довели людей до отупения… Логика, какая бы то ни было, отступает. Казалось, он ежедневно прилагает все свои силы, чтобы разрушить все, что мы вместе делали эти годы, а главное, уважение и понимание между нами всеми. Минуты просветления… даже искренние слова благодарности в эти минуты тут же перечеркивались многодневными тяжелейшими сценами хмурой ненависти, недоверия, унижения всех и вся. Только наши «закаленные» артисты могли все это вынести в большинстве своем да еще находить силы ломать атмосферу и делать спектакль. И выигрывать. Только наши ребята, я уверен. Но не бесследно, конечно же.
30 августа 1990 г., Одесса

Мой бессрочный фильм. Смешно и грустно. Это, действительно, анекдот уже. Первый раз так тошно и пусто было в Одессе. Хотя… что в Одессе… В основном был в море. В 7 утра уходили на «Призраке» и приходили в Ильичевск затемно… после 9 вечера. Осталась одна сцена.
Быть здесь просто невмоготу. После работы каждый день выпивал. Плохой сон… душа болит. Мне плохо. Лечу в Москву.
29–30 августа 1990 г. Одесса

Сбор труппы — в 11.00. Летел из Одессы первым рейсом (8.15), успел. Пришел к началу. Встреча с мэтром — ничего нового.
30 сентября 1990 г.

Бессмыслица, бессмыслица, бессмыслица. Надо что-то делать — идет время, бездарно и монотонно идет время.
2 октября 1990 г.

Какие спокойные осенние дни начала сезона. Упругий морозец утром. Легко идти в театр. Солнечно, светло в подвале, солнечные квадраты окон на полу.

Неспешные теоретические разговоры. Ощущение единственного смысла в том, что есть эти разговоры, и какими бессмысленными в эти часы кажутся репетиции спектакля, чтобы потом показывать публике бессмысленность набегающей на песок волны. А вот эти беседы, вовсе не прикладные, бесцельные в каком-то смысле, — эти беседы представляются наполненными смыслом и значением и, в конечном счете, — целью.

Театр — как философские разговоры о нем.

Несколько дней таких бесед — как остановка во времени — сидим, смотрим друг на друга, говорим. Вспоминаю пана Гротовского.

Плохое всегда проще, чем хорошее, — плохое всегда понятнее.

Как передать вдохновение, желание жить, желание нравиться (все такое хорошее)? Как передать? Чувство радости как передать?

Смешно… банально… но как можно ставить Мольера без жажды, без радости жизни? Конечно, без этого возникают иногда прекрасные пародии.

В науке говорят: зачем вы открываете колесо? Оно уже есть. В искусстве обязательно надо каждому изобрести колесо. Каждому обязательно.

Свободно возникающая сцена поражает более, чем свободно возникающая музыка.

5 октября 1990 г.

«Самое большое испытание для художника — это педагогика, потому что обучение константам — это знание, всегда речь о знании. Очень опасно, потому что в прямом творчестве это исключается. От незнания начинаешь плыть.

Эфрос в конце своей жизни не знал, как делать последний акт. Прекрасный художник, великолепный — вот не знал. Он работал интуитивно, он знал, он умел, но *жизнь менялась*. Он терялся, не находил контакта с актером, с собой, и разрешение носило математический характер, что ли… замечательный талант распределения действия. Но в „На дне“ весь четвертый акт должен опираться на третий, а этого не было. Это вопросы творческие».

6 октября I 990 г.

Я придумал фразу о Фрейде: «Всю свою сознательную жизнь он отдал бессознательному».

Еще один бесконечный разговор, и разговор, который никуда не приведет и привести не смог бы никогда. Договоры, уговоры,

нравственные обязательства, кто кому больше должен, кто кому принадлежит, мы театру или театр — нам.

7 октября 1990 г.

Вчера был выходной день. Замечательный выходной. Сидел дома, никуда не ходил и счастлив этим. Если б можно было так просидеть неделю, наверное, мне и этого было бы мало — чем менее значительно дело, тем больше тихой радости доставляет его делание.

Без даты

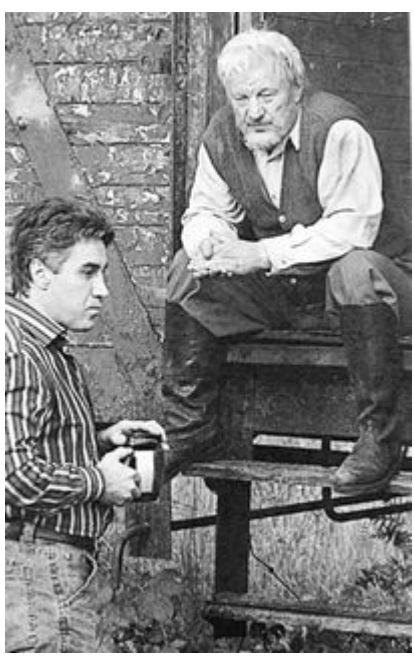
«Мне показалось, что влияние Станиславского для Америки больше, чем Чехова. Чехова влияние локальное, мне кажется.

Набором *приемов* добиваться хороших результатов. У американцев магазинное все-таки понятие — сложные организмы не приживаются.

Только внутри стиля бывают *новые* вещи. Пиранделло, а посередине авангард. Олби.

Самые лучшие фильмы отражают реальность. В лучших фильмах актер всегда *модель*. А модель — это портрет времени. Актерское кино — что о нем говорить, это вообще не кино. Настоящий театр — условная структура, а кинематограф больше связан с реализмом».

16 октября



«Александровский сад». С режиссером А. Пимановым

Сделали два этюда на первую сцену «Три сестры». В этюде задание и органика вступают в противоречие. Чаще всего органика рушит задание. Присутствие на сцене связано с процессом *пройти* то, о чем договорились. Театр как таковой здесь отсутствует. Мы можем рассчитывать на секунды свободной жизни, которые нам дает точно выполняемое задание. Должен быть исключен и театр (для кого-то). Вы и партнер внутри, и задача.

20 октября 1990 г.

Условием нашей работы является ошибка. Тема все равно называется, пусть неверно, но называется. Важно, что каждый распределяет себя *сам,* сам называет. Репетиция есть последовательное движение от начала пьесы к концу, т. е. корректируется ошибка. Драматическая ткань первой сцены (монолог Ольги) — в *слове.* Ткань сцены ухода Маши — в *тишине.*

«Чайка» — Сорин, Треплев. Любительский подход к делу: свобода, понятая как «что я хочу — то и делаю», «какое настроение есть — то и несу». Получается — говоришь одно, получаешь другое. Что неправильно.

…А текст у Чехова очень смешной. Начало «Чайки» очень смешное. Текст «Три сестры» очень смешной.

21 октября 1990 г.

Мы решили читать и говорить об «Иванове». У нас сегодня дурное настроение. Очевидно, будем капризничать.

22 октября 1990 г.

Вчера был выходной. Сегодня опять разговор, и опять «безнадежный». Игра есть сам разбор (а не игра внутри разбора). Говорить адекватно своему настроению — значит быть человеком. Прятать свои чувства (скрывать) — это сегодняшний человек. То, что сегодня из человека сделали.

Реализм Чехова довольно прост. Очень похоже на жизнь и в то же время сочиненное. Несложно понять Иванова. Сложно найти ракурс его истерии. Я не вижу, что Соленый способен на длинную фразу.

Темы, связанные с искусством, могут разрабатываться вечно. Мне не кажется, что нужно трогать те темы, где что-то рассказывается о той жизни, к которой пришли современные люди сегодня. Племя людей, занимающихся такими чувствами, идейками, — сор. Как в конюшне — смыть бы надо, и все. Подвиг в этом. В малом количестве, может быть, и может что-нибудь

произойти. Невзирая на сегодняшнюю жизнь, при помощи нашей жизни, надо рассказывать о том, что было прежде, о том, что будет потом. Остаются *две* темы: или об искусстве, или…

Не думаю, что можно показать, что такое истина, — вот это истина! Но в соотношении, мне кажется, можно рассказать.

Есть какое-то другое состояние души, которое *это* знает, но которое *этим* не пользуется (современным). Есть мы, но есть и те, что жили *до нас* — они то живы (как будто мы присягу дали в атеизме — есть только мы). Нет, я не хочу сказать, что мы рассказываем о прошлом. Рассказывая о прошлом, они рассказывают о себе. Конечно, моя мысль элементарна. Не реставрация, не воспоминание о прошлой жизни.

Не надо подмигивать и расшифровывать экспозицию. Не надо знать все. Знать больше, чем значит слово (вкладывать в него больше смысла, чем оно имеет). Мхатовцы искали в слове *весь* смысл! Непонятное должно остаться непонятным, потом станет понятным.

31 октября 1990 г.

«Чайка».

Для того чтобы открыть поведение Треплева, нужно ответить на один вопрос — разные темы (говоря о всех) или одна и та же? Ответ о действии не отвечает о том, как распределены слова. Действие — одно, слова — другое.

Медведенко — Маша — диалог встречный. Сорин — Треплев не встречный диалог. Этот диалог — монолог Треплева, которому аккомпанирует монолог Сорина. Тема театра: я — театр, мать — театр, Нина — театр и т. д. Никуда нельзя уйти из атмосферы театрального.

I ноября 1990 г.

Если вы пытаетесь догадаться о том, что *вне* вас (а только в пьесе), то вы не репетируете. Мы тогда находимся в литературном семинаре, ориентированном в сторону драмы. Мы должны заниматься другой практикой. Отклик, который случится *внутри* вас от текста, — и начиная с *себя* начинаете разматывать, считывать. Это уже приближается к репетиции. Т. е. вы совершаете эмоциональный процесс и строите некоторый план.

1. Выход на площадку
2. Уточнение
3. Повтор

1. Взаимоотношения с текстом
2. Договор с партнером
3. Площадка и т. д.

2 ноября 1990 г.

Природа русской культуры, культуры философствования, культуры умных бесед. Это было, это будет всегда. Самое сложное — какое-то знание внутри, которое можно выразить *любыми* словами. Как понятие отражается в действии, в словах. С этого начинается импровизация. Это признак свободы.

Войницкому (1-я сцена) — удерживать все идеи российской интеллигенции, которые превратили обычное слово «любить» в *долг,* в обязанность, в гражданское чувство.

3 ноября 1990 г.

Ну… вот… беда случилась со мной. Наконец-то. 6-го ноября сильное головокружение неожиданное, потеря сознания и т. д. Слава богу, случилось это дома. Хотя один… помочь некому. Не мог дойти до телефона, вызвать «скорую». Долежал до утра на диване, «летал» в космосе. Утром сумел вызвать «скорую». Они что-то такое укололи, сказали лежать, вызвать врача после праздников (у них все еще праздники). Вроде из-за радикулита кора головного мозга не получает достаточного питания и прочее, и от того головокружения.

Вызывал врача из поликлиники. Одного, потом другого.

Пью какие-то лекарства… «стугерон», еще что-то… обещают консультацию хорошего терапевта. Лежу. Уже неделю лежу… Немного легче. Могу смотреть телевизор. Читать еще не могу. Идиотское положение. Господи…

Поездка в Ленинград срывается. Да что теперь поездка… Выкарабкаться бы из этой ямы. Сегодня уже совсем неплохо себя чувствую… Вот, даже писать могу, чем сразу и воспользовался. Толик Кригмонт был сегодня у меня в гостях (проездом в Ленинград). Ему понравился мой дом. Поужинали (без выпивки!).

Ночь с 12-го на 13 ноября 1990 г. Москва

Очухиваюсь. Долго на этот раз. Наши в Ленинграде, пожинают славу. Белкин звонил, счастливый.

Я дома целыми днями. Копаюсь в бумагах и проч. Понял, мне очень нравится сидеть дома. Вот уже сколько дней не устаю, сижу дома с радостью, с удовольствием… Уже воспринимаю свое ореховское жилище как дом.

20 ноября 1990 г.

«Чайка». Четыре парные сцены. Маша — Медведенко; Сорин — Треплев; Треплев — Нина; Полина Аркадьевна — Дорн. Одна массовая: Аркадина, Сорин, Тригорин, Шамраев, Медведенко,

Маша.

И театр — (!). (1-й концерт для фортепиано, Чайковский.) Страдающая, стоящая в кустах (образ Полины Аркадьевны) и равнодушный, сидящий на террасе Дорн.

Любить в наше время актеров — нормально — идеализм (Дорн). Страсть! И никакого «идеализма» — вывод Полины Аркадьевны. Комическая тонкость в том, что доктор сидит на сырой террасе.

Она меньше страдает от того, что он прикован вниманием к Аркадиной, чем от того, что он прикован к ней в *сырую погоду. Он не щадит себя!* (Потому что всякий мужчина не щадит себя, когда перед ним актриса.) *Он не щадит себя!!!*

У Чехова есть секрет *слов,* как они написаны. Мы привыкли, что это жанровая сцена, уездная, с претензией доктора и любовницы. Но, может быть, любовь-то от нее давно ушла, но есть *забота,* и от нее уходит *забота.* Абсурдистский нюанс возникает — беспокойство от того, что человек сидит и «увлекается» в сырую погоду. Это другой образ. И из него должна рождаться сцена.

Самое важное для меня: притчевые взаимоотношения между персонажами… философствование.

28 ноября 1990 г.

«Мне кажется, я скончался как художник…» — это в связи с тем, что сегодня шеф получил приглашение на постановку в Комеди Франсез. «Что тут говорить о содержании роли, когда нужно говорить о содержании *воздуха*! Получаться будет, если вы не исключаете, а пытаетесь *пройти.* Если вы „прошли“ уже и пытаетесь пройти потом перед нами — получаться не будет. Это о процессе, вопрос — как? Игра существует для *вас самих,* а не для того, кто вас наблюдает».

Среда 28 ноября 1990 г. 18.40

«Дядя Ваня». У него лес является категорией (метафорой) «прекрасного» (Астров). Просто повествовать о лесах — неверно, это то, через что он *выражает.* Платоновский тип Астров. Упорядоченный интеллект, горячий интеллект. У Войницкого много Я, у него все вокруг *души,* у Астрова повыше, у него вокруг *духа.* Две-три вещи, от которых он еще «заводится»; у него нет иллюзий.

29 ноября 1990 г.

Если когда-нибудь буду писать книгу — вот про такие вечера. Удивительно! Позавчера и сегодня показывали работы

самостоятельные по Чехову. Много прекрасных работ, очень много. В театре празднично, странно-празднично. Такой театр *без публики* — сами для себя, и это прекрасно; как говорят, был бы еще буфет! Что это за род театра? Сами для себя — что это за театр? Не знаю, но он прекрасен — ей-богу, прекрасен!

5 декабря 1990 г.

Ну, что, наверное, сегодня не обычный рядовой день. Олег подал сегодня утром заявление об уходе. Гриша, как видно, не собирается возвращаться (по крайней мере, сейчас) из Канады (сейчас он в Вене). Звонил вчера, говорил с Александром по-английски (скрываясь). Сейчас 5.30. Показали еще две работы (оставшиеся от вчерашнего). Теперь слушаем шефа. Время поглаживания по головке закончилось, теперь мы должны разговаривать на равных (!).

Но тон спокойный, ровный (!). Театр составляет из себя пять пальцев вместе. Для меня то, чем мы занимаемся, и есть театр. Вот такой несовершенный, может быть убогий, — это театр. Поговорил минут 30 о Грише, Олеге, о том, о сем и начал рассказывать спектакль, который видел недавно в Турции. Вот и все.

Олега нет, и разговор о нем закончился уже через несколько минут. Наша жизнь. Вот наша жизнь. Улетает, пролетает. Вот цена. Все глупо ужасно. Олег вроде как уже и не против говорить с шефом. Это глупость, все глупость. Еще хуже, чем было.

6 декабря 1990 г.

«Вишневый сад». 1-й акт. Сон Лопахина. Ему приснилась Любовь Андреевна и эта сцена, когда отец кулаком ударил. Он проснулся только что. Монолог? Лопахина. Параллель с Дуняшей — одевается как барышня. Его (Лопахина) существование не повествовательное. Нужно исходить из того, что этот дом *уже* его… (но изменился ли он за эти годы). С какой жестокостью он говорит о себе в монологе. У него нет в интриге истории покупки дома.

Все-таки — это поэма. Уже «Три сестры» поэма, а здесь при чистом взгляде на Лопахина сугубо метафорическое. Интрига продажи дома может быть физической, а может быть метафизической. Здесь, конечно, метафора, поэтому можно говорить, что дом уже принадлежит Лопахину. Первым в пьесу «въезжает» Лопахин. Не Раневская. Он сидит и чувствует себя с «разбитым носом» при совершенно благополучном обличии.

Дуняша: испытывает чувства *дочери* (Ани), не имея права этого испытывать. И Лопахин видит это. И, конечно, *первым*

войдет Лопахин. Ведь это его *возвращение.* Возвращение мальчика с разбитым носом.

Этюд с Епиходовым.

Зачем? Оттеняет предыдущее. Проявляет сложность системы. «Конкретный» человек с конкретными, простыми вещами: букет, сапоги, стул и т. д.

Если роль строить на жизненных впечатлениях (на робости, скованности и пр.), ничего у нас не получится. Скорее какое-то *высказывание* — открывает дверь в 2 часа ночи, извините, есть мысль некая. За счет комизма и серии неловкостей он как бы подбрасывает монетку и *переворачивает* сцену.

Дуняша-Аня.

Сцена внешне не конфликтна. Конфликтны темы, при неконфликтности разговора. Конфликт в том, что *поменяны* роли. Здесь Дуняша — Аня и наоборот. Моя комната. Мои окна — важная самая, она настаивает на *вечности поместья* — родины. Важно: как говорится Аней — Петя! Эта короткая реплика может дать «освещение» Ани. Ситуация наполненной муки (не просто усталости).

Театр понятие динамическое, т. е. движущееся. Движущиеся картинки, как и кинематограф, и нельзя в цифре № 1 делать то, что нужно делать в цифре № 2.

7 декабря 1990 г.

9 декабря рано утром позвонила Настя… Ничего не мог понять сначала… Понял только, что-то ужасное случилось… Вчера поздним вечером скончалась Наташа. Наташа Трояновская — моя первая жена, Настина мама. Ей было 44 года, было. Что скажешь? Господи… царствие небесное… Надо ехать на похороны.

Сидел во Внукове два дня (11-го, 12-го), не летали самолеты… из-за отсутствия топлива! Прилетел только 12-го вечером. На похороны, конечно, опоздал. Поехали на кладбище с Настенькой 13-го.

Мне очень не хочется писать… Холодно было, сильный ветер, вспаханное поле. Могила на самом краю… венки, цветы. Совсем недалеко, в пяти минутах ходьбы от Танюшиной могилы. Стояли с Настюшей. Липкая глина. Ветер.

Потом пошли к Танюше. Постояли там. Выкурили по сигарете. Настя дрожит. Ноги у нее промокли.

Вот мы остались одни. Двое нас осталось… Про это и говорили, когда шли к городу… Сели на попутный автобус.

15-го улетел назад в Москву.

Без даты

«Вишневый сад».

Сад за окном, конечно, красив. Но Раневская вкладывает в него еще и всю свою фантазию. И он красив уже настолько, сколько в него вложено.

Чисто русское желание: страстное желание поговорить по душам с человеком, находящимся на перроне, пролетая мимо в вагоне поезда.

17 декабря 1990 г.

Второй день отдыхаю. Каникулы… 4 января встретимся только. Хорошо. Сижу дома. Хорошо дома. Последние полмесяца лихорадит весь театр. Совсем неожиданно удар пришел от Олега Белкина… После показа работ по Чехову 4 декабря А. А. делал разбор… Отметив, что много хорошего, решил говорить о том, что плохо. Обыкновенный профессиональный разговор, рабочий. С этого все началось. Вообще-то, я думаю, не с этого, тут какие-то другие дела, так я думаю. Во всяком случае, на следующий день лежало заявление о расторжении договора от Белкина. Ну и началось… Разговоры, выяснения и проч. и проч.

В конце концов собрались мы без шефа, труппа и Олег. Часа два толковали, очень лояльно, надо сказать, искали выход из ситуации, пытались помочь ему и т. д. Нет! Безрезультатно все. Ухожу, и все. Вот так. Никакие уговоры, разговоры… ничего не помогло.

Ни то, что рушатся планы всего театра, ни человеческие судьбы, судьбы друзей-товарищей, ничто не возымело действия.

30 декабря 1990 г.

Я дома. Один. Встречу Новый год в своем новом доме.

Отошли как-то сами собой знамения, мистические знаки и т. д. Просто через час наступит другой год. Вот и все.

31 декабря 1990 г., 23.00

1991

Хорошие, спокойные дни, потому что — дома. Сегодня ходил в театр получить деньги, встретил там Мих. Миха, долго очень говорили. Встали просто покурить, а получился долгий и прекрасный (как и всегда с ним) разговор… Сначала, конечно, о Белкине и всей этой кромешной ситуации… Святой человек Мих. Мих… Он решил, что Олег заболел. «Да, да, Коля, посмотрите, у него глаза навыкате, как при базедке… он заболел серьезно, другим ничем нельзя объяснить его поступок». Долго говорили… что ж… Там — точка, большая точка. Удивил он меня уверенностью в оптимизме шефа… Он просто уверен, что никакие планы не сорвутся, что шеф примет другие решения и возобновит прерванные было контракты… Дай-то Бог! Мы в последнем нашем разговоре с шефом много доводов приводили с тем, чтобы убедить его продолжать начатые планы, ничего не рушить из начатого… Мне тоже показалось, что многое его убеждало в наших доводах. Не знаю… до конца я не уверен… но вот Мих. Мих. уверен, что шеф в полном порядке теперь… и… все впереди… Хорошо бы… хорошо бы… Нельзя откатываться назад. Те, кто по тем или иным причинам изменили нашему делу, не должны влиять на наше движение. Их выбор должен оставаться только их выбором. При всех внутренних неурядицах и местных разногласиях, локальных конфликтах мы все делимся на тех, кто, в конечном счете, верит в наш путь, в единственность (для нас) нашего пути… И тех, кто следует по инерции, выбирает свои маленькие выгоды, как то: зарубежные гастроли, некоторую престижность причастия к имени шефа и т. д.

Всем нам надо остановиться и подумать. Подумать и решить. Решить и выбрать.

3 января 1991 г.

Записываю позднее. Наученный горьким опытом, не могу себе простить, что не описал весной после Пармы поездку к Гротовскому, понадеялся описать все подробно потом и… вот… пробел. Сейчас понадобилось вспомнить хотя бы сроки поездки, и вдруг обнаружил, что ни одной записи по этому грандиозному событию!

Итак! Стокгольм!

14~18 марта 1991 года

Альшиц Ю.

Яцко Игорь.

Чиндяйкин.

Каляканова Н.

Дребнева.

Принимали: стокгольмский городской театр, Объединение (или ассоциация) импровизаторов Театрспорт. Семинары, совместные репетиции.

Два спектакля в Театре Супа. Моноспектакль в театре «Скала».

Спектакль с Orionteatre по Стринбергу. Замечательный спектакль (3-го марта).

Наша встреча с Театрспорт состоялась 17 марта. Прошло все очень успешно, хотя… поступили шведы с нами по-джентльменски и играли по-дружески, разделив команды по два человека от каждой в интернациональные команды.

Играли с нами: Ленарт, Педер, Пия и Лоре… Вел встречу Нельге.

Жили все в доме у Ленарта.

Музей Меллиса!

Сейчас пишу, а на экране телевизора — Полтава, 1709 год, Петр, Карл, битва со шведами! Нет, у нас получилась дружба. Хорошая.

21 марта 1991 г. (Стокгольм)

Вчера вечером вернулся из Омска (9–13).

Очень тяжелые дни… Предполагал, что непросто будет все довести до конца. Но… Конца-то еще не видно, а проблем море оказалось с памятником Танюше.

Никто не отказывает, все вроде хотят помочь на словах… Теперь камнем преткновения оказалась бронза… Обивал пороги горисполкома, начальников больших и маленьких, «Омскглавснаб», «ОМПО» имени Баранова… и еще и еще что-то…

Обещал помочь Павлов Гена, он теперь самый большой начальник в Омске. В общем, четыре дня ходил, писал какие-то письма, кого-то заверял, кому-то носил… Теперь, значит, так… Если все будет идти нормально, без новостей, то числа 20 мая должен буду отправлять памятник из Омска в Ростов…

Если все будет нормально… Ко второй годовщине, наверное, уже не успею поставить.

Сегодня целый день дома. Отхожу. Звонил в театр. Там какая-то «волна» про мой уход и прочие сплетни. Гудит.

Много открытий за последнее время произошло для меня в театре.

Как просто открываются некоторые ларчики. Боже мой, как просто!

Подступает тоскливое безразличие, когда понимаешь «мелочи жизни».

После последних событий с труппой (роспуска и т. д.) шеф решил собрать отпущенных, а проще сказать, *оставленных* им актеров на какую-то искусственную сессию по Чехову. Все понимают искусственность и пустопорожность ситуации. Между собой много говорили об этом… Кто-то решил отказаться от участия в сессии…

Мне тоже показалась нелепой затея с сессией, в которой должны участвовать осколки бывшей труппы (по его же словам, «не труппа»), люди оскорбленные, деморализованные и выброшенные, по сути…

Я и сказал об этом шефу 6 апреля, заканчивая работу с Томасом над «Славянскими пилигримами»… *(«Славянские пилигримы» — совместный проект театра «Школа драматического искусства» и Рабочего Центра Гротовского в Понтедере (1991, 92). Курировали проект: от театра ваш покорный слуга, от Центра — Томас Ричардс, нынешний наследник Ежи Гротовского.)* Шеф вскипел. Времени для разговора не было, он улетал, и, ничего не решив, мы расстались.

14 апреля 1991 г.

Вчера вечером прилетел сюда на съемки.

За это время много чего произошло… Главное, разговор с шефом, который состоялся, если не ошибаюсь, 16 апреля.

Разговор был последний (думаю), и серьезный. Доброжелательный, как ни странно, с обеих сторон… Жалко, что невозможно теперь все точно вспомнить и записать. Скорее, это была жалоба А. А. на жизнь, на невозможность работы настоящей. Он говорил так, будто я пишу книгу о нем и он хочет, чтобы я все запомнил. Мы говорили в музее, а за стеклом Мих. Мих. занимался со своими студентами. «Вот, — сказал шеф, — только я могу дать им возможность заниматься делом, заниматься театром… И я тяну этот воз… А зачем мне это? Что это дает театру? Я тяну этот груз, занимаюсь помещениями, прописками, жильем, деньгами… Мозги перестают подчиняться. Я перестаю быть художником. Но я делаю это, потому что никто этого не сделает». Говорили о педагогах наших, о невозможности преодолеть дилетантство, любительство…

Более всего не хотелось, чтобы разговор перешел в предъявление претензий друг другу. Во всяком случае, с моей стороны. У меня ведь и нет, действительно, никаких претензий к А. А. И до сих пор считаю, он во всем прав по большому счету. Во всем.

Нет, не получается… Не могу передать разговора. Не могу передать состояния времени… Состояние театра нашего, наших «обломков» от славных лет «Персонажей», и новой свежей поросли молодых студентов…

Вообще мне кажется все закономерным… Трагически закономерным… Река… И ничего с этим не поделаешь… Годы идут, и можно только, судорожно вцепившись в дело, пахать и пахать *ежедневно,* не заботясь о цели, стараясь забыть ее. Не видеть потерь слева и справа и, если еще можно идти, делать — шаг за шагом… сколько возможно… Когда остановишься, задумаешься, соотнесешь с намерениями, становится дурно. И хочется бросить все, что бросить не можешь, потому что прикован отсутствием всего прочего в жизни…

Конечно, легче делать спектакли, снимать фильмы и проч., научившись в молодые годы. Это делать неплохо. И — не «заводиться», не хвататься за неподъемный вес… за фантастический неподъемный вес… Не думать о том, что есть *невозможное…* Даже не легче… нет… просто только так и можно выжить, остаться в здравом уме, со здоровой психикой и, может быть, даже сделать неплохие вещи в искусстве. Вполне, вполне. То есть только так и нужно… Никакого оттенка уничижения в этом нет. Никакого. Только так. Заступать за линию невозможного… глупо и не по-человечески. Человек все-таки наделен — должен быть — инстинктом самосохранения. Здесь уже тема рока, то есть уже Бог метит (может быть, наказывает). Тут обреченностью отдает.

Ха! Все не так просто! Не спешите в герои! Жизнь несправедлива! Вот главное! То, что всегда выносится за скобки, не учитывается. Жизнь несправедлива! Рок не значит — жизнь взамен истины. Ну, скажем, творческой истины. В том-то и дело, гарантии никакой. Как комета — пролетает и сгорает… и, может быть, никто ее не видел в этот момент.

А я лежал в траве в этот момент, в эту самую секунду лежал в траве у реки и *видел* эту сгорающую в долю секунды комету…

10 мая 1991 г., Одесса

Ценность дневниковой записи только одна… единственная… та, что она — дневниковая! Это записано сейчас (то есть в то самое время), вот и все!

Нет никакой тяжбы с литературой у дневника, но… свое неоспоримое достоинство он тоже не уступит! НОЧЬ…

Одесса. Ну, уж совсем добью аргументом в пользу дневника. 3.50 ночи. Вот. Именно сейчас, ни минутой раньше… сижу в номере 410 отеля «Черное море»… Выпивали сегодня водку…

потом… опять выпивали, купались на пляже «Отрадное», и опять выпивали… А теперь — я (может быть, в первый раз за всю жизнь) лежал и читал… как книгу… как чужую, постороннюю книгу! А знаете, господа, это, может быть, интересно не только мне! Может быть, потому что выпил, мне так кажется. Но… Нет. Интересно. Наверное, час уже лежу и читаю…

Надо приняться и писать дальше. Хотя бы в общих чертах.

Столько уже всего произошло…

Ночь. Одесса.

Я снимаюсь в новой картине у Игоря Апасяна. Названия еще пока нет.

Кино… кино…

Сугубо секретно…

Нет, не признаюсь, даже сюда не напишу!

Театр. Театр!

«Школа драматического искусства». Все!

Все! Буду уходить! Отовсюду! Отовсюду!

Ночь с 16-го на 17-е июня 1991 г., Одесса

Сначала маршрут. Выехали из Москвы поездом с Киевского вокзала 28 июня в 2.47, через Львов и Чоп. В Чопе были почти через сутки, потом Будапешт, Вена, границу Италии пересекли в Тарвизио, Венеция, и сегодня утром (в 5.00 местного) прибываем во Флоренцию. Встречали Карла, Мод и другие. На машинах до Понтедеры минут 40, может быть, чуть больше.

Итак, семинар «Славянские пилигримы» начался.

Поездом я привез две группы, львовскую и пермскую (5 + 4 человека).

Своим ходом, на машинах, добирались ленинградцы — «Терра мобиле». Их должно быть девять человек в группе, но… где-то двух «потеряли», пока еще не выяснились подробности. Так или иначе все (почти) на месте. Сегодня в 21.00 первая встреча с Гротовским. Дорога была замечательная. Сплошные воспоминания. Будапешт — это было… У Танюши был первый кризис… Все гастроли в Будапеште прошли для меня как в бреду… Скорее, скорее домой… Она лежала в клинике на Березовой… Будапешт…

Вена… Из поезда не выходил, посмотрел на знакомые остроконечные купола… Достаточно.

Потом через Альпы… За каждым невероятным извивом дороги мерещится Гольдег… Так все похоже. Хотя ехали мы в другую совсем сторону от Зальцбурга… Но все… «узнавал». Когда *так* долго, *так* красиво… не веришь в реальность. Вечное представляется мимолетным, зыбким, случайным…

Дети мои балдели от восторга, что иногда могли выразить только нечленораздельными звуками. В Тарвизио на итальянской границе произошел казус, который мог кончиться большой неприятностью. Марина не снабдила меня нужными документами (что мы едем по приглашению), очевидно, раньше ничего не требовалось. А в этот раз нас чуть не ссадили с поезда, так как мы не могли показать достаточного минимума валюты для въезда в страну. Помогла одна итальянка, попутчица, долго объяснялись с властями… И потом еще чудо: я дал телефоны Центра Гротовского (было воскресенье), но совершенно случайно Карла Поластрелли зашла в офис на несколько минут, и в это время позвонили пограничники из Тарвизио… Это нас спасло! Они убедились, что нас ждут, что мы не повиснем на шее у итальянского правительства, и пропустили дальше. По Италии продвигались медленно, с длинными стоянками, но в Венецию опоздали, выбились из расписания (вагон наш, едущий до Рима, все время перецепляли от одного состава к другому), и вместо почти двух часов положенной стоянки в Венеции всего несколько минут потоптались на перроне.

Так что молитва моя — еще раз побывать в Венеции — и сбылась, и не сбылась. Из окна вагона было видно лагуну и огни Волшебной Венеции… потом Местре… После — дальше через Падову… Потом я спал и проснулся, почувствовав, что поезд стоит… В Прато! Да, в Прато! Стал будить ребят. Скоро Флоренция.

1 июля 1991 г., Италия, Понтедера

Вчера отдыхали немного. Водил ребят по этому небольшому городку. У них все равно очень много впечатлений. Ничего не поделаешь, обычный супермаркет маленького городка вызывает бурю чувств у советского человека…

«Терра мобиле» приехали группой в 8 человек (участников семинара 6 и двое из техперсонала), нет троих из названных ранее. Значит, у них будет группа из б человек, вместе с Михеенко.

Малкин Яков, Курушин Николай, Курушина Марина, Михеенко Надежда, Варкина Татьяна, Михеенко Вадим — лидер.

Пермяки: Игорь Носков — лидер, Жан Хоменко, Алексей Савицкий, Наталья Белоусова.

Львовяне: Наталья Половинка — лидер, Марьяна Садовская, Олег Стефанов, Роман Рос, Орест Гелитович.

Вечером встречались с Учителем. Были также Томас, Мод, Карла (говорили на польском, французском и немного на русском).

Большой стол с красным вином кьянти, сыр, мясо, овощи, целый набор мороженого.

Сначала несколько тихо все было. Ребята чуть зажались, хотя всячески боролись с собой. Учитель приветлив, с задумчивой тихой улыбкой. Трубка, как всегда. Не очень старался всех развеселить, но подбадривал редкой шуткой и предложениями выпить еще вина.

Пели… Львовяне свое, украинское, пермяки — чудный русский фольклор, ленинградцы (питерцы!) показали кусок из спектакля нового (брейк-данс по Гоголю).

Дорога общая уже отразилась на расстановке связей. Львовяне и пермяки явно сблизились и представляют на сегодняшний день нечто общее. Питерцы — чуть отдельно. Хотя, конечно, все доброжелательны и пытаются разрушить натянутость.

На первые четыре дня работы так и поделились.

Томас с группой нижнего этажа будет работать с «Терра мобиле». *Мод* со вторым этажом и берет львовян, пермяков и меня. Начинаем сегодня в 17.00. В 4.40 за нами приедут… Я рад, что не буду просто свидетелем. Учитель все-таки решил включить меня в практическую работу. Это было приятной новостью вчерашнего вечера. Хотя внутренне я надеялся, что так и будет.

Днем по факсу пришло приветствие от Васильева: *To Slavic Piligrimage, from Anatoliy Vassiliev:* «Участникам семинара „Славянские пилигримы“. 2. 07. 91. — Сердечно поздравляю с началом семинара. Простите за сантимент, но я тридцать лет ждал этого события. Будьте дружны друг с другом и благодарите Господа! — Ваш Анатолий Васильев».

Всех очень взволновало это короткое послание, тут же размножили на ксероксе, чтобы каждому взять на память написанное рукой благодетеля нашего письмо.

Время себя не видит, время не знает о себе почти ничего.

Надо написать об этом проекте. Статью или что-нибудь другое. Не знаю пока. Попробую. Сейчас много времени отнимает английский язык. Все почти свободное время терзаю свои книги по языку. Надеюсь, что живая практика здесь подтолкнет это безнадежное в моем возрасте занятие. Но отступать некуда. Без языка, хотя бы на самом примитивном уровне, двигаться некуда.

2 июля 1991 г., Понтедера, утро

Вчерашний день: начало работы в 5.00 вечера, окончание в 4.00 утра (сегодня). Группа Т.М. — нижний этаж, Томас. Группы львовян и пермяков — верхний этаж, Мод.

Первый час. Встретились с группой первого этажа (6 человек).

Познакомились. Пили чай… Оговорили условия работы и т. д. Подробно: как вести себя в доме, до мелочей.

Первых два блока по 2 часа с одним перерывом после первого блока.

1-й блок — физический тренаж. 2-й блок — пластический.

(Язык — французский, английский, разговоров — минимум.)

1-й блок. — Общая разминка до пота (примерно 20 минут). Вел один человек.

Легкое передвижение по площадке со сменой ритма, направлений, шага и т. д. Тело по зонам. Немного дыхание (не специально). Без всяких слов. Стая. Потом по одному и по два человека к инструктору.

Кувырки. Стойки на голове, плечах, полусогнутых руках. Не спеша, но без остановки. Шаг за шагом. Элемент к элементу. Поза — баланс — следующая поза. Свобода. Игра. Легкость. Отсутствие мышечного напряжения. Чувство вертикали.

Рисунки.

Рисунок. — И производный из этого. Соединение дальше: двух кульбитов вперед — назад. Кульбит с выходом на стойку. И т. д.

Не должно быть: оценки собственной, восклицаний, сожалений, пыхтения, неудовольствия и т. д., сидения, мечтания, отдыха, потирания ушибленных мест…

Должно быть: внимательно смотреть, как и что делает инструктор. Тут же пытаться повторить в меру возможности.

Главное: точность… осмысление движения. Мягкость. Легкость. Неторопливость. Исключено гроханье о пол.

Занятия только в плавках, девочки — в купальниках.

Рядом полотенце, майки.

1-й перерыв минут 15–20.

Чай, кофе, минеральная вода, фрукты. Можно курить (только здесь). Можно теплый душ и массаж, если есть сильные ушибы (лучше потом). Атмосфера спокойная, тихая, семейная, немного приподнятая.

2-й блок — пластика. Все на ногах. Распределение групп то же.

Рисунки.

Голова. Увидеть. Резкие повороты. Возврат. Сначала просто в сторону. Назад, вперед. Фиксация. Удар (как гвоздь в стену головой). Изменение ритмов, потом направлений. — Остальное тело свободное, *но неподвижное* — только голова.

Далее. — Импульсы. Грудь. Плечо. Спина. Таз, бедра. Изменение направления. Не стоять все время на месте, изменять пространство. Брать импульс партнера. Передавать импульс. Передвижение импульса по руке: плечо, локоть, запястье, кисть —

космос — возврат руки (не плетью) на отработанной энергии.

Смена точек импульсов.

«Бокс». — *Рисунок.*

Локоть по кругу. «Скрутка». — *Рисунок.* Здесь: точность, чувство партнера, открытые (излучающие) глаза. Чувство вертикали. *Отдельно* части тела. Постепенное *соединение* элементов… Нахождение общего ритма пребывания в упражнении (ломаного, но гармоничного), отсутствие суеты… радость.

2-й перерыв. — Чай, кофе, бутерброды. Отдых. Болтали обо всем с новыми друзьями.

Открытость, дружелюбие. Приход Гротовского (в плаще, пиджаке, белой рубашке, потом знаменитая накидка — сутана, пончо).

Они все переоделись в белое. Мы привели себя в порядок, тоже оделись.

Пение.

Постепенное соединение. Мод втягивает по одному в центр…

Две группы.

Она туда-сюда. Перекличка. Повторение одной фразы бессчетное число раз. Рисунок движения вольный. Смысл берем только в звуке, окраске, интонации. Постепенно фраза «устанавливается». Варианты. Вновь и вновь «чистая» фраза. Темы (песни) меняются через короткую паузу. Разговоров никаких. Долго. Очень долго. Учитель сидит молча за столом, покрытым белой скатертью. Чуть дымится трубка. Аромат. Табак как «священное» курение. Что-то вроде индийских ароматных палочек. Долго. Мод уже посматривает на Учителя. Он неподвижен. Маленьким кивком головы в паузе между песнями останавливает занятия. Мод идет к нему. Разговор очень тихий. Короткий.

На сегодня все.

Опять пьем чай. Состояние трудно передать. Все родные. Утро. На своих машинах везут в Понтедеру…

Спать не хочется.

Размышления. — Конечно, конечно… Сами по себе упражнения важны… Какие они… Их чисто физический состав, что ли… да, это так. Но не в этом смысл школы. Как музыка между нот, как спектакль в паузах, как роман между строк. Где-то тут тайна, или, по крайней мере, секрет. *Среда* и *способ* работы. Очевидно, во-первых, освободиться от конкретной близкой цели. Не объяснять себе, *зачем* я это делаю, и не ждать объяснения. Все наши тренинги прагматичны до полного высушивания *иного* смысла. Цель — в самом процессе *делания.* Категория времени должна отойти сама собой… Это *делается* в этом процессе. *Смысл*

— сейчас.

Тренирую руку, чтобы лучше кидать потом, тренирую ногу, чтобы потом бежать быстрее, тренирую себя, чтобы быть пластичным на сцене — потом. Когда ждать результата? Почему я еще незаметно пластичен? Наверное, это плохой тренинг. Есть лучше. И т. д.

Лучше вообще не пользоваться этим словом. Это процесс… он и есть цель. Сегодня, или завтра, или вчера. Он *вне* времени. По сути, он не прерывается. Паузы между конкретным *деланием* суть элементы общей структуры процесса.

Черт возьми, только надо договориться, понять сущность, что мы имеем в виду, произнося слово *пластика*… Вся путаница здесь. Я произношу — ПЛАСТИКА — как комплексное, структурное понятие (это слово затаскано до физкультурных упражнений). ПЛАСТИКА — материализованное чувство. ПЛАСТИКА — может быть, самая крупная категория искусства. На самом деле, добираясь до истоков, у художника не так много категорий, которыми он апеллирует к миру. Совсем немного. Это надо понять. Надо хотя бы один раз подняться над калейдоскопом исторических наслоений. Пожалуй, этих категорий только две: пластика и ритм.

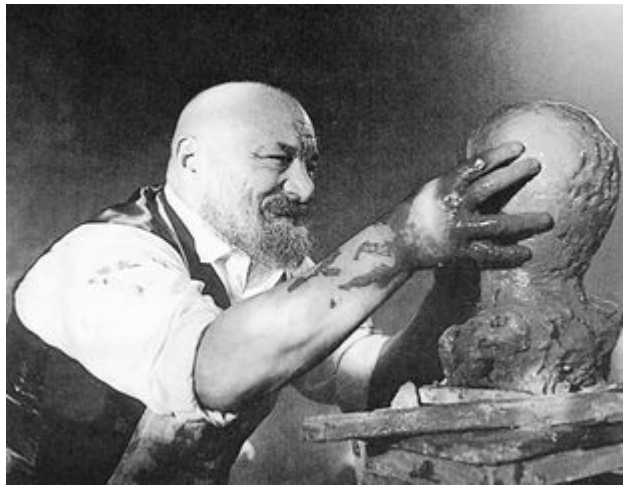
Пластика — пространство во всех его ипостасях макро- и микромира. Ритм — организация пространства.

Соединение этих двух категорий есть акт творчества. Тайна. Ибо в этой точке *нематериальное* сублимируется в *материю*. То, что мы так просто называем «выражением чувств». Но это ежедневное, обыкновенное чудо — выражения чувств — есть величайшая тайна Божьего мира, есть дар человеку, на основании которого сказано: «по образу и подобию Божию».

Итак, когда мы спускаемся на грешную землю (в репетиционный класс) и начинаем *делать* что-то очень простое, что называем привычными словами — тренинг, работа над собой, муштра и проч. и проч., начинаем заниматься пластическими дисциплинами, — в нашем солнечном сплетении каждую секунду должна жить память о пластике как категории. Этим мы сейчас занимаемся, никак не меньше.

Это помнить — самое трудное… Но без этого все мертво. Впрочем, физкультура тоже очень полезное дело. И не просите, пожалуйста, доказательств! Не требуйте гарантийного срока в награду за терпение и доверие. Ничего этого нет! Или — есть!

3 июля 1991 г., Понтедера



В роли Саввы Мамонтова

(Фильм. Тренаж. Чеслик.)

1-я часть — пластика — примерно 45 минут.

Голова. Плечо одно, два. Грудь — вперед, назад, в сторону, вращение.

Таз и бедра — вперед, назад, в стороны, вращение.

Колени: вперед-назад, вращение.

Локоть — по кругу от себя.

Кисть — в одну, другую.

Кулак (потом два).

Пальцы.

Окраска.

Рука — от плеча, в стороны, вперед.

Работа в паре, паузы, смена элементов.

Контакт. Постоянный контакт. Не механические движения.

Ассоциации. Что мне это напоминает?

2-я часть, «физика», примерно 45 минут.

1. Кошка.

2. На голове. — *Рисунок.*

3. Плечо. Голова лежит свободно, рука вдоль, баланс. Баланс — не усилие.

4. Прогиб. — Импульс. — *Рисунок.*

5. Голова. — *Рисунок.*

6. *Рисунки.*

7. *Рисунки.* — Поперек спины линия.

8. Кульбит. — *Рисунок.*

9. *Рисунок*. — «Лягушка» на одной руке.

10. Переход с головы на плечо. Сначала одна рука кладется, после «сползание» на плечо. Баланс. Следить за балансом.

11. Голова в замке.

12. С плеча лечь, прогнувшись, на живот.

13. Из «березки» — со спины — переход на грудь в стойке и назад.

14. Кульбиты. Двойные, тройные с остановкой в стойке на плече и т. д. Слитное передвижение. Фиксация — движение — фиксация — движение. Элементы *внутри* точные.

15. Замедленное движение — слитное в одной скорости. По команде меняется скорость.

16. Работа в паре. Видеть партнера. Очень длинная работа «в импровизации».

Фильм. Рена Марицька, тренаж с Гротовским, 10 минут.

Занятия — 19.00–3.30 утра.

Работали «физику».

«Пластика», «марш», пение.

Записывал фильм, старался не упускать подробности, но надо расшифровать.

4 июля 1991 г.

Распорядок почти тот же в этот день. 19.00 — в 4 утра закончили. Было маленькое приключение. Приехали домой (то есть в театр) и долго не могли открыть дверь.

Наверное, час простояли, пока Фернандо не залез в окно второго этажа.

Занятия: 1. Пластика. 2. Марш (часть группы). 3. Опять пластика. 4. Пение (Жан), наверное, 2 часа без перерыва. 5. Опять пение.

Часов с собой в классе нет, и очень трудно определить время. Совершенно непонятно, час прошел, два или больше.

Постепенно «встраиваемся» в структуру. Труднее всего даже не сами упражнения, хотя, конечно, это труднее всего, а «манера».

Тишина, почти полное отсутствие разговоров (разговоров по делу, конечно, о посторонних и речи не может быть). Работа совсем без пауз, долгое время без остановки, только иногда оботрешь полотенцем градом льющийся пот.

Никто ни разу за весь цикл, идет он полтора или два часа, не остановится, не пройдется по залу, не посмотрит, как там сосед работает, не перекинется замечанием да не посмотрит в сторону Мод или — тем более — Гротовского: скоро ли там конец? Ничего подобного!

Мод идет тихонько, скорее шепотом, даже скорее улыбкой дает знать, что надо заканчивать, но и тут все не кидаются вон из класса. Кто-то еще минуту доделывает начатое упражнение, кто-то продолжает импровизацию, другие вытираются, но представить невозможно, чтобы кто-нибудь поторопил, сказал: ну,

хватит, Петя, ты всех нас задержал, пойдем курить. И даже никто не войдет в «зону» работы, аккуратненько, по стеночке, и посматривают. Затихло все… Стайкой вышли из зала. Тихо. Без всяких разговоров. Разве улыбка скользнет, взгляд, подмигивание…

Пришли в комнату отдыха. Тут, казалось, взрыв хохота, гомон спортивный, такой любимый боевому советскому сердцу, суета, анекдоты. Нет. Улыбок, конечно, прибавляется. Какие-то разговоры, но тихо, опять тихо, негромко, спокойно. Чай, кофе, кола… фрукты. И юмор есть… Иногда что-то промелькнет, соединит всех, искреннее веселье, смех… Но не грохот. Сдержанность и искренность… Так бы и сказал еще… к соседу внимание. Один туалетик, пардон, тут же, почти в комнатке… Конечно, очередь в туалет — предмет смеха. Нет, нет… все просто… нормально. Стоит Фернандо, подошла, характерно поеживаясь, Паула, улыбнулся, пропустив «даму» вперед. За столом переглянулись, лица вспыхнули короткой улыбкой… Какое-то замечание вроде: о, настоящий джентльмен… и все.

То есть… все как бы и есть в перерыве, на отдыхе… и расслабленность, и юмор, и разговоры о том о сем, и толчок дружеский в плечо, и история какая-нибудь коротенькая… но все это в меру как-то, без «головой об стену».

Таким же легким кивком заканчивается перерыв. Никаких ахов, вздохов, «я чай не допил», «я пописать не успела» (вот бы уж нам причина! туалет-то один!). Спокойно, по-деловому, смотришь, уже переодетые в беленьких (идеально беленьких) костюмах. Стайкой вышли в «предбанник», перед залом маленький коридорчик, здесь оставили тапочки и босиком, стайкой, т. е. друг за дружкой, вошли в зал. Вот. Это вот наше: сейчас Вася подойдет, у него резинка порвалась. Все вот это «собирание», «подтягивание» по одному — наше родное, непобедимое. «Сейчас народ подтянется, и начнем». Все это мимо.

Полотенчики (для пота) аккуратненько разложили вдоль стеночек, маечки сложили (сложили, а не повесили на гвоздь!), и уже — все! Все… работают.

Что делать, сказали раньше, во время перерыва.

Жуткая советская привычка спрашивать: что будет? Мод говорит, приготовиться к «пластике». Сразу несколько голосов: спросите у нее: а что потом? Как дурак, спрашиваю, едва заметная улыбка. «Потом я скажу». Так несколько раз… даже Марьяна, девочка, поняла: «Слухайте, не пытайте, що будэ! У них нэ принято».

5 июля 1991 г., пятница

Так же, 19.00–4 утра. Гротовского не было.

1. «Физика».
2. Перерыв. — Марш.
3. Пение. — Перерыв.
4. «Физика».
5. Пение.

Огромные нагрузки в «физике». Буквально истекал.

Небольшая часть времени на отдельные элементы, и в основном парная работа в контакте. Главное: 1) видеть партнера, пространство, 2) общаться, разговаривать, 3) менять ритмы, 4) не *прекращать* движения. Можно делать совсем медленно, но не прекращать, 5) как можно меньше шума! Добиваться полного отсутствия стука и грохота, полной тишины, 6) включать случайные падения в ткань импровизации, 7) никаких оценок по поводу сделанного (удачно или нет).

Внимание не может задерживаться только на крупных элементах или наоборот. Точки внимания как бы перелетают.

Не играть лицом (даже непроизвольные гримасы, вызываемые напряжением, надо устранять).

Это должно быть похоже *на естественное* движение природы… например, движение облаков. Мы видим смену ритмов и непрерывность, невозможно представить «остановку» в таком движении. И непредсказуемость. Все, что угодно, самое невероятное. Очевидно, отдельно надо прояснить это набившее оскомину слово — импровизация.

В наших пенатах в отношении этой самой импровизации полнейшая путаница.

Нагляднее всего, думаю, истинный (художественный) смысл импровизации проявляется в тренаже Чеслика (и, конечно, в фильме).

Только надо смотреть с самого начала. А в начале: ШКОЛА. Невероятно точная работа с каждым элементом. Работа изнурительная, скучная, чисто профессиональная. Работа, понятие о которой начисто отсутствует у «энтузиастов».

Железный закон, железная дисциплина в каждом отдельном элементе.

Верхний этаж.

Мод, француженка, — лидер. 2е — 3е, португалец, Fernando (Фернандо), колумбиец, Paola (Паула), итальянка, Silvia (Сильвия), итальянка, Hernan (Эрнан), француз, Cristine(Кристина), француженка, Avy (Ави), израильтянин.

Мне, конечно, скажут: да они просто по дороге в «Школу», остановив машину, заходят в магазин и покупают три-четыре сорта бекона или еще мяса какого-нибудь, огромные красивые

солнечные помидоры, нежнейшую капусту, сливы величиной с кулак, абрикосы, персики… воду минеральную, воду простую, колу в пластиковых бутылках, во время перерыва (последнего) они вкусно и не спеша едят, пьют чудесный чай, кофе, колу, никто не разворачивает свой липкий бутерброд с вареной колбасой и не грызет втихомолку яблоко. Овощи, фрукты стоят прямо в маленьких деревянных ящиках, их моют и едят, складывая косточки на тарелочку… Никто не смотрит на часы, никто не спешит на метро, каждого или почти каждого ждет машина, своя или приятеля… Мне, конечно, скажут, ну, так можно работать. И тут мне ответить нечего… Да. У *них* все это есть. Тут я и поставлю точку. А для себя, так, из вредности, допишу: все это так, но только мне кажется, только я почему-то абсолютно уверен, что, будь все это у нас, мы вообще перестали бы работать, то есть напрочь, то есть ни палец о палец. Никто. Растерзайте меня, друзья мои, товарищи. Нехорошо так думать, каюсь. А думаю.

Ави и Сильвия. Работа в контакте. Все остальные в белых костюмах сидят и смотрят.

Разминка. Легкая, до первого пота. Без паузы начинают «физику». Невероятно долго, напряжение фантастическое, минут через 20 спины начинают скользить по паркету с характерным свистом. Работают в полной тишине. Только дыхание. Случайно сорвавшись, палец ноги дает впечатление выстрела, абсолютная тишина, только дыхание. Элемент за элементом, сначала как бы повторяя друг друга и только точно выполняя элементы… потом характер контакта меняется. Ритмы от самого медленного до взрыва… Стойка на голове, плечи, щека, грудь, кульбиты — передние, задние, двойные, тройные, элементы начинают сливаться в бесконечную вязь импровизации… Но *внутри* — абсолютно жестко, абсолютно точное выполнение. Контакт ни на секунду не прерывается, только меняется качество.

Минут через 30 почувствовал, что у меня начинают болеть мышцы. Не знаю точно, минут через 40, может быть и больше, замерли. Встали. Пот градом. Площадка мокрая. Быстренько ножками встали на полотенчики и, семеня, побежали, вытирая паркет.

Невозможно поверить, что так надолго может хватить энергии, на таких токах, я вздохнул восхищенно, думая, что конец… Боже мой, площадка сухая, секундная пауза, еще раз обтерлись, и началась «пластика» — и еще целый цикл.

Потом за чаем я пыхтел Сильвии комплименты, вроде: фантастика, вери найс, бьютифул и т. д. Она хрюкнула, как поросенок, и махнула рукой. Полтора часа напряженнейшей

работы на износ, как у нас говорят, — это вообще никак не обсуждалось.

У ребят наших растерты головы до ссадин, у Игоря даже что-то загноилось.

Паула достала аптечку, что-то помазала, дала подержать ватку и сказала, что все нормально. Это ничего.

Моя лысина держится, но вставать сейчас на голову даже мне тяжело.

Алексей пожаловался Эрнану, что он выдохся, мол, совсем, энергии (я переводил) нет. Эрнан сделал большие глаза и сказал, что тренаж не забирает энергию, тренаж дает энергию. В конце, сказал Эрнан, энергии должно быть больше, чем вначале, и постукал себя почему-то по животу. Красивый, молодой, стройный… не знаю, богатый или нет, но здоровый, это видно. Шел четвертый час работы.

Я спросил у Кристины, какую они получают стипендию, что-то в этом роде, деньги, короче. Она вопроса, видно, не поняла и с гордостью ответила, что мистеру Гротовскому за обучение они ничего не платят. Я с советской настойчивостью завел все-таки о деньгах разговор, тут нам все надо знать — опять, а на что, мол, живете, как это так, ничего не получаете. Она опять что-то про счастье залепетала, что вот, у Гротовского, а учатся бесплатно. Ну, я, конечно, дожал, надо знать, дают или не дают лиры… А в ее буржуазной голове этот вопрос, видимо, никак не разместился… Нет, конечно, ничего не платят. Кто-то раньше платил, чтобы учиться, кому-то помогают… трудно, конечно… и через паузу опять со своим французским прононсом на английском нашенском: но за обучение мы не платим.

Сегодня зашел в магазин купить ручку новую, в моей паста кончилась… Зашел, говорю, дайте мне самую простую, симпл, только черного цвета. Дали. Действительно, простенькая ручка. А что, говорю, по-английски не понимаете, тогда напишите цену. Написали: 1600 лир. Спасибо, говорю. Плачу. Провожают меня с улыбками, еще бы, англичанин, да еще, не дай бог, американец. А американец идет и подсчитывает: 1600 лир, доллар — 34 рубля, здесь больше на 400 лир, значит, купил себе ручку за 40 с лишним рублей. Лев Толстой не имел таких замашек.

9-го вечером в 18.00 выехали в Вольтеру. Около часа на машине от Понтедеры. Сказочная табакерка на вершине горы. Мне напомнил городок Бергамо.

В 24.00 «Терра мобиле» начали играть во дворе консерватории «Шинель» Гоголя. Хороший спектакль. Волновались больше, чем нужно. Несколько больше было пыли от земли, чем хотелось бы. Но в общем это было хорошо сделанное

представление, если убрать некоторые длинноты. Это был замечательный день, растянувшийся до следующего утра.

После спектакля, ночью, спускались по серпантину горной дороги. Ощущение полета и отсутствия времени.

В театре уже были приготовлены в зале столы, большой буквой «с». Часа в четыре утра появился Учитель, обласкал всех, сел на специально принесенное кресло в центре.

(Места были расписаны на бумажных салфетках, все очень серьезно.)

Мод обошла, наливая всем вино. Учитель объяснил, что не хочет, чтобы на столе стояли бутылки, они закрывают лица.

Присутствовали все. Вся школа, оба этажа, и мы, «Славянские пилигримы». Гротовский налил себе капельку водки, поднял бокал, предложил всем выпить. Потом сказал, что сейчас время для еды, хорошо ешьте, потом будем разговаривать. Еще подливали вина, подносили горячее. Еда была вкусная и сытная.

Через какое-то время, потягивая трубку, оглядел всех… и сразу затихло всякое позвякивание. Теперь, сказал он, начнем разговор. Будем сначала говорить о спектакле. Мой вопрос. Точная ли это вещь… и отличалось ли то, что мы видели сегодня, от того, что показывали мне в школе. На этот вопрос он попросил ответить сначала Томаса, потом Мод, Игоря Носкова, потом меня, Наташу Половинку…

Как я понял, этот вопрос задавали только лидерам. Потом уже каждый мог принять участие в обсуждении. Этот разговор был долгий, потому что были трудности с переводом, почти все время тройным (Кася — английский, Роман — польский и т. д.).

Потом он опять сделал перерыв в разговоре для еды и выпивки. Сам вышел, надел свежую рубашку. Было невероятно душно. Ставни на окнах закрыты и заклеены лентой крест-накрест. Все выбегали подышать. Курить можно было в зале, но из-за духоты это не приносило радости. После перерыва начал он (по-польски) и, видимо, сначала извинился по-французски, что перевода не будет. Все франко- и англоговорящие сидели как мышки и слушали в течение часа польскую и русскую речь.

6–10 июля 1991 г.

Вольтерра, пресс-конференция Гротовского и Васильева. 12.00 ночи (ровно!).

Выступление.

Первое слово — Васильеву.

Большая пауза. — «На более высоком уровне это — вопросы не только работы режиссера, но и определение взаимоотношения не только близкого и далекого миров, но и отношений человека и

Бога (для меня последний вопрос — очень серьезный)».

«Постулат русской театральной школы — пристальное внимание к внутреннему миру».

«Молодым человеком, еще не разбираясь в вопросе методики… (я, конечно, мечтал, но не знал, как сцепить). Моим педагогам много пришлось сделать, чтобы сконцентрировать внимание к внутренней жизни, и потом, когда я сам стал преподавать, я понял, как это тяжело. Что выбрать? Внутреннее или внешнее?»

«Я давно сделал свой выбор. От актера можно добиться такого состояния, когда он прозрачен и сквозь него проходит свет… Мне кажется, это самая важная вещь… театр начинает выполнять свое прямое назначение».

«Само понятие внутренней жизни структурно разделяется, т. е. не все можно назвать *внутренней* жизнью, глядя с этой точки зрения… Про что-то можно сказать — это псевдо… А что-то — настоящее…»

«Та часть, которая относится к натурализму и к реализму, для меня перестала существовать».

«Для внутреннего характерны 2 конструкции:

1) внутренее помещается внутри объема; человек представляет собой яйцо, внутри которого чувство;

2) когда внутренее выносится наружу… и как бы актер… носитель внутреннего становится, как яйцо, перед которым объект внутреннего. Обе эти структуры имеют отношение у внутреннему, но они противоположны; в первом случае — все внутри, во втором — актер делает шаг назад, и это внутреннее — перед ним. Возникает дистанция, которая позволяет вести действие или управлять энергией.

В 1-м случае внутри энергетический центр. Его надо назвать психологическим. Мы имеем дело с состояниями, данными в статике.

Во 2-м случае мы имеем дело с динамикой. Энергетический центр выносится вперед, и актер ведет вперед… Эту структуру я назвал *игровой*.

И 1-я, и 2-я имеют отношение к внутреннему, к переживанию, к реализму переживания, но они организованы по-разному.

1-я структура (в драме) появилась только в 20 веке. Большая же часть к игровой. Далее, игровая структура легко переходит в психологическую и далее в метафорическую.

И когда она переходит к обряду и ритуалу, театр приходит к своему смыслу».

Гротовский (говорит по-французски).

Васильев. — «Вопрос физического действия связан с

категорией цели. Я делаю *для чего-то,* эта категория внесла в методику Станиславского материализм. Сам Станиславский никогда не был материалистом, но в советский период его эстетика стала школой материалистической.

Что я делаю? Актеру рассказали, и в этот момент актер начинает сознательно стремиться *к цели.*

Переделка персонажей — все это суть материалистический мир.

Понятие Цели связано другим, с основным событием пьесы, ролями и т. д.

Я отказываюсь от цели (а…)».

«1. Общий секрет. Тайна. Нельзя *называть,* тем более настаивать на своих принципах (труппы), на том, что вас роднит и т. д. Нельзя об этом говорить… Если вы настаиваете, говорите об этом вслух, то скорее это говорит о том, что здесь у вас что-то не в порядке.

Принципы вашей труппы — ваша тайна, и только так.

2. Жанр… стиль… одна из опасностей — настаивать на жанре… Опасность писать „черным по черному“ (по Станиславскому).

3. Никогда нельзя определять идею, по крайней мере до конца работы… Вообще, не стоит говорить об идее…

4. Нельзя показывать все, что сделано. Убрать лишнее. Безбоязненно удалять длинноты и лишнее.

Режиссура не теория… Это практическая работа, прикладная, исключительно прикладная…

Нельзя фиксировать чувства… Очень частая ошибка, запоминать и стараться воспроизвести чувство. Чувство и форма — вот как эта водка в бутылке…»

14–15 июля 1991 г., Вольтерра

До чего же туп и равнодушен народ…

Закончил фильм в Одессе, сегодня проснулся в 6.30 утра, чтобы поспеть на утренний самолет, в 7 за мной должна была прийти машина. Пошел чистить зубы, включил радио… и услышал… Понял все сразу, с первых слов. Хотя это было уже окончание обращения, которое потом бесконечно передавали. Итак, вот оно… то, чего боялись и ждали… верили, что пронесет, но… Переворот! Типичный военный переворот.

Едем в аэропорт. Водитель Дима взволнован. Обсуждаем случившееся. Вокруг полный покой. Утренняя Одесса. В аэропорту все заняты своими делами, толпа, голод… Негде попить воды. Впечатление, что никому до этого нет особого дела. Хотя все уже слышали.

У открытой двери такси стоят мужики. Слушают сообщение… Таксист говорит: «Он еще сбежит, его надо поймать и расстрелять…» это он о Горбачеве. Остальные молчат.

Господи! Никаких надежд. Ничего не может быть в этой стране тупых и равнодушных людей. Полная тьма, незнание, непонимание, безграмотность.

19 августа 1991 г.

Слава богу! Нет, уже не та Россия! Не совсем та. Великие эти дни, так случилось, пережил у своих стариков, без конца перебегал от радио к телевизору…

Первый день (19-го) был совсем серым и безнадежным. Одна из первых бесплодных мыслей: профессия диктора телевидения — безнравственна. Вглядывался в серые остановившиеся (такие знакомые) лица, пытаясь прочитать… есть ли что-нибудь за маской… Может быть, я себе дорисовывал, мне показалось, что есть, мне казалось — им стыдно! Может быть, это было мне стыдно.

На такую быструю развязку, конечно, не надеялся. Я думал, что начнется надолго и кроваво… Все шло к этому… Однако уже на *второй* день появились проблески надежды. Здесь было интересно. Контакт с «низами», как у них все менялось, постукивая костяшками домино… От злорадной радости и радостного предчувствия чужой крови… к полному торжеству и личной победе… Поразительно, что они, кажется, искренне не помнят себя вчерашних… Здесь так много таких примеров… А сегодня с утра все уже просто герои… Были с отцом в бане с утра. Кино! Не описать. Только снимать можно. Теперь уже почти все единогласно матюками клеймят хунту и гадов заговорщиков… Сладостно парятся и весело клеймят во всех красках родного языка… Я сижу на верхней полке, потею, вспоминаю… утро, Одесса, первое впечатление о перевороте… И покорное тихое стадо… советских людей.

22 августа 1991 г. (!)

Проект «Достоевский».

В конце августа кончился очередной отпуск и начался творческий, заявление я написал еще раньше… Но пребывать в покое мне пришлось только пять дней. 5 сентября Васильев пригласил на разговор. Долго рассказывал ситуацию, сложившуюся в театре, плюс свое долговременное отсутствие в этом сезоне в связи с постановкой в «Комеди Франсез». Предложил выйти на работу. Он решил сам взять творческий отпуск. Создать режиссерский совет в составе: Альшиц, Скорик,

Чиндяйкин, передать ему все руководящие функции и т. д.

Мы собрались тут же, распределили функции и т. д.

Тут же А. А. поручил мне проект с Тьерри Сальмоном.

Вначале я мало что об этом знал, и он тоже мало что мне рассказал.

Сальмон приехал в Москву 17 сентября (с Кармен). Васильев улетел 18-го в Париж на месяц.

Переговоры я вел уже сам и всю подготовительную работу (17–23 сентября). Группа Сальмона — 14 человек (6 актеров).

Отбирали наших актеров. Тут целая история случилась. Сняли малую сцену Таганки для работы. Проект был подготовлен, без всякой ложной скромности, отлично.

Работа — 6–26 октября. 24-го — открытая репетиция, 25-го и 26-го — показы. Банкет. 27-го утром отъезд всей группы в Италию.

Московская половина работы прошла нормально. В другой тетрадке полная запись тренингов и репетиций.

Месяц последний — напряженный, переполненный работой и размышлениями. Практически оставался один в театре. Васильев в Париже, Юра в Берлине… Скорик… редко появлялся и занимался своими делами.

Вчера во время банкета долго говорили с А. А. по всем проблемам, с которыми пришлось столкнуться.

Вероятно, 26 октября 1991 г., Москва

Последний день — 26-го. Начали открытую репетицию в 16.00, присутствовал весь театр (творческая часть). Репетиция удалась, по-моему. Главное, что все видно… Этот метод работает на результат тем, что «проявляет». Очень ясно проявляет.

В 20.00 начали играть. Закончили в половине десятого. Настроение у всех праздничное, приподнятое.

Банкет был тут же, на Таганке. Очень мило. Пьетро Валенти собственной персоной, два последних дня не отходил от нас. Прекрасный мужик. Наши деятели такого уровня мельче, как правило, и уж конечно, не такие красивые.

Вечер был, мне кажется, искренним и сердечным.

Расходились долго.

Потом еще выпивали с Монтами в гримерке, где и остался немного поспать, так как в 4 утра уже заказан был автобус на Таганку за вещами.

В 5 забрали наших голубей в «России», немного помятых. Погрузились без особых происшествий. В 7.50 вылетели «нашим» («Су-285») рейсом в Милан. 3 часа лета. Здесь пасмурно, прохладно. До Модены полтора часа на машине. Расселились.

Пообедали в пиццерии. Итальянцы и бельгийцы на пару дней разлетелись по своим семьям, кто во Флоренцию, кто в Парму, кто в Брюссель и проч. У нас что-то вроде выходных. Вечером всей компанией ездили в какой-то ресторан. Хороший вечер. Валенти в роли хозяина великолепен.

Наша компания — пять человек вместе со мной: Лариса Новикова, Света Чернова, Люда Дребнева и Володя Рогульченко.

27 октября 1991 г., Италия, Модена

Прошло несколько дней работы. Расписание относительно легкое. Начинаем в 11.00 утра с тренажа (Моника), вокал (Патрик) с 13.30, обед, потом с 15.00 — Тьерри до 19. Последние два дня — до 23-х, с перерывом на ужин. Щадящее расписание, прямо скажем. По крайней мере нашим артистам нельзя так благополучно существовать. Сказывается… Такое расписание предполагает полную отдачу, полную трату во время репетиции. Требует присутствия спринтерского чувства, мы же приучены к многочасовой стайерской расстановке сил.

Состоянием (психологическим и рабочим) «нашей» маленькой труппы (русской) я недоволен. Это все опыт, но опыт «поздний». Вовремя решилась проблема с Козловым, я думал, что тот неприятный урок как-то отзовется во всех нас. Ненадолго. Нет.

В подготовке проекта, как теперь понимаю, основная забота уходила на техническое обеспечение. И, как теперь понимаю, это самая большая моя ошибка. С актерами почти никакой работы не было. Люди во многом не готовы к самым простым вещам. Даже смысл, концепция проекта, как выясняется, плохо понимается. От этого многие ненужные «сердечные хлопоты». Пробую «на ходу» поправить ситуацию. Но… Разговор уже в процессе — совсем другое дело, нежели «до». Сейчас надо собрать, поддержать, помочь найти силы и дойти до конца достойно. Другого пути *сейчас* нет. Все выводы, все решения потом. После дела. Вот на это нужно сейчас мне полностью определиться. Только на это.

А потом (если еще будет необходим такой опыт, такая работа), потом… потом… Все готовить заранее. Как теперь мне это ясно. Как упустил целую половину работы, и притом главную. И ведь были «звоночки», с тем же Сашей, это ведь не просто каприз случайный, это знак. НЕПОНИМАНИЯ… НЕ КОНТАКТА… И нужно было мне точнее анализировать и пользоваться свежим опытом.

2 ноября 1991 г., Модена

Боже мой! Боже мой! Невозможное возможно…

Весь день в Венеции.

В 7.40 утра выехали поездом. В Болонье была пересадка. На всю дорогу ушло три часа, и вот опять… идем по этим — так и хочется сказать — знакомым, — улочкам и мостам. Состояние передать не берусь… Так все запомнилось… Тогда, в 88-м… И тогда на ступеньках Канале Гранде мы долго сидели, бросали монеты, таяли от счастья, и подумал… ну вот какие у тебя желания в жизни, самые большие, чего бы ты хотел по-настоящему. Я точно знал тогда. Одно — вернуться сюда… в Венецию. С Танюшей, когда-нибудь… когда-нибудь.

5 ноября 1991 г., Венеция

Глупая история: мы перепутали числа, оказывается, сегодня 8-е, а мы думали, 7-е… Днем на репетиции спрашиваем наших друзей, что там в газетах о нашей России пишут… Говорят, да это вчера было, отмечали какой-то праздник основания России. Что за праздник, мы так и не поняли… Какой России? Какое основание?

Плюнули и пошли работать дальше. Говорят, что в Москве все по талонам, даже хлеб. Может быть, и неправда, а может быть, и правда. Все может быть в нашей странной России.

8 ноября 1991 г., Модена

Самый критический день был 9-го. Ужасный день. Хамство, распущенность, элементарная невоспитанность и, уже не говорю об этом, непрофессиональность — все вышло наружу у советских товарищей. Я ничего не мог сделать в течение этого дня, ни остановить, ни задавить, ни призвать к элементарному порядку, покою и логике. С., конечно, послужила катализатором этой чернухи. Началось тихое «изведение» режиссера. Тьерри держался очень терпеливо. Во время обеда я пытался как-то загасить ситуацию. Ни черта! Может быть, тут моя вина есть. Поражение. После обеда уже катастрофа. С. самым жутким образом провинциальной героини довела все до взрыва. Взрыв был прекрасен. Я имею в виду Тьерри во взрыве. Он орал! По-французски, но — все! все было понятно. «Почему ты разговариваешь со мной, как с говном!» Переводчица Габриела с трудом, краснея и запинаясь, переводила. Стадо сразу затихло и задумалось…

Сильный момент. Только так, наверное, можно было прекратить эту разливающуюся бесконечную мерзость.

На следующий день, 10-го, все работали почти молча, посапывая. Страсти улеглись, и только вчера, 11-го, когда мы остались одни за обедом, смог уже спокойно поговорить о

ситуации. Попросил ничего не отвечать мне и не начинать дискуссию, и только выслушать, что я скажу, и принять к сведению. Выслушали спокойно. И нормально. Работали весь день. Все время вспоминаю шефа… У меня только четверо актеров… и такие возникают штормы… Когда вернемся, надо много и много говорить… Надо наконец-то найти причины этих стихийных бедствий и хоть как-то продвинуться к нормальной творческой атмосфере. Может быть, это самое важное сейчас. Может быть, потребуются серьезные жертвы, надо пойти на них… Что-то надо… Подрастают молодые, труппа обновляется, но эти проблемы остаются…

Неуправляемость стихийная, кабатинство. (Порой мне кажется, что это даже не театральные, а общего порядка проблемы, которые, к сожалению, приходится решать в театре. Но решать надо!)

12 ноября 1991 г., Модена

Встреча с журналистами в муниципалитете.

13 стационарных театров на Италию. 4 театра в Модене. Театр Сторки, Театр коммунале, Сан Джаминиано.

(Театр коммунале хотят тоже сделать стационарным.)

Пьетро Валенти. — «Хочу подчеркнуть. Факт сотрудничества с театром Васильева — это для нас очень важно. Три недели, проведенные в Москве, свидетельствуют о новых явлениях театральной Европы. В феврале 92-го года Васильев обещал приехать для семинара. Очень хочется продолжать совместную работу с театром Васильева».

Тьерри. — «После Троянок» два года преподавал в театральной школе в Бельгии. Там начал работать над «Бесами». К сожалению, поздно узнали о поездке. Поездка дала возможность проверить свои мысли о Достоевском. Очень приятно было работать с актерами театра Васильева. Его театр мне *особенно* нравится. Я люблю этот именно театр. Работать над «Бесами» — не значит работать над романом, это значит работать над собой. Это работа, которой нужно много отдать. Нужно пересмотреть способ мышления. В России мы, западные люди, чувствуем некоторую зависимость… Россия имеет богатство, в отличие от Запада. Души — вот чего нам не хватает сейчас. Для нас это не просто поездка, это ПАЛОМНИЧЕСТВО, это общая дорога к Достоевскому. Он не в конце этой дороги, он — в пути. Для меня все это стало на редкость важным. Для нас это возможность измениться. Основа этой работы: действия и ситуации. Языковой барьер… мы не могли бы так глубоко работать над текстом. Мы стали искать движения тела, которые

идут в согласии с движениями души. Это опасная работа. Притом речь здесь идет об импровизации.

Закрытые двери очень опасны для актеров.

Они очень смелые актеры, и у них есть свои мотивации.

Надо знать об этом, чтобы смотреть этюд.

Вопрос. — Почему все-таки Достоевский, и почему г-н Сальмон любит театр Васильева?

Ответ. — Он хочет работать над душой и духовностью человека, и вообще искать то, что может изменить собственно артиста.

Ответ на второй вопрос, о театре Васильева. — Я много читал о нем, но никогда ничего не видел, и мои друзья говорили, что мне надо с ним встретиться. Я видел позднее его работу, она меня взволновала. У меня такое впечатление, что мы оба ищем одно и то же. Театр — как жизнь. Конечно, он больше меня, важнее меня. Но мне казалось, что я смог бы работать с его актерами, потому что у нас есть что-то общее.

Патрик де Клер, композитор.

Я тоже ответил на несколько вопросов… Постарался несколько раз упомянуть «Школу драматического искусства» и т. д. Хотя и без того о Васильеве говорили с большим почтением и даже более, как о Мэтре.

Вообще беседа прошла очень мило, даже сердечно.

Потом шел, размышлял о наших актерах… о тех, которых знал раньше и с кем работаю сегодня… этой ночью вдруг приснился мне дядя Саша Щеголев, царствие ему небесное. Приснился в своем обычном мрачном (немного актерски мрачном) нестроении. Будто мы ждем Сальмона на репетиции, и он с нами. Потом он встал и говорит: «Я все-таки народный артист», — и ушел.

Что же это за беда, в чем причина? Наверное, мне не докопаться. Неужели я за собой просто этого не замечаю, не вижу… или не видел, когда был просто артистом? Может быть… Во всяком случае сейчас, когда я вспоминаю шефа и наши разные потрясения во время поездок, очень его понимаю.

Может быть, во многом это и не театральные вопросы… не чисто театральные. Вопросы общего воспитания… среды. Общего культурного уровня страны, где мы живем.

Когда происходят такие актерские «закидоны», вроде Ч., я даже как-то поражаюсь скорее, чем возмущаюсь… Мне думается, почему же она себя-то не жалеет, свою карьеру, судьбу. Ведь ясно, что человек *себя* прежде всего уничтожает собственным хамством. Не в том даже смысле, что работу потеряет, театр потеряет, в конце концов, бог с ним, с театром. Но ведь вот эти минуты, часы,

дни… это же и есть *ее жизнь*. И все это время (дни нашей жизни) собственными руками — на помойку, в дерьмо… Глупо… И в обычной-то жизни расточительно, где-нибудь в *п*-ском театре, неизвестно с каким режиссером, но здесь ведь однозначно — интереснейший, нетривиально мыслящий, новый, просто как монетка новый, сегодняшний делатель театра! Это же так интересно!

Не понимаю…

Помню, шеф как-то давно-давно сказал по какому-то поводу: все актеры мечтают о хорошей режиссуре, только об этом и говорят, но стоит появиться режиссеру, который попытается работать по-настоящему, — они *бросают* его…

Нет. Я и тогда понимал, о чем он… но теперь, мне кажется, ПОНИМАЮ ВПОЛНЕ.

14 ноября 1991 г.

Суббота.

Работали обычно с 2-х до ужина, потом с 20.00 был прогон с публикой приглашенной.

Только что закончилось. Тьерри очень доволен и так естественно этого не скрывает…

Есть надежда… Все постучали по дереву.

16 ноября 1991 г., Модена

Еду в Парму. Сейчас утро… В поезде много народа (т. е. не как у нас, как у них много). Моросит дождь. Еще зеленая листва… Но с тех пор как мы приехали, уже прихватило желтизной… Конец ноября все-таки.

Настроение хорошее.

17-го генеральная со зрителями. 18-го, 19-го играли на публику, и сегодня последний спектакль. Завтра утром в Милан и оттуда в 13.15 летим в Москву. Вот и все, вот и конец.

Тьерри доволен. Принимают, действительно, очень хорошо. Франко Квадри обещал статью (он был дважды). Наверное, прессы будет много. Тьерри загорелся возможным продолжением работы.

Пару дней назад прилетала Маша Прохорова. По ее словам судя, меня ждет много суеты с берлинским проектом. По крайней мере, как я понял, пока там ничего не сделано. И все-таки возьму сейчас каникулы, на недельку хотя бы.

Я устал. Странная усталость… Физически чувствую себя неплохо… Делаю хороший тренаж ежедневно… Но…

Дождь за окном. Свежесть. Странно, какая зеленая трава в ноябре.

Получил факс от Васильева и ему отправил вчера. Он очень

интересуется обстановкой, разговорами, прессой… Ответил длинным, подробным и спокойным описанием…

20 ноября 1991 г.

Итак, 20-го сыграли последний спектакль в Модене. Принимали очень бурно.

Для меня был просто праздничный вечер: приехала почти вся группа верхнего этажа (…) во главе с Мод. Сильвия, Кристина, Фернандо, Ви, Зе.

Обнялись, как родные братья. Мне, конечно, очень хотелось, чтобы им понравилась наша работа.

Говорили очень хорошие слова. А Мод, по-моему, кривить душой не умеет. Для них это было интересно. Жалко, что мало пообщались, они уезжали сразу после спектакля.

А у нас продолжался праздник. Сначала одаривали всех подарками. Каждому — персональный подарок… Мне, например, кожаный футляр для трубки и зажигалку специальную для трубки. Людмиле одеяло (которое она хотела купить, но слишком дорого показалось), и т. д. А всему театру преподнесли пишущую машинку «0livetti». И сами радовались, как дети, нашей реакции на каждый подарок.

Потом в ресторане прощальный ужин. Прощальные слова, полные любви и надежды на будущее.

Господи, как это тяжело — прощаться с добрыми, милыми, искренними друзьями. Были, конечно, и слезы и рыдания. Я почти не спал всю ночь. Утром в 8.00 выехали в Милан на двух машинах. Пьетро лично провожал, Мари и милая наша Россана. Все плакали.

В самолете пили мартини и страдали Москва встретила, как и положено столице рушащейся империи, сурово и голодно. Здесь страшно. Сегодня был на базаре. Это… ужас. Как жить? Как тут жить[7]

Несколько дней отдыхаю. 28-го возвращается из Парижа Васильев.

23 ноября 1991 г., Москва

1992

Берлинский проект.

Подключился сразу после приезда из Италии, на организацию ушло колоссальное время и силы. Теперь все движется. Немцы приехали 2 января. Группа 14 человек актеров, всего группа 23 человека, наших пока 22 (потом будет меньше). Работаем в «Уране», который смогли как-то приготовить к работе. Главная проблема — холод и… голод (кормим в ресторане «Будапешт», дорого и очень невкусно и т. д.). Итак, работа пошла. Расписание, как всегда, жесткое. С 10.30 утра до 12.30 почти ночи (и позже, конечно). Позади четыре дня. Показали много работ (нашими порядка 20) и уже совместных 4.

7 января 1952 г., Москва, Рождество

Ф. М. Достоевский, «Идиот».

Сцена Аглаи и Настасьи.

«Как надо относиться к теме „труда“ в этой сцене?

Здесь два аспекта, с моральной точки зрения и на самом деле.

Когда Аглая говорит с Настасьей Филипповной на тему труда, это моральный разговор, давайте уточним эти два слова — мораль и нравственность.

Мораль (в русском языке) — это Нравственность в социальном мире.

Нравственность — в мире индивидуальном

Мораль — для людей горизонтальное понятие.

Нравственность — вертикаль (для Бога).

Итак, Аглая предлагает Н.Ф. моральное изменение, то есть труд изменит ее морально.

Теперь посмотрим для Аглаи.

Аглая знает, что такое труд?

Нет, конечно. Где она это узнала бы. Из книг… Так кто из них „книжный“ человек?

Значит, у Аглаи искусственные представления и искусственная идея.

Вот мы дошли до точки: ее мир искусственный… А теперь: ее мир искренний или фальшивый? Искренний. Итак, искренний и искусственный. Как играть? — Искренне, искусственно, несерьезно! (Серьезно — вычитает одно из двух предыдущих качеств.)»

Без даты

Голодная и холодная Москва. Жизнь вокруг потусторонняя. Совершенно непонятная, бессмысленная. Мы как на островке в своем полуразрушенном кинотеатре «Уран»… Выпал снег, похолодало. Снег не убирают…

Входишь в зал, в белую чистую конструкцию, белые деревянные полы… Здесь — красиво, чисто… тихо… Звучит английская, французская, итальянская, немецкая и русская речь… О чем они говорят, эти красивые люди из разных стран? Достоевский, религия, русская душа, дух русский, театр, метод, игра… У маленького круглого столика сидит длинноволосый, бородатый, уставший человек… Он болен, это видно… Включенные диктофоны, открытые блокноты — ловят и фиксируют каждое его слово. Где смысл? Где истина? Там, за стенами, или здесь?

А. А. — «В игровых структурах всегда существуют две функции.

Персонаж — выполняет обязанности действующего лица.

Персона — роль философского трактата или самой личности актера.

Идеи Достоевского представляют собой такие *фантомы,* имеющие плоть. Это не плоть человека, имеющего мысли, а это *смыслы,* превращенные в плоть (то, как я смотрю на вещи, или предлагаю анализ и т. д., я исхожу из этого).

Чтобы определить, про что мы говорим, мы взяли эту сцену (Аглаи и Настасьи Филипповны). Мы сказали, что здесь существует грех и чистота. Внутри этой сцены нет сюжета. Он существует в сопоставлении этих категорий.

Она бы и заняла ее место (Аглая), но не может, поэтому, *говоря* это, она сравнивается в грехе с Настасьей Филипповной, они равные женщины получаются в грехе. Но как только они сравниваются в грехе, Н.Ф. сразу становится выше. Потому что Н.Ф. чиста в сущности своей, а Аглая хотела бы быть грязной, да не может.

(Настасья чиста, пока рядом Мышкин.)

Почему А. стыдится и краснеет. Потому что она любит князя. Как женщина любит. Это же греховная любовь. Н.Ф. не так любит князя!

Роль Н.Ф. начинается только в сравнении с ролью Аглаи. Когда ее Аглая рассказывает — тогда Н.Ф. и есть и только теперь, глядя в зеркало, может сказать, какая я (Н.Ф.).

Надо мыслить общим объемом, отдельными репликами не получится. Надо всю сцену держать (чувствовать) сразу.

Моя просьба, чтобы вначале было *слово,* а потом плоть…»

13 января 1992 г.

Два дня осталось работы в Москве. Я устал. Много суеты с моими организаторскими обязанностями… Но, несмотря на это, сделал приличную работу с Игорем Лысовым: Лебедев — Мышкин (пропажа четырехсот рублей, эту сцену). Очень хорошо принимали нашу сцену, что называется, «лежал» зал, и потом много хороших слов говорили и немцы, и наши. Вот… Слава богу. Вообще, мне кажется, московская половина проекта удалась, теперь уже можно сказать, удалась. Сейчас идет показ, и завтра последний показ. 16-го — свободный день, уговорил просто шефа не назначать ничего, он было хотел, немцы, бедные, даже по Москве не успели пройтись, каждый день с утра до поздней ночи в театре. Кажется, они уже заразились аскетическим энтузиазмом наших…. Репетируют бесконечно и рвутся на показ. А наши репетируют во всех углах круглосуточно. В театре буквально нет угла, где бы не сидела пара исполнителей (иногда с переводчиком) и, сбивая пепел в стаканчики и жестянки, лихорадочно не перелопачивала бы нескончаемые тексты Федора Михайловича.

У меня прекрасное чувство (хотя и усталость) от этих дней, от этой работы. Как много хороших ребят, классных, просто классных актеров. Как они играют! Да нет, никто сейчас так не играет. Есть школа! Есть школа… Трудно держать, трудно… Чуть слабинка, и исчезает, как мираж, но… есть… Хорошее чувство…

А ничего ведь больше и нет в жизни, если оглядеться, если вдуматься, если честно…

14 января 1992 г., Москва

Последний день проекта. Идет показ. Может быть, не блестящий, были лучше, но несколько работ отличных.

Вчера тяжелейший день. После всего, часов в 12 ночи, засели с шефом и Мариной за окончательный список. Это безумие. Все перепутано, все перетасовано и т. д. и т. п., и ничего уже исправить нельзя. Билеты куплены по старой цене, а несколько дней назад цены взлетели до идиотических размеров. Вместо 2000 рублей теперь билет до Берлина и назад стоит 28 тысяч. Сидели до трех часов ночи, крутили и вертели весь состав отъезжающих… Уезжаем завтра, сейчас вечер поздний и никто еще не знает, кто же все-таки едет, а кто нет. Картина для нас обычная, но теперь такая ситуация в этой бывшей стране, что все на грани, буквально все, хоть и сам проект. Сейчас кончится показ (последняя работа идет), и все-таки надо будет назвать фамилии. Как он тянул с этим, как тянул… иногда мне кажется, что он просто боится брать на себя такие вещи, как ни странно.

Нет, не знаю, чем все это объяснить. Мне, конечно, хотелось бы больше ясности, четкости, порядка в работе… хотя бы в том, что касается организации. Очень трудно работалось (работается) на этом проекте. Чего мне хочется? Хочется домой. И свободных дней с недельку… Хочу посидеть в доме. В Берлин не хочу, никуда не хочу… Это правда.

Как мы будем жить дальше? Мы… то есть театр наш. Жизнь ломается, рушится… Время тупеет… мы занимаемся странным делом для этого времени, странным. Теперь деньги становятся деньгами.

Ладно… глупые вопросы. Нелепые и бессмысленные.

Глупые. Высосал меня театр… только и всего. Ничего нет другого, совсем ничего, ничего, ничего… Хорошо ли это? Не знаю. Так есть. Факт такой.

15 января 1992 г., Москва

«Час Волкова»

16-го с утра был «просвет», свободный день то есть. Спал до половины 12-го. Потом собирал вещи. Больше возился, вещей: несколько маек и пара рубашек. Вечером — прощальный банкет в гостинице «Россия». Шикарный закатили банкет — рассчитывали на 70–80 человек, но народа было меньше почему-то. Кажется, все были довольны. Гости наши. Потом (в 21.00) в автобус и на Ленинградский вокзал. Без происшествий не обошлось (одного студента пришлось нести на руках, вырубился).

Вся группа (наших 23 человека и иностранцев 22 немца плюс шесть французов, переводчики, администрация) устроилась в вагонах СВ…

В Петербург прибыли в 7.50. Гостиница «Советская». День в Питере тяжелый и суетный. Экскурсия по местам Достоевского, музей Достоевского. Вечером театр. На следующий день, т. е. вчера, 18-го, вылетели из Пулкова в Берлин.

Здесь дождь (после питерского снега) ужасно льет весь день.

Вчера был прием и знакомство с Kunstlerheng Betanium.

Проблемы и сдвинутости начались прямо вчера. Не хочу… лень писать… так же мерзко и буднично, как дождь в Берлине.

Сегодня ездили по городу на автобусе. Обедали в ресторане где-то в центре. Потом смотрел спектакль у Генриха Барановского.

Завтра начинаем работу с 10.30 утра.

19 января 1992 г., Берлин

Живу в узенькой, маленькой комнатке с умывальником и с игрушечным шкафчиком для одежды. Актеры на этом же этаже в комнатах по 2 человека.

Завтракали сегодня в 9.00. Рядом с местом, где мы живем. В белой светлой студии на 5-м этаже.

В 10.30. начали службу с чтением Евангелия (Отче наш, Господи, спаси, Аллилуйя).

Утро замечательное. Вчера был дождь, сегодня морозец, проблески снега, свежесть.

После службы провел тренаж с «нашими», немцы занимались речью с Камышниковой.

Теперь с Васильевым. Разбор сцены Аглая — Настасья Филипповна.

«Доминанта принадлежит философскому взгляду (эмоции не принадлежат жизни). Если только философия — это будет абстрактный ход, только конкретные жизненные мотивы, конкретный взгляд. Нужно играть вместе, но при доминанте философии.

Методология роли Мышкина: не все чувства должны быть исполняемы в этой роли (не все чувства знакомы этой роли), но, чтобы дойти до этого, сначала нужно брать все чувства, условно — белые и черные. Если вы будете сразу брать только белые, положим, вы будете иллюстрировать, т. е. показывать, что вы думаете про Мышкина.

Путь для каждого артиста индивидуален, но на этом пути нужно брать более богатую палитру.

Вы как актеры (немцам) находитесь в системе театра, где

разбирается, изучается следствие, а не причина…

Я заканчиваю разговор на причине. Зная следствие, я часто молчу о ней… Мы изучаем причину и пытаемся ее сделать, следствием занимается третий человек (читатель, зрители).

Если бы Мышкину дано было познать Настасью Филипповну через нее, он познал бы всех, всю Россию, потому что в ней, как в фокусе, сконцентрировано все.

Он познает Россию через всех, и через Н.Ф.

Наиболее не мучительная для князя утренняя сцена (на скамейке), как и всякая сцена с Аглаей Ивановной.

Это только одна правда, и потому — несправедливо (Аглая). Это маленькое указание, как играть Достоевского».

20 января 1992 г., Берлин

Вот вчера вечером был классный показ. Даже два последних дня. Позавчера последние две работы были прекрасными: уход генерала — Лысов, Зайкова, Сабитов и примкнувший к ним Рогульченко, это «старая», в смысле в Москве показанная, работа, но здесь Володя Рогульченко вошел в нее вместо Фалина, и работа просто заблистала. Атмосфера во время исполнения просто распахнутая, вольная возникла — блеск. Потом еще одна работа, сцена в поезде из начала романа, Репецкий — Мышкин, Яцко — Рогожин… Лысова в антураже и Клаус в роли Лебедева.

Я хохотал до боли в животе. Блестящая работа… свежая…

А вчера мы показали свой опус… Я — Мышкин (!), Лысов и Сабитов (гости), сцена с разбитой вазой, о католицизме. Это было нечто. Я ожидал, что сцена будет хорошей, по репетициям… Началось легко, с небольшим затыком, но мило… Но потом, как воздух ворвался, что-то переломилось внутри… и хлынуло легко. Боже, как это здорово… Найти, высечь такое игровое состояние. Дальше все… уже как бы и без меня. Зал, сцена — все слилось… И когда в главном монологе, на словах, что наши (русские), если станут атеистами, то и в атеизм *уверуют,* пробил рукой стул, то даже и не заметил в первый момент. В зале был стон… Вторую половину, после этого стула, мы уже просто летели. Летели. Финал я придумал, и он получился замечательный. В конце монолога, на самой высокой ноте, я падал в обморок… и лежал какое-то время неподвижно… Мне брызгали в лицо водой, суетились, и потом просто детский переворот, слезы умиления, радости… мольбы о прощении, если кого-то обидел, оскорбил. И, доставая из карманов осколки разбитой китайской вазы со словами прощения, раздавал их зрителям… Тут был просто обвал…

Потом все трясли и обнимали нас и целовали. Слава богу!

Вечером долго пили чай вместе…
Прекрасный, прекрасный день! Хорошая работа.
24 января 1992 г., Берлин

«Я прежде всего ценю в человеке дарование, дар». — Шеф и сегодня повторил эту фразу в разговоре. Ему не нравится сегодняшний день, как он идет, с утра. Состояние людей, сами тренинги и вся работа…

Несколько раз затаскивал меня в угол и пытался «разгореться» на эту тему… Хорошую, по-моему, фразу сказал: «Театр начинает разлагаться с тренингов… там сначала все проявляется…» (Стопроцентно согласен). «Завестись» так сил и не хватило, он тоже сильно устал.

Потом (после обеда уже и вокала, который был в 17.00) ушли в коридор какой-то пустой и долго там разговаривали о состоянии труппы. Много пришлось говорить о Наташе К. Ситуация с ней, мягко говоря, непростая… Я оценивал некоторые неприглядные поступки ее по человеческим, так сказать, качествам, от характера идущим. Он все объяснил творчеством, вернее, творческим кризисом, и разобрал ее путь от самого начала с этой точки. Тонко и верно, кажется.

Но у меня все равно где-то внутри остается что-то очень простое. И при всех сожалениях о прошлом, главное теперь — курс-труппа. Прекрасная труппа на подходе, мне кажется… Но в то же время… разрушить, зарезать ее — пара пустяков.

Я не знаю, что делать и чем жертвовать в таких случаях… не знаю… Знаю только, что если ему не удастся оградить от прошлой ржавчины этих теперешних детей… потеря в таком случае неизбежна, крупная потеря…

Остановил-таки показ после второй работы… Не нравится ему. Начал разбор.

И великолепно разобрал сцену Вари и Гани.

«Психологические характеры у Достоевского — это следствие, они идут **после***игры, слов. Сначала нужно черт-те что сказать, а потом уже — черт-те что сделать!»*

25 января 1992 г., Берлин

Вопрос *присутствия* на сцене является основной категорией, после которой идет все следующее.

Присутствие *в этой роли и на сцене.*

«За крик прошу извинить меня, а за все остальное — нет… Это, конечно, безобразие (о работе „День рождения Н. Фил.“)». Страшно ругался, остановив работу в середине. «Кто вас этому учил? Я выкорчую это! Как вы позволить себе могли выйти на

сцену с этой сатирой» и т. д.

«Когда трудно что-то исполнить, актеры и режиссер ищут обходные варианты и страшно рады, если удалось обмануть кого-то, а мне кажется, что в отчаянной ситуации надо выбирать самый простой, самый незаметный ход.

Все на сцене имеет отношение к ДВИЖЕНИЮ…

Одна из самых распространенных ошибок — остановки.

Видеть за текстом материю, из какой материи сделана сцена… вот этим я 20 лет занимаюсь. Это я называю наукой… а остальное… да, талант.

Театр *внутри нас,* а не вовне. Со всеми образами, со всеми мизансценами… все внутри, и люди тратят годы, чтобы в этом убедиться.

В диалоге Достоевского участвуют собеседники, есть общее, и это общее — смысл. То есть мы можем видеть несогласие персонажей, но должны видеть согласие людей (актеров), иначе не получится ни один диалог в этом романе.

Ирония составляет атмосферу этих диалогов. Перед всеми встанет этот вопрос».

26 января 1992 г.

«Представьте себе писателя, который, когда начинает писать, знает немного и когда заканчивает (главу, допустим), то знает много, все знает. Так обычно строится экспозиция.

Если человек, фамилия которого Раскольников, убил другого человека, которого зовут старушка, то не это писал Достоевский.

Все-таки это собрание сочинений русской мысли, а не криминальная хроника».

30 января 1992 г., Берлин

1 февраля показы в 16.00 и в 19.00. 2 февраля показы в 18.00.

Показывали всего 25 работ в три показа. Без повтора.

Итак, месяц работы над Достоевским позади.

Вероятно, 3 февраля 1992 г.

Коротко итоги.

Показы прошли замечательно. Много лиц из разных стран, как всегда.

Васильев устроил тотальный театр, так сказать. Два вечера подряд беспрерывное театральное действие на хорошей мощности и поступательно. Ребята работали порой блестяще. 1-го практически без перерыва шел показ, с 4 вечера до 12.00. И на следующий день, 2-го, с 6 вечера до 11.00. Ни одна работа не повторялась. Показали 25, а всего за проект сделали около 140

работ.

У нас была еще отдельная радость: приехали наши любимые друзья по проекту Сальмона, во главе с Пьетро Валенти. Мари, Россана, Кри-Кри, Патрик, Пьеро, Кармен. Обнимались, целовались, плакали. Даже с учетом того, что всякое ощущение сказки и чуда уже как-то мимо проходит (наверное, в связи с возрастом), даже с этой скучной, но неизбежной сноской, очень сильное и волнующее чувство… Играем в Берлине, и приезжают друзья, близкие друзья! из Италии, Бельгии, Швейцарии (они тоже были), в общем, полон зал милых, знакомых, дорогих разноязыких лиц. Некоторые из них приехали буквально на день, чтобы только посмотреть премьеру.

Все горят желанием продолжать нашу совместную работу. Пьетро имел разговор с Васильевым. Есть надежда, что — да… Если это получится, то продолжение будет потрясающе интересным. Вся работа займет около полугода. Очевидно, это будет в Сардинии! Предположительно, мы должны поехать в мае в Модену, на короткий срок, с тем чтобы с августа уже начать длительную полугодовую работу.

Васильев разговаривал со мной на эту тему. Долго говорили. Пока он, как всегда, не знает твердо. 16 февраля он летит в Модену на официальные уже переговоры с Валенти.

Ах, боже… Было бы здоровье, все остальное будет. У меня хорошее настроение, хотя устал очень и неважно себя чувствую. В городе почти не был. Один раз поехал (вчера) на метро в центр к Zoo… голова закружилась, прошелся несколько минут и скорее опять в свой Крозберг…

Вчера и сегодня «Фьоренца».

Не помню, записал или нет. Когда улетали в Берлин, в Шереметьеве, заполняя декларации, некоторые наши актеры с недоумением поднимали головы и спрашивали: какое гражданство писать? И это не в шутку, нет… Такое вот безумное время… Потом посмеялись, правда, но, действительно, несколько минут подлинного замешательства было. СССР глупо писать, хотя на паспорте СССР написано… СНГ… тоже непонятно, что это и чьи же мы граждане, в конце концов. «Пишите — Россия, не ошибетесь!»

Так и написали.

4 февраля 1992 г.

Наконец-то заболел… и, кажется, хорошо заболел. Лежу дома уже четвертый день. Голова кружится… шею повернуть не могу, и вообще худо. Самое печальное, что читать тоже не могу из-за головокружения. Тупо смотрю в телевизор, благо в наше время

это интересно. То есть уже, конечно, ничему не удивляешься… Но и то… бывает… Вдруг обычная фраза, вроде «развалившийся СССР» или «бывшие советские республики» — вызывает странное чувство томления, невозможности происходящего. Танюша, милая, моя девочка… Часто думаю… как бы она все это воспринимала сейчас.

Ба-ба-ба…

Мы всегда не доживаем до чего-то интересного, всегда не успеваем что-то узнать, вот, кажется, еще бы немного, и узнал что-то. Так вот… раз уж заболел и валяюсь, запишу немного из жизни нашего славного, знаменитого театра.

После Берлина была очень интересная полоса жизни. Шеф работал со 2-м курсом, иностранная стажировка, и с 4-м (на Сретенке). Не так чтобы очень серьезно, но решили отметить наше пятилетие. Да, да, да, пятилетие «Школы драматического искусства», открытыми показами.

Из Берлина вернулись б-го, 7-го — отдыхали один день, а 8-го уже начали работать с полной нагрузкой. То есть по 12–14 часов ежедневно, как и всегда. Очень мощная была дистанция по напряжению и результатам. Просто мощная. 4-й курс вырастает в хорошую труппу, со своими лидерами. Крутыми, я бы сказал, лидерами: Лысов, Сабитов, Фандера, Бородина… и еще пять-шесть человек, не меньше, работают уже на большом, настоящем уровне. В них уже явно видна *Школа*. Это, пожалуй, самое главное… как они играют.

Шеф улетел в Бельгию 16-го (там у него семинар) и затем в Париж. И все показы проходили уже без него. И это тем более важно. Итак: 16, 17, 18 — Т. Манн, 12, 19 — Достоевский, 21 — Платон, и 24 играли «Performance» в развалинах 1-й студии. Это, наверное, историческое событие. Как-то оно зафиксировано на видео ТВ. Играли Платона, «Государство», Яцко, Ануров, Лавров, Храбров, Вороненкова; Т. Манна «Фьоренцу», Лысов и Толмачева.

Достоевского Ф. М. 1. Яцко — кн. Мышкин, Репецкий — Рогожин. 2. Чиндяйкин — кн. Мышкин, Лысов — Иван Федорович, Рогульченко — Иван Петрович. (О католицизме.)

29 февраля 1992 г., Москва

Швейцарский проект.

22 февраля — 4 марта. Москва. О. Уайльд, «Саломея». Реж. Ливио Андреа.

Показы (открытые) в Москве, в «Уране», 19–20 марта.

Без даты

Вчера в Доме кино состоялась премьера, наконец-то, нашей

летней картины «Мертвые без погребения, или Охота на крыс». Такое вот название.

Выходил на сцену, получал аплодисменты и поздравления. Все, как положено.

Банкет.

Настроение скверное.

22 марта 1992 г., Москва

Полгода со дня последней записи.

Уже не упомню даже самые главные события. Много всего. Главное, пожалуй, выбор. Выбор, который пришлось сделать. Это очень длинная, запутанная и, как всегда в нашем театре, тягостная история, связанная с продолжением работы над «Бесами» Тьерри Сальмона (*Тьерри Сальмон — бельгийский режиссер, много работавший в Италии. Неутомимый исследователь, экспериментатор. Создал несколько заметных европейских проектов. К огромному сожалению, Тьерри рано ушел из жизни, разбился ночью на автостраде, возвращаясь после очередной премьеры из Италии домой в Бельгию)*. Короче, было очень выгодное предложение от Валенти и Сальмона. То есть я должен был уехать в Италию на год (или даже значительно больше). Вначале шеф (т. е. Васильев) отнесся к этому весьма одобрительно, тем более всю историю сам же когда-то начал раскручивать, потом начались у него сомнения, колебания, незнания и т. д., обычным путем до истерики и наконец привычно-приятного состояния стабильного конфликта.

Насколько мы с ним разные люди. Для меня подобное состояние — самое худшее, что есть в жизни. Он (по крайней мере, впечатление такое) просто не может долго существовать в другом пространстве.

Впрочем, я не собираюсь описывать всю историю эту. Она достаточно тривиальна и выделяется только содержащимся в ней предметом.

Короче, я плюнул и сказал: все, я уже никуда не еду. Мне все равно, пусть будет как будет.

Толя моментально успокоился, стал опять приветливым, заботливым другом и… конечно, не знал, что же теперь со мной делать (в смысле работы).

Таким образом начались бесконечные каникулы.

В июле Достоевский.

Август, сентябрь — каникулы.

Сегодня собираемся. Но сам он приедет только 27-го (из Парижа).

Лето было замечательное. Трудно даже выговорить: я ездил в

деревню Чёрное. В бывший ЛЗК. Я не был там 33 года. Раса охотно согласилась на эту поездку. Вот тут-то и чувствуешь, что не писатель, а только лицедей. Как описать, да просто зарегистрировать факт, как? Нет, невозможно.

Эта летняя поездка — что-то особое в моей жизни. Что-то небывалое, страшное, невероятное, лиричное, нежное… конечное.

Показы: 24 — свободная тема, Гете, Пушкин, Лермонтов, Тикамацу. 25, 26 — «Иосиф». Публика была примерно 70–80 человек. Для *этапа* очень хорошие показы. Несколько работ просто отменных (Яцко-Фандера, например), и несомненный общий рост. Сегодня разговор. Две темы сегодня: организационная и творческая. Лучше начать, конечно, с творческого.

23 сентября 1992 г., Москва

Моя жизнь, так сказать, личная, персональная, перестала быть, как бы и нет ее вовсе, то есть не как бы, а нет. Утром просыпаюсь, спешно завтракаю чем бог послал и бегу… в театр (на работу, как угодно), и весь день проходит здесь, в «Уране». Весь буквально. Иногда на несколько минут выхожу, чтобы купить хлеба. И покупаю, если в булочной нет очень уж большой очереди, а то и махнешь рукой, плюнешь и идешь без хлеба.

Сделал несколько хороших работ. Живем мы здесь замкнуто. Работаем с 11.30 утра до 22-х примерно, потом артистов отпускаем и еще сидим с шефом. Пьем чай, говорим допоздна, до 12-ти, до половины 1-го, но уж в половине уходим обязательно, чтобы успеть на метро (в такси я уже не езжу, совсем). Почти каждый день к концу репетиции приходит Никита Любимов. Это хорошее время… можно не спешить, поболтать обо всем.

Работаем над «Иосифом и его братьями». Интереснейше работаем. Это непереводимо… Связано с Библией, с песнопениями духовными, с человеком. Для подобной работы нужна новая генерация артистов. *Иная.*

Пять раз в неделю — Община (то, что раньше называлось показом). Начинаем ровно в 6 вечера с песнопений, и потом переходит все к чтению Библии (Бытие), и *вместе с этим* (а не на фоне) начинают играться сцены романа.

Бывают и просто потрясающие вечера. Может быть, возрождение мистерий. Или не возрождение, а начало.

Начало. Шеф не скрывает, что работа эта впрок (в будущее). Потребуется 1,5–2 года, так он думает.

Так течет день. Расписание плотное. Три раза в неделю занимаюсь тренажем. Группа у меня небольшая, 5 человек. Но хорошая группа. Очень хочу работать с ними хорошо и с пользой

для дела. Возвращаюсь в свое Орехово-Борисово, конечно, поздно, принимаю душ, немного ем иногда и ложусь… Пытаюсь читать немного или слушаю вражьи голоса (ну, это раньше были «вражьи» голоса, а теперь… другая жизнь), слушаю «Свободу». Что в мире творится, слушаю, в ближнем и дальнем.

Вот тут только что-то и узнаю… Эмоций по поводу всяких теперешних новостей уже никаких нет… Даже наоборот бывает, даже думаешь иногда, надо же, привел Господь дожить до каких времен. Часа в три, в четвертом отключаюсь. Иногда и радио забываю выключить, так и сплю под озабоченное кудахтанье…

И все сначала… Новый день. Так прошел сентябрь, так прошел октябрь.

30 октября 1992 г., Москва, Сретенка, «Уран», вечер

Труппа вышла из отпуска 23-го. Начали самостоятельные репетиции. Вчера А. А. вернулся из Парижа, и сегодня первая встреча. Стоит декорация «Иосифа». То, что мы сегодня начинаем, должно закончиться, т. е. что-то должно быть, вы новый ансамбль театра, и этот ансамбль должен прожить (в своем основном составе) очень долго, хотя опыт говорит, что долго не бывает. Самый долгий срок у меня был 12–13 лет. Ну, конечно, с процессами. И это не были радостные дни прощания — нет, нет. Это были тяжелые дни, как разлад в семье, и до сих пор у многих эти раны еще отзываются, бывает, и так или иначе выражается это — да… до сих пор.

Мои ученики от 1981 года (курс Эфроса), я на них сильно рассчитывал. Но они оставили театр быстро, каждый по-разному, но… быстро. Клименко, Юхананов, Берзин уходили не просто. И тоже до сих пор конфликты существуют в прессе, в высказываниях и т. д.

Следующая труппа прожила (курс Буткевича), просуществовала 3,5–4 года — до 90-го года, и в 90-м перестала существовать. Здесь более мирно расставались люди, но не все. Это был крутой, прочный ансамбль.

Я начал заниматься театром с 68 года, всегда наблюдал один и тот же процесс. Я выполнял роль *посредника* между старым и новым. Я усваивал старые идеи и вырабатывал новые и передавал их.

Меня мало любили, много оскорбляли. Я дожил до времени, когда мои ученики не признают, что воспитание и эстетику они получили от меня. Таков путь мастера. Начиная этот путь, надо знать, что придет время, начнут отказываться от того, что все получили. Я никогда не относился смиренно к этому. Грустно сознавать, заканчивая 25-летие, — ничего нет, под моими

спектаклями могут подписаться мои ученики. Актеры, которые со мной работали, говорят об унижениях и смерти.

Вот и мы с вами начинаем нашу новую жизнь, и надо иметь мужество, чтобы понимать, что *этим* закончится. Единственное мое желание, чтоб ансамбль (потом спектакль) прожил *довольно* долго. Может быть, дольше предыдущего.

Очевидно, многие скажут так, как на каком-то семинаре, по-девичьи: «Он никогда не был нашим педагогом». Ладно. Я не настаиваю на том, что я много сделал в театре. Но я был посредником между прошлым и будущим (если бы не я, был бы кто-то другой). Этого отнять невозможно.

Как раз я находился (и другие люди рядом со мной) в месте, где публика, принимавшая мой театр, была публикой другого театра. Это перекочевавшая публика. Для нового человека это были басни дедушки Крылова, я понимаю. И критика тоже… Они были попутчиками иногда, но ждали своих героев.

В конце концов я оказался в странной ситуации, когда самое лучшее место для меня в самолете. Я должен был бы сказать оптимистические слова, но то, что связано с работой, связано с оптимизмом. То, что связано с жизнью, пессимистично. Я желаю эту минуту отдалить.

Я не собираюсь ничего менять в правилах и творчестве и правилах творчества. Я не стремлюсь ни к каким усовершенствованиям, ни к каким успехам. Думаю, может быть, мои взаимоотношения с актерами меняются с качеством, в котором они находятся. Может быть, мне тоже надо подумать. 1, 2 курсы меня поразили. Я был влюблен, все мне нравилось, но я *ничего* не сумел передать, научить, просто молодость и невежество.

Мои отношения с ними были бы более лояльными, более милыми, если бы это были *только* студенты и мы *иногда* бы встречались.

Речь идет о *завершении.* Что будет происходить в 93-м, 95-м гг.? Я всегда мечтал о создании *генерации.* Я хочу завершить опыты лабораторные. Рано или поздно этот дом, где мы сидим, сидим с вами, будет построен (если летом не начнут рыть котлован, нужно жить совсем по-другому). Летом 95-го здесь должен быть Дом.

Думаю, репертуар сложится в этом сезоне. Мы много репетировали, и что-то опустится, это да, но репертуар, то есть все узлы завязаны, надо затянуть. И это в этом сезоне надо сделать — в этом.

Судя по тому, что происходит в Советском Союзе, можно ожидать чего угодно — война. Нам это не должно помешать, вот в

чем дело. Я отдаю себе отчет, что такое этот сезон.

28 сентября 1992 г. 13–00, Москва, Сретенка

11-го поехал в Ростов поездом «Тихий Дон», можно сказать с оказией (сопровождал группу швейцарцев, и поездка в один конец получилась бесплатной). 13-го ездили к Танюше на могилку: мама, Вета, Толик, Нина (Сережа не поместился в машину). Осень. Холодно. Сильный ветер. У Танюши камень лежит на могиле. Мрамор белый, привезенный из Омска. Большой, тяжелый. Но еще не все готово, еще не все. Но все равно главное уже сделано. Самое тяжелое, самое трудоемкое, слава богу.

Разговор после показа (5 сцен). Устремление к чему-то — понятие внутреннее или внешнее? Думаю, внутреннее. Мы ощущаем это как разворачивающееся событие. Ощущаете ли вы, что то, что в конце концов разворачивается, *дано* в начале? Да. И это правильно. Это правильно сделанная работа. Ясно, что исходное событие всегда лежит в начале сцены. И оно может начать осуществляться сразу, но может быть в момент действия исходного события, может происходить соединение игровой и психологической структур, то есть вы можете двигаться, не загружая себя сразу.

Нас должно интересовать действие, совершающееся здесь, сейчас! (В этом случае как никогда.)

15 октября 1992 г.

Вчера после репетиции долго разговаривали с А. А. вдвоем. О всей жизни театра. О третьем курсе (там опять студенческие неприятности). Потом вспомнились наши «путешествия». С горечью вспоминаем «Сегодня мы импровизируем». Он говорит об этом спектакле, как о потерянном ребенке. Потом по секрету рассказал историю о гастролях в Париже «Серсо» в [Бобиньи] и все тяжелые перипетии, с этим связанные. В один из самых тяжелых дней, когда все рушилось, проходя мимо «Комеди Франсез», он сказал (про себя, конечно) — здесь я буду ставить.

— Причем, ты же понимаешь, никаких даже малейших оснований к тому не было, наоборот, состояние было ужасное, предчувствие неизбежной катастрофы, провала. Я никому, конечно, не сказал тогда этого, но, кажется, в дневнике записано — буду здесь ставить.

Интересно, что до этого разговора я фантазировал, разбирая, почему он принял приглашение «Комеди Франсез».

17 октября 1992 г.

Было несколько дней «семейных» потрясений. Дети устали, появились пропуски и опоздания (не к Васильеву, конечно). Он поднажал, потребовал и т. д. Начались сдержанные, но роптания. Тяжело, семья, дети и т. д. Что понятно. Расписание довольно жесткое:

11.30 — служба
12.00 — репетиции
14.00 — вокал, речь и т. д.
16.00–18.00 — репетиции
18.00–22.00 — Васильев

Итого 10 часов 30 минут. Шеф рассердился, ушел с репетиции, пошли с челобитной, начались разговоры.

Он предложил решить самим закон жизни (расписание). Долго судили, рядили (я не стал присутствовать при этих разговорах), придумали *удобное* для всех расписание, но тут демократия и кончилась, слава богу. Хотя уступки кое-какие он *все-таки* сделал. Осталось с 11.50 до 22.00 (но служба общая только с 13.30). Итак, есть возможность для вариантов, но в остальном все принял и укрепил, «ропот» закончился, продолжается работа, нормальная.

Несколько дней очень холодно в «Уране», работаем в пальто и теплой одежде, и голодно.

I ноября 1992 г.

А. А. — «Это видно — тот, кто не участвует, убегает от действия, общего действия, еще и ворует воздух, просто ворует —

это видно. Вы не представляете, как мне дороги эти часы, проведенные здесь с вами, как режиссер говорю.

Конечно, вы по-разному прошли эти годы, кто-то только сейчас постигает сущность. Но вы теперь в том периоде, когда уже нужно *использовать* знания. В целом весь ансамбль в периоде нахождения себя как личности на сцене, художника, мастера. Коллективно вы в этом периоде. Если вы будете продолжать находиться в пионерском возрасте первокурсников, это все мимо будет».

5 ноября 1992 г.

Плохой день. А. А. не в духе. Одна работа заявлена. Остановил начало показа.

— А в конце этой недели я скажу, с кем я буду работать дальше и с кем я не хочу работать… (пауза). И скажу, что нужно делать тем, с кем не буду работать. Я должен идти вперед. Каждый день идти вперед.

Шеф говорил круто и открыто: «Стариков не уважать не позволю. Вы должны знать: я с ними уеду, а не с вами останусь» и т. д. Описывать все коллизии не буду, они того и не стоят, все тривиально. Как точно определил шеф — все начинается (разлад) не с творческих отношений всегда, а потом уже начинают делить методы и стили.

Долго потом ночью разговаривали обо всех этих, почему-то неизбежных для театра, перипетиях. Последнее время почти каждый день сидим с А. А. допоздна. (Очень интересно о Лермонтове вчера.) Почему Бог его погубил — ведь он гений, а его не стало в 27 лет. (Потом о связи Достоевского с Лермонтовым, об очень глубокой связи.)

Странно работает природа: если из чашки выливается — она полна! И если не выливается — она сразу же становится пустой. Так почему-то актер хранит свое чувство. Из двух путей: есть чувство или нет, он, конечно, выбирает — есть!

Вы всегда должны выбирать путь, когда буря в сердце больше, чем буря снаружи.

14 ноября 1992 г.

Соломон Константинович Апт. Встреча с переводчиком «Над страницами Томаса Манна». «Избранник», роман. Замечательное знакомство. Милейший, умнейший человек. Достаточно пожилой уже, может быть, старый. Тихий голос, живой взгляд.

Читал нам статью из своей книги о работе над переводом. Потом разговаривали, много вопросов, и, по-моему, ему все очень нравилось. Какая-то сердечная, человечная встреча.

От сердца наговорили ему комплиментов, но они, конечно, ничто рядом с *великим* семилетним титаническим трудом.

18 ноября 1992 г.

На этой неделе шеф решил прервать показы, вернее общины, и всю неделю проведет репетиции сам, то есть с остановками, правкой и пр. Все очень рады такому предложению.

19 ноября 1992 г.

Отец Сергий сегодня освятил наш дом. Сначала мы пели духовное. Потом молились вместе. Отец в красивом облачении, свечи. Пели замечательно, мне кажется, как-то легко, воздушно пели.

Потом прошли по всему театру, окропляя стены, и пели «Иже херувимы». Весь-весь театр обошли, как положено по чину. Все приложились к кресту. Вот и слава Богу! Репетицию поэтому начали поздно и поздно, наверно, закончили, в полночь или еще позднее.

21 ноября 1992 г.

Вся прошедшая неделя состояла из рабочих показов. В день от 4 до 7 работ (только повторы). Сегодня собрались для подробного разговора о сделанном. К сожалению, не получилось разговора, может быть по нездоровью. Начал было разбирать первую работу, потом что-то случилось вдруг сразу, осердился на Бородину, кажется (типа того, что «начала защищаться» — если я буду говорить, а вы «защищаться», бессмысленный разговор). Потом большой перерыв. Он сидел в кабинете, видно сердце прихватило. Мы в зале пели духовное — тихонько. Вернулся в зал, проскочил по всем работам одним-двумя словами: «то», «не то», «не так», «неправильно» — и замолчал. Пауза.

— Не знаю, что сказать… Сами вы можете оценивать работы иначе, действительно, не так мрачно.

23 ноября 1992 г. Понедельник. «Уран»

«Всего-то — изучая театр, ученик изучает, что в себе увеличить или что уменьшить. Все это варварство. На протяжении столетия режиссура настаивает на высоком искусстве театра. Когда же театр станет в тот же ряд искусств, как, например, музыка? Театр рассматривается только как дионисийское действие развлечения толпы, поэтому не изучается серьезно, как другие виды искусства. Из многих исполнительских искусств театр наиболее сложное, где инструмент и исполнитель — одно лицо.

Может быть, когда стали требовать правдоподобия, [конечно], есть в этом какая-то справедливость. Все, что требовало универсальности, отдалось другим искусствам. От театра требуется реализм, даже в таком оазисе нереализма, как „Комеди Франсез“, прежде всего встречаешься с реалистическим мышлением.

Это удобная форма наслаждения. Наибольшее наслаждение человек испытывает, глядя на обезьяну или себе подобное. Вот я смотрю на женщину, вот я пью чай, вот я нервничаю и т. д. и т. д.

Выход на сцену связан с познанием, а не для демонстрации себя или самовыражения. Когда театр стал разрабатывать свою материю (а не литер), кто мог производить эту материю? Режиссер, конечно. Я отказался от профессии постановщика сознательно и давно, во Францию я поехал от отчаяния. Педагог должен быть покладистым, универсальным, зачем настаивать только на одном! Постановка — необходимая вещь, и не ради одной только педагогики я это сделал. В конце концов я хочу сделать ансамбль актеров, которые могли бы делать то, что другие не могут. В этом мой интерес, и поэтому я оставил *часть* моей профессии.

Но одному *это* тяжело. Нужен отклик, нужна уверенность. Я еще не разочаровался до конца в этом намерении — но надо сказать, силы мои подходят к концу. Ясно, что это не просто. Если добровольно я избрал *такую* цель — то и к результатам я отношусь довольно строго (к себе, прежде всего, не к вам).

И вот как на этом пути себя вести? Ждать? Когда подоспеет? Ускорить? Вы же все разные и, конечно, по-разному проходите эту дорогу: быстрей, медленней, совсем отставая.

Время от времени приходится говорить, сообщать энтузиазм, стращать и т. д. Это понятно, большой ансамбль, но все-таки притча о плохих именах и хороших — нужно чтобы *все* подросли, а там будет видно.

Давно, лет 5 назад, может быть, я решил лишить себя инициативы и передать ее тем, кто сидит передо мной. Это и от силы ансамбля зависит, от грамотности. Мы провели эти 11 недель. Что-то изменилось, мне кажется, я не торопил и не торопился, но если спрашиваю себя — хоть одну сцену довел ли я до конца (не как постановщик, а как объяснитель), то не могу сказать, что я это сделал.

Есть работы, где и вовсе нет „завязи“. Значит, не только вы не умеете это делать, но значит, я не мог. Путь разработки вы проходите неплохо. Но там, где содержание уже должно становиться формой, — это тяжело».

28 ноября 1992 г.

Первая половина декабря очень плохая. А. А. болел, был в тяжелой депрессии, все его раздражало, угнетало, мучило. Тут, как на грех, перестали топить в «Уране». Холод дикий, даже присутствие на репетиции в пальто не спасает. Три дня просто замерзали, какая-то авария на участке. Все ведь рушится, везде и все. И в стране. Вы знаете, что — «кризис правительственный», как объясняют по ТВ. А проще — хаос. Цены дикие и растут каждый день.

Мы едим рис и чай и работаем. Может быть, и это еще на шефа подействовало. Очень тяжелый был несколько дней, вообще не выходил из дома. Мы одни тут работали. Постепенно отошел, но с «разборками». Не все, естественно, выдерживают напряжение. Он из последней мочи пытается собрать людей, дело не растерять, то, что с таким трудом ковалось почти 5 лет. «Если я потеряю эту труппу, — говорит, — все, на другую у меня уже не хватит сил». Итак, это последняя надежда. И в каком-то смысле он заложник сложившейся ситуации. С одной стороны, надо быть жестким и безжалостно расставаться с людьми, с другой — каждый человек — труд вложенный, и каждый на счету.

Был очень славный показ Мольера на 3-ем курсе. И мы 19-го показали хороший вечер самостоятельных работ (Платон, Гёте, Лермонтов, Пушкин, Тикамацу). 24–27 будет «Иосиф».

Вторая половина декабря

1993

Сбор труппы в 13–30. Весь состав театра (3 и 5 курсы, то есть все). Беседуем с шефом. Примерные планы жизни на ближайшее и дальнейшее время. Пока никаких особых новостей — Т. Манн, продолжаем «Иосифа», в апреле возможен Вроцлав, в августе — Япония.

Вроцлав с 25 апреля — 1 мая. 13, 14, 15-го работали на Воровского (теперь опять Поварская, переименовали наконец-то, вернее вернули имя улице). Там чисто, уютно в 3-ей студии, первая в развале, но что-то двигается, не исключено к весне или лету иметь студию обновленную.

Вокруг идет война — Грузия, Абхазия, ингуши, осетины, Таджикистан и пр. и пр. Растут цены, космические цены, холодно, батареи часто отключаются. Ну и вообще жизнь вокруг нас скрипит каким-то образом. Странно иногда, если посмотреть на нас со стороны. Как мы живем, чем? Каким-то чудом мы все-таки существуем, есть помещение, горит свет, правда, холодно, но крыша над головой есть и даже вареный рис на обед.

17 января 1993 г.

Сегодня вырвался во время обеда в Дом кино. С. Члиянц показывал свою картину «По прямой» (Довлатов). Показывал уже почти готовую, но еще рабочую копию. У меня там эпизод небольшой, но довольно приличный.

Картина могла бы быть очень хорошей. Но все-таки просто хорошая получилась. Много, много, много причин тому.

Мои размышления на репетиции: почему Господь любит грешников? Потому что познание своего греха — путь к Богу. Это не значит совсем, что надо грешить, чтобы двигаться, нет, конечно.

28 января 1993 г. Четверг

Заканчивается январь. Дни, дни, дни пролетают. Утро, день, вечер, ночь. Нет, этих смен почти и не замечаю. Только утро и вечер. Утром выхожу из подъезда, иду до метро — тридцать минут безвременья, потом две минуты от станции «Сухаревская» до театра. Потом время опять останавливается. Конец дня воспринимается только ужасной усталостью. В одиннадцатом часу вечера (или ночи?) поднимаемся с Васильевым в кабинет. Актеры расходятся. Мы пьем чай или даже принимаем что-нибудь и разговариваем о том, как прошел день, репетиция, о том, что будет завтра. И обо всем. Иногда приходит Борис Лихтенфельд

(директор), и тогда еще говорим об общих делах театра. Иногда появляется Никита Любимов или еще кто-нибудь. Уходим обычно после двенадцати (чтобы успеть на метро). Вместе едем до «Третьяковской», там Васильев садится на поезд в центр, а я на свой поезд, и опять без времени кусок жизни.

Потом выхожу из метро «Орехово» и еще несколько минут иду по темноте. Осознаю, что ночь, что еще день прошел. Домой вхожу уже совершенно уставший. Чай и сигарета, душ (или наоборот). Ложусь, читать уже почти не могу, нет сил. Через силу смотрю кое-что, несколько страниц. Иногда включаю телевизор, если еще что-то есть (все равно что). Часа в три заставляю себя выключить свет. Тихонько включаю приемник. Радиостанция «Свобода».

Странно, странно сознавать, что вокруг безбрежный мир за стенами моей маленькой квартиры. Там… там… там… Югославия (такая памятная, любимая, нежная, разноцветная, пляжная Югославия, спектакли, успех, цветы, дружелюбие, ночь, вино, море)… танки, кровь, мертвые дети. Хорваты, сербы, боснийцы. Не помню, кажется, мы тогда не задумывались, не знали, в Хорватии мы или в Сербии и кто ближе нам.

Странно, непостижимо странно. Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые. Может быть, и блажен. Скорее всего что так, блажен. Зачем же гневить Бога? Блажен. Отдаю ли себе отчет, что именно в роковые минуты? Да, вполне, наверное. Однако, может быть, всю трагичность и высоту, роковую высоту мгновения человек (человечество) способно ощутить только с определенной временной дистанции, через время. Так, сейчас видя, слыша и оценивая события каждогодня, все-таки движешься в общем потоке ежедневного бытия. И, может быть, величайшие события, катастрофические даже события, выглядят суетой сегодняшнего дня, хотя бы и государственного, но быта.

На самом деле понимаем ли мы, что страны, в которой мы жили, плохой ли, хорошей ли, не об этом речь сейчас, страны привычного и каким-то образом обустроенного пространства — этой страны — нет! И не будет больше уже *никогда!*

Нет. Думаю, нет. Холодного, ясного знания (а значит, и ясного нового мироощущения), конечно, нет. Фантасмагория неурядиц, хаос горького юмора.

I февраля 1993 г.

Васильев, разговор. Вчера была плохая репетиция, ситуация кризисная во всех смыслах. Он начал репетировать «руками» несколько дней назад. И вот вчера решил посмотреть на работы, которые делал. И катастрофа. Все так плохо, что у меня сердце

заболело. И потом говорили до последнего метро. Теперь ему нужно говорить, говорить, очень, очень много говорить.

Из вчерашнего.

— Я не собирался ставить реалистичный спектакль, тем более исторический сюжет Бытия. Это с большим успехом можно прочитать в Библии. Я думал организовать некий процесс жизни для […], в котором каждый обретет своего Бога. Каждый своего. И, может быть, это могло бы стать примером для других. Не на уровне веры — на уровне цивилизации. Чтобы это помогло выйти человеку на уровень цивилизации! И только.

Методика — как делать дела не для того, чтобы делали один раз, нет, а для того, чтобы делать много раз. Правила эти включают повтор, обязательно. Абстрактный мир, который реален.

Васильев болеет, уже три дня работаем без него. Кажется, все вместе на него навалилось — усталость от непомерных нагрузок, творческая депрессия, думаю, связано с почти невозможностью исполнения его намерений. Другими словами, его театральные, да нет, не театральные даже, философские может быть, духовные может быть, поиски в постоянном противоречии с человеческими возможностями, с грубой материей жизни. Титанические усилия только ярче высвечивают эту пропасть, эту непреодолимость.

Упрощенчество — самая общая и вселенская беда. Русской идее присуще обратное — она обращена сразу к *самому сложному* — к познанию Бога, не расчленяя при анализе неделимую и почти не познаваемую в своей сложности идею.

14 февраля 1993 г.

Васильев все-таки пришел, хотя плох. — Те, кто занимается искусством, у них такое убеждение, что тут надо уметь врать и лучше тот, кто врет ловко. Я сделал ошибку любви (о 3-ем курсе) — рано-рано, совсем не оперившихся, бросил их в омут театра со всеми проблемами, рано.

Девки без царя в голове и, кажется, дуры. И каждый себе на уме. Нет надежд никаких там. Мы всегда играем что-то по отношению к событию, то есть имеем традиционную прочную основу самой истории, события, только механизм игры, может быть структурированной как-то особо, а в этой пьесе («Каждый по-своему») знание удалено по поводу события. И вот это *знание* является предметом пьесы, то есть этот предмет является самой историей драмы.

Может быть, единственный пример такой драматургии, да еще замешено все на суровом психологизме. Как иначе делать эту

пьесу? Иначе нельзя — и что мне делать? Драматический кружок сельскохозяйственных интеллигентов, русская и европейская провинция — бардак слов, мнений — все это приговорен выслушивать. Господи! Действие понимают, как «играть с настроением», как некое статическое чувство.

16 февраля 1993 г. Вторник, 11–30

Репетируем с утра с Васильевым. Глава «Это я». На площадке Борис Шнайдер и Игорь Яцко. Общие разговоры о монологе.

— Эту сцену можно сделать только по аналогу, а аналогом может быть только собственная жизнь. Конкретное событие, которому надо дать *формулу,* а формула всегда *мифологична,* тогда открывается вещь и перед тобой чистое небо. Все, что посвящено любви, он исполняет как Иаков (Иуда), а все, что связано с убийством (смертью), он исполняет как Иуда (в слове «убийство» заключен акт, который навязывается). Парадокс действия в том, что как только оно названо — оно не существует. Нужно слышать потенциал.

19 февраля 1993 г. Пятница

«Иосиф», репетиция. Вчера была большая репетиция-показ. Шел показ с 18–00 до 22–00, всего десять работ было показано. Так много материала набралось, огромное количество материала. Кажется, с [исполнением] что-то нарушилось, как ни странно после приезда Володи из Ростова. Он уникально интересно структурирует хор, но, видно, наш непрофессионализм в этом деле сказывается в другую сторону, то есть даже то, что было уже прилично, некая хотя бы относительная стройность, некие выведенные ритмы, [ск…лованность] — все это полетело, развалилось все, и пока собрать никак не можем.

Эти дни слились как бы воедино. Еще два дня осталось, потом юбилей театра (играем свободную тему в этот день), потом 25, 26 играем. 27-го разговор с Васильевым, и потом каникулы до 8 марта, то есть некий этап, условный, конечно.

Васильев расстроен последнее время работой в той половине труппы (3 курс с итальянцами). В мае они должны уже репетировать и выпускать спектакль в Риме (Пиранделло). Возможно, что придется подключать кое-кого из этой группы, что, естественно, не очень желательно. Здесь тогда нарушается ритм работы, который с таким трудом установили уже.

Я сказал ему, что нужно все-таки идти на компромиссы (имея в виду поступиться чем-то ради конечного результата другого), и в ответ он завелся и кричал, что вся его жизнь компромисс, что он только и занимается компромиссами, и сыпал десятками

примеров. Н. живет в двухкомнатной квартире и не работает, а он терпит, и театр платит. Д. — 7 лет работы в театре разве не компромисс? И разве не компромисс и т. д., и т. д. Тут мне, конечно, нечего было сказать, таких примеров много. Но мне-то и кажется, что *такого рода* компромисс делать не стоит, тут-то и надо проявить [жесткость], которой он вполне обладает, да не там, где нужно, — но я ничего не сказал. Что говорить? Легко говорить, говорить легко.

И все-таки, и все-таки, и все-таки. Иногда он сам кажется мне безумным, особенно когда говорит о безумстве других. Как сегодня, например, о Л.Д., которая сейчас в депрессии, и не знаю, чем закончится ее «закидон». Чужую беду — рукой разведу. Совсем не хочется так думать, но иногда кажется, что можно было бы ему прислушаться к чужому совету. Он никогда не слышит или не слушает, а чаще только отталкивается, чтобы решить наоборот. Ладно.

Сейчас 9–43, вернее 21–43. Скоро конец репетиции, [зашел] большой долгий спор с И. [Лыс.]. Скучный и бесцельный. Гордыня, кроме греха, еще и скучна ужасно. Очередная «история» с Л. Д., глупая и, ну, идиотская. Самое главное в ней (в истории), что она не решаемая, да и вообще, [вата], болото без начала и конца, единственно, что бы мне хотелось, — никак в этом не участвовать и просто не знать ничего.

23 февраля 1993 г.

Однако выходной отменили. Работаем с шефом с 11.30. Только что начали репетицию, то есть разговор, как всегда. Последние два дня были большие показы, много новых работ… Мне лично уже осточертела студенческая милота. Редко, редко серьезные результаты. Правда, трудно назвать репетициями в общепринятом смысле то, что шеф проводит. В основном 90 % разговоры, разговоры, разговоры.

Опять его слова: «Я боюсь, что я сам становлюсь причиной фальши, прием, под который все сходит». Странно, когда такой мэтр говорит *такие* глупости. Объясняет все ленью и нежеланием трудиться. В конце концов его рассуждения сейчас сводятся к этому. Говорит учительским рассерженным тоном, я бы сказал нудным или обиженно-нудным… претензии, претензии. Но по делу пока ничего. Поразительно. Почти полгода занимаемся «Иосифом», полгода! Не можем договориться об *элементарных* вещах, говоря все время о невероятно якобы сложных.

Природа всегда развивается эволюционно (постепенно), а потом скачком! (Вот скачка он и ждет.) Это — рассуждения неудовлетворенного человека.

Режиссеру нельзя быть таким неопрятным: в некоторых работах то-то, а в других то-то. Почему он так боится сказать прямо, конкретно назвать меру неудачи? Хотя нет, иногда очень даже может и делает это, но в основном *общие* разговоры. Всякое начало в театре все-таки связано с реализмом.

27 февраля 1993 г.

24-го, 25-го, 26-го февраля были открытые репетиции «Иосифа».

Все значительно выросло… изменилось. Медленнее всего меняются люди, но и они меняются.

Много всего происходит. Жизнь наша непроста. Были кризисные моменты (кажется, писал об этом в другой тетради).

Кажется, 25-го, ночью, после репетиции сидели в кабинете, шеф, Любимов Никита и я. Анатолий нервничал… много говорил. Накануне, 24-го, юбилейный вечер, театру исполнилось 6 лет, пришли гости, среди них те, кто ушел из театра. Пили шампанское и т. д. Чем-то обидели его, я при этом не присутствовал, но понимаю, как это могло быть, сама ситуация, люди, его покинувшие, на юбилее, у всех хорошее настроение, уже это наверняка взвинчивало его. И он тоже, думаю, не желая того, обидел Игоря Попова, пьющего шампанское в теплой компании ушедших из театра… В этот вечер 25-го он позвонил Попову в мастерскую, желая объясниться, но разговор не получился, вернее, получился тяжелый и нервный с обеих сторон. Он бросил трубку в отчаянии… Потом долго что-то говорил нам с Никитой, оправдывался… Несколько раз назвал Игоря «святым человеком», и что «те просто хотят поссорить его с единственным другом», и что он хочет быть художником, и только художником, а вместо того жизнь уходит на «организацию», «сутолоку» и проч.

Все это было очень тяжело. Потом была пауза большая. Он был подавлен.

Мы с Никитой молча поглядывали друг на друга и на него… Потом Никита тихо сказал: «О чем ты думаешь, Толя?» А он сказал: о смерти… о смерти! а еще точнее — о самоубийстве. Никита уставился на меня безумными глазами. Пауза. Я что-то пролепетал о том, что мысль эта глубоко нехристианская… и что не надо бы так говорить. А он сказал: «Я часто об этом думаю и обдумываю, как это сделать». Он произнес это так просто. Бесстрастно. Ровным голосом (после такого крика и неврастении — очень пугающе звучит спокойный, ровный тон).

Потом еще что-то много говорили. Я говорил о труппе, о молодежи… и что он несправедлив, когда говорит, что никто никогда его не защищает, что некому его защитить, что нельзя

видеть только одну половину нашей жизни, действительно тяжелую и, может быть, одинокую.

Долго говорили. И, кажется, успокоились. Но осталась из этого вечера… только вот та страшная фраза, сказанная тихим ровным голосом.

Показы прошли хорошо. Публики мы приглашали немного, человек по 60.

27-го он улетел в Париж на свои спектакли в «Комеди Франсез». Самолет был в 18.00, а все утро с 11.00 я просидел у него дома. Пытались все оговорить и распланировать. Актеры будут отдыхать неделю (до 8 марта), а я раскручивать дела по Вроцлаву и т. д. 28-го встретил Карлу Поластрелли. Сегодня провел переговоры.

Так прошел ноябрь, декабрь, январь, февраль, и вот начался март… Разница только в том, что теперь мы не думаем о еде… В театре готовит обед нанятая повариха… Обедаем все вместе, за одним большим столом.

Мы много сделали, очень много.

2 марта 1993 г.

О! какой день сегодня! Ровно 25 лет назад, закончив театральное училище, я пришел в театр работать актером! Юбилей, стало быть, сегодня — 25-летие, о-хо-хо, 25–25, как все промелькнуло! Ладно, довольно лирики.

Вчера — жуткий день, вечер вернее, до этого за день просидели с Васильевым, Лихтенфельдом и Равкиным в кабинете до 6 утра (сталинское бдение). Дел невпроворот, но казалось, как-то разгребли с расписанием. Думал, сломаюсь, жуткое расписание, просто ни секунды. А вчера у него дикий припадок, дикий, страшный, выбежал без шапки.

14 марта 1993 г. (воскресенье), Сретенка

Далее жизнь становится просто уже неисполнимой. С итальянским проектом (Пиранделло) дело не пошло.

Дети с третьего курса стали доводить его до бешенства (любовь прошла), выгонял как мог, ну и осталось их пока 4 человека (!). Да, да — четыре. Премьера в мае (Рим), не готово ничего, в самом обычном смысле ничего. Итальянцев в проекте тоже человек 6–8 (не помню), ими шеф тоже не просто недоволен, а мутит от упоминания.

(Впрочем, последнее долгое время его мутит, кажется, ото всех. Редкое настроение нейтральное, но тогда и безразличное, в основном — мрак и т. д.) Впрочем, не о том хотел сказать. Итак, как он выразился, решил укрепить стариками. И это не то, что я

хотел сказать.

Вот что: устал, дико надоело, до зеленых чертей. Общаемся с больными, разнузданными или ущербными фарисеями. Что-то опять моего терпения не хватает. А дальше еще труднее, теперь вообще ни минуты покоя, расписание переполнено до идиотизма, каждый день по 12 и более часов без выходных. Переезды с Воровского в «Уран» и обратно. Причем до такой степени глупо (да нет, не глупо, тупо!) все организовано. Нанимаются машины, повара, люди. Казалось бы, работа должна кипеть! Вообще-то, мертвое царство, болото.

Правда, и сам он иногда обзывает свой театр санаторием, но он-то в шутку, а это реальности. Вагон бездельников, правда, сутками протирающих штаны и уверенных, что это и есть работа. А мне надоело ужасно, просто уже не выношу.

Бога нельзя *знать,* его можно только познавать. Это деятельность вне деятельности. Бога вообще не существует вне деяния.

Сейчас позвонил домой. 9 часов вечера, значит на Украине у них 8. У мамы инсульт, отнимается левая сторона. Леночка там, с ней говорил. Плохо дело, совсем плохо. Леночка успокаивает меня, нет, даже не успокаивает. Господи, ну что тут писать? Что записывать? Господи, Господи, помоги моей маме.

27 марта 1993 г. Сретенка

Пять дней пролежал дома с тяжелейшим гриппом. Высокая температура и все прочее. Казалось, и на день нельзя отойти от театра, а вот упал и лежал, ничего не остановилось, правда, Анатолия застал сегодня в ужасном состоянии: «катастрофа, провал, ужас, самоубийство» и т. д. и т. п.

Я еще плох, рано вышел, конечно, хотя температуры уже нет, но кашель тяжелый, сухой, противный — захожусь не могу остановиться. Лежал дома и смотрел телевизор. Сумасшедшее время, может быть, война, может быть, она уже идет. Странно, теперь как-то ясно, что подлинность времени, его действительную драму, высоту, значимость осознают гораздо позднее, но уже никак не раньше. Тем более в сами эти дни, просто грязь, тупость массовая, однобокость «лидеров». Господи, да и «лидеры» смешны ей-богу. И вот это вот лидеры России?! Смешно, право, или надо согласиться, что вымерла Русь и осталось некое «население» на месте святом.

3 апреля 1993 г. «Уран», вечер

Нет выходных, нет ни одного свободного часа. Расписание составлено так, что только успеваю переехать на машине из

одного помещения («Уран») в другое (Воровского). Еще есть полчаса на обед. Бывают замечательные, серьезные дни в отношении результатов работы. Чаще здесь в «Уране», на «Иосифе». При всех нескончаемых трудностях и, приходится признать, почти неизбежных театральных нелепостях в жизни труппы здесь многое уже стабильно. Многое уже *помещено* в людей, в труппу. Много накоплено подлинно.

В Пиранделло по-разному. У Васильева много сомнений и даже может быть кризис. Дня два назад с ним просто тяжело было. Совсем сломался, бросал книгу, уходил с репетиции и т. д. В конце концов решил вообще пропустить несколько дней репетиций (что, правда, не произошло, не утерпел и на следующий день уже работал).

А может быть, и напрасно, надо было бы, думаю, «отпустить» ситуацию, поменять [мизансцену] репетиции, дать нам больше времени на самостоятельную работу. По-моему, было бы вернее так.

11 апреля 1993 г.

Талант не навсегда, вот что нужно сказать. Талант не что-то данное человеку в одном объеме и качестве на все дни жизни. Опыт показывает, наблюдения показывают просто совершенно обратное. И титан вдруг выглядит беспомощным, серым. Тривиальным разговорником «от театра». В этом еще, наверно, нужно практиковать. «Не сотвори кумира», обманешься когда-нибудь еще и потому, что кумир не константа. Сегодня такой, завтра другой.

Вчера возвращались с шефом поздно на метро (после двенадцати). На «Новокузнецкой» молодая женщина упала и разбила голову о мрамор. Мы поднимали ее, с трудом смогла идти, потом в вагоне увидел, что рукава моей куртки в крови. Стал платком вытирать кровь, на платке еще виднее кровь проступает.

Как назло, звонят рано утром, почти каждый день не могу выспаться. Засыпаю каждый день после трех ночи. А утром очередной идиотский звонок (один раз в 7 утра). А отключить телефон боюсь (иногда звонит папа из Перевальска).

С Пиранделло плохо обстоит дело. Работаем каждый день, и каждый день хуже и хуже. Так получилось, что лучшим был первый показ. Шеф нервничает, даже не нервничает, а пребывает в какой-то агрессии. Утром каждая репетиция начинается с какого-нибудь диссонанса, просто с ругани или чем-либо в этом роде. Потом трудно собраться, начать репетицию, часто почти невозможно. Мне кажется, по этой причине репетиции идут по

нисходящей.

Уже ясно, что спектакля до отъезда не будет. Что-то придется «изобретать» уже в Риме. В Риме — если ничего еще не переменится, что вполне возможно.

12 апреля 1993 г.

15 апреля умерла мама. Первый раз так просто написал эти слова…

Летел к ней к живой еще, повидаться. Уже перед самым отъездом в аэропорт позвонила сестренка… Господи! Нет… нет сил писать об этом. Похоронили. Батюшка из местной церкви, отец Виктор, отпел мою любимую мамочку. Самый чистый, самый светлый, самый небесный человек в моей жизни.

Похоронили на новом кладбище недалеко от дороги, на выезде из Перевальска (на Дебальцево), где столько раз проезжал мальчишкой на велосипеде, потом на мотоцикле…

Сегодня 9 дней.

Царствие небесное, успокойся, моя страдалица.

Собираю вещи. Сейчас в поезд. Едем во Вроцлав на неделю. Будем играть «Иосифа». Потом в Рим до середины июня… с открытыми репетициями и премьерой Пиранделло «Каждый по-своему».

Вот и все. Состояние? Ну, какое состояние может быть. Тяжело, пусто.

23 апреля 1993 г., Москва

Совсем не собирался начинать новую тетрадку… совсем не собирался. Я никогда не писал достаточно регулярно и подробно, но все-таки многое, в чем приходилось принимать участие, сталкиваться, встречаться, многое в наших поездках, репетициях, спектаклях казалось значительным, по крайней мере важным настолько, чтобы как-то быть обозначенным, зарегистрированным хотя бы несколькими словами.

В этом сезоне, этой зимой в театре появилась новая труппа, т. е. не «появилась» вдруг — точнее, наверное, сказать, установилась, устоялась… Пятый курс, теперь уже бывший пятый курс, немного разобравшись, почистившись от лишнего, стал в основе этой новой труппы. Вот, пожалуй, главное… Всю зиму (с осени) работали над «Иосифом». И над Платоном немного, и над поэзией (Лермонтов, Пушкин и др.).

Шеф решил начать с Вроцлава, с театра-лаборатории Гротовского. Три года назад здесь, в этом зале мы *в последний раз* сыграли «Шесть персонажей»… Самый последний раз… это был финал, окончание большой, большой дороги. Теперь получается,

что мы как бы связываем кончики времени и с этого же места хотим продолжать движение. Поэтому мы здесь. Опять здесь, в Польше, в театре-лаборатории, в центре Гротовского.

На том и закончу лирическую часть.

Выехали из Москвы поездом 23 апреля (в 21.00). (Васильев самолетом прилетел раньше, провел презентацию «Дороги на Чаттанугу».)

Приехали 24-го около 12 ночи.

Отель «Polonia» (рядом с вокзалом).

Состав группы: 1. Васильев. 2. Чиндяйкин. 3. Юрова. 4. Андрей Котов.

1. Бородина. 2. Белогурова. 3. Фандера. 4. Зайкова. 5. Толмачева. 6. Торнау. 7. Ширяева. 8. Чернова. 9. Гарнялене (Богданскайте). 10. Эмма Хайнбюхер. 11. Альгулина. 12. Лысов. 13. Репецкий. 14. Огарев. 15. Фалин. 16. Сабитов. 17. Красноперец. 18. Шнайдер. 19. Яцко. 20. Андрей Удалов (свет). 21. Света Забавникова (костюмы).

Программа. — 25-го, 26-го — репетиции. 27-го, 28-го, 29-го — спектакли. 30-го — свободный день. 1 мая — отъезд группы в Москву. В ночь с 29-го на 30-е Васильев и группа в 6 человек — Чиндяйкин, Яцко, Фалин, Альгулина, Забавникова, Юрова — поездом до Праги, из Праги самолетом в Рим. Торнау — 30-го вечером автобусом до Вены.

Зал имеет совершенно особенную, непривычную для нас акустику и непривычно маленькие размеры. Трудно разделить, согласовать, сбалансировать песнопения, чтение, сцену. Репетировали непрерывно (только на обед один час) с 10.30 до 12.00 ночи.

Только перед спектаклем было свободных 1,5 часа, то есть с 15-ти до 16-ти обед, и потом нужно было прийти на репетицию в 17.30.

Васильев. — «Где бы мы ни были, в любой стране, в любом городе, надо помнить, что они (зрители) пришли к нам, а не мы к ним. Мы не собираемся *для них* петь, не собираемся *для них* что-то делать, мы *не для них* надели наши костюмы. Это надо помнить и из этого исходить. Действие, которое мы играем *в присутствии* публики, *завершает наш день.*

В эти дни в ваших репетициях были счастливейшие минуты драматического искусства. Я отвечаю за свои слова, я знаю…

И все-таки это разбилось, разбилось. Вот вопрос.

Когда вы теряете слух на *невидимое,* когда вы перестаете этим управлять, вы, ваша природа *хватается за видимое,* за известное, вот в чем опасность. Что это за соседи — свобода и несвобода? Долгими часами, днями, годами строгости обретается свобода.

Это как попасть в мельчайшее отверстие иголочкой, дальше откроется свобода, но невероятная точность и строгость требуется. Свобода приходит к нам без нас… мы не можем ее взять, мы можем только организовать то, что видимо, добиваться точности и строгости и только двигаясь в эту сторону, организовывая эту точную, строгую жизнь, мы движемся к свободе.

Я не знаю… Я знаю, как рождается вещь, а как она *стоИт — я* не знаю.

Подмена — прекрасная вещь, только в том смысле, что она свидетельствует о силе инстинкта. То есть не может человек перестать действовать на сцене — лечь и умереть… он все равно заканчивает вещь, но при помощи подмены, значит, это и страшная вещь.

Всякий совет, данный многократно, перестает быть нужной вещью. Он переходит в навязчивую педагогику. В вас нет *свободной подчиненности.* Вы должны стремиться услышать с первого раза.

О чем вы думаете между гримерной (когда вы одеваетесь) и сценой? Человек *мелкими* действиями уничтожает все крупное. Одна подмена на невидимом уровне — и все. А невидимый мир разрушить гораздо легче и сокрушительней.

Часто советы выглядят нотацией… я понимаю… но вы должны понять еще и то, что говорящему тоже нелегко.

Итак, кто к кому приходит? Наиважнейший вопрос! Это наш дом! Во имя чего мы выходим? Что есть ткань, а что есть вышивка по ткани? Гармония, контакт, покой? Вы должны быть спокойны за работу…

Это представление не гражданское, у него особый смысл, это наше с вами открытие и наша с вами работа над познанием.

Страх, суеверия, магия и Господь… это не одно и то же. Это важно. Я много прожил. Но! Мы никому *не советуем!* не говорим — знаешь, старик, делай, как мы. Нет!»

27 апреля 1993 г.

Начало репетиции в 10.30, без перерыва до 15.00. 15.00–16.00 — обед. 16.00–17.00 — Васильев. 17.00–18.00 — вокал (Юрова, Котов). 18.00–19.00 — отдельные сцены. 19.00 — начало спектакля.

28 апреля 1993 г.

Итак, первый спектакль 27-го — комом, как говорится… Особенно начало, первая часть до перерыва… Нехорошее волнение и т. д. Делали свое дело. Самая главная беда —

разбалансированность. Почти не слышали друг друга, одно забивало другое — пения сцены, сцены чтения и проч. Пели дурно… В общем, хреновато. Шеф и сам был неспокоен и делал ошибки в проведении… После третьей работы сделал перерыв, поговорил, немного успокоились и как-то выправили положение во второй части, но только «выправили». Общее ощущение туповатости и нестройности пало на весь вечер.

(Потом был скромный прием, без выпивки, по нашей просьбе. Осинский, Молин, Комосский Станислав, директор Стефи… и еще какие-то милые люди.) Потом опять говорили с Васильевым. Зато вчерашний спектакль (то есть 28-го), второй, просто блестяще. Это уже близко, близко к желаемому. Как музыка, как симфония голосов и звуков. Действительно, местами невероятной красоты достигали. Все как-то ладно получалось. После первого отделения все были в возбуждении, и второе началось с пронзительной тишины, высоко и прозрачно.

Замечательный вечер, отличный труд с надеждой на будущее.

Программа 27-го

1. «Нечистый». Бородина — Шнайдер.
2. «Мандрагоровы яблоки». Торнау — Толмачева.
3. «Иосиф читает перед Потеф…». Бородина — Альгулина.
4. «Разноцветные одежды». Лысов — Фандера.
5. «Рувим у колодца». Фандера — Яцко.
6. «Это я». Шнайдер — Яцко.

Начало в 19.00, окончание в 22.00, с одним перерывом.

Программа 28-го

1. «Нечистый». Лысов — Фандера.
2. «Мандрагоровы яблоки». Богданскайте — Зайкова.
3. «Второй год». Ширяева — Альгулина.
4. «Додо с Дуду». Фалин — Огарев.
5. «Суд». Фандера, Лысов, Сабатов.
6. «О любви отказывающей». Репецкий — Яцко.

29-го — последний спектакль.

1. «У колодца». Репецкий — Яцко.
2. *«Двухголосая песня». Толмачева — Зайкова.*
3. «Мандрагоровы яблоки». Белогурова — Бородина.
4. *«У господина». Белогурова — Толмачева. Ширяева — Огарев.*
5. «Они придут». Яцко — Чернова.
6. «Это я». Яцко — Шнайдер.

Только что закончился последний спектакль. Не лучший, к сожалению, спектакль. Кажется, все верно, но без воздуха… без движения и т. д. Жалко. Вчерашняя прекрасная удача оказалась единственной.

Сейчас 11.30. Сидим в зале. Шеф говорит. Печален. Заметно.

Корит себя за педагогику… Что теряет как режиссер, занимаясь педагогикой.

«Когда вы играете в зале, не понимающем вашего языка, это самая чистая проверка. Если играете правильно, вас всегда будут слушать… Это так! Так. Ну, что. Мне с собой нужно разобраться и с вами. Как отвечать на эти вопросы… Мучи

тельная, тяжелейшая профессия. Господа, отдыхайте завтра. Порадуемся. В конце концов, не все мы хорошо еще ставим.

Надо, чтобы дорога была, и важно ее пройти. А сама дорога может быть несовершенной. Я давно говорю, может быть, уже и непонятно, но… Мучительно наблюдать, как между правильным и неправильным ничего нет.

Если сказать, что нет правил, значит, все зависит только от моего настроения…

Финита… спасибо».

29 апреля 1993 г.

Из Вроцлава выехали поездом ночью (в 2.40). На границе не обошлось без нервотрепки. Шеф «потерял» паспорт, перерыли все вещи, которых у него много… еле-еле нашли, слава богу. Я переволновался, совершенно реально его могли высадить из поезда.

Потом совершенно пьяный пограничник «нацельник», целый этюд… Он просто не стоял на ногах и не мог попасть штемпелем в паспорт. Это немного остудило ситуацию, посмеялись. Приехали в Прагу в 8.40 утра. Мне нужно было купить билеты обратно в Москву на 9 июня и после приехать в аэропорт. Какой-то проходимец сбил нас с толку, желая заработать свои 20 долларов. В результате чуть-чуть не опоздали на самолет. Тоже вполне реально могли опоздать. Пришлось брать такси и опять же тратить доллары. И опять повезло, и мы в самолете.

С Вроцлавом расстались сердечно и трогательно. Спасибо всем чудным людям, Збигневу Осинскому, Станиславу Кротоскому, Урсуле, Стефе…

Последний вечер не был таким пронзительным (в исполнении), как второе представление. Но общее впечатление сильное. За эти дни проект заметно вырос, и это, пожалуй, главное.

30 апреля 1993 г., Прага

Театр «Атенео». Только что вошли… первое впечатление — невероятной красоты и чистоты декорации Попова… Разулись и ходим босиком…

Репетиции начнутся со 2 мая. Завтра относительно свободный день.

Наша группа (русские): 1) Н. Каляканова, 2) Л. Дребнева, 3) Красникова, 4) Вороненкова, 5) Альгулина, 6) Яцко, 7) Ануров, 8) Лавров, 9) Фалин, 10) Чиндяйкин, 11) Забавникова (костюмы), 12) Бурашев (костюмы), 13) Юрова, 14) И. В. Попов, 15) Раскин (администратор), 16) Даничев (свет), 17) Назаров (постановка) и трое или четверо техников.

«Этот проект я придумал назло два года назад, меня пригласили провести здесь семинар по Пиранделло. Это была чума… Сидели несколько калек, с которыми не о чем было говорить, черное помещение с мышами и проч. Когда этот кошмар кончился, я сказал Алессио (переводчику), давай предложим проект… Это надо победить. Если бы вы видели, что здесь было… Вот… это предложение возникло из чувства негодования и от того, что ничего не получается».

Шеф попросил меня вести с русской группой занятия (тренаж или импровизация, как он выразился). Жалко, что не сказал об этом раньше. Что-то действительно придется импровизировать… Хотя, может быть, от декорации… очень хорошее настроение. (Хочу, чтобы занавес упал на публику.)

Оптимистическое настроение. Слава богу, слава богу. Боюсь что-то сбить, сглазить, сглазить боюсь и говорить про это, но только пару слов… Надежда теплится на удачу… И, несмотря на печаль и боль в сердце о моей мамочке… покой в сердце, или, правильнее сказать, на сердце. Дай Бог, может быть, будет хорошая работа здесь, в Риме.

30 апреля 1993 г., Рим, 18.30

В Италии, как ни странно, все еще празднуют 1 Мая, да так широко, что никто не работает и все закрыто… даже театр «Атенео»; таким образом, у нас получился свободный день неожиданно, к большому неудовольствию шефа.

Тем не менее после завтрака пошли гулять по уже хорошо знакомым местам. В центре встретили коммунистическую демонстрацию — человек 150 с красными флагами, под охраной полиции (человек 200). Странно и забавно видеть в Риме такую картину.

Тихонько добрели до собора Св. Петра, оттуда вернулись на такси, оказалось, недорого, всего 12 ООО лир.

Обед приготовили сами в квартире наших монтировщиков. Спагетти, конечно. Поели. Теперь решили поговорить немного. То есть репетиция. Васильев и вся компания.

«Проблема в том, что для этой пьесы нам всем нужно было жить лет на пять раньше… и в первую очередь мне, конечно.

Среда пьесы в том обществе расположена, где больше

надежд… человек здесь ветреный… качество его иное, импрессионистичное… Или играть в интеллектуальные игры, что *у нас,* к сожалению, не получается.

Раньше мне казалось, что когда человек действует, то не присутствует. Ничего подобного! Ведь и присутствие помогает действовать, и наоборот. В этой пьесе исключительно важно слышать, как прекрасно бытие.

В итальянской группе я постарался возбудить… как бы это… они провоцировали обнаженность.

Любое искусственное вхождение в ткань такого текста обедняет. Что подарить этому тексту? Как присовокупить *себя* к этому тексту? Пафос этой пьесы — не искусство, пафос — жизнь, другое дело, что это подается (как у Оскара Уайльда), когда искусство выше, чем жизнь… реальнее».

1 мая 1993 г.

Истерики, истерики… Разборки с Раскиным *(Раскин Аркадий Исаакович — режиссер, философ, администратор. Наш выпускник, много и очень плодотворно сотрудничавший с театром).*

«У меня, конечно, не было повода ему хамить… но я прав, прав». «Нет, он искренний человек и много сделал для проекта, он так много работал… но я не могу, не могу!!! Этого не будет». Бесполезно пыжиться — записать поток эмоций самого жуткого качества… Полночи просидели в номере у него с Поповым. Потом я привел Раскина, совершенно размазанного и разбитого. Все началось с начала. Дошло до жутких истерик и воплей. Раскин ушел, хлопнув дверью.

Опять дикое состояние… Порой кажется, бессвязное, нелогичное. Потом Раскину было написано письмо, которое я отнес к нему в номер. Это уже после двух ночи. Я сам валился с ног. Потом еще составляли расписание. Совершенно безнадежное занятие, бесплодное и бесконечное. Кошмар. Пришел домой и уснул сразу же, зная, что завтра все начнется с начала, все изменится, переменится, отменится.

Смотрели по телевизору вести с родины. Первомайское побоище на Красной площади… Печально и страшно. Отсюда все воспринимается, может быть, даже острее.

2 мая 1993 г.

В 10.30 начал тренаж. Занимаемся в Studio Due, приличное пространство, правда, пол покрыт гнусноватым ковром. Есть кондиционер, но мы открываем дверь, чтобы проветрить. Целый день, с перерывами, льет дождь.

Провел два занятия по 1,5 часа. Проходят неплохо, довольно

живо и естественно.

Группа, действительно, случайная во всех отношениях, разношерстная, без центра и своего смысла. Хотя по отдельности, наверное, все способные и талантливые люди. Почему он построил такую компанию? Странно.

Потом был вокал, потом 1,5 часа импровизация. Потом пришел Васильев в 15.00, перед тем как начались какие-то претензии (совершенно непонятно, по какому поводу и к кому обращенные, наверное, к Раскину, который тут же присутствовал). На обед опоздали в результате.

Раскин принес в кульках какое-то говно, которое мы и съели без чая и воды. Расписание было названо преступным и отменено, другого назначено не было. Все сели на ступеньках и стали ждать, временами спрашивая меня: что дальше? Шеф решил, чтобы мы смотрели показ итальянцев, чем и занимались с 17-ти до 20-ти. Потом опять — неизвестно, что делать. «Идите работать», — сказал шеф. Пришли во вторую студию. Репетируем, кто что.

Хочется есть и хоть какого-то порядка…

С нами он еще не репетировал с приезда.

3 мая 1993 г., Рим

День рождения А. А. Тяжелейший день. Кризис. Не может собраться. Наедине пытался найти какие-то слова, что-то сказать… но все очень сложно. Временами мне начинает казаться, что это болезнь, в самом тривиальном клиническом смысле… Ход мыслей записать просто невозможно, только на магнитофон. Потом останавливается и произносит совершенно трезво… но… все это — ерунда. «Всему причина — моя психическая болезнь». И опять — о невозможности работать… жить… и т. д. Часто повторяет о самоубийстве, вчера, например, просто сказал: я выброшусь из окна, у меня этаж высокий… Дальше: все бросили, все предали… меня окружают хамы… я сам из хамов, вышел из хамов и туда же вернусь… Много цветов. Итальянцы принесли кучу сладостей, шампанского две бутылки и колы… Что-то пытались петь, как-то поздравлять. Стоял мрачный… насилу выдавил «спасибо». Веселья не получилось. Потом полтора часа на террасе я уговаривал его пойти на репетицию… Невозможный диалог.

В конце концов пришел к нам, молча долго сидел… начал по слову выдавливать по поводу нашего вчерашнего ночного показа (показ, по-моему, был замечательный). Актеры по-своему чувствуют, что ситуация непростая… Спокойны, но напружинены… Мне все они нравятся сейчас, как люди, как актеры… как компания.

Потихоньку, кажется, раскручивается, говорит о вчерашних монологах.

«Тон вчерашней репетиции был очень неплохой, им нужно пользоваться… в дальнейшем.

Если бы спросили, а зачем вы это играете, что доставляет вам удовольствие? — вы бы ответили, мне доставляет удовольствие *сочинять* игру! Вот какой это текст. То есть искусство для искусства — с одной стороны, но и — красота самой жизни — с другой! Пафос в этом! В невозможности ее исследования, расчленения и т. д. Для этой пьесы — в игре должна быть *надежда,* чтобы можно было сказать: это и есть жизнь!

В конце концов… вы бы сказали, я сочиняю для того, чтобы спровоцировать силу жить, я верю, что если правильно буду играть — спровоцирую *саму* жизнь».

4 мая 1993 г., Рим

В 12-м часу закончилась открытая репетиция (10-я по счету), и после короткого перерыва началась наша репетиция (то есть русской группы), итальянцы ушли домой спать.

А у нас показ. Васильев сидит и смотрит молчаливо. Показывают 8 работ. Очень скучно и долго. Я бы никогда не смог все это высидеть и досмотреть, у него какая-то специальная способность смотреть скучные, бесконечные и беспомощные работы.

За эти дни делал записи в другой тетради, к сожалению. Старался что-то зафиксировать из этих безумных, идиотских дней. Эта римская история — невероятная история, хотя, конечно, она никак не кончится, то есть кончится, по обыкновению, хило и благополучно.

Только вот к своему преклонному возрасту стал определенно видеть, как нелогична, абсурдна, безнаказанна эта петрушка под названием жизнь.

Я устал. Чисто физически устал. А труппа (или группа, не знаю, как сказать) просто бездыханна. Вялые молчаливые тени, совершенно анемичные и безразличные.

Расписание составлено совершенно безграмотно, дико. Просто как будто вредители составляли, чтобы все провалить. Собственно расписания, в строгом смысле слова, никакого и нет. Просто жизнь по армейскому принципу: мне неважно, чтобы ты работал, важно, чтобы мучился…

Важно, чтобы актеры с утра до ночи находились в театре, не имели возможности отдохнуть и поесть и вообще, чтобы не было радости на лицах. Особенно раздражает радость и какие бы то ни было жизненные проявления… и т. д. Впрочем, ну что писать про

это… Пусто.

За 24 дня работы не сделано ничего! Фантастика! Васильев очень гордится итальянцами, их достижениями в свободной импровизации. У меня нет такого определенного взгляда. Мне кажется, 3–4 симпатичных лица. Несколько способных молодых людей. О профессии говорить пока просто не приходится. Все довольно мило… но для режиссера с мировым именем хиловато, прямо скажем. Но, действительно, итальянцы ходят, разговаривают, органично существуют, иногда с юмором, в какой-то стилистике (несколько месяцев труда все-таки).

А с русской труппой просто завал. Сам он *ничего* не делает, не хочет. Иногда приходит, высказывает свое отвращение и уходит. В лучшем случае поговорит о сцене какой-нибудь.

24 мая 1993 г., Рим. Точнее, уже 25-е, потому что третий час ночи/

Вчера сыграли 24-е представление… Сколько спектаклей? Сколько репетиций? Развести трудно. Считается, что 27-го, 28-го, 1-го, 2-го и 3-го были спектакли и еще осталось 4-го, 5-го и 6-го, то есть три. Я не записывал подробно эти дни… даже программы не зафиксировал. Не знаю, насколько это необходимо. Были такие программы: «1-я — 6-я картины», «8-я сцена» в четырех составах, 7-я сцена (дубль) плюс 1-я сцена 2-го акта плюс часть экспромта.

В общем, все довольно неплохо. Некоторые из этих представлений были поживее, и публика весьма контактно существовала… Хороший прием в конце (хотя это и мелочь). Иногда провисало… Останавливалось все. В таких случаях Васильев «прикрывает» действие, вводит музыку, пение, пантомиму и т. д.

Но все это в конце концов не так важно. Все это пройдет и очень скоро закончится, так или иначе. А вот все, что касается нашей жизни… взаимоотношений, работы… все, что касается отношений Васильева и труппы (русской), вот это — катастрофа.

Невозможно, просто невозможно физически записать бесконечные его монологи… Говорит он бесконечно, бесконечно… по сути, только это и происходит все эти дни. И по вечерам, вернее по ночам, когда мы возвращаемся в гостиницу, эти монологи продолжаются, в такой же горячке, истерике. Так что иногда я вижу сумасшедшую картину… По ночному Риму движутся две уставшие фигуры, с сумками на плечах, и одна из них орет и трясется, размахивая руками, почти со слезами на глазах, на непонятном языке… Обалдевшие карабинеры сбавляют скорость, проезжая мимо, и долго смотрят на эту странную сцену… Не могу описать также и бессмысленность, абсурд

каждодневного расписания… Т. е. никакого расписания просто нет! Нет вовсе! Трудно это представить. Главное, чтобы все торчали в театре — с утра до ночи… с 10.30… до 2-х, 3-х или 4-х ночи… Его жутко раздражает даже то, что нужно отпускать людей на обед… и он говорит об этом! Но уж ничего не может поделать с этим, ничего… (Замечу в скобках, что сам ест регулярно и капризно, как бы ненавидя этот процесс; но тем не менее Фая вовремя приносит ему обед, ужин и почти все время чай с печеньем, фрукты.)

Позавчера, когда репетировали ночью экспромт… опять же условно: «репетировали»: 90 % времени, конечно же, ушло на размазывание собственных студентов, дикое, безграничное размазывание, уничтожение… При этом все время повторяется: «Это все я устроил… вы думаете, это я вам..» и т. д. и т. д. Границ мерзостям, допустимости выражений, ну, не знаю, как сказать — просто не существует… Глупо об этом говорить, когда выискивается самое гнусное, самое невозможное… чтобы бросить в человека; мне иногда кажется, да не кажется, это так и есть, что часто он с трудом сдерживается, чтобы не ударить… Так вот, вчера ночью он просто не удержался и сказал (прохрипел) студентке своей: «Откуда в тебе столько г…?» При этом рядом стоят другие студенты — Игорь, Галя… Ну что тут еще говорить… Что?

4 июня 1993 г.

Четыре года. Да, они пролетели как один день, да, они тянулись бесконечно, как вся жизнь… Ужасно, тяжко бесконечно… Первый раз за эти годы я не на могиле твоей, Танюша… Горький день.

Итак, с Италией закончено. Слава богу, закончено. Закончено. Писать о последних днях, последних спектаклях не буду. Нет никакого желания, никакой силы… Дело затмилось чем-то другим… Ладно… Хватит. 6-го сыграли последний спектакль. Все, как и должно было быть, закончилось прекрасно. Большой успех! А ругательные статьи только подчеркивают высоту взахлеб хвалящих и прославляющих.

7-го и 8-го — свободные дни. 9-го — отъезд. 7-го вечером еще, конечно, была назначена встреча с шефом для разговора (общая). Потом (в 10 вечера) начался прием. Прощальная выпивка. Народцу собралось много. Довольно симпатичный вечер получился. Что-то мы подарили… сувениры и проч. муру. Итальянцы — актеры — несколько печальны, что естественно: конец проекта для них — неясное будущее. Из них по-настоящему одаренных не так много, хотя все ребята симпатичные и

способные… а дальше… дальше — случай.

Анна Сацани, Литиция, Мирелла, Жозефина, Аксель (Бельгия), Дезире (Германия) и мужики: Джованни, Доминик (эти оба из Сицилии, и оба — лучшие), Ульдерико (Неаполь, комик), Маурицио, Даниель и Алессио Бергамо (переводчик, он тоже немного играл).

8-го весь день гуляли с Расой по Риму. Устали. Ездили на такси. Хороший тихий день. Единственный здесь в Риме. Васильев улетел (8-го) в Будапешт, затем в Париж. Народ отдыхал и расслаблялся. Когда мы около часа ночи, уставшие, подходили к нашей гостинице «Архимед» на via Mille, вывалила компания уже хорошо навеселе, еще куда-то желавшая лететь, ехать, гулять. Так что чуть и нас не завернули… Но все-таки усталость была сильнее, и утром рано мне нужно было подниматься, в 6. Собрал вещи и лег спать.

Труппа улетела сразу в Москву.

А моя маленькая группа (6 человек) едет иначе. Из Рима долетели до Праги (1,5 часа лету). Весь день здесь в Праге. И вечером уезжаем поездом в Москву (в 19.00). В Москве будем только 11-го в 10.00.

Прага — прекрасна. Бродим. Сидим в ресторанчиках и пьем пиво. Чудно. Только очень жарко.

9 июня 1993 г., Прага

Вылетели в 21.20. «Су-587».

В Шереметьеве все прошло нормально. Боялись перегруза и оплатили заранее 50 килограммов, оказалось, напрасно, осталось недогруза 60 килограмм. Васильев вылетел рейсом раньше на два часа, вместе со спонсором Юрием Крестинским.

Накануне отлета Игорь Попов заболел. В самые последние дни пытались установить точный диагноз, разыскивали нужных врачей, экстрасенсов и проч. Только сегодня утром окончательно выяснилось, что он не может ехать. Очень горько это. Он провожал нас в «Уране».

Выглядит, действительно, нехорошо. Мы поговорили в кабинете как-то спокойно, тепло, обнялись. Первый раз за все эти годы мы едем без него.

Последние дни перед отъездом, как всегда… тяжелые, скандальные. У Анатолия было несколько вспышек, подобных римским. Общая усталость у труппы.

Накануне была история с Ширяевой и Бородиной (не помню, описал или нет). Бородина осталась в Москве. Очевидно, с ней все ясно — вне театра. Это ее собственный выбор. Как актрису

очень жалко. Талантливый человек.

Настроение в труппе очень неровное.

31 июля 1993 г., Москва-Токио

Не могу точно разобраться во времени. Мне казалось, что разница между Москвой и Токио гораздо больше должна быть… А получается всего пять часов… или что-то путаю пока… Разберусь.

Итак, прилетели по местному японскому времени — что-то около трех часов.

Долго возились с вещами (Рамиль оставил свою сумку у транспортера и т. д.).

Первые впечатления описывать не стану… невозможно. Чистота!! Везде и повсюду сверкающая, блистающая чистота. Такие же ясные, приветливые, доброжелательные лица… Женщины… Небесной миловидности все без исключения, и красивые и некрасивые.

Устроились на ночь в шикарной гостинице тут же в аэропорту «Нарита».

Бросили вещи, искупались и на скоростном поезде в город, то есть в Токио. Было уже чуть больше 6-ти вечера… Все открыто… Все блестит и сверкает. Немножко побродили, сдерживая охи и ахи, в поисках, где бы поужинать. Выбрали, конечно, нечто в национальном стиле. Всего за 1000 иен очень странно поели. Названия не излагаю, ничего не помню… Что-то этакое… Каждый день есть не стал бы. Хотя Васильев уверяет, что для него это самая лучшая еда. В большой деревянной тарелке много всего вместе, и мясное, и сладкое, и кислое, и макароны, и соусы… Холодный зеленый чай.

Потом на метро проехали куда-то еще *дальше* в центр. Не помню ни в одной столице мира такого количества световых реклам, такого заливающегося огнями радостного пространства…

Хорошо, что мало времени на прогулки, я утомляюсь, теряю смысл собственного движения и цель. Всякие мелочи… борцы кунфу с напомаженными волосами, сошедшие прямо с цветных литографий, две девочки процокали в кимоно, аквариум с фантастическими рыбками и проч. и проч. и проч. Ладно. Все это мимо, мимо, мимо. Опять в поезд, в гостиницу. Душ… Как приятно надеть свежее кимоно. Вот этого не ожидал. Гостиница дорогая очень, супер.

Ночью читал Библию на английском языке. К собственному удивлению, читаю легко.

Не могу сказать, что мечтал побывать в Японии или что меня тянуло сюда каким-то особым образом. Меня уже давно никуда не тянет (может быть, это печально, может быть, но это так, это

правда), но вот приехал и очень доволен. Все мне здесь нравится, все! Глупо и восторженно нравится, по-мальчишески. Приятное чувство.

О деле позднее, в следующий раз напишу. Дел много, хлопот много в театре мелких и больших.

Сейчас не хочется.

I августа 1993 г., Токио

Расписание сегодняшнего дня: 7.30 — литургия (1,5 часа), 9.00 — завтрак, 10.00–14.00 — разбор, исправления и самостоятельная работа, 14.00–16.30 — обед, отдых, 16.30–20.30 — репетиция, 20.30–21.15 — ужин, 21.15–23.00 — репетиция.

Разошлись, конечно, в половине двенадцатого (т. е. несколько минут назад) актеры, но с техниками он еще остался в театре.

Из Токио летели до Тойамы чуть больше часа. На японской аэролинии летел впервые. Впечатляет. Особенно большие экраны в салоне, на которых видишь весь взлет и посадку через камеру, установленную в кабине пилотов. Фантастика. Уж сколько приходилось летать, но такую примочку вижу в первый раз.

В Тойаме сели в автобус и пару часов ехали в горы. Дорога-серпантин. Правда, хорошая дорога и максимум безопасности, все наиболее опасные места забраны металлическими каркасами.

Ехали все в хорошем расположении духа. Весело. Мир вокруг свеж, чист и прекрасен.

Добрались до этой самой Тоги. Как назвать эту театральную деревню? Несколько построек среди горного ущелья, рядом шумит горная речка. Несколько сцен. Главная — амфитеатр на открытом воздухе на берегу озера… Надо видеть. Классическая японская — и студия «восьмиугольник», где будем играть мы. Вчера смотрели спектакль Сузуки-юна «Король Лир» (на классической сцене, «классической», я условно пишу. Скорее японский сарай, крытый соломой, длинный, вытянутый… входишь, конечно, в носках и сидишь на татами).

Спектакль замечательный. Стиль его мне нравится по-настоящему, хотя понимаю, не всем европейцам будет понятен. Впрочем, все глупости, нравится — не нравится. Тут такой уровень разговора, что все неважно в привычных оценках.

Несколько мизансцен просто фантастических.

Сегодня весь день работали неустанно. Вернее, «устанно», но непрерывно. Сделали очень много за этот день. Ничего себе театральное расписание! В 7.30 утра начали всенощную. День получился невероятно длинный.

3 августа 1993 г., Тога

Утром солнце. Впервые. Поднимаемся в 7 утра. Ежедневно начинаем работать в 7.30.

Мы живем с Анатолием в одном доме. Я на втором, он на первом этаже.

Замечательный японский домик. У нас прекрасная кухня, ванная комната и прочие удобства. Труппа живет рядом в доме, где у каждого своя комната. Помещение, в котором играем, в двух шагах.

3-го, 4-го и 5-го — репетиции. 6-го, 7-го и 8-го — «Иосиф». 9-го, 10-го и 11-го — репетиции. 12-го, 13-го и 14-го — «Фьоренца».

5 августа 1993 г., Тога

Вчера Тадаши Сузуки устраивал прием, на который мы не могли не пойти. Весь день работали, а в 8.30 пришлось прервать репетицию и идти.

Все участники фестиваля. Сузуки представлял всех режиссеров (из Америки, Канады и еще откуда-то), человек 7–8. Церемония непродолжительная, домашняя и сердечная. Угощение великолепное. Впервые согласился с тем, что японская кухня — прекрасна. Готовилось все прямо тут, на балконе жарилось мясо, четыре мангала (или как это у них называется), и в зале что-то вроде огромных сковородок.

Саке, пиво и прочие напитки. Вот саке-то и подвело… Мы все же надеялись продолжать репетицию, «отметившись» на приеме. Но шеф увидел, что кое-кто из актеров прикладывается к саке. Стал нервничать, отменил репетицию и, немного посидев, ушел в театр ставить свет. Я ушел домой, хорошенько поужинав и тоже выпив саке, раз такое дело. Где-то в час ночи он разбудил меня… Был в жутко расстроенном состоянии. Повторил все, что обычно говорит в таких случаях. Все отменяет, уезжает, ни с кем из этих… не будет и не хочет работать и проч. И вообще спектакль завтра отменит. Хотел было вызвать всех мужчин немедленно… Как-то уговорил его этого не делать… Он опять ушел в театр, а я лег спать. С 7.30 работа. Кое-кто из мужиков выглядел не лучшим образом. Но репетиция прошла очень даже неплохо.

Как-то за день все собрали.

Начали в 6.30. Играли ровно 1 час 50 минут (литургия). 1. Фандера — Лысов. 2. Торнау — Толмачева. 3. Репецкий — Яцко. 4. Яцко — Шнайдер (три последние пары — сцены).

Зрителей более ста человек. Днем во время репетиции опять шел дождь, и так грохотала крыша, что ничего не было слышно, вдобавок ко всему — комическое событие: где-то в потолке поселилась цикада и орала дичайшим металлическим голосом.

Никогда не слыхивал такого. Иван Даничев вначале подумал, что это самолет. Ну просто кошмарная история… Мы начинаем петь — она заводится и… Невозможные звуки, все заглушающие.

Вечером пришли аккуратные японцы, уселись кругом, и мы ровнехонько в 6.30, помолившись, начали.

И ни капли дождя… и цикада молчала терпеливо весь спектакль!

Все прошло замечательно. Как говорит шеф, осторожно… Это и хорошо и плохо. Плохо, потому что уже пора смелее, хорошо — потому что лучше так, чем нагло.

Мне лично для сегодняшнего дня показалось все нормальным. Ну, конечно, как этап.

Нисколько не обольщаюсь тем, что сейчас делается. До спектакля, каким его хочется видеть, дистанция огромного размера. Но… путь виден.

Насколько реально… насколько выполнимо, и сколько для этого потребуется времени? Вопрос.

Дождь опять зашумел за окном. Стеночки тоненькие, все слышно. Япония. Странно. Вчера на приеме очень ощутил странность… фантастичность. Девочка на подносе подает пиалы… движется мелким шагом вполуприсядку… улыбка приклеенная на лице… ну… невероятно. Сузуки семенит, просто падает вперед, ножки совсем от пола не отрывает.

Общаемся каким-то образом на английском, но многие и английского не знают, тогда просто улыбаемся.

Долго говорили с А. по поводу труппы. У него обостренный нюх и чутье на всякие скрытые процессы. Многое из того, что я знаю в силу более близкого контакта с актерами, он чувствует каким-то особенным способом. Точно знает расстановку сил в труппе и, принимая это на сегодняшний день, предчувствует катастрофу в будущем, если ее не упредить. Точно назвал, от кого может исходить такая опасность.

«Надо ударить по ядру… ядро больное… Сегодня нормально, меня даже устраивает сегодня… все устраивает в этих людях, как они работают, как берут инициативу, но в будущем они заразят половину труппы…»

Потом предложил пару совершенно неожиданных для меня вариантов «превентивного удара».

Разговор абсолютно доверительный и, естественно, между нами.

6 августа 1993 г., Тога

Сегодня третий, и последний, «Иосиф».

Вчера сыграли второй спектакль (начало в 18.30). Шел 1 час

50 минут (хотя рассчитывали на 1 час 35 минут). Несколько подрастянулись диалоги.

Состав группы в Японии:

1. Л. Белогурова.
2. Д. Богданскайте.
3. Л. Толмачева.
4. Р. Торнау.
5. О. Фандера.
6. А. Альгулина.
7. М. Зайкова.
8. Э. Хайнбюхер.
9. Г. Ширяева.
10. И. Лысов.
11. С. Репецкий.
12. В. Тереля.
13. С. Красноперец.
14. Е. Фалин.
15. Р. Сабитов.
16. А. Огарев.
17. Б. Шнайдер.
18. И. Яцко.
19. С. Назаров (монтировщик).
20. И. Даничев (свет).
21. С. Забавникова (костюмы).
22. Г. Юрова.
23. В. Цырков.
24. А. Котов (трое последних — хормейстеры).
25. А. Васильев.
26. Н. Чиндяйкин.

Спонсор — Юрий Крестинский.

Все эти дни начинаем работу в 7.30 утра. Обычно утром литургия или всенощная после 10-минутной распевки. В 9 идем завтракать.

В 10.00 — продолжаем работать.

В 14.00 — идем на обед. Вчера был особенно трудный день. В 16.00 — репетиция, продолжалась до начала спектакля.

Закончили свой спектакль и сразу перебежали в амфитеатр на спектакль Сузуки. После спектакля был прием, но шеф, увидев на столах выпивку, сразу напомнил, что после ужина мы должны собраться на несколько минут в театре. Естественно, поев наскоро, все оторвались от фантастически заполненных вкуснятиной столов. Говорил до часа ночи, закончил словами: «Мы сегодня поздно закончили, но завтра все равно начинаем в 7.30».

Только Галя Юрова что-то такое сказала об усталости. Разошлись и сегодня встретились в 7.30, начали литургию. Спектакль Сузуки в амфитеатре. Вернее, фрагменты из его известных спектаклей. Красивое событие в целом, тысячи воркующих японцев собираются со всей Японии, аккуратным ручейком стоят у входа. Пропускают вперед гостей. Актеры очень ловко и громко всех обслуживают, усаживают, руководят всем. Атмосфера праздничная, фестивальная. Раздают целлофановые мешочки постелить, если сыро, бумажные стаканчики, которые потом пригодятся, когда в перерыве между первым и вторым актами Сузуки, опять о чем-то потолковав с публикой, пригласит на сцену какого-нибудь важного гостя, ему дадут в руки огромный деревянный молоток, и актеры выкатят на сцену огромную бочку саке. Очень веселый аттракцион. Под возбужденный гул толпы выбивают из бочки днище, при этом обязательно обрызгав кого-нибудь в первых рядах. Потом можно подходить со своим стаканчиком и пить саке. «Не толпитесь, — предупреждает Сузуки, — еще надо посмотреть второй акт, и тогда все уже остальные тоже выпьют саке». Японцы и так, правда, не толпятся. Только самые желающие успевают наполнить свои стаканы.

Мы сидели наверху с Васильевым и Расой… Какой-то японец сбегал вниз и с нежнейшей улыбкой предложил нам один бумажный стаканчик с саке, он принес два, и еще угостил вкусной закусочкой… что-то соленое, морское, вяленое, может быть, кусочек осьминога. Закусочку, оказывается, тоже неплохо с собой прихватить.

Во втором отделении англичанка (с которой я накануне познакомился в столовой, Элен) играла с японскими актерами «Ромео и Джульетту» и Беккета вперемежку.

И так же летели фейерверки, лопались петарды и т. д. Очень красиво освещаются горы, мощными, зенитными, как раньше говорили, прожекторами.

Замечательное шоу.

Последний «Иосиф» 8 августа. Играли:

1. «Мандрагоровы яблоки» — Эльке — Белогурова.
2. «Человек в поле» — Лысов — Зайкова.
3. «Рувим приходит…» — Яцко — Фандера.
4. «Это — я» — Яцко — Шнайдер.

На этот раз было много актеров с фестиваля. Мы начали в 8.30, и многие уже отыграли свои спектакли.

Первая половина несколько замазана. Нечетко. Качание и т. д. Потом лучше.

Очень много невнимательных ошибок, чисто технических.

Песнопения ровно, тягуче, однообразно. Если всерьез, то пока это совсем плохо. Когда Владимир дирижирует (во время репетиции), то это как раз тот терпимый уровень, с которым можно мириться. Во время же представления без дирижера — плохо.

Очень веселились, когда все закончилось. Японская публика, надо сказать, не балует аплодисментами. Хотя, по словам судя, многим кажется серьезной наша работа, и попросту хвалят.

(Один англичанин просто не мог после спектакля встать с кресла… Чем уже мы его так проняли, не знаю… но ревел слезами горючими, и Галя Юрова его утешала.)

Приехала Аня, которая была у нас переводчицей в Авиньоне 5 лет назад. Она уже 4 года, оказывается, живет с мужем в Японии. Неожиданная встреча. Трогательная, сердечная встреча.

8 августа 1993 г., Toga village

Вчера долго не ложились спать.

Я попивал красное вино, Анатолий тоже пригубил. Вино подарила японка, переводчица Чехова, в очень красивой обертке с ленточками. Васильев с удовольствием все это распутывал в предвкушении, оказалось наше вино, «Рубин Крыма»!

Недалеко от Тоги возле маленького буддийского храма прикоснулся к уважаемому здесь дереву… как утверждают, ему 1000 лет. Когда отводишь ладонь на 4–5 сантиметров, ясно чувствуется исходящее от него тепло. Мы взялись за руки и обхватили все дерево вдесятером.

Центр современной постройки. Чисто и пустынно. Оформлял некий непальский художник, имя не запомнил…

9 августа 1993 г, Тога

Во второй половине дня начался шквальный ветер. Домик наш весь дрожит. Пришлось плотно закрыть все окна. Вышел из дома в седьмом часу. Дождя нет. Тучи летят над горами с невероятной скоростью. Японцы предупредительно убрали всякие зонтики и палатки, положили на землю дорожные знаки и щиты с надписями… Но все же какие-то куски летят иногда по воздуху… Иногда просто останавливаешься, не в силах сделать шаг вперед — сносит.

В студии наши репетируют «Фьоренцу». Сбились в кучку, крыша гремит и трещит. Сейчас резко потемнело.

У меня счастливый день. Немного занимался бумагами, лежал, читал и даже выспался после обеда. Даже не помню, когда последний раз спал днем. Сейчас 20.00. Через полчаса ужин.

1 час 37 минут ночи.

Долго ругались сейчас внизу, в его комнате, с А. Он пришел с

репетиции «Фьоренцы» расстроенный, ничего не идет, ничего не может играть и т. д.

Потом сказал о растренированности, что-то, что нет ничего объединяющего и что плохо, что я не веду здесь тренинг…

Я старался быть спокойным и не заводиться. Но, честно говоря, ужасно надоели его шарахания и безграмотные дергания по поводу тренинга. Я все же начал говорить… и все, конечно, дошло до скандала, в котором заочно уже досталось всем.

Интересно было бы хоть раз записать такой его монолог дословно. В конце концов мысль одна: я ничего не могу, я давно это понял, я вырастил ублюдков, эти русские свиньи никогда не будут играть, никогда. Мне нужно все бросить, Васильев — это миф, легенда, я уже давно ничего не могу делать, ничего! и т. д. и т. д. и т. д.

Рядом с ним можно свихнуться. Предчувствия у меня нехорошие, в том смысле, что его еще ждут проблемы с труппой, которых он все-таки не предвидит. Думаю, осенью начнутся катастрофические движения. Но для него, может быть, это и будет облегчением и решением. Само собой развалится, и ничего не нужно будет делать. Да, что это он еще кричал. «Кто скажет о том, что *меня* послали на хер все они, не я их, а они меня! Они от меня ушли! Кто вот об этом расскажет!»

Да, расскажу. Расскажу я об этом, Анатолий Александрович… расскажу, раз уж вы действительно убеждены в этом.

Спектакли «Фьоренца» — 12-го, 13-го и 14 августа. Прошли очень хорошо. В результате долгих и мучительных репетиций сложилась довольно ясная и красивая композиция из четырех работ плюс японский актер с текстами на своем языке. Тонко по стилистике, красивая картинка (женские костюмы), плотная, грамотная игра.

10 августа 1993 г.

Вторник. Выходной. Весь день дома, копаюсь в бумагах, пишу письма. Отпуск пролетел. Литва, Паланга, Тильшай.

Начало сезона сумбурное, непонятное. Обиды, разборки. История с Толмачевой и т. д. и т. д. Кажется, этому не будет конца, 5-й курс переименовали в студию… В общем, непонятно ничего.

Сам работал с французами, привезенными из Парижа зачем-то, сейчас улетел с ними в Париж на несколько дней, потом заедет в Будапешт, где собирается ставить с февраля. Что будет у нас? Не знаю. У народа состояние тяжелое.

Пережили гражданскую войну… но об этом напишет история, я не буду. Грустно все, безотрадно.

Только вот снег радует. Чистый снег.

26 октября 1993 г.

Вчера в СТД было нечто под названием «День Гротовского». Милейшая Елена Ивановна Ходунова за несколько месяцев звонила мне по этому поводу, с просьбой принять участие и что-то рассказать.

Накануне позвонила корреспондент радиостанции «Свобода» с аналогичной просьбой, поговорить о Гротовском… беда… Киксанул и почему-то согласился… говорили более 1,5 часов.

Ну, и Елене Михайловне не нашел сил отказать.

Очень толково выступал Андрей Дрознин. Толково и интересно. Потом что-то такое Фокин. Потом я грешил «воспоминаниями». Ужасно глупая ситуация… Говорить о Гротовском, само имя которого презирает болтовню и теоретизирование о том, чего не знаешь исступленно…

Жизнь состоит из суеты, право, сплошная суета. Простите, пан Ежи.

28 октября 1993 г., Москва

Завтра улетаю в Омск на три дня, в Доме актера приготовили большую выставку, посвященную Танюше, и просили приехать на открытие…

Странное, сложное чувство. Конечно, хочется увидеть всех, повстречать родных и близких друзей… И тревога в душе, печаль. Мне тяжело ехать в Омск, это так… Надо признаться. Тяжело.

Холодно в Москве… Сегодня снег пушистый на деревьях за окном, синички суетятся… вороны прохаживаются, разгребая пушистый снег.

Мы завтракаем на кухне у окна, завтракаем на холодильнике, потому что на кухне нет стола до сих пор, да, наверное, уже и не будет. Я уже привык… От окна несет немного холодом.

Завтрак короткий, к сожалению. Такое хорошее время и поэтому совсем короткое, пролетающее. Чашка кофе, сигарета, и все, пора.

Мне трудно уходить из дома по утрам, зная, что уходишь на весь день и вернешься только поздно вечером, к ужину, к позднему, позднему ужину.

Моя теперешняя жизнь, как она устроена, чему посвящена, мне не нравится, резко не нравится. Мне бы хотелось поменять *все,* прежде всего то, чем ежедневно и бесцельно занимаюсь… Инерция. Самая мощная сила на свете.

«Увидеть, как сделана вещь в ее основе, — это первое».

«Мы познаем, потому что в нас прорастает *другая* вещь.

Значит, мы должны знать эти законы, и это должно быть общим знанием и для актеров и для режиссеров».

«Основное событие отражается не только своим светом, но и своим „устройством“ (не везде, не во всех местах, но где-то ведь обязательно *отражается.* Такова драма)».

«Открытость, наивность и детская душа — вот что нужно для Платона. В конце концов смысл откроется, придет».

19 ноября 1993 г.

Вылетел 20-го утром из Внукова 229-м рейсом в 12.00. Столько раз им летал в прежние годы. Рейс хорош тем, что почти никогда не откладывается и прибывает в Омск около 18.00 местного времени.

Уже не помню, когда был последний раз здесь. Два… или три года назад? Кажется, очень, очень давно. Во всяком случае, сердце сжималось и разжималось так, что я его слышал. Кажется, несмотря на возраст, на раны и потери, остается во мне что-то сентиментальное, юношеское, чувственное… Сам перед собой я не стыжусь этого, не стыжусь вдруг навернувшихся слез, перехваченного дыхания, излишней аффектации чувств… Внутри меня это не беспокоит, но иногда, оценивая со стороны свое поведение, состояние, раздражаюсь. Мне бы не хотелось, чтобы все это «читалось», было видно другим. А, наверное, так бывает.

В аэропорту встречал Ицик. Сами эти буквы на сером, темном (почти никаких светящихся фонарей) здании аэропорта — «Омск» — сами эти буквы грязного, непонятного цвета… (когда-то раньше тоже светящиеся неоновым светом) вызывают во мне магнитную, жуткую бурю… Снег, мороз… И снег необычный, и мороз необычный, и… серость необычная, не такая, как везде, где-то в других местах. Юрка приехал за мной на «Мерседесе», подаренном театру какой-то богатой (или не очень богатой) немкой.

20 ноября — шесть часов вечера — въезжаем в Омск через Ленинградский мост, еще не совсем темно, но уже почти. Я вспоминаю, что ровно 20 лет назад так же въезжал в Омск впервые, ровно (5 ноября?) 20 лет назад, шофер Федя вез меня на «Волге». Ну, казалось бы, что за факт? Что здесь для эмоций, для Знака, для чувства Знамения?.. А во мне отзывается чуть ли не легким головокружением..

Приезжаем в театр: лица, люди, объятия, улыбки. Поднимаемся в гримерку Елены Ивановны, слезы, объятия. Смотрю спектакль «Гарольд и Мод». Больше наблюдаю за залом… опять трогательно все и сентиментально. Полный зал… доброжелательный, теплый. Как они смотрят! Может быть, *так*

только здесь, в Сибири смотрят? После спектакля вышли все вместе.

Камерная сцена имени Татьяны Ожиговой, такая надпись, аккуратное мраморное крыльцо, массивные двери, мы идем мимо… Сон. Идем к Юре. Выпивать и говорить.

Трудно писать. Васильев говорит сейчас о «Протагоре» Платона. Часа три уже говорит. Он был в истерике несколько часов назад, не знаю, по какому поводу, орал, почти визжал в кабинете, так, что здесь, в студии (…) было звонко… Потом вбегал, тяжело дыша, просил у нас прощения, что не может начать работать… вздыхал, жаловался на жизнь, до такой степени жаловался, что даже переводчица молоденькая, которая переводит нашим французам, расплакалась, в прямом смысле расплакалась… Потом еле-еле что-то начал говорить, разбирать и через пару часов ожил, засветился. Так ему хорошо, не остановить. Сейчас уже половина десятого, и ему главное, чтобы не заканчивалась репетиция. Вот беда.

Открытие выставки о Танюше состоялось 22 ноября в 18.00 в Доме актера. Масса народа, множество знакомых и даже родных лиц, музыка, ансамбль скрипачей, вся верхушка города присутствовала, говорили, губернатор Полежаев, мэр города и т. д.

22–24 ноября 1993 г., Омск-Москва

А. А. — «Что сделал Адам? Он назвал сущность каждого. Бог ему поручил сделать это, Бог сотворил, Адам назвал: льва — львом, зайца — зайцем. Мы называем тайную сущность, когда говорим: врач, архитектор. Когда мы говорим „софист“, имеет ли тайную сущность „софист“? Да! Отсутствие сущности. Когда вы видите льва и говорите „заяц“, вы уже совершили композиционную игру. Вы совершили ловушку».

«Если мы ориентируем свою игру на одну точку, на вторую, третью, четвертую, за нас сыграет природа… сыграет правильно».

I декабря 1993 г.

А это мое.

Раньше в советской нашей жизни было много театрального. Пространство нашей жизни было театральным: парады, демонстрации, спортивные и прочие праздники, похороны великих «деятелей», генсеков и проч. и проч. Тысячи людей принимали в них ясное лицедейское участие. Столько мне приходилось наблюдать и быть участником. Десятками лет вырабатывалось в обществе это состояние «театрального мира», мира, представляющего себя для себя! И это было уже почти

естественным, натуральным состоянием массового сознания (ну, только, может, единицы «отщепенцев» или людей более или менее художественного склада могли наблюдать со стороны, оставаясь свидетелями, не соскальзывая в молох карнавала).

Самые большие изменения российские не те, что кажутся большинству. Изменился театр. Социальный театр теперь другой, и это самое главное изменение. Приходится для краткости пользоваться дурным западным термином: сегодня у нас разыгрываются хеппенинги. Август 91-го, октябрь 93-го — самые крупные хеппенинги (или пока самые крупные?) конца века. Массовый театр вырос из детских штанишек. Большевистский любительский изжил себя и лопнул… Массам стало скучно играть. Устали от репетиций и заранее известного финала.

Депутаты, дерущиеся у трибуны, внезапно врывающиеся в Москву танки, горящий Белый дом… — театр спонтанности, непредсказуемости… театр, творящий себя в процессе действия.

Толпа зрителей на мосту во время танкового обстрела Белого дома и миллионы, прикованные к экранам TV CNN, — вот мой аргумент.

1 декабря 1993 г.

Воровского, 20, студия 3. — Репетиция Платона, группа «М».

А. А. — «В самом высшем смысле мы должны следовать автору. Исполнитель заново пишет текст и тогда становится автором. Литература пишет словами… мы же пишем действием. Наше дело — другой предмет, чем литература. Здесь феномен: свобода возникает в отсутствие самого „я“».

«Единственная цель и назначение занятия искусством — уйти с площадки с ощущением того, что познал нечто большее, чем до этого».

«Мир меняется, вот в чем дело… 20-го века со всем его материализмом и гипертрофированным человеческим „я“ больше не будет! Не будет… И новое время будет решать вопросы Духа! Это я утверждаю! Вопросы Духа во всей их простоте и сложности».

2 декабря 1993 г.

Вчера долго беседовал по телефону с Ниной Кашич… Подробно рассказывала, как там в Омске «живет» Танина выставка… Много трогательных зарисовок, наблюдений.

Кажется, к 25-му января будет готова мемориальная доска, и на Татьянин день намечено открытие. На нашем доме. Советовались, какое место лучше выбрать. Я предложил со стороны скверика на улице Маяковского. Наш дом угловой,

Ленина, 53 — Маяковского, 9.

8 декабря 1993 г.

Студия 3. — Утром был тренаж в «Уране» (с 11.30) с той группой. Пытаюсь довести до какой-то черты. Может быть, 20-го устрою открытый урок. Из всех упражнений, композиций хочу сложить нечто, что назвал «Поток». Попытка сложной вещи, структурной, саморазвивающейся. Можно назвать так: «Игровая среда. Пространство и ритм». Должна быть экспозиция, развитие, узлы, прохождение узлов, движение к основному событию и т. д.

Не могу писать, опять же по той же причине. Дикая истерика, до красного искаженного лица. Творческая мука, гибельная. Текст: «Не могу, черт возьми. Ну, у меня внутри одно дерьмо! А у вас-то — что у вас? Я подожгу театр, мне нельзя выздоравливать… такое чувство; я подожгу все это!!! Ничего не могу сделать».

Все эти слова о том, что «мне нечего сказать… нечего подсказать… Я уже все сказал, все. Поэтому меня нельзя назвать твоим учителем, режиссером! Художником! Может быть, сказать-то надо совсем чуть-чуть, но я не знаю! Ужас!!»

«Мне-то казалось, я так много делал, и что же!! *Какой* отзвук, отплата какая? Пустота. Очевидно, само по себе искусство театра — искусство тщеславия, есть радость, удовольствие от переодевания, перемен и т. д.; очевидно, это дано людям не для познания действительности, а для удовольствия, поэтому театр принимает людей легкомысленных и т. д. Наверное, это не музыка, не стихи, хочется думать, что все сложней, а нет, не получается. Драматический момент в жизни, когда приходит полная ясность, кажется, что все можешь, и потом — ужасно… Ничего я не накопил, кроме болезни… Что я сделал? Ничего. Что является моим личным? Болезнь и раздражение.

…Страна напоминает человека, которого положили на операцию, разрезали и ушли».

9 декабря 1993 г.

Снимаюсь в какой-то немецкой картине «Немой свидетель». Согласился, чтобы заработать денег. Самое странное, что и А. А. отнесся к моей просьбе чуть ли не с радостью. Да, да, конечно, надо же заработать, сказал он мне, отпуская на несколько дней.

Играю на английском языке. Режиссер Энтони Уоллер.

Два последних дня снимался с Олегом Янковским.

Они снимают совершенно иначе. Прежде всего совершенно нет «комплекса пленки». Такое ощущение, что они совсем не считают метры.

Каждую сцену снимают полностью несколько раз, сначала общим, потом средним, потом крупные планы всех участвующих в сцене… и еще отдельно сценки по репликам. Это занимает много времени, зато представляю, какие возможности монтажа у режиссера.

Позавчера подали с Расой заявление в ЗАГС, наше бракосочетание назначено на 12 января.

Очень устал, раздражен… почти постоянно, хотя «все держу в себе», внешне вроде бы спокоен. Так мне кажется. Тяжело ходить на репетиции, физически тяжело. Зачем я согласился репетировать Платона как актер? Я давно уже не имею *никакого* актерского чувства, желания. Надоело слушать Васильева… Одно и то же, одно и то же, скорее надо закончить бессмыслицу эту. Кончается год… Может быть, еще поэтому такое неспокойное состояние… Все в жизни как-то разъехалось, разлезлось.

Чего бы хотелось? Свободного времени. Нормального свободного времени. Иногда чувствую, что *все* хочется бросить, абсолютно все, просто стать бомжем хочется, только чтобы никуда не двигаться.

Слово — это текст, цвет — содержание действия. Плюс звук, движение, картинка.

12 декабря 1993 г.

Ночью по телевидению… невиданное по ужасу, распаду, общественному безумию зрелище, якобы политическое шоу в знак окончания выборов и якобы «новой» жизни, «новой» России. Бал сатаны на уровне Булгакова. Но реальнее и потому страшнее. «Новая» Россия в старых гнусных масках неувядающих знакомцев. Лица вне времени, вне пространства. Лица одинаково реально существующие как на страницах романов, так и в материальном пространстве жизни. Эллочка Людоедка, косящая под Снегурочку, на диком своем убогом наречии уговаривала всю страну выпить шампанского за Новый год. Фантастика!! Все Достоевские и Сальвадоры Дали всего мира — скучные, здоровые, правильные дети! Искусству сюра нанесен смертельный удар, оно уже не в силах встать на ноги, чтобы хоть чем-то удивить мир. Понятие «эпатажа» для искусства умерло. Эпатаж — просто-напросто химический состав самой реальности. Я ничего не преувеличиваю и не дорисовываю… Это просто невозможно, просто не дано мне. Они пили кровь из черепов с такой наивной простотой и обыденностью, как если это было бы тривиальное шампанское… Складывали в гроб зловещие символы… как если бы дети припрятывали красивые открытки в бабушкину шкатулку, извергали из пылающих пастей всеразрушающие сатанинские

заклинания, как если бы это были милые народные нескладушки, считалки-развлекалки.

Они стучали копытами, копытами, копытами, копытами стучали они по осквернённому кремлевскому паркету. Никогда в жизни я не видел столь однозначно откровенного сатанизма.

И это… не где-то на хуторе близ Диканьки, не затерянная в городских развалинах забубённая компания одиноких вампирчиков… Это… на полмира!!! На полземли… Сразу над всей русской землей в одну ночь на 13 декабря.

13 декабря 1993 г.

А. А. — «Мы ведь всегда Мольера играли как дуэли характеров. А Гоголь? Гоголь и смехотворность — вещи несовместимые, это же не Салтыков-Щедрин, это же Гений… Николай Васильевич. Да, Гоголь на русской сцене — катастрофа. А думаете, Мольер на французской — не катастрофа?

Мы не владеем иронизмом как таковым… расставить героев можем, столкнуть характеры — можем… Ну, ведь тогда Хазанов и Жванецкий — лучшие исполнители для Мольера».

15 декабря 1993 г.

Независимая академия эстетики и свободных искусств.

Презентация и первое заседание. Вручение дипломов академикам. А. А. Васильев, Б. Ф. Егоров, Ю. Ф. Карякин, Б. В. Микушевич, В. Б. Мириманов, Л. Муниц (США), М. Я. Поляков, Д. В. Сарабьянов, В. Страда (Италия), Им. Туманобу (Япония), И. М. Смоктуновский, Л. Н. Столович (Эстония), М. М. Хуциев, Н. И. Балашов.

Доклад «Искусство и личность в мировых религиях», академик В. Б. Микушевич.

Потом нашими ребятами был блестяще сыгран Платон, «Государство» (часть, где-то 1 час 15 минут). Потом «Сирин» под руководством А. Когова, «Плач Иеремии» композитора Мартынова, и легкий фуршет.

Очень милый вечер. Все довольны. Все просто, по-домашнему, хотя «компания», прямо скажем, конгениальная.

17 декабря 1993 г.

Провел «открытый урок» сегодня, что давно собирался сделать. Собственно, последнее время определенно к этому шел. Мне важен этот факт никак не в смысле «показа» или, тем более, «отчета о проделанной работе». Хотелось прежде всего самому вместе с ребятами выйти на некий рубеж. Осознанно выйти… В самих себе разобраться и понять, где мы есть. Как двигаться

дальше? Тут ни от кого подсказки не получишь, на это я и не надеялся. Но нужна была некая «провокация», некая «встряска», но естественного характера, не подставка…

Поэтому для нашей абсолютно замкнутой, закрытой работы «Свидетель» мог быть именно такой провокацией. Кроме Васильева, пригласил еще несколько наших актеров. Получилось то, что я хотел. Кажется, получилось… Утром поговорили, размялись (полчаса).

Начали в 12.00. «Поток». Работали 45 минут без остановки. Заранее оговорили все основные узлы и их порядок. Остальное — процесс.

20 декабря 1993 г.

В «Уране» показы 21-го, 22-го и 23-го. Вчерашний длился 6 часов. Пять отделений с небольшими перерывами. Была публика приглашенная, как всегда, немного, но хорошая, своя, например, Фазиль Искандер сидел в первом ряду, внимательный и доброжелательный, ну и другие хорошие люди.

Вечер замечательный, сам по себе. Т. е., конечно, все не равнозначно. Что-то хуже, что-то лучше (и совсем плохое тоже было), но дело не в этом. Дело в том, что, несмотря на такие значительные потери (из-за последних событий — Лысов, Фандера, Белогурова, Репецкий, Толмачева), несмотря на все это, студия есть. Есть ансамбль… есть нечто *единое*… единый стиль, метод, понимание материала. Некий единый художественный мир. Очевидно. Как много размышлений, как много… Ничего ясного, сплошные противоречия. Вот странно как! С одной стороны, совершенно ясно, что они одни. Он (шеф) бросил их, оставил, давно оставил. Да ведь и прежде почти не работал с ними, что называется, «руками»… По крайней мере то, чему я был свидетель (а я просидел годы на репетициях) — все это мучительные или просто нудные лекции… беседы, как правило, в отрицательных эмоциях… Часто просто в раздражении или даже в истерике, иногда, реже, спокойное чтение текстов, разбор, анализ (причем, как правило, отдельных кусков) и вечное, ежедневное недовольство.

22 декабря 1993 г.

1994

А. А. — «…дальнейшая судьба связана с репертуаром. Театр построят, уже видно. Остались только деревянные работы. А весной, если подпишут контракт, разломают „Уран“».

«Если к весне из этой группы будет сформирован сильный ансамбль…»

14 января 1994 г.

Смотрели репетицию Эсхила у Петера Штайна, «Агамемнон», сегодня с утра. Васильев и нас семь человек, так называемая группа «М». Закончилось все в четвертом часу (началось около 12-ти). О постановке этой уже пишут и говорят как о несомненном успехе и даже более. Конечно, сама фигура Штайна многое определяет в подобных разговорах. Великий режиссер, сделавший действительно грандиозные спектакли, и, что важно для нас, Чехова в том числе. Мне довелось видеть многие из них и здесь, во время гастролей, и там, за рубежом.

Как трудно быть не слепым! Как необходимо быть не слепым. Что бы ни писали, в какие бы анналы ни встраивали, какую бы высоту ни приписывали — видеть! Видеть!

Впечатление не просто тяжелое.

Дело не в том, что они не знают, что делать со страстью. Дело в том, что они *погружены* в страсть. Нарушено главное в греческой трагедии — бесстрастность.

Старался избежать всяческих разговоров. Ольга Дзисько сразу подбежала, Барбара, пришлось как-то ретироваться.

Зато шеф… просто раскачало его так… наговорил Ольге кучу кошмарных вещей (тогда надо повеситься, сказала Ольга), потом его просто трясло.

И вылилось в *длинные, длинные монологи…*

15 января 1994 г.

«Реалистический театр 20-го века — это аномалия. Прекрасная, фантастическая, великая аномалия! А родовое значение театра — вот такое!» — Васильев, разбирая Эсхила.

«Алгеброй созданная гармония Ватикана, не алгеброй созданное православие. У Пушкина в „Моцарте и Сальери“: Ватикан, созданный алгеброй, неблагословен. Моцарт благословен, и именно этого не может принять Сальери, ибо это нарушает порядок мира. Последний эпизод можно рассматривать как акт жертвоприношения. (Не был ли убийцей создатель Ватикана?)

В конце концов он говорит о том (Пушкин), что он (Моцарт) уходит из жизни как *бесполезное существо».*

Январь. — 24-го, 25-го — выходные, с 26-го по 5-е включительно — семинары с Ильей. Ежедневно, кроме вторника, до 16.00.

Февраль. — с 10-го по 25-е — тренажи, Эсхил, Платон. С 25-го — Мольер, «Школа жен», самостоятельно.

10-го — примерно в 19.00 — Васильев. 12-го — Вадим (начало занятий).

16 февраля 1994 г.

Пушкинские Горы.

6 февраля выехали (в 19.45) поездом во Псков (студия «Уран»).

Утром во Пскове — завтрак в гостинице, короткая экскурсия по музею. На автобусе 2 часа до Пушкинских Гор.

Мороз и солнце…

Невероятно красивая погода… божественной белизны и солнечности снег. Холодно. Очень. Все счастливы… сама поездка сказочна.

Хотели играть в имении Петровское. Чистый (стилистически) интерьер. Вечером 7-го (в 17.00) приехали в имение.

Температура в помещении минусовая!

Совещались: что же нам делать? Положение отчаянное. Шеф категорически отказывается играть в НКЦ (научно-культурном центре), типа Дворца культуры. Решили, несмотря на лютый холод, играть в Петровском. Провели репетицию двухчасовую. Окончили. Вернулись на турбазу, где мы жили. Там тоже холодно, правда, несравнимо с тем, как в Петровском. Ночью просыпался и думал — как быть. Утром, после завтрака, еще раз поехал в Петровское…

За ночь мороз усилился значительно. В усадьбе в зале −10! Принимаю решение играть в НКЦ. Попадаем в зал в НКЦ только в 13. Начало представления в 15.00. Два часа на подготовку.

Писал на видео. Шло 3.10. Много. Страшно жалел, что не нашел сил переломить шефа и *сократить*! Я сокращал, он возвращал. Поругались. В конце концов осталось, как он предложил. И это много. В целом прошло нормально. Но потери (зрительские) огромны.

С Божией помощью отыграли. Академики-пушкинисты в большинстве своем не выдержали, разошлись.

(Бойтесь пушкинистов.)

Вечером сауна!

Здорово!

Много маразма. Встреча с Ефремовым. Катастрофа. Что-то он рассказывал о своих «открытиях» пушкинских… Например, что Александр Сергеевич не идеологизирован (!). Великое, конечно, открытие на старости лет.

Какие-то конференции (записано на пленку).

Общение на этом фестивале определенно показало, насколько мы далеки от привычного театрального пространства. Например, наша встреча с Рецептером В. Э., о которой он сам ненавязчиво попросил, т. е. предложил нам встретиться, желая искренне поделиться своим опытом. Разговор, почти односторонний, получился странным. Он говорил о понятных, ясных и, конечно, правильных вещах: о первоначальной грамоте чтения стихотворного текста, о каких-то общих законах, почти музыкальных и т. п. Никто и не сомневается в правильности этих советов… все так, конечно, так… Но именно сущность, фундамент, метод изложения, то, как он говорил, «основное», что, по его же словам, так поразило и привлекло его в нашей работе, именно это и скрыто от опытного Рецептера навсегда. Невозможно рассказать ему об этом, невозможно и ему познать это… самому. Собственно беседа наша закончилась дружески и почти приятельски… Вот и хорошо.

февраль 1994 г.

Дом…

Какая неудобная тетрадь, писать просто невозможно, и, главное, никакого удовольствия.

А я люблю писать и делаю это с радостью только тогда, когда получаю удовольствие от самого процесса писания. Чтобы была хорошая бумага, блокнот, тетрадь, альбом, хорошая ручка, чтобы было уютно, чисто вокруг, удобный свет и одиночество.

Вот как сейчас (все, кроме тетради).

Раса в соседней комнате строчит на машинке швейной.

Я в своем новом крохотном кабинете. Еще не привык к этой комнате, еще какая-то не моя… Но… что уж… надо привыкать… теперь моя.

Переехали. Успокоились после первых дней столпотворения, связанного с переездом. Как-то разбросали вещи. Более-менее… можно жить.

Еще много хлопот впереди с обустройством. Ремонт тоже, как говорят, стихийное бедствие. Надо бы поскорее начать этот злосчастный ремонт, чтобы скорее закончить.

Два дня был необыкновенный снегопад. Особенно вчера.

19 марта. Москва

«Уран». 18.30.

А. А. вернулся из Будапешта вчера вечером. Вечером же встретились на Поварской (с той же группой). Сегодня первая встреча с «моими» в «Уране». Собрались в кабинете, хотя сейчас уже не так холодно, как еще несколько дней назад.

Настроение у всех доброе. «Сам» тоже непринужденный, весел… Общий такой разговор… кто что делает, что готово к показу… и т. д., прикинули расписание показов на эти дни по «Евгению Онегину».

Венгерский театр дореформенный… практика такая: актер нанимает режиссера (самый совершенный в этой структуре «Комеди Франсез»), он (актер) благодарен режиссеру за то, что сам работает (он не может играть без режиссера). Наиболее сильны для этой территории музыкальные жанры, и практика драматического театра исходит из этого. Скажем, из кабаре. На третий день актер оказывается на сцене и режиссер говорит, куда идти… в какую сторону.

Сейчас Ошер репетирует Пиранделло «Сегодня мы импровизируем». Ну как можно в такой системе репетировать Пиранделло… если он весь направлен *против* такого театра…

Роли разрабатывают в процессе мизансценирования. Качество исключительно плохое. Нет никакого другого театра, кроме *повествовательного.*

Такой театр полностью зависит от публики, полностью!

Происходили же какие-то события театральные в мире… Но их как будто ничего не коснулось.

День премьеры является последним днем свидания актера с режиссером. Это то, что меня просто возмутило…

Режиссер просто вычеркивается из сознания. Конечно, они могут «подарить» репетицию, но из сознания вычеркивается.

Французский актер в любом случае не испытывает рабского комплекса ни перед режиссером, ни перед публикой. Никогда!

Венгерские актеры. При огромном собственном даровании всё абсолютно наоборот.

Художник, который постоянно ищет возбуждения для своего искусства в жизни, нуль в конечном счете.

Народ, мне показалось, неразвитый в религиозном отношении… Живут очень суетно… Бесконечно жалуются на отсутствие денег, работают на трех работах все актеры… Понятно, о глубокой работе речи нет. Проявление персонажа только на уровне интриги, другого они не знают.

Такая вот ситуация. Даже на фоне поломанного русского театра.

17 апреля 1994 г., понедельник

23–29 апреля — Одесса, поездом туда и обратно. Кошмарно тяжело.

Доснялся у Игоря в этом самом «Вине из одуванчиков». Глупо все. Не нравится мне. Показывал мне предыдущий материал. Много хорошего, но веры никакой нет, что это может сложиться во что-то толковое.

Без даты

«Уран». Суббота. В 11.30 собрались смотреть видеозапись васильевского спектакля в Будапеште, «Дядюшкин сон». Вся «труппа» и еще кое-кто… Вначале А. А. решил немного рассказать о работе и проч. Кабинет наш переполнен… Все вместе очень хорошо выглядят наши ребята. *Хорошая компания,* яркая.

Сейчас 7 вечера. Долго, долго смотрели. Шеф нервничал и психовал по причине того, что не так снято. Без конца меняли кассеты: есть два варианта записи (разных дней), снятых более крупно и более общо.

Тем не менее замечательный спектакль, даже глядя на эти кассеты.

В двух словах не скажешь… Надо смотреть, лучше бы, конечно, сам спектакль. Но уж что есть, то есть… Хорошо, если бы у наших актеров была возможность смотреть эти кассеты

побольше.

Если слушать *слова,* которые говорит наш учитель… слушать сегодня, завтра, через год… можно свихнуться. Он не просто *противоречит* себе, а как танк расстреливает только что или накануне сказанное самим собой. Это принимает фантастические размеры и формы.

Постепенно я понял, что значение имеет только его *сегодняшнее, сиюминутное* настроение. Сиюминутное! Мне кажется, он абсолютно не слышит этих противоречий, т. е. совсем не слышит… потому что в конфликте со *всем,* что приходит ему на ум в эту минуту.

Вот в эту минуту уничтожает русских, превозносит венгров… вот через 5 минут уничтожает венгров, гордится русскими.

7 мая 1994 г.

14-го я уехал поездом в Перевальск, ставить памятник на мамину могилку. Приехали Леночка и Петя. Мы с Петей ладно поработали. За один день перевезли памятник (из гранитной крошки, скромный, но хороший, не аляповатый), все подготовили и хорошо поставили. Убрали, или лучше, наверное, сказать, прибрали могилку, с помощью сестренки моей. Посадили цветы. Барвинок, так называются. Постояли, помолчали, поплакали… Мама смотрела на нас с фотографии. Было очень солнечно и почти жарко. 17-го сел в поезд Луганск — Москва и 18-го в половине пятого вечера вернулся домой. Наскоро перекусил и пошел в театр.

За эти дни моего отсутствия ничего хорошего не произошло… Шеф продолжал оставаться в депрессии, которая началась еще до моего отъезда. В театре он не появлялся, на звонки не отвечал, отключил телефон. В этот вечер как раз пришел, и я его застал. Он сидел в кабинете, не сняв плаща… молчаливый, мрачный… Кажется, обрадовался моему появлению, немного просветлел, сказал: «Как хорошо, что ты приехал, а я уже разыскивал тебя…» и что-то еще в этом роде… На мой вопрос о самочувствии неопределенно махнул рукой… Что, мол, говорить. Артисты ожидали встречи с ним, собравшись в гримерной, кое-кто в костюмах — видимо, собирались показывать работы. Было уже почти семь. Но он не шел, о чем-то незначительном поговорил с Назаровым, потом с Забавниковой и опять тянул время. Что-то говорил мне, жаловался. Вот, говорит, дома сижу — все хорошо, стоит выйти на улицу — сразу накатывает… а захожу в театр — совсем темно в глазах становится… Никто ничего не делает… Театр распущен… службы — просто тепло устроились. Пустота, и т. д. В это время зашел наш бывший студент Саша

Ишматов, теперь священник в Перми, отец Александр… В темном длинном плаще, черной шапочке, обнялись. А. А. как ждал, долго говорили с ним. Саша, несмотря на то, что еще носит в руках ту же самую черную сумку, с которой ходил на репетиции, уже заметно окреп по-человечески… Говорил спокойно, но твердо. Наставлял (мягко, почти с улыбкой виноватой, но непреклонно) своего учителя. Советовал исповедаться, причащаться… Не сдаваться настроению и одолевающей депрессии. Долгий был разговор. А. А. говорил с охотой, слушал внимательно. Потом, позднее, подошел Никита Любимов…

Я не решался напомнить, что артисты ждут уже три часа. Да он и сам с сожалением об этом помнил. Но видно было, что ему нужен теперь только этот разговор.

В конце концов около 21-го я все-таки стал намекать, что пора бы… Пару раз вышел из кабинета… вернулся. «Ждут», говорю. Он вздыхал, мучился, потом все же сказал — ладно, Николай, позови их сюда.

До половины одиннадцатого говорил с актерами (так и не снял плаща, кутался). В процессе, кажется, немного отошел… Даже шутил пару раз по какому-то поводу. Нашел какие-то простые добрые слова. «Ну, дайте вы мне поболеть… я старый человек, устал, простите уж меня». И т. д.

Спрашивал их впечатления о просмотренном по видео материале (4 вечера последних) римского прошлогоднего проекта «Каждый по-своему» и жутко нервничал, когда не совпадало с его мнением, опять же по поводу русских и итальянских актеров. Сел на своего любимого конька и дошел до таких оскорблений, что сам, кажется, услышал, что говорит… «Русский язык — собачий язык». Все рассмеялись просто в голос, и сам тоже рассмеялся. «Так имеет право говорить тот, кто знает русский язык и для кого он единственный». «И все-таки, — настаивал, — с итальянской легкостью, подвижностью, прозрачностью… у наших все заторможено, тяжело… Это, Маша (Зайковой возражает), не глубина, не глубина, как ты говоришь, это тяжесть… Это несмазанная машина… Правда. Я сам много очень напортил, ужасное было расписание у наших… и я плохо с ними работал».

Потом подумал, вспоминая… «Конечно, — говорит, — если бы не среда, которую именно русские делали, ничего не получилось бы».

Еще о многом говорили, фундаментальном и не очень… Пообещав прийти, когда выздоровеет, отпустил с Богом артистов. А мы остались еще, как всегда.

И далее опять о нем, то есть о А. А. Последнее время его ужасно мучают или, лучше сказать, раздражают несколько

моментов, и в частности плагиат, т. е. попытка некоторых его учеников его «обокрасть», все это в разной степени и с разной степенью раздражения, но тем не менее без конца возвращается к этой теме… Спектакль Мильграма по Мольеру в театре Моссовета… попытка Сторчака ставить Платона. Со Сторчаком разговор состоялся при мне. Он, конечно, хамоватый парень, наглый… Мне неприятно было присутствовать при таком разговоре «ученика» с Учителем. Разговор, правда, был недолгим. Шеф просто попросил его уйти. Выгнал, попросту говоря, так ни до чего и не договорившись…

Плюс к этой теме еще пара событий. Мих. Мих. Буткевич опубликовал кусочек из своей будущей книги в «Театральной жизни», где описывает набор в лабораторию, которую вел одно время в нашем театре.

Написано легко, даже изящно. Портрет Васильева дан… ну, как бы это… Да, смотря как к этому относиться. Для меня, например, при всей язвительности и фиглярстве достаточно ясно просвечивает действительное уважение к мэтру, к руководителю и т. д. Шефа же эта статья раздражила и расстроила, хотя, конечно, через снисходительную улыбку и, так сказать, извинение «больному» человеку.

Также и статья в «Театральной жизни» о работе над ролью М. И. Бабановой по Беккету. Тоже уныние на него нагоняет.

Без даты

«Уран».

А. А. — «Странное наблюдение сегодня. Двое играют диалог — один играет, а другой нет. То есть как бы с воображаемым партнером, а не с тем, который есть».

«Когда Иисус совершает свои деяния… он не философствует в это время, только делает. Он всегда говорит *до* или *после.* Деяние отделено от слова и никогда *вместе* не бывает. Объединить сложно. Чтобы и слово было и деяние осуществлено».

«Таганка никогда не была грамотным театром. Она никогда не могла конкурировать с театром Эфроса, единым сущностным, грамотным организмом. Таганка произвела колоссальный эффект в народе, но она жила другими чувствами. Разве Ю.П. написал такую книжку, как Брехт, Вахтангов… такую маленькую заметку, как М. Чехов?»

«Грубо звучит, но вампиризм — обычная вещь в театральной среде. Я заметил, что в России особенно, пожирание без всякого ответа. Это даже не форма театральная, а просто форма жизни».

Еще была новелла об Иванушке-дурачке, который ловит Жар-птицу, это и есть профессия режиссера. Но со временем Иван, к

сожалению, становится умным, а Жар-птицу может поймать только дурак. Красивая притча, мне понравилась.

21 мая 1994 г., суббота

Продолжение вчерашнего разговора.

22 мая 1994 г., воскресенье, перенесение мощей св. Николая

Случайно посмотрел сейчас на первую запись в этой тетрадке, оказывается, всего один год (и один месяц) прошел… Совсем немного… Надо же. Казалось… да, всего-то год.

27 мая 1994 г.

А. А. уезжал в Польшу на пару дней (27-го и 29-го) на какой-то семинар или что-то в этом роде. Время до его отъезда было каким-то неопределенным, т. е. актеры так же ежедневно репетировали, иногда он приходил, смотрел, разобрал «Каменного гостя» более подробно… Больше просто говорил, рассуждал о себе, о творчестве, о кризисе. Настроения практически работать никакого не было, о чем он тоже постоянно говорил. В это же время начал монтировать старые свои фильмы («Больница», «Каштанка», «Не идет»), сделанные со своими учениками лет 9–10 назад, для участия в кинофестивале в Петербурге (в конце июня).

Потом уехал, пообещав прийти к нам в «Уран» 1 июня… Вернулся больным (простуда, наверное). Через Свету Сабитову передал мне, что прийти не может, болен, что позвонит… Не позвонил. Телефон отключил. Я тоже перестал звонить.

Так мы работали одни эти дни в полном неведении. Вчера все же позвонил мне домой (из монтажной, уже опять монтирует). Извинился. «Очень нужно поговорить с тобой». Ничего относительно студии так и не сказал… договорились, что еще позвонит, договоримся о встрече.

Вечером студия собралась в полном составе для разговора. Я вначале только слушал. Честно говоря, меня отчасти раздражает инфантильность, рабская зависимость и почти мистическая боязливость малейшей самостоятельности оставшихся его учеников.

Факт перед ними очевидный, как стена. С ними не работают и не желают работать.

У многих прояснилась опять-таки очевидная мысль воспользоваться хотя бы отчасти той свободой, которую он сам же им дал, организовывая студию-3. Но и тут же оппоненты — с предложением «убедить» Анатолия Александровича начать с ними работать.

Разговаривать в этом детском саду не хотелось, но и уходить

с неизбежной в таком случае «демонстрацией» — глупо. Сказал то, что думаю. По возможности мягко.

Неужели сами не видят, что превращаются в «разговорников» об искусстве? Конечно, надо поменять внутреннюю позицию, перестроиться с бесконечного «ожидания» на конкретную собственную работу, планировать которую необходимо так, как *если бы его вообще* не было…

Нет основания выбирать между работать с ним или без него. В данной ситуации выбрать можно только между работать без него или вообще не работать, т. е. разойтись в принципе.

Парадоксально, но только *этого* он и ждет в принципе и говорит об этом каждый день! Но человек слышит то, что он хочет слышать, но никак не то, что ему говорят. Решили все-таки сегодня собраться режиссерским советом и определиться в своих собственных планах.

Не знаю, чем закончится вся эта история, наверное, так же печально, как и все предыдущие. Компания осталась, хотя и милая и сердечная (в большинстве своем), но уж очень немобильная, без какой-то собственной воли к жизни и творчеству. Жаль, жаль.

Я не хочу быть в роли взрывателя или аккумулятора. В конце концов, все эти дети мне чужие, и история эта не моя.

Я подставился под него, под Васильева, лично, когда он ставил в Париже, а я собирался уехать работать в Италию, имея ясные и реальные перспективы на будущее там, за рубежом. Он убедил меня не уезжать, убедил, что я нужен ему для будущей работы здесь, для создания театра. Вот на это я и пошел… Выбор был серьезный. Собственно, я тогда судьбу выбирал. Выбрал. Остался в России. Остался с ним.

За эти три года *ничего* не сделано. Театра реально нет. То, что есть, на грани краха. Теперь он уже говорит об эмиграции! Ничего себе мне это слышать!

Вот как обстоит дело сегодня.

Любой инициативе с их стороны помогу всеми силами. Но сам «заводить» ничего не буду.

5 июня 1994 г., воскресенье

«Уран». — Итак, прошел почти месяц. Мы толково провели это время. Шефа не было, он занимался кино… т. е. монтировал, собирал свои старые ленты, сделанные с учениками, для участия в санкт-петербургском фестивале.

Мы построили собственный план работы… до отпуска. Назначили показы, рабочие (для себя) и для публики.

Еще одним важным делом нужно было заняться, выпустить

дипломный спектакль.

В общем-то это афера… с дипломным. Дело в том, что пять наших режиссеров, несмотря на то, что год прошел после окончания института, не защитились, т. е. не имели возможности защититься. Васильев не дал им времени, с одной стороны, с другой — и сами они не имели. Короче, мы решили сделать спектакль, на котором сразу защитились бы пять режиссеров.

Случай, мне кажется, беспрецедентный, во всяком случае, Мира Григорьевна Ратнер, работающая в ГИТИСе с 32-го года, не помнит подобного…

Так… пожалуй, пропущу всю эту историю. Она казалась интересной, а вот прошла, и неважно.

Борис Александрович Львов-Анохин *(известный советский режиссер, педагог)* теперь председатель комиссии. Я пригласил его на премьеру, он оказался очень доброжелателен.

М. А. Захаров пришел неожиданно для нас (на второй спектакль) 26-го. Во всем мэтр, спокоен, снисходителен… смотрел доброжелательно, улыбался (чуть не упал со стула, но не от смеха, а просто стул провалился). В беседе с Васильевым что-то такое сказал: делю на то, что мог бы сделать и чего не мог бы (свеженькая мысль). Надо показывать, продавать билеты, пускать публику. Это должно быть в лоне культуры, а так, ну, что же (все, конечно, спокойно, мягко, ненавязчиво). «Наш» тоже покачивает медленно головой. Вот, мол, последние годы «исследованиями» занимаюсь, как-то не хочется общения, закрыто живем.

«Ну, да, да, понятно, но… надо, по-моему, надо показывать… Достаточно в Москве людей, кому это будет очень даже интересно» (беседуют мастера).

Фрукты, бананы на столе.

План работы: 25 и 26 июня — дипломный спектакль. 3 июня и 1 июля — рабочие показы. 2-го и 3-го — дипломный спектакль. 4-го, 5-го и 6-го — рабочие показы, 7-го и 8-го — дипломный спектакль, 9-го — Мольер, 10-го — разговоры, 11-го — сцены из «Фауста», 12-го — «Евгений Онегин».

Шеф появился только 24-го. Показали ему прогон завтрашнего спектакля. Очень недоволен остался… просто совсем удручен. Только необходимость защиты, кажется, и, может быть, сознание собственной вины в этом заставляли играть.

После показа поднялись в кабинет. В ужасно мрачном настроении… Все закрыть, всех распустить.

«Сыграть и забыть» — главная мысль.

На следующий день, 25-го, очень… нет, не удивился, как же это сказать-то… Короче, спектакль замечательно шел… ребята классно играли, и атмосфера в зале была… без вариантов,

отменная, отменная.

Он все воспринимает как новенький пятак. Как бы ничего не было вчера… И завтра будет тоже без всякого отношения к «сегодня».

Замечательно сыграли оба спектакля 25-го и 26-го. 27-го и 29-го (18-го, вторник) показывали ему огромное количество новых работ. Огромное.

Много очень хороших работ. Достаточно и беспомощных. Все как и должно быть.

Пару дней пытался говорить с А. А. о будущем, т. е. о новом сезоне.

«Надо говорить, надо нам с тобой говорить много», но очень не хочет начинать. Позавчера все-таки сели, я приготовил бумагу, взял ручку, чтобы записывать. Долго молчали. Потом он взял карандаш и, как всегда, рисуя графики на бумаге, начал рассказывать «возможности» театра (помещений и т. д.) в следующем сезоне, и так все разрисовал, так «убедительно», что только и оставалось в конце выдохнуть: вот видишь, не может быть никакого сезона!!

Т. е. у него получалось, что просто *негде* будет работать всем нашим группам.

«Уран» закрывается на реконструкцию, а 1-я студия (по большому секрету) *не будет* готова к сентябрю, вот и все. Я в ответ предлагаю рассуждать, так сказать, «идеалистически», т. е. творчески, не учитывая материальные возможности… «Вот если бы все у нас было нормально в этом отношении? Чего бы мы в таком случае хотели бы от сезона? Какие цели, задачи? Какие спектакли? Как, для чего бы мы жили?»

Пауза.

«Мне трудно, — слышу в ответ. — Ну что я могу с собой сделать, я же человек, в конце концов. Ну не верю я, не верю… невозможно в этой стране» (и далее — пошло со всеми терминами).

Короче, ни хрена мы не придумали, т. е. что-то фантазировали, вернее, я пытался нарисовать, предложить, он слушал, вздыхал и долго рассуждал о другом.

Вчера отличный Мольер, «Школа жен». 1 час 5 минут прекрасного, стилевого, *Васильевского* театра! Господи, как неуловимо и зыбко все!

Все эти дни такие тяжелые были… Хотя показы проходили довольно толково. Для зрителей, наверное, достаточно скучно… просто в силу «безразмерности» и неотобранности работ. В конце концов, практически никакого отбора… по 4 часа неравноценного материала…

И вот вчера — бриллиант. Анатолий Александрович, говорю ему, ну, что же вы мне каждый день твердите: «Ничего не сделано, ничего не сделано, все в прорву уходит, жизнь, работа»… Ну вот же, говорю! Вот! Это же очевидно. Этого *никто* не может даже украсть…

Я действительно был сильно возбужден показом…

Сколько видел я в своей жизни Мольера и всегда только на слово верил, что он автор *высокий,* т. е. предмет у него юродивый, низкий и излагается всегда при помощи юродства, фиглярства. И вот впервые увидел подлинную высоту, миф частной жизни. И впервые увидел Мольера, данного исключительно *через слово,* но в то же время гораздо выпуклее и живописнее любых визуальных примочек.

Долго, долго говорили. Ему хотелось все слышать, и, кажется, ожил, просветлел…

И только в конце самом вдруг говорит: «Я боюсь, боюсь, что никогда не смогу опять это сделать… Я мечтал поменять театральный стиль… Чувствую, что могу сделать это, знаю, как, но иногда мне кажется, что никогда не смогу передать свои знания».

На радостях, кажется, сочинили следующий сезон. Хотя с ужасным запевом об общем крахе и т. п.

И все же, и все же…

Пусть в планах, в разговорах пока, пусть. Главное начать.

Надо выпускать сначала *Платона,* как и положено по школе, потом *Мольера* (два названия), потом *«Иосифа»,* еще *«Бесы»,* еще *«Чайка»,* 4-й акт, и *Пушкин.*

2 июля 1994 г.

Весь июнь в Москве был холодный и дождливый, и это хорошо, иначе было бы невозможно выдержать окончание сезона, последние спектакли, последние разговоры.

Я знал, что сразу уеду на съемки в Питер — месяца полтора назад меня пригласил Иван Дыховичный в свою картину «Музыка для декабря». Это знание тоже поддерживало… Т. е. не сам факт участия в фильме, а именно неизбежный отъезд, перемена.

Толя вел себя скверно… постоянно в депрессиях, с просветами равновесия. Иногда его от всей души жалко, особенно в моменты покоя и осознания, когда наедине со мной он начинает каяться, мучиться сам от себя.

— Это болезнь, Николай, я знаю… болезнь. Ведь не было никакой причины сегодня для истерики, утром проснулся и хорошо себя чувствовал, потом, знаешь, накатывает злоба — просто темно в глазах, и ничего, ничего не могу с собой сделать…

Понимаешь, Николай, какой ужас — не могу с собой справиться… Что мне делать, дорогой, скажи?

Такие вот монологи…

Или:

— Ни в чем они не виноваты — артисты, что я на них сорвался… зачем? Я сам во всем виноват, кругом виноват… Я бросил вас, два месяца не показывался… Я благодарен тебе, что ты с ними все это время был, вы хорошо трудились, много сделали… Господи, какой ужас… Что же я ору-то… Это — конец. Я серьезно говорю, Коля… я знаю, скоро умру. Не может человек жить в таком состоянии…

Говорю ему:

— Они любят вас… понимают, прощают. Вы же сами видите. Хотя, конечно, в таких стрессах находиться… — говорю. — Надо пытаться сдерживать себя… если хочешь видеть только черное — так и будешь видеть. Нельзя. У нас много позитивного, действительно много сделали, накопили, они чувствуют единый стиль, знают школу, это видно, это любой скажет. Они преданы, работоспособны, готовы… Надо в храм сходить причаститься.

(Я всегда об этом говорю, и Никита тоже.)

Он помолчит, покачает головой:

— Я был. Был…

13-го — последний разговор с актерами. У нас отпуск. Он уезжает на Запад, вернется где-то в конце октября, в лучшем случае. Начинать сезон надо без него. Долго обо всем договаривались наедине. С актерами разговаривал недолго… часа три.

Потом еще сидели в кабинете, вспоминали всякие мелочи, подробности, чтобы ничего не забыть. Он просил еще поговорить с Людмилой, успокоить ее, и еще, и еще, и еще что-то… Вышли из «Урана», я проводил его до машины. Обнялись, трижды расцеловались.

Весь день 14-го двигали с Расой мебель, готовя квартиру к ремонту, вернее, к продолжению ремонта. Мне принесли домой билет.

Вечером того же дня сел в «Красную стрелу», вагон «СВ» (стоимость билета 76 тысяч рублей), и проснулся, подъезжая к Питеру.

8 утра. Солнечно! Легко. Вагон идеальной чистоты, интуристовский. Далее — метаморфоза… перемена — композиционный сюрприз. Меня встречают, улыбаются… На красивой машине везут в гостиницу «Советская», селят, за что-то извиняются, кормят, улыбаются, дают деньги, просят отдохнуть… и вообще главное, чтобы мне было хорошо…

Я принимаю душ, обтираюсь мягкими махровыми полотенцами, немного валяюсь на свежих простынях, набираю Москву, звоню Расе. Надеваю новую майку, белую с синими полосками и надписью «Company». Меня усаживают в джип «Тойота» (именно такой, о каком я всегда втайне мечтаю), и мы летим по Питеру.

Полдень. Солнце. Хорошая музыка в салоне. Прибранные, вычищенные к Играм доброй воли улицы прекраснейшего города, улыбки, молодые, здоровые, удачливые лица моих новых друзей (и ни зуб не болит, нигде ничего не колет, не жмет).

Золотой купол Исаакия проплывает в музыке. Я смотрю на него и молюсь. Долго молюсь про себя и крещусь незаметно. Поминаю Танюшу, маму, Наташу, *Аудру,*… прошу здоровья папе и опять молюсь Богородице. И благодарю Бога за все!!

Господи… Какие счастливые минуты были, какие счастливые. И обязательно вот так с печалью, с Таней, с промелькнувшей скамейкой, где мы когда-то сидели… Я молюсь, потому что знаю — за все, за все, за все — платишь.

В Комарове снимаем на даче какого-то профессора. Огромная, двухэтажная, в лесу, на берегу Финского залива. По сценарию — это моя дача (!). Попробовал представить так… реально, что моя… Нет… не могу.

Здесь сказочно. Только комары. Впрочем — Комарово. Второй день съемок.

16 июля 1994 г., Комарово

Поварская, 20.

Прекрасная осень в Москве. Сухая, теплая, солнечная… Говорят, лет 30 не было такой теплой. Тяжело каждый день идти на работу и проводить весь день в театре… в холодном помещении…

А. А. (на репетиции):

— Вы знаете… я подвержен нервным всяким заболеваниям, поэтому пропускать надо: как я выгляжу, как говорю… Да и слова мои не всегда нужно слушать. Иначе я только вред вам приносить буду… Я ведь все равно что-то говорить буду.

— Многие последователи, вышедшие отсюда, на самом деле никакие не последователи… просто — вредители… Ни-че-го они не знают.

— Я обеспокоен тем, что кто-нибудь из вас может подумать, что это и есть дело… это только путь, только путь! Понимаете? (О *том, как играют сегодня.)*

11 октября 1994 г.

Почти весь ноябрь прошел в одном ритме.

С утра провожу тренаж в одной и потом — в другой группе («Сирин»). Днем репетиции Платона («Евтифрон»).

Васильев приезжает в 6–7 вечера. Смотрит (в основном), иногда говорит, т. е. разбирает вещи. Где-то в 10, в половине 11-го актеров отпускаем (никогда не раньше), потом сидим в кабинете, пьем чай и говорим. Обо всем. Пытались составить некий перспективный план жизни театра… Правда, ничего конкретного так и не вышло из этих стараний.

Часто приходит Никита, и тогда беседуем втроем… на темы более общие… я бы сказал, философские… теологические и т. д.

Анатолий в такие минуты «отходит», иногда даже что-то похожее на эйфорию посещает нашу компанию… Болтаем с удовольствием бесполезности и необязательности нашей беседы.

Но часто ничего не помогает, и он продолжает свои монологи, заводясь еще больше, и доходит до крика… уже ни к кому не обращаясь. Некий эмоциональный клубок, сгусток боли и нервов… без начала и без конца, без ясной мысли… как два дерущихся нанайца — на снегу: шапки, шубы, руки, ноги, руки, шубы, шапки, ноги и т. д.

На днях, устав, видно, от такого монолога, он долго молчал, потом говорит с таким изяществом побитого:

— Да не хочу я ни с кем соревноваться в этой стране! Ни с кем! Я все уже сделал! Все!

Потом, помолчав, говорит:

— Вот с Бруком… да. Хотел бы… но… поезд ушел. С Гротовским хотел бы, но это невозможно… Не по силам мне…

Никита мягко так говорит:

— Почему? Толь?

— По-то-му… потому что! — вдруг заорал Толя.

Как он выдерживает — целый день находиться в таком состоянии — черноты и отчаяния, трудно представить.

В полночь идем на метро «Сухаревская». Там у нас знакомый дядька, ростовчанин, который всегда пропускает нас бесплатно. Перебрасываемся с ним двумя словами: о здоровье, о погоде. Иногда пропускаем один, два поезда, потому что самое спокойное и тихое какое-то время. Уезжать не хочется.

Без даты

А. А.:

— Знаешь, я чувствую себя, как если бы я — вода в стакане, с которым кто-то бежит по пересеченной местности. И я ничего не знаю, что со мной в следующую секунду случится…

— Понимаешь, совсем неуправляемый… меня это тревожит,

Николай. — Я спрашиваю: это как-нибудь связано с качеством репетиций? — Да ни с чем не связано… ни с чем! Вот вышел из дома… и катастрофа, с любой мелочи может начаться.

— Мы ничего не сделали за месяц… ни-че-го. Ну, что винить актеров, что же, я не понимаю? Актеры не сделали — виноват режиссер… Я погибаю в этом театре, — повторил он дважды и замолчал.

I декабря 1994 г.

Я подумал, что если пройду весь путь до конца с моим театром, с Анатолием… то потом буду спокоен и… как бы это сказать… удовлетворен, что ли…

Сезон решающий, хотя и не назван таковым вслух. Но факт появления сцены («Студия-1» должна уже 24 декабря освящаться) — очень значительный факт в нашей жизни… и дальше все станет очевидным, т. е. то ли обстоятельства против нас, или сами мы создаем именно такие обстоятельства.

А. А.:

— Правильно сказать, правильно себя поставить — это важно.

— Сложно… правильно поставить себя в отношении содержания и структуры и всегда это держать.

— Свет нужно сохранять, охранять и воспитывать не только в самом себе, но и друг в друге. Эта работа противоположна всему, понимаете, всему вокруг.

— Когда приходит мастерство, появляются проблемы. Как владеть воздухом сцены? Естественностью — при таких энергиях, приподнятости тона? Мы не хотим видеть людей покойных, обаятельных, ясно? Как? Как?

— Хорошо, господа. Будем прощаться. Мы встречаемся с вами 18-го числа, я вернусь. Аню отпускаю в Швецию, она обещала вернуться. (Все смеются.)

Это все писал в репзале, а теперь в метро. 00.12 на часах, жду поезда на «Боровицкой». Толю только что посадил на «Арбатской».

— Поеду собирать вещи, — сказал.

Обнялись, троекратно расцеловались.

— Я сердцем чувствую, — говорю, — что там (в Таормине) все будет хорошо, я уверен.

Он печально улыбается. Пришел поезд.

Он жутко расстроен последней репетицией.

Без даты

1995–1997

1995

Воскресенье. Утро. Утром дома.

Так все перемешалось… Надежды, уверенность, апатия, опустошенность настолько рядом, что, кажется, живешь этим в одно и то же время.

24-го декабря освятили «Студию-1», так теперь называется наш бывший подвал.

У меня нет *никакой* веры в то, что произойдет *нечто* и мы выпустим спектакль. Скорее предчувствие катастрофы. Произойдет нечто, и все рухнет.

Просто фантазии такие возникают, как сны, какие-то чужие люди входят в театр, начинают переделывать, перестраивать, возмущаются, зачем тут нагородили все это! И ломают, перестраивают, уничтожают.

Начинаю думать — а как же наши архивы, наши святыни? Тысячи пленок, фотографий, афиш и проч. и проч. и проч. Все летит по ветру, гибнет, исчезает.

Не только во сне такие катастрофы, иногда — даже чаще — наяву, во время работы или во время разговоров наших с Анатолием.

Мы нашей группой «Уран» переехали на Поварскую. Трудно «утрясались» на «новом» месте. Кое-как удалось свести все громадное расписание. Удивительно, в группе «М» сейчас шесть человек, в моей 14, вот вся труппа, ну, еще «Сирин», но помещений катастрофически не хватает.

Утром тренажи у всех.

Кое-как расходимся, «М» в «Студии 1», я в 3-й студии с 10 утра с «Сириным», с 11.30 с «Ураном».

Потом три концертмейстера одновременно работают, в это же время самостоятельные репетиции «Урана» и репетиции Васильева с группой «М» плюс Мари Тёречек *(звезда венгерского театра и кино. фильм «Сорванец» помнят миллионы советских зрителей)* — «Дядюшкин сон». С 18.00 или с 19.00 он переходит к нам и до 22.00 идет репетиция «Онегина».

12 февраля 1995 г.

Март и апрель работал с французской группой стажировки у нас. Вел тренинг 4 раза в неделю.

Группа как группа, молодые… никакие. 3–4 человека были неплохие (одна девочка из Австрии, Юта!). А так… любительство. Им очень нравилось, и все восторгало.

Без даты

1 мая начал репетиции с «Сириным» над «Плачем».

Как всегда, все у нас неожиданно и нервно.

Толя был в очередном нервном срыве, что-то там происходило, не помню уже, что… Короче, он хотел вообще отказаться от этого проекта, потом вдруг говорит (за несколько дней до 1 мая): «Николай, бери спектакль и делай сам, я не приду, у меня то и се, и вообще разрываюсь и просто не хочу, ни на одну репетицию я к ним не приду, делай все сам!» Ну, в таком духе был разговор.

До этого речь шла о другом, а именно: он проведет первые две недели репетиций (с 1-го по 14-е), а я потом буду «доводить» и покажу ему генеральную репетицию 22-го мая. Он — режиссер-постановщик, я — режиссер.

Вот такой был договор, и даже приказ какой-то Лихтенфельд издал.

Короче, я начал работать сам.

«Плач Иеремии». Репетиция

«Идею я дам», сказал. И действительно дал: положить в основу мизансцен древнееврейский алфавит. Идея как бы сама собой напрашивается, т. к. Иеремия четыре главы из пяти начинает с алефа и продолжает до тава, каждую новую песнь со следующей буквы алфавита, и так 22 песни в каждой главе, как и количество букв в алфавите.

Идея идеей, а делать работу с ходу было очень не просто. Начал с того, что раздобыл этот самый алфавит (далее древнееврейские буквы) и т. д., текст «Плача» на древнееврейском, всякие учебники и сидел дома, рисовал иероглифы. Рисование много дало. Почувствовал пластику,

движение линии, объем. На планшете, в объеме все совершенно иначе, и потом *переходы,* т. е. чередование формы и хаоса.

22-го, как и обещал, показал генеральную репетицию.

Толя очень воодушевился, наговорил мне кучу благодарностей и хороших слов, тут же решил шить костюмы (от чего раньше категорически отказывался) и вообще решил уже в июле играть это в Москве.

29 мая 1995 г.

Прилетели в Берлин 1-го. На автобусе попали в пробку, ехали 6 часов вместо 3-х. Репетиции «Иеремии» 5-го, б-го, 7-го (они подлетели 4-го).

Играли в Magnikirche 8-го, 9-го и 10-го. Начало в 21.30 и 10-го в 19.30.

Лучший спектакль — последний, 10-го. Все сложилось, что должно быть на этом этапе работы.

Т. два раза приходил на репетицию. 7-го утром и 8-го утром.

Состояние у него было растерянное, сам не мог решиться репетировать, что-то шептал мне на ухо, чтобы я передал артистам и сделал с ними. Потом сказал, у меня много дел «вокруг», работай сам, и стал заниматься перестановкой зрительских мест и т. д.

Долго мучились с голубями и их мучили. Несколько раз отменяли эту мизансцену. Дело в том, что голубям слишком подрезали крылья, вернее даже *одно* крыло, и они как-то неловко падали на пол после того, как их подбрасывали актеры, попросту шмякались на пол. Делать это во время спектакля, конечно, никуда не годилось.

Тут проявился в Толе Мастер… Замучил актеров и голубей повторениями и нашел, что когда *сразу* 22 (т. е. все) голубя подбрасываются и еще в то же время кто-нибудь из актеров *бросает* пух, шмякание скрадывается, нормальная получается картинка. Так и сделали в конце концов. Что очень выгодно смотрелось в спектакле, и зрительские места добился, чтобы *подняли,* что тоже было правильно. Хотя немцы наотрез отказывались и говорили, что невозможно.

Прием был замечательный, и артисты мои, по-моему, воодушевились.

Пропускаю все «истерики» и «срывы», которых за это короткое время было предостаточно, и из театра он «уходил», и так «глупо и бессмысленно». Назначал световую репетицию и убегал с нее, поругавшись с Игорем П. и хлопнув дверью (храма!). Все было, конечно. И проблемы с певчими тоже были.

Короче, слава Богу! Все прошло.

1-й — хорошо.

2-й — вяло.

3-й — отлично.

Вчера сыграли 1-й пушкинский вечер («Моцарт и Сальери», два варианта, плюс «Фауст» Пушкина и Гёте). Шло представление 2 часа.

Все средне.

Кое-кто уходил.

Я стоял за камерой, и было легче. Так бы исстрадался.

Много недоумения вызывает и у русскоговорящих, а уж для не понимающих языка — шарада. Нет такого предмета, ткани игровой не возникает, которая стала бы предметом контакта между залом и сценой.

Ночью в холле гостиницы долго с ним говорили. Старался быть откровенным и говорил все, что думаю, но видеть, как человек страдает, и «резать» дальше по живому… может быть, даже неблагородно, хотя в профессиональном смысле необходимо.

Он был в очень тяжелом состоянии, советовался, что предпринять, как переделать композицию на сегодняшнее представление (может быть, ввести «Каменного гостя» с актерами из группы «М»?).

Составили несколько возможных вариантов. Сказал: «Еще подумаю, и ты подумай и утром мне позвони».

Утром я провел тренинг. Актеры были в хорошей форме, как ни странно.

Он стоял в соседнем холле, ожидая репетиции, там стойка бара, он пил чай, но бармена не было. Я подошел, он поздоровался и спросил, нет ли у меня случайно капельки коньяка, мне совсем плохо, говорит, не могу работать, все болит. Я попытался найти какие-то нейтральные и бодрые слова, но так, чтобы он не понял, что я его успокаиваю. Вот, мол, артисты в хорошей форме, сконцентрированы, возбуждены и т. д. Потом Игорь подошел, пошел за стойку, нашел в какой-то бутыли немного хорошего вина (названия не помню, но помню, что у Эдгара По упоминается где-то). «Толя, будешь?» — спросил Игорь. Нет, нет, что ты, это я так спросил, просто мне плохо, сказал он, продолжая крутить перед собой на стойке чашку из-под чая. Потом как-то резко схватил стакан с вином, сделал глоток-два, так же быстро поставил перед Игорем и пошел в зал репетировать.

Брауншвейг милый городишко. Чистый до ужаса. По траве зайцы бегают стадами. Трамваи ходят строго по расписанию, минута в минуту. Светофоры на каждом перекрестке отдельно

для транспорта, отдельно для велосипедистов, отдельно для пешеходов… Все аккуратно стоят и ждут. А там, где вдруг нет светофора, все тормозят и упорно тебя пропускают.

Я в Москве на Цветном пробовал пропустить двух старушек. Потом пожалел. Они долго не могли понять, чего от них хотят и не хотели идти первыми, я показывал рукой, идите, мол, пожалуйста. Они смотрели то на меня, то друг на друга, сзади мне посигналили, и я поехал, и старушки наконец решились в это время и пошли. Я нажал на тормоза, сзади стали сигналить. В общем, нечего экспериментировать.

Брауншвейг. Коричневое молчание.

11-го посмотрел спектакль Роберто Лепажа «Семь течений реки Ота», театр из Квебека (Канада), этакая сага (сочиненная режиссером и труппой) из 7 частей. Длилось все 5 часов. Закончилось в час ночи. Немцы топали ногами от восторга, свистели и кричали.

О Лепаже сейчас говорят как о самом знаменитом из молодых (ему 37) режиссеров мира. Публике действительно это должно нравиться. Хороший товар (как мне сказала Барбара Леман, почему же *критики* о нем так хорошо пишут. Это нравится людям, сказал я, а критики тоже люди).

Что же он сделал? Соединил клиповое сознание со всеобщей любовью к «мыльным операм». Соединил, надо сказать, мастерски. Чисто постановочная работа. Труппа откровенно слабая, местами уродливая, но ей отведено столько места, сколько терпимо, остальное — высокая театральная технология, эффекты, электроника, движение, музыка, свет и т. д. *Все* это очень сильно и грамотно.

13 июня 1995 г., Брауншвейг, Германия

В «Театральной жизни», в №№ 5 и 6, замечательная статья М. М. Буткевича о Станиславском. Может быть, никогда не читал о К. С. ничего подобного. Т. е. панегирики были (и более фееричные), и «низвержение» гения (более беспощадное), и все это была полуправда. Мих. Мих., наш любимый Мих. Мих., только он сумел в короткой статейке так услышать, так *соединить* и дать истинный портрет Художника.

Читаю, перечитываю. Воспоминания нахлынули. Два года, проведенные с ним., два с половиной года. Собственно, оно не кончилось, это время. С такими Мастерами только встречаешься и уже никогда не расстаешься.

А. А. вернулся из Италии, где проводил стаж по Платону.

Вчера встретились на Поварской в 11.00 для разговоров и составления планов. Вышли на улицу. Солнечный, душный день.

Ходили и говорили. Сидели за столиком на Новом Арбате, у нас теперь тоже как в Париже: столики, кока-кола, почти, почти, только толпы кругом возбужденные, и дети оборванные подходят и просят деньги.

Он предложил мне быть вторым режиссером «Пиковой дамы», которую будет ставить в Веймаре.

Рассказал условия и прочее. Сказал, подумай и как можно скорее дай ответ, мне это очень важно. Я сказал, что могу сразу ответить, сейчас, мне нравится предложение, и я согласен. Потом уже говорили по делу, т. е. о проекте.

Он очень искренне обрадовался, что я дал согласие. Вообще настроение у него неплохое, хотя, кажется, несколько перевозбужден и даже несколько лихорадочно все время говорил, перескакивая то на труппу, то на планируемые гастроли в Южной Америке, то на осенний стаж в Париже, и опять к постановке оперы.

Мне всегда хочется задержать его внимание на чем-то одном, довести до конца, обговорить, решить в конце концов и зафиксировать. Даже достаю блокнот, ручку в таких случаях, как бы показывая, что вот *теперь* мы должны остановиться на этом вопросе, должны решить, принять окончательное решение.

Но он все равно как-то незаметно «ускользает», и если я настаиваю, твердо настаиваю, досадливо машет рукой. «Мы обязательно к этому вернемся, Николай, как можно *сейчас все* решить… нам с тобой много, много нужно еще говорить. Итак, я сейчас буду репетировать Мольера… Я думаю, грамотно будет, если мы сначала в Москве покажем „Амфитриона“, а потом „Иеремию“, как ты думаешь?» — Я соглашаюсь. — «А с той группой я буду продолжать „Евгения Онегина“. Правда, я совершенно не знаю, как найти время. Меня не будет в сезоне 18 недель, понимаешь, это катастрофа!.. Если бы найти деньги и привезти в Веймар нашу группу, я мог бы там продолжать с ними репетировать параллельно с немцами». — «Но у нас нет таких денег и навряд ли будут». — «Конечно, нет и не будет… Но это хорошая идея… Не бросать же „Евгения Онегина“. Как ты думаешь, с этим может что-нибудь получиться?»

4 июля 1995 г.

Позвонил Мих. Миху, чтобы поблагодарить за статью в «Театральной жизни» и рассказать свои впечатления. Он очень обрадовался моему звонку. Я попросил о встрече, и он тоже с радостью согласился, только просил не у него, т. к. давно болеет и дома ужасный беспорядок. Я пригласил его к себе.

Вчера он приехал в 14.00 и сидели мы до половины девятого!

Говорили, говорили, говорили… Обо всем! Начиная от *его* студенческих лет, перебирая все фамилии и действующие персоналии, о нашем курсе, и до *сегодня.*

Говорил о книге, которую он пишет.

Я знаю, что это будет великая книга.

М. М. беспокоится, что не успеет закончить, говорит, что пока готова одна пятая, а он очень болен и работать из-за болезни тяжело… не хватает «здорового» времени.

Нет в мире справедливости, и сетовать на это пустое занятие. В мире художественном — тем более. Человек такого знания о предмете театра, *практического,* подчеркиваю, знания, можно сказать, не имеет совсем серьезной, крупной, достойной его режиссерской биографии.

Парадокс. Факт.

Рядом с ним, в одно время с ним выросли, застолбили место в театральном пространстве десятки, десятки других, которые — и это очевидно — проще, односложнее, одноклеточнее и т. д.

Мих. Мих. — титан!

Мих. Мих. — чудак!

Мих. Мих. — энциклопедия, заброшенная в чулан за ненадобностью. Такое впечатление, что регулярный театральный процесс *охраняет себя* от фундаментальных вмешательств. Этакий здоровый примитивизм — залог долголетия, стабильности и покоя.

Безвестные чудаки, однако, ему необходимы. В укромном месте, не афишируя, пожирает театр такого титана с потрохами, обсасывая каждую косточку, смакуя детали и «элементы», потом обтирает рот салфеточкой и, как ни в чем не бывало, выходит «на публику». И потом… потом… расчетливо и разумно тратит сожранный клад озарений, добавляя в рутинное ежедневное свое существование по капельке свежей крови, по капельке, чтобы хватило на долгие годы жизни «в достатке».

8 июля 1995 г.

«Иеремию» начал репетировать 26 августа (Толя в отъезде. Сначала был в Греции, потом в Париже).

Я работал на Сретенке. Нормально. Т. е. спокойно работал.

Не считая мелочей: полное отсутствие воды в здании, а значит, проблема туалетов, чистоты и порядка. Холод и разрушающийся «Уран». Вчера и сегодня перевозим декорации на Воровского в «Студию-1». Завтра начинаю работать там. По плану, который я еще летом составил, 6-го октября нужно закончить работу с актерами (отпустить их на гастроли на месяц) и начать возиться с техникой. Потом с 10 ноября начать *все сводить.* Т. е.

актеры плюс техника. 22 — генералка (в ноябре).

Пока все двигается по плану. Обязательно хочу успеть сделать генералку 22-го, потому что в мае, тоже *22-го,* была генеральная, 22 песни в каждой главе «Плача». Толя вернулся 17-го вечером, 18-го целый день ездил по начальству в связи с «Ураном».

Строительство!

Пока ничего не делается.

Вечером звонил мне и дважды переносил встречу. Наконец встретились уже 23-го у него дома.

Сидели на кухне. Не виделись месяц, хотя общались по телефону.

Сначала проблемы со строительством, потом труппа.

«Я должен бросить все и заниматься домом, — сказал он, — если я сам не возьмусь за это, ничего не будет, понимаешь? Мы потеряем все, и никакого здания к 98-му году не видать, а значит, и никогда! Работай дальше как работал, я благодарен тебе, хоть что-то в театре делается.

С труппой встречаться не хочу… не буду. Меры будут очень крутые по лаборатории.

Оставлю несколько человек, кому верю, в ком уверен, кто работает. Хватит! Хватит! Надо кардинально решать». И т. д.

21 сентября 1995 г.

Я стал дедом.

Дети у меня все-таки непутевые. Позвонил Вадим, меня не было, наговорил на автоответчик: «Николай Дмитриевич, поздравляю вас: вы стали дедом. — Пауза. — Мальчик, зовут Алеша. Настя чувствует себя хорошо. Ну, вот и все, конец связи».

Ни точного дня, ни часа, когда внук родился… ни веса, ни роста… ничего более. Телефона у них нет. Я позвонить не могу.

Без даты

Рано утром 8-го в воскресенье позвонила Фая Антонова, сообщила: умер Михаил Михайлович, Мих. Мих.

Это случилось 7-го. Подробности узнал уже позже. Тут же позвонил Толе домой, поехал к нему и вместе приехали в театр.

Весь день занимались траурными делами. Похоронить в Москве… проблема. Оказалось, что у Михаила Михайловича вообще была подмосковная прописка, и это значит, только где-то далеко в Подмосковье можно похоронить. Приехал Вася Скорик.

Главное — рукописи. Архив. Сохранить.

Звонил нашим в разные города и страны, сообщал.

Жутко. Печально.

Все время вспоминал нашу последнюю встречу в июле. Как мы шли к метро «Новослободская» мимо театра Красной армии.

Его театра.

Он говорил о смерти, я — о том, что 68 — не возраст. Он не очень хорошо выглядел, был бледен, хотя и бодр. Но… но я действительно не думал, что *это* так рядом.

Прости, Михаил Михайлович.

Прости за все.

9 октября 1995 г.

Только что вернулись с кладбища.

Николо-Архангельское кладбище, красивый, теплый, солнечный день. Могила далеко в глубине кладбища (39-а). Очень красиво и тихо было.

Как он хотел, никто не говорил никаких слов.

Падали листья.

Я вспомнил один из наших экзаменов… Вся сцена была в желтых листьях.

Дело было в октябре.

10.12.1926–7.10.1995.

Кто смог — приехал, это я об однокурсниках. Еще много знакомых лиц. ГИТИС… кафедра, Морозов Борис, Иосиф Райхельгауз, Васильев.

Мих. Мих. просил, чтобы никакой панихиды, т. е. слов и прощаний.

I I октября 1995 г., 16 часов 50 минут

1996

«Иеремия» прошел уже 37 раз (не считая пяти открытых генеральных). Играем по 5–6 спектаклей в месяц.

Огромное количество рецензий в самых разных изданиях, разных по значению, но все, что называется, позитивные. Вчера Ольга Иосифовна из Петербурга звонила, сказала, что видела одну статью отрицательную, обещала прислать. Это даже хорошо.

Надо сказать, ни в одной статье мое имя даже не упоминается, хотя в афише ясно сказано: режиссер такой-то… Ну что же, это понятно. Великий спектакль мог сделать только великий режиссер, а не какой-то там Чиндяйкин. Комично другое. Толя никак на это не реагирует. И даже, кажется, наоборот, совершенно поверил, что это его произведение.

В январе (3-го — 8-го) везу «Иеремию» на Сицилию. На фестиваль. Играть будем в Катанье. Толя ездил смотреть площадку, естественно, сам, хотя потом сказал мне: «Я делаю за тебя твою работу». Мне и сказать-то было нечего на это. Что же, я

сам себя в Сицилию направлю, говорю. Ну ладно, говорит он, в следующий раз поедешь ты. И теперь улетел во Францию, в Авиньон, смотреть опять же площадку для летнего спектакля «Иеремии» в Авиньоне.

Как-то случилось, не знаю даже в точности, как… через Оксану Фандеру, наверное, вышел на меня продюсер Атанесян Саша.

Предложил поставить пьесу Липскерова «Белье из Люксембурга». Где-то с конца октября разговоры велись по этому поводу.

Все достаточно убедительно. Настолько, что я счел нужным переговорить с Васильевым о возможной моей работе на стороне. Я был уверен, что с его стороны не будет никаких препятствий, хотя бы внешне, так и вышло. Естественно, характер нашего шефа сложнее, чтобы *просто* с чем-то согласиться. Тут же он стал придумывать мне какие-то занятия и поручения… организация новой лаборатории, набор курса в ГИТИСе и т. д.

Ну, ладно… с этим разобрались.

9 декабря 1996 г.

1997

Вылетели на Сицилию 3 января (Толя и Лихтенфельд — раньше на день).

В Милане пересадка на Катанью. Прилетели ночью, часа в два ночи были уже в отеле «Modern». На следующий день в 8 утра был уже на монтировке декорации в церкви Св. Николая (теперь музей, раньше — один из самых больших монастырей Италии). Церковь огромных размеров… типа… Исаакия или, может быть, храма Христа Спасителя у нас в Москве.

Отсюда и проблемы первых репетиций. Резонанс. Мои «сирины» были просто в параличе весь первый день. 4-го провел две репетиции. 5-го — три. Нашли звук. С трудом. Потребовалось менять ритмы. Рисунок, естественно, тоже пришлось круто менять. Планшет намного больше нашего. Стена наша там смотрелась, как игрушечная. Спектакли 6-го — в 18.00, 7-го — в 21.00. 8-го утром вылетели в Москву. Летели с приключениями.

Без даты

Суббота. Проснулся в девять. Чуча обрадовалась, стала лизать мой нос и тихонько беситься.

Думал, Раса поспит еще, но она тоже поднялась. Пошли в парк. Я разминался слегка. Раса с Чучей бродили по парку. Снег колючий… февральский, осел местами, протаял. Долго гуляли. Чуча лазила по деревьям, получая за это угощение. Если дерево

немного наклонено, она разбегается и забирается довольно высоко, выше моего роста, потом прыгает мне на спину и так «едет» на мне.

Долго гуляли…

У Расы выходной сегодня, а я пойду в театр. Просматриваю абитуриентов, желающих поступить в Лабораторию.

15 февраля 1997 г.

«Воля и свобода — взаимоисключающие вещи. То, что имеет отношение к действию, — это воля.

Чего хочет публика? Приятного и умного… кто умнее. Кто менее умный — приятного и глупого (смешного). А чего публика не забывает никогда и взрослые передают детям? — духовное». (А. Васильев. Из беседы)

«Усвоить психологию импровизирующего актера — значит найти себя как художника!» (Михаил Чехов)

20 ноября 1997 г. Италия, Кастильенчелло

1998–2004

На родине мрак, безумие и, как говорят по Би-Би-Си, коллапс.

Спектакли «Иеремии» 9,10,11 сентября, начало в 20.00. Проживаем — гостиница «Пирита».

Неужели совершенно кончился «запал» — не пишется, и все тут. Сижу и думаю: вот это надо записать, это зафиксировать, это не забыть… еще сижу — и потом мысль: а зачем?

Таллин, 10 сентября 1998 г.

История с «Афинскими вечерами» подходит к финалу (*пьеса Петра Гладилина; в главных ролях Ольга Аросева, Лев Дуров, Вера Алентова.)*

Репетировал в августе (21 репетиция) в театре Сатиры, в репзале, потом большой перерыв был, уезжал в Швецию с «Иеремией» — потом около 10 репетиций и коротких прогонов в ДК МАИ, которые сорвались из-за ужасных холодов. Помещение не отапливалось — это было с 5 по 15 октября, даже по 14-е.

Артисты не могли снять пальто — я только что перенес грипп на ногах. Короче, что-то вроде прогона получилось только 14 октября. На таком вот уровне поехали в Новосибирск и в Омск.

Петя хороший драматург, но, конечно, представления не имеет о театре как продюсер, администратор и т. д. Худшей организации гастролей не знаю за 30 лет — это была сказка абсурда — фантастика. В результате все произошло! Премьеру играли в новосибирском Центральном клубе железнодорожников. 1200 мест. Дикая сцена. Аншлаг. Принимали на «ура» (играли средне). Это было 19 октября.

20 октября — Академгородок.

После спектакля сели в поезд и в 9 утра приехали в Омск!!!

Это отдельная история. Кажется, там я национальный герой… Нет, не буду писать ничего. Итак, 19, 20 — Новосибирск. 21, 22-Омск.

* * *

«Иеремия» в Испании

Прилетели 27 января. Очень тяжело летели, с двумя пересадками в Париже и Барселоне, и ждали следующего рейса по 4 часа.

Здесь тепло, очень — +20. Но я простудился. Думаю, от кондиционера.

Играли 30, 31 в Central Theatre, это на территории Экспоцентра-92. Сегодня летим в Барселону. Плохо себя чувствую, хотя температуру сбил.

Севилья, I февраля 1999 г.

Монтировка — 2–3 февраля в Меркато-де-Флор. Огромный (хорошо мне знакомый) зал где-то на 800 мест. Репетиции.

2 и 3 февраля: 14.00–16.00, 20.00–23.00

4-го, 5-го и 6-го — спектакли, начало в 21.00.

Hotel Rialto, рядом с la RamЫa.

Барселона, 1–7 февраля 1999 г.

Летим домой… через Париж. Спектакли прошли очень хорошо. Особенно последний, вчерашний. Здесь, в Барселоне, впервые попробовали подзвучку. Получилось здорово. Это вообще может быть новым импульсом.

Труппа в хорошем состоянии, хотя, конечно, Маши Шенталинской не хватает.

Это был (вчера) 107-й спектакль.

Барселона, 7 февраля 1999 г.

Несколько маялся «романом» с театром Сатиры. Познакомился (по его приглашению) с Плучеком Валентином Николаевичем; довольно милый, комплиментарный разговор состоялся. Пьеса, которую мне предложили, в *том* актерском раскладе меня обескураживает. Походил даже, посмотрел несколько спектаклей, и совсем стало грустно…

И тут неожиданно приглашение из «Арт-партнера»…

С легкой душой (мягко) расстался с Сатирой и начал репетировать. Пьеса Альдо Николаи, «Железный класс» — ее родное название. Составчик: Юрский Сергей Юрьевич, Волков Николай Николаевич, Волкова Ольга Владимировна.

Провел 11 репетиций. Юрский репетирует замечательно. Хотя… точно беря зерно характера — трудно идет на нюансировку. Николай Николаевич — пока очень растерян, очевидно, с ним придется основательно повозиться. Ольга Владимировна — пока хворает и не репетирует.

Наконец-то нашел своего художника — а он, оказывается, был совсем рядом и «под рукой». Лариса Ломакина. Сочинили замечательную картинку. Теперь мне есть с кем работать… Слава богу!

Параллельно репетирую со студентами «Женитьбу». Встречаюсь с ними ежедневно по 3–4 часа. Тяжеловато, конечно, — немного «разрываюсь». Наверное, нужно (придется)

отложить «Женитьбу» на время, чтобы выпустить спектакль.

Премьеру должен подготовить к 15 мая. Только бы никто не заболел из актеров — тогда справлюсь.

25 марта 1999 г.

Никколо Макиавелли, «Мандрагора» (между 1512 и 1520). «М.» — располагается у истоков ренессансного театра и ренессансной комедии.

Лодовико Ариосто, «Комедия о сундуке», 1508.

Кардинал Баббиена, «Каландро».

Освоение и модернизация сюжетного и стилевого наследия античной комедийной классики (Ариосто), драматизация национальной комической традиции (новелла по преимуществу).

Макиавелли отказывается от традиционных сюжетных моделей, выбирает совершенно оригинальную фабулу, но… вводит в художественный язык чуть не весь жанровый диапазон римской классики: *Теренций,* реминисценции римской элегии, эпоса *{Лукреций),* «цитирует» Тита Ливия… Светония и т. д.

Вся эта система упрятана *очень глубоко* (не как у Ариосто).

Принцип подражания классике — жизненно важный для литературы Возрождения — приобретает в «Мандрагоре» невиданную органичность.

Дух комических новелл Боккаччо (даже воспринимая сюжетные мотивы «Декамерона»).

Розыгрыш — излюбленная тема ренессансной новеллистики.

О… Макиавелли постоянно опровергает: Лигурио *отнимает* у Ка… роль организатора и вообще выбрасывает его из действия. Лукреция — вместо того чтобы пассивно склониться перед победителем, *отбирает* у него инициативу.

Система идеологических и эстетических провокаций.

«Карнавальная традиция» М. М. Бахтина («Карнавальные песни», «Золотой осел»).

Мотив *смерти* и *воскресения:* «Сегодня утром ты все равно что снова родилась на свет, а вчера казалась *полумертвой».*

Динамическое равновесие внутренней и внешней природы, *души* и *судьбы.*

Лукреция — способность перестраивать свое поведение сообразно с логикой объективных обстоятельств.

Испытание «мудрости» героини (центральное понятие макиавеллиевского учения о человеке). *Готовность к метаморфозе.*

Все остальные персонажи срослись со своими социальными и бытовыми масками.

«Государь».

«Рассуждения о первой декаде Тита Ливия».

О силе молодости, юности.

Без даты

Не уймусь, не свихнусь, не оглохну *Генрих фон Клейст (1776–1811).*

«Разбитый кувшин», комедия, 8 действующих лиц + 3,4 слуг (5 мужчин + 3 женщины). (1801 г.)

Швейцария. Содержание картины, изображающей сельскую тяжбу по поводу разбитого кувшина. (Жан-Жак ле Во, судья и разбитый кувшин.)

Вальтер — судебный советник, Адам — сельский судья, Лихт — писарь, Госпожа Марта Рулль, Ева — дочь,

Фейт Тюмпель — крестьянин, Рупхерт,

Госпожа Бригитта, Слуга, хожалый, служанки.

Шекспир (1564–1616).

«Сон в летнюю ночь». 16 действующих лиц + 4 эльфа + свита (женщин 3).

«Счастливые комедии». Дж. Уилсон. Уникально явление — в комедии нового и древнего — дух критики и осуждения. У Шекспира *лишены* сатирической направленности.

Без даты

Опять в своем «родном» Шереметьеве. Но… никуда не улетаю на этот раз — просто здесь съемки сериала «Маросейка, 12», куда я залетел ненадолго.

Приболел, что-то похожее на то, что было несколько лет назад, — головная боль, «мошки» перед глазами и проч. Опять же, очевидно, связано с остеохондрозом (или — астиохондроз? — не знаю, но болит). Неделю было совсем плохо. Сейчас несколько лучше. Раса делает массаж ежедневно и какие-то уколы в задницу.

18 октября 1999 г., Шереметьево-2

Любая житейская история стремится к художественному состоянию и в конечном счете к мифу, равно как и миф легко опрокидывается в житейскую историю.

В этом смысле анекдот — блиц-миф.

Без даты

Спор с *католицизмом. О* православии, идолопоклонении. Ответ «оппоненту» приснился мне несколько дней назад.

Икона есть знак — внешнее (видимое) отражение внутреннего (невидимого) образа. В определенном смысле икона

есть человеческая потуга «опереть» абстрактно-мистическую религиозную эмоцию на конкретно-визуальный символ, т. е. придать *движению души* (внутреннему жесту) осязаемый, реальный эквивалент, тем самым выразить его, воплотить уже *вне* себя. Чем же в таком смысле икона отличается от крестного знамения? Разве крестное знамение с очевидностью не является внешним жестом (знаком, символом, отражением) исключительно (отражающим) внутреннего, душевного приятия крестного пути страдания и сострадания в нем.

Таким образом, не принимая иконы в православном обряде, правоверный католик, следуя логической последовательности, должен отказаться и от крестного знамения и т. д. и т. д. и срочно перейти в лютеранство, откуда, подчиняясь «здоровому практицизму», опуститься в американский баптизм, в секту, т. е. клуб по конкретным житейским интересам.

Без даты

Траектория человеческой деятельности (и творчества в том числе) пролегает между двумя полюсами: каждодневным тяжким трудом (постепенным накоплением опыта, мастерства, практического знания) и авантюрой (азарт, интуиция, наитие, блестящий дилетантизм). Способностью примирить эти два противоречия, использовать магнитную энергию обоих полюсов обладают только гении: Моцарт, Пушкин! Золотая середина потому и называется золотой, что она почти не существует в материи, в практической экзистенции человека.

Здесь одна из разгадок «Моцарта и Сальери». Сальери (не как лицо, как художественная модель, предложенная Пушкиным), конечно же, апологет первого полюса. В Моцарте он видит исключительную противоположность — дитя Свободы, т. е. дитя полюса авантюры (гуляки праздного). И дело тут не в природном злодействе, а в смещении истины… Моцарт *не противоположность* Сальери — *он другой.*

Без даты

Играли два спектакля «Железный класс» на сцене БДТ.

Юрский долго не решался на эту акцию… все-таки после своего ухода от Товстоногова он ни разу не выходил на эту сцену… и по определению такая акция не могла быть просто спектаклем, тем более что время совпадало с его «полуюбилеем», как сам он выразился, — 65 лет (16 марта).

Все-таки случилось. Ажиотаж в Питере необыкновенный… лишний билетик спрашивали от Невского.

Принимали горячо, каждую реплику, тем более что в тексте

часто возникал иной смысл: «нас мно-ого было… кажется, что вчера».

18, 19 марта 2000 г., С.-Петербург

Летел из Москвы 14 мая через Брюссель во Флоренцию, там встретили и на машине уже добрались до Pontedera.

Карла Полластрелли еще в феврале, будучи в Москве вместе с Луккой Дини (Lucca Dini) на премьере «Моцарта», спрашивала меня о проведении мастер-класса у них… в мае. Потом было молчание. 7 апреля мы с Расой отважились поехать в Вильнюс на машине. Попали в страшный снегопад и гололед… Незабываемая поездка…

Вернувшись через неделю, нашел автоответчик «забитым» предложениями работать…

Так всегда бывает. Среди них и приглашение из Италии.

Теперь, имея e-mail, стало легко вести переговоры.

Роберто Баччо развил кипучую деятельность, слил воедино какие-то два фонда культурных, раздобыл деньги и организовал типа летней школы что-то. 300 часов у них в бюджете (моих из них 60).

Меня попросили начать первым. «Собрать» (в смысле сбалансировать, привести в какую-то кондицию) новую группу. Набор у них был по конкурсу, 15 молодых людей от 19 до 30 лет, из них несколько режиссеров.

Конечно, разношерстная компания до ужаса. Несколько человек продвинутых ребят с каким-то опытом, остальные — балласт… Вечная проблема.

Работал по 7 часов в день, с 10.00 до 14.00 и с 16.00 до 19.00. Первый день полностью тренинг. (Даже сам устал 7 часов заниматься тренингом…)

Потом — утром тренинг, после обеда — работа с текстом.

Взял «Театральный разъезд» Гоголя. У них есть даже два перевода, один, как Рая говорит, приличный.

Переводчицей — Рая Раскина. Она хорошо помогала мне — умница девочка.

На 9-й день (последний) сделал показ (или открытую репетицию), хотя никто об этом не просил. Но я решил добить итальянцев щедростью.

1 час — тренинга, 1 час — отрывков (11 штук). Короче, нагородил гору сочинений. Роберто — припух (хотя бы от количества). Познакомился с Ежи Штуром (которого знал по кино), он начал работать после меня (с лекциями о своих фильмах?!).

Потом будет какой-то замечательный человек из Бразилии по

имени Кака (очень славный, мы с ним тоже познакомились). Потом некто из Китая — мастер пекинской оперы.

«Векьо Банана» — ресторан, где мы обычно ужинали. Итальянская кухня — лучшая в мире, это я серьезно. Повар по имени Андреа — художник в полном смысле… Я заказал мясо (не помню название), а Lucca сказал ему, что это мясо я вчера заказывал в другом ресторане (это правда), и этот Андреа сотворил такое!! (то же самое блюдо, но… невероятно, я стал гурманом), чтобы не ударить в грязь лицом.

Италия, Понтедера (Pontedera), 14–27 мая 2000 г.

Гибель Володи Лаврова… нелепая, трагичная смерть молодого талантливого человека… В театре шок…

Июль 2000 г.

P. S. Скончался 19 июля.

Чистая вещь — прекрасна в нравственном смысле… но у нее нет детей… (Лотман)

«Специализируюсь» на кинофестивалях в последнее время… В июне был на «Кинотавре» в Сочи, целые две недели загорал и купался в «славе».

Там было две моих картины…

Мне понравилось это занятие — правда… Пригласят еще — поеду.

С Настей на кинофестивале

Потом поехал в славный город Бердянск на Азовском море… Какой-то там кинофорум России, Украины, Белоруссии, «Бригантина», что ли, называется, романтично так.

Тоже весело — тоже две моих картины: «Под полярной звездой» и «Львиная доля». Там дня четыре мне удалось отдохнуть, надо было возвращаться в Москву — съемки, а теперь вот принесло в Выборг.

Мы с Расиком совершили веселое путешествие из Вильнюса… достойное пера сценариста.

14 августа 2002 г.

3 июля — 9 июля 2003 года: кинофестиваль «Артек». Супер.

Снимался в Минске с 28 сентября по 6 октября у Юры Мороза в «Женщинах…» и у Никифорова в военной картине «Высота 89».

Мне очень нравится сниматься в кино. Весь этот долгий, утомительный, бесконечный день съемок — мне нравится… особенно, когда хорошая группа. А мне везет, в основном очень хорошие люди на площадке. Иногда чувствую, что «не мое» — еще в период договора… и отказываюсь.

8 октября 2003 г.

Болонья — Флоренция. Дни русского кино в Италии (Фонд культуры РФ). Представлял «Дневник камикадзе». Ездил один от группы.

Вспоминал Болонью. Когда-то я здесь бывал… Помнится, с Тьерри Сальмоном еще лет… этак 10 назад!!!

Тогда все было так важно… Сейчас… Мало что важно. Почти ничего.

Надо же. Прочитал сейчас статью Анджея Вайды. Старость, что ли… Или «борьба с социализмом» даром не проходит. А он… до ужаса тривиален — и скучен. Грустно сознавать движение времени, видеть, как гниют титаны.

1–4 мая 2004 г.

Съемки «Команды чемпионов» *(Вскоре сериал вышел под названием «Парни из стали», я исполнил роль тренера по боксу Бориса Борисовича Рогова по кличке Рог).*

Море теплое, даже жарко… С удовольствием купаюсь.

Сегодня домой, слава богу, в Москву. И здесь скучно… Везде я скучаю теперь. Много стал выпивать, от этого, может быть… или наоборот — от того, что скучно. Домой… домой…

Никуда больше не хочу — разве что в Тарусу… Дом уже почти готов — красивый, уютный… бревенчатый, как в детстве, в Чёрном. Пока не хватает печки, но скоро будет — и печь, и камин. Там хорошо.

С апреля почти не было выходных… Снимаюсь каждый день, 4–5 картин параллельно. Думал ли когда?

Кипр, Лимассол, 12–16 ноября 2004 г

Наша семейка

…… и ее глава

СТИХИ

Есть — город.
Есть — весна.
Туман и слякоть.
Бродить по лужам можно,
Можно плакать
И можно умереть.
Но всё равно
Есть — город,
Есть — весна,
И пелена тумана,
И есть окно — светящаяся рана.

1969 г.

* * *

Ушла любовь моя —
Так буднично и просто.
Ушла банально,
Как в плохом кино.
Как сочетанье слов само —
Ушла любовь,
Или —
Растаял снег,
Погасло солнце…
Ушла любовь.
Дежурный дождь
Залечит все следы,
И всё устроится, как ты того хотела.
Ушла любовь.
Обломок пустоты
Крошится в пальцах,
Как кусочек мела.
А утром буду песни хоронить
И чашу скорби наполнять словами,
Целуя рифмы…
Пиво буду пить,
Любуясь кучевыми облаками.

1972 г.

ТЕТЮШИ

Вы уезжаете в Тетюши?
Я поздравляю Вас от души!
Вы уезжаете? В добрый путь!
А я уж как-нибудь. Как-нибудь!
В тех удивительных Тетюшах
Живут — словно лебеди в камышах.
Без суеты живут до седин,
А я уж как-нибудь тут один.
Не вспоминайте там обо мне,
Пришпилив карточкой меня к стене.
Мне одиночество — нипочём,
И все пророчества — ни при чём.
Просто мне нравится здесь, в тиши…
Ах, Тетюши мои, Тетюши!

1974 г.

* * *

Куда смотреть?
На что молиться?
Какие говорить слова?
Глаза закроешь — лица, лица…
И тяжелеет голова.
Пошла последняя минута…
И чья-то женщина в окне,
Всё улыбается кому-то,
Как улыбалась раньше мне.

1974 г.

* * *

Вам этот день запомнился едва ли,
Среди других печальных летних дней.
Но где-то нас на небе обвенчали,

И где-то спел нам песню Гименей.
И было всё торжественно и строго,
Спускался вечер, тих, нетороплив…
Видать уж так угодно было Богу —
Нас обвенчать, о том не известив.
А дни текли, и уходило лето,
Дышала осень в зеркало пруда.
Я где-то жил, и Вас кружило где-то,
И улетали птицы в никуда.
И хорошо, что нет теперь печали,
И Вы теперь, как прежде, не одна…
Всё хорошо… Вы так и не узнали,
Что я Ваш муж, а Вы — моя жена.

1975

ОМСКОЕ

Ещё на Омке крепок лёд,
И день идёт на убыль,
Ещё цыган не продаёт
Своей овчиной шубы.
Ещё пружинисты шаги,
Ещё мохнаты шапки,
Ещё трамвайные звонки
Простужены и зябки.
И за ночь, сколько ни топи,
Выстуживает сени,
Ещё идёт в охотку спирт —
Под грузди и пельмени.
Отогреваясь про запас,
В напыщенности чинной,
Сидят на люках теплотрасс
Семейства воробьиных.
А мы с тобой, как снегири,
Клюём по половинке
Две алых капельки зари,
Две клюквинки-кровинки!
Ещё в полях белым-белей…
Но говорит всё это,
Что беззаботных снегирей
Подстерегает лето.

1975 г.

* * *

Вдруг показалось, что это теперь навсегда:
Так вот и будет из крана сочиться вода,
Так вот и буду в зашторенной кухне сидеть,
Так вот и буду обманывать время и смерть.
Так вот и будет беда обходить стороной,
Ты никогда не расстанешься больше со мной.
И не заманят чужие к себе города…
И никого не предам.
И меня — н и к о г д а.
Вдруг, показалось…

1975 г.

Т.О.

Моей рукой испещренный блокнот —
Кардиограмма моих сердечных ударов.
Ночь. Распахнутое окно.
Звезда на струнах моей гитары.
Тишина.
А там за стеной
Мать поет колыбельную сыну…
В двенадцатом веке татарской стрелой
Убили меня в спину.
И распята была душа
Белым холстом на пяльцах,
Как у пропащего алкаша
Дрожат теперь пальцы.
Судьба ли тешится надо мной?
Иль кто затаил обиду?
Зачем там за стеной
По мне поют панихиду…
Песня эта, чуть слышна,
Мною выпита до дна.

1975 г.

* * *

Пустые хлопоты и дальняя дорога…
Ночь — безрассудна,
Утро — слишком строго,
А день угрюм и нудно суетлив,
Сбивает ноги и сутулит плечи
И вот, последняя надежда —
Вечер…
Но вечер — пьян,
Он вечно ходит в гости,
Жуёт шашлык,
Обгладывает кости,
То на пельмени зван,
То на уху.
Он только жрёт и порет чепуху!
Таков круговорот воды в природе
Ночь, утро, день… и — вечер на подходе.

1975 г.

* * *

Я, слава Богу, снова пьян!
Уже крыло моё легко обиду стёрло.
Я мудр, как Ледовитый океан,
И пальцы песен нежно душат горло.

1975 г.

* * *

Ни через год.
Ни завтра.
Никогда.
Такое, может быть,
Не повторится.
Не будут петь
Тревожно провода,
Не будут стыть

Окаменело лица.
Не будет плакать
Траурная медь,
Не будет чавкать
Тающая слякоть…

И только мама не поверит в смерть.
И только мама не устанет плакать.

1976 г.

ТАНЮШЕ

Ты так талантливо-нетленна,
Дитя Добра и Красоты!
И тихо радуется сцена,
Когда по ней ступаешь Ты!

1978 г.

НОВОГОДНЕЕ

Жене Танюше
Земля свершила оборот…
Мы лишь глаза прикрыли,
А дни сложились в долгий год,
Сложились и — уплыли.
Так день за днём,
За шагом — шаг,
И никуда не деться.
Ты, Время, — самый страшный враг,
Попробуй отвертеться.
Планета вновь опишет круг
В космическом покое…
Ты, Время, — самый добрый друг,
Пока нас будет двое.
Дай руку мне.
Храни нас Бог,
За шагом — шаг, до края…
Ты, Время, — просто тихий вздох,
Ты — нитка золотая.

Январь 1981 г.

ФОТОКАРТОЧКА

Это — я, на пригорке зелёном,
А у ног моих преданный пёс.
По неписанным сельским законам
У меня облупившийся нос.

Долговязая эта девчонка
В кофте синей, как мартовский снег, —
Это старшая наша сестрёнка,
Уважаемый мной человек!

А за розовым этим забором,
Где наличник резной над окном,
Жёлтый рубленый домик, в котором
Мы с сестрой родились и живём.

Под окошком у нас палисадник,
Это — мама и папа в цветах.
У него балалайка в руках,
Значит, это какой-нибудь праздник.

У меня не болит голова,
И не жмёт, и не колет в груди…
Ещё бабушка наша жива,
Ещё всё у меня впереди.

19 января 1981 г.

* * *

А всё бы могло не случиться,
Ты просто могла не родиться.
Не ты б родилась, а другая,
Чем жил бы на свете тогда я?
Да, всё бы могло не случиться.
Могли разминуться дороги.
Я мог бы медведем родиться
У мамы, в таёжной берлоге.

А ты бы какой-нибудь птицей
На свете могла появиться.
Наверно, прекрасно быть птицей,
Но всё бы могло не случиться!
Да просто я мог оступиться,
Не выплыть, не выжить, разбиться.
Чему-то другому учиться,
В кого-то другого влюбиться…
Такое везенье на свете
Бывает раз в тысячелетье.
Чтоб всё так волшебно совпало —
Сошлись все концы и начала.
Все звёзды в таинственном мраке
Сошлись, все планеты, все знаки!
Ведь Кто-то всё это отметил…
И я тебя всё-таки встретил!

27 апреля 1983 г.

* * *

Трудней всего на свете этом
Быть знаменитым и быть поэтом.
Ещё труднее быть незаметным
И — быть поэтом, при всём при этом.

1985 г.

* * *

ПОСОШОК

А теперь, на посошок,
Расскажу ещё стишок —
Про любовь, про жизнь и слёзы,
Про коварство нежной розы.
Про сердечные страданья,
Про измены, про обман,
Про угасшие желанья
И сиреневый туман.

Про печаль дырявой лодки,
Носом ткнувшейся в песок,
И про рюмку русской водки.
Ну… давай! На посошок!
Чтоб и елось, и ходилось,
И хотелось, и моглось.
То, что было, — не забылось,
То, что не было, — сбылось.
Чтобы был тот бережок,
Где б и нам причалить,
Где последний посошок
Дёрнуть без печали!

1998 г.

РУССКИЕ ХОККУ

Выше изыска
Изящества выше японские хокку
Русские тоже порою забавны

* * *

На крючке рыболовном
Червь дождевой изогнулся
Иероглиф надежды

* * *

С вышки склонился
Розовощёкий охранник
Целится в зека

* * *

В пункте приёмном
Не принимают бутылки

Жизнь пролетела

* * *

Смутно на сердце
Пусто в душе и в кармане
Скоро зарплата

* * *

Был только ночь
А наутро пропал телевизор
Чувство дороже

* * *

В утренней луже
Пьяный лежит одиноко
Поздняя осень

* * *

Вот и приплыли
Яблоко пахнет пластмассой
Бедный червяк

* * *

Синий дымок
На перроне рыдает старушка
Поезд ушёл навсегда

* * *

Смятая юбка
Белые смяты ромашки
Срочная служба

* * *

Потом позднее
Когда моложе буду
Вновь влюблюсь

* * *

Сложенье или вычитанье
Что важнее
Единственный вопрос серьёзный

* * *

Проза о жизни и смерти
Стихи о любви и печали
Хокку о вечном и тихом

КРАТКАЯ БИОГРАФИЯ

Николай Дмитриевич Чиндяйкин — актер, режиссер, педагог. Родился 8 марта 1947 года.

По окончании в 1968 году Театрального училища в Ростове-на-Дону актер и режиссер в театрах Ростова-на-Дону и Омска.

По окончании режиссерского факультета ГИТИСа (курс М. М. Буткевича и А. А. Васильева) в 1987 году — актер, режиссер, педагог в Московском театре «Школа драматического искусства».

Руководил работой русской группы в совместном проекте «Школы драматического искусства» и Рабочего Центра Гротовского «Славянские пилигримы» (1991).

Прошел цикл тренингов под руководством Е. Гротовского (1991, Понтедера, Италия).

С 1993 года преподает в РАТИ, ведет актерско-режиссерский курс мастерской Васильева.

С 2008 года — актер МХТ имени Чехова.

Народный артист России.

А. П. Чехов «Вишневый сад». МХТ. 2008 г. Фирс — Н. Чиндяйкин, Раневская — Р. Литвинова, Аня — А. Скорик

Б. Брехт «Трехгрошевая опера». МХТ. 2009 г. Филч — С. Медведев. Причем — Н. Чиндяйкин

А. И. Гончаров «Обрыв». МХТ. 2010 г. Бабушка — О. Яковлева, Председатель — Н. Чиндяйкин